

Ravenloft

BOOKS

Кристи Голдэн

Вампир
ТУМАНОВ

Кристи Голден
Вампир туманов
Серия «Ravenloft», книга 1

Скан и вычитка – Палек
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146574

Вампир туманов: Терра; Москва; 1997

ISBN 5-300-01146-0

Оригинал: ChristieGolden, "Vampire of the Mists"

Перевод:

И. Соловьев

Аннотация

Это одна из историй о вампире Страде. Он – повелитель вампиров и волков, наводящий ужас на всю страну. Молодой священник Саша и златокудрый эльф Джандер, который тоже вампир, что приносит ему невыразимые мучения, вступают в борьбу со Страдом за человеческие души.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	27
Глава 3	46
Глава 4	61
Глава 5	76
Глава 6	97
Глава 7	116
Глава 8	133
Глава 9	152
Глава 10	174
Глава 11	196
Глава 12	217
Глава 13	235
Глава 14	254
Глава 15	270
Глава 16	286
Глава 17	303
Глава 18	326
Глава 19	346
Глава 20	361
Глава 21	377
Глава 22	390

Глава 23	407
Глава 24	423
Глава 25	437
Глава 26	456
Глава 27	470
Глава 28	484
Эпилог	493

Кристи Голден Вампир Туманов

Пролог

Последние лучи умирающего солнца пробивались через витражи собора, отчего на каменном полу еще были видны бледные цветные пятна. Этому слабому свету помогала освещать зал лишь маленькая медная лампа, стоящая на алтаре.

Первосвященник Баровии продолжал свое дело до тех пор, пока не устали его старые глаза. Расстроенный такой досадной задержкой, он был вынужден отложить амулет и зажечь свечи, чтобы продолжить работу.

Теплый блеск свечей осветил алтарь, но большая часть храма по-прежнему оставалась темной. Низкий деревянный алтарь теперь не был местом для святынь и даров и превратился в верстак, на котором были разложены инструменты для тонкой работы по металлу: молоточки, щипцы, куски воска для лепки форм. Седой священник зажег последнюю свечу и поспешил снова заняться амулетом. Он требовал завершения, эта мысль настойчиво билась в голове старика.

Первосвященник уже многие недели работал над амулетом с отчаянной настойчивостью и упорством, которые не позволяли ему отдыхать, хотя работа уже близилась к концу.

К тому же он еще не устал. Энергия, казалось, переполняла его, направляла его неловкие, неумелые руки. Амулет сам творил себя. Пальцы человека были лишь инструментами.

Он, однако, чувствовал и вину. Он позабыл о своем долге пастыря, об обязанности утешать перепуганных прихожан. Атаки гоблинов становились все чаще и страшнее, а Первосвященнику приходилось все больше своих помощников отправлять на погребальные службы. Голос амулета говорил ему, что он должен выполнить задачу более важную. Он создает не просто драгоценность, а нечто большее. Амулет послужит оружием, подобного которому этот несчастный мир еще не видел. Враг, которого оно призвано сокрушить, гораздо опаснее гоблинов – этот враг окутал всю Баровию мраком.

Первосвященник остановился, дрожащими от напряжения руками потер покрасневшие глаза и вновь занялся своей работой. Следуя указаниям, которые сами по себе всплывали в его голове, он соединил два старых предмета, чтобы создать новый. Кристалл был даром земли, платина, служившая кварцу оправой, напоминала о древности, хотя его пальцы покрыли драгоценный металл рунами любви больше, чем рунами ненависти. Кулон был сделан в форме солнца с исходящими от него лучами, и когда камень был в центре его, весь амулет наполнялся светом и красотой, становясь маленьким солнцем.

Старый священник нанес последнюю руну. Он отер пот со

лба и внимательно осмотрел свое творение. Оставалось сделать еще одно дело. Он повесил платиновый кулон на шею, спрятав его под одеждой, чтобы амулет не был виден. Проверил сумку, нащупал письмо, которое написал несколькими днями раньше, слабо улыбнулся. Неукротимая энергия и сила все больше наполняли его, он поспешил прочь от алтаря, шел по длинным, освещенным факелами коридорам замка так быстро и уверенно, как ходил много лет назад.

Один из слуг, услышав, как господин прошел через двойные двери храма, поспешил старику навстречу.

– Что угодно вашему святейшеству?

– Коня, – бросил Первосвященник, не удостоив человека взглядом. Слуга бросился исполнять приказ. До того как хозяин замка отбыл на войну, он приказал своим слугам беспрекословно повиноваться его святейшеству. Хотя слуга и был проворен, священнику пришлось несколько минут нервно расхаживать перед резными дверьми, прежде чем из конюшни привели его лошадь. Первосвященник вскочил в седло, поднял лошадь на дыбы и галопом выскочил со двора. Он направился к кругу, чтобы выполнить божественное предназначение.

В ночи сгущался туман, пока священник скакал по Старой Свалической дороге. Комья грязи облепили и наездника и лошадь, но путник не выбирал пути. Он все погонял свою лошадь – так же, как его самого поторапливал амулет. В нетерпении он съехал с дороги и поскакал через Сваличе-

ские леса. Он не знал короткой дороги, но ее знал амулет.

Наконец он достиг назначенного места – больших сложенных кольцом камней недалеко от Баровии.

Он неловко слез с лошади, сдернул с шеи амулет и побежал в центр круга, но тут же запутался в развевающихся длинных одеждах и тяжело повалился на землю. Старая плоть уже была ни на что не способна, горько подумалось ему, поднимаясь на ноги. Он опустился на землю в самом сердце круга возле огромной покато́й скалы, бережно положил амулет на камень. «Благословенный конец, – подумал он, – и все кончено...»

Молодой послушник следующим утром нашел священника на том же месте. Лицо Первосвященника было исполнено умиротворения, и черты его не исказила смерть. На посревших губах застыла слабая, счастливая улыбка. Одна рука сжимала кулон в виде солнца, во второй оказалась записка. Молодой человек сквозь слезы разобрал последние слова, выведенные Первосвященником:

«Вот дар богов несчастной земле. Используйте его бережно и передавайте его тайну лишь от священника к священнику. Стая воронов сойдет, и это будет священным символом их рода. Его мощь подобна силе солнца – это свет и тепло. Это последний шанс отогнать тень, которая должна навечно окутать эту несчастную страну».

Глава 1

«Гордость Королевы» из Эвермета осторожно входила в темные воды гавани Уотердипа. Из-за порывов ночного бриза снасти катамарана громко хлопали о борта, и шум далеко отдавался в ночной тишине. Ветер крепчал, отчего развевался штандарт на корме – герб представлял собой изображение золотого дерева на темно-синем, усыпанном звездами фоне. Вдали заботливо указывали фарватер пылающие бакены. В холодном влажном воздухе висел густой запах рыбы и соли.

Из укромного проулка одинокая фигура не отрываясь смотрела на катамаран. В лунном свете золотая кожа эльфа и волосы казались жемчужными, а голубая туника такой же серой, как и плащ. От туники исходили бледные серебристые отблески лунного света.

Джандер Санстар был высок для своей расы – почти пять футов и девять дюймов, строен. Правильные резкие черты лица теперь смягчила боль воспоминаний. Острые углы ушей скрывала золотая копна волос. Кожаные сапоги выше колен позволяли бесшумно передвигаться по залитым водой настилам дока. На левом бедре висел в ножнах простой кинжал.

Серебряные глаза Джандера наполняла печаль. Сколько же времени прошло с тех пор, как он видел в последний раз корабль с родины? Славный Эвермет, земля красоты и гар-

монии. Он никогда больше не увидит свою страну. Тонкие длинные пальцы плотнее сжали край плаща, чтобы лучше спрятать эльфа от любопытствующих глаз.

Наконец эльф не выдержал. Он повернулся и неторопливо покинул верфь, направился в сердце города, который люди называли Уотердипом. Это место тоже было его домом – временным, до тех пор пока рок не призовет его.

Джандер теперь редко осмеливался появляться в городе. Там становилось слишкомлюдно для таких, как он. Он жил в маленькой пещерке за городской чертой, где все еще можно было найти деревья и тишину. Там Джандер вновь мог отдаться присущей всем эльфам любви к красоте и природе, там растил ночные цветы. Но сегодня ночью лишь важнейшая задача заставила его тайком проникнуть в порт. Он двигался в полной, настороженной тишине, его сапоги бесшумно ступали по камням улиц. Джандер проходил мимо таверн, лавок и складов, не обращая на них внимания. Он направлялся в самое плохое место города – туда, где самые измученные души Торила оканчивали свое бессмысленное существование в убожестве и боли. Эльф завернул за угол, теперь черты лица заострил голод, серый капюшон развевался за спиной.

В Уотердипе деньги могли купить все. Ранам души помог бы священник, а удачу мог приворожить волшебник. Однако иногда боги не слушали обращенных к ним молитв и, случилось, заклинания оборачивались совсем не тем, для чего они

произносились. И это были ужасные ошибки.

Когда-то несчастных, чьему безумию уже не могло помочь волшебство, запирали по подвалам или выбрасывали на улицу. Некоторые особо бездушные люди устраивали так, что их безумные родные просто «исчезали» без следа. Теперь, однако, в просвещенном 1072 году неизлечимо больных свозили в одно определенное место.

Джандер морщился от боли, подходя все ближе к огромному каменному зданию. Даже с улицы его острый слух пронзала болью та какофония, что наполняла этот дом изнутри.

В сумасшедших домах царил еще больший кошмар, чем в замках, наполненных призраками и привидениями, это были действительно проклятые места. Ему не доставляло никакой радости приходить сюда, чтобы утолить голод, и он появлялся здесь лишь несколько раз только тогда, когда кровь животных уже не могла насытить его. Приготовившись встретить то, что его ждало, Джандер подошел к двери.

В приюте было два больших отделения – камеры для мужчин и для женщин. В других маленьких каморках содержали тех помешанных, которые были слишком буйными, чтобы находиться с остальными безумцами, да несколько пропадающих душ, чей пол теперь было невозможно определить. Как правило, Джандер никогда не входил в эти одиночные камеры. Хоть он и был вампиром, но все же очень тяжело воспринимал всю эту боль и уродство.

Легким туманом он просочился сквозь трещины деревянной двери женского отделения. Туман вдруг обрел цвет – голубой, серебряный и золотой – и, оказавшись тут случайный свидетель, он неминуемо принял бы за ангела фигуру, возникшую в том месте, где только что было лишь туманное облако.

Факелы, закрепленные на стенах достаточно высоко, чтобы помешанные не смогли до них дотянуться, ярко освещали огромную камеру. Слишком многие безумцы боялись темноты, из-за чего свет постоянно горел так ярко. Пол покрывали соломенные тюфяки, циновки и тряпки. Были в приюте и ночные вазы, но лишь редкие обитатели пользовались ими. Раз в несколько недель назначенные от города уборщики выгоняли заключенных из камер и опорожняли на пол ведра воды, что, впрочем, мало помогало улучшению или оздоровлению жизни в этом хлеву.

С кошачьей ловкостью Джандер прокладывал себе путь между безумных женщин, вертел по сторонам светлой головой, и глаза его наполнялись мукой от увиденного. Некоторые из помешанных пугались его приближения и в ужасе разбегались по углам. Другие не обращали на него ни малейшего внимания. Были и такие, кто бросался на него, и ему приходилось увертываться, не причиняя этим несчастным вреда.

Прошло уже полвека с тех пор, как он был здесь в последний раз, а потому никто из узников не показался ему зна-

комым. Некоторые выглядели вполне нормально – старухи, рассудок которых постепенно мутнел и наконец вовсе их покинул. Были и бесформенные чудища – жертвы невероятных заклинаний или, быть может, даже чьей-то минутной злобы, которые в полном отчаянии забились по углам. Самым печальным было видеть тех, кто был почти здоров и мог бы жить на воле, нуждаясь лишь в малой помощи, но их родственники не пожелали взять на себя эту обузу.

Рост населения Уотердипа привел к тому, что число заключенных в приют выросло и их состав стал более пестрым. Большинство из них были людьми, хотя там и тут Джандер различал приземистых гномов и русалок. Слава богам, среди них не было эльфов. В сыром холодном углу сидела женщина, беспрестанно качая собственную руку, покрытую чешуей. Ноги у нее тоже были как у рептилии и оканчивались когтистыми лапами ящерицы. Ничего не выражавшее лицо было совсем человеческим. Другая бросилась прямо в ноги вампиру, закрывая обеими руками голову от удара. Когда Джандер переступил через нее, она повернулась. Вампир вздрогнул. Она подняла к нему лицо, которое было полностью смазано и на нем оставалась лишь красная трещина рта.

– Знаешь, они идут, – забормотал ему прямо в ухо голос. – Все эти глаза на ножках смотрят, смотрят на тебя, и пасти, пасти...

Безумица совершенно вышла из себя и стала ломать собственные пальцы. Джандер прикрыл глаза. Он ненавидел это

место. Ему нужно побыстрее закончить то, за чем он явился, и поскорее исчезнуть.

Такой способ насыщения не нес большой опасности для узников. Джандер мог возникнуть в камере, выпить достаточное количество крови, чтобы дотянуть до следующего раза, и пропасть. Он редко высасывал драгоценную жидкость до конца, так что жертва следующим утром чувствовала лишь слабость. Смотрителям же вовсе не было причины осматривать горла пациентов. Так что никто не замечал этих маленьких, слабобразличимых отметин.

Женщина растянулась на соломенной циновке, привалившись спиной к каменной стене немного поодаль от остальных. На первый взгляд она не слишком отличалась от прочих обитателей приюта. Длинные темные волосы спутаны, бледное лицо измазано грязью. На ней был лишь длинный кусок грубой ткани с дырой для головы. Это одеяние не могло защитить ее от промозглого холода и щипков других узниц. Как будто почувствовав его взгляд, она подняла глаза.

Она оказалась поразительно красивой, и приглушенный возглас боли и удивления сорвался с губ Джандера. Хотя ее волосы были грязными и перепутанными, было очевидно, что когда-то они были золотисто-каштановыми. В огромных ее глазах блестели слезы. Даже когда он смотрел на нее, слезы лились из ее глаз, текли по грязным щекам. Губы были розовыми – восхитительные розовые бутоны на бледном личике – и слегка дрожали. Вампир слишком давно не сталки-

вался с такой красотой и, уж конечно, не ожидал встретить ее здесь. Взволнованный, он подошел ближе и опустил на колени рядом с ней. Она не сводила с него блестящих карих глаз.

– Приветствую тебя, – сказал он голосом, полным ласки и музыки. Девушка не ответила и продолжала во все глаза смотреть на него.

– Меня зовут Джандер, – мягко произнес он. – А тебя?

Тут ее губы дрогнули. Джандер в надежде подался ближе, но не услышал ни звука. Полный разочарования, он поднялся, выпрямился. Она по-прежнему доверчиво глядела на него. О боги, она так красива... Кто же мог упечь ее в эту ужасную тюрьму?

– Я хочу вытащить тебя отсюда, – громко проговорил он. – Но я не могу присматривать за тобой днем. – Он отвернулся от нее. Она приподнялась и дотронулась до него, из глаз ее вновь потекли слезы.

– Господин! – зарыдала она, протягивая к нему руки.

Джандер не знал, что делать. Пятьсот лет прошло с того дня, когда что-либо красивое осмеливалось притронуться к нему, и вот теперь к нему тянулась эта источающая тепло девушка. Он колебался, потом вновь опустился рядом с ней, бережно обнял.

– Ш-ш-ш, – шептал он, как ребенку.

Он держал ее так, пока она не выплакалась и не уснула, тогда он уложил девушку обратно на циновку. Вампир

встал, стараясь не потревожить ее, и вновь, влекомый голодом, осмотрел всю камеру.

На сердце у него было легко – так, как уже не было множество долгих грустных лет. Джандер обнаружил нечто прекрасное в этом проклятом месте, нечто не испугавшее его. Он знал, что вернется следующей ночью.

Так и случилось. На этот раз он принес с собой настоящую пищу – мясо, запеченное на огне каким-то путником, хлеб и фрукты, позаимствованные у зазевавшегося лавочника. Как обнаружил Джандер, вампиры могли быть отличными ворами, хотя лишь немногие действительно были вынуждены заниматься этим промыслом.

– Вот и я, – приветствовал он ее.

Она уставилась на него, потом ее губы тронула неуверенная слабая улыбка. На сердце у него полегчало, он широко улыбнулся в ответ. Эльф сел рядом с женщиной, протянул ей еду. Она непонимающе смотрела на пищу.

– Это – еда, – объяснил Джандер. – Ешь.

Он изобразил, что нужно делать, показав кусок хлеба и поднеся его ко рту. Девушка по-прежнему не понимала. Джандеру пришлось самому откусить немного, лишь чтобы показать ей, но он уже не мог воспринимать ничего, кроме крови.

Оглянувшись назад, он понял, что делать. Старуха позади него жадно уставилась на хлеб голодными глазами.

– Смотри, – сказал он девушке и отломил кусок от ломтя.

Старуха немедленно ухватила протянутый кусок и жадно проглотила его. Темноволосая девушка улыбнулась и согласно кивнула. Она встала и принялась раздавать принесенную им пищу остальным узникам, оборачиваясь к нему со счастливой улыбкой.

Джандеру пришлось улыбнуться в ответ, хотя он и был раздосадован. Девушке самой была нужна эта еда – она так ослабла здесь. Она не должна раздавать другим то, что он принес для нее!

Он вскочил. Прекрасная узница передвигалась между своих подруг по несчастью, стараясь не обделить никого, и ее движения были преисполнены изящества. Похоже, что ей и раньше доводилось ухаживать за больными, подумал Джандер. Он оказался рядом с ней, повернул лицом к себе.

– О боги, – прошептал он. – Ты же не родилась такой, правда?

Она покорно улыбнулась ему и продолжала свое занятие. Он был потрясен, его вдруг охватила непонятная смутная надежда. Если раньше она была здорова, может быть, она сможет поправиться? Может быть, ему удастся вернуть ее из безумия в нормальную жизнь? В одном он был уверен – нужно попробовать. До встречи со своим «цветком» Джандер лишь влачил жалкое существование, время от времени подпитывая себя кровью животных. Он возился в своем ночном саду, радуясь этой работе на земле, наблюдал, как растут цветы. С тех пор как он стал вампиром, он был лишен

вещей, к которым привык, живя эльфом.

Но это его бессмертие казалось забытым, когда он видел эту загадочную узницу приюта. Всегда казалось, что она рада ему, хотя с ее губ слетали лишь обрывки слов, которые он никак не мог разобрать. За те недели, что он приходил сюда, Джандеру удалось заставить ее съесть то, что он приносил, и она, похоже, начала набирать вес.

Однажды ночью, уже перед самым рассветом, они сидели рядом. Внезапно она сжалась, вырвалась из его объятий, задрожала.

– В чем дело? – спросил Джандер.

Девушка, казалось, не услышала его. Она резко вскочила, будто полностью поглощенная тем, что происходило внутри нее. Обеспокоенный Джандер схватил ее за одежду. Девушка вскрикнула, ей тут же откликнулись вопли остальных узниц, отчего начался нарастающий невыносимый гвалт. Она начала заламывать руки, все мускулы ее худенького тела напряглись, окаменели в непонятном ужасе. Безумная отчаянно оглянулась по сторонам, как будто пытаясь отыскать убежище. Она глухо застонала, как загнанное животное, бросалась на стену, царапая грубые камни ногтями, а потом в отчаянии стала биться о непробиваемую твердь стены. – Нет! – вскричал Джандер.

Он мгновенно оказался рядом с ней, принялся оттаскивать ее назад. Его сильные золотые руки плотно сжали ее талию. Несколько минут она пыталась бороться с ним, жалоб-

но вскрикивая, а потом бросилась ему на грудь. На каменной стене остались кровавые следы ее ладоней, теплую влагу почувствовали его длинные пальцы. Она глубоко порезала руки, ладони, и запястья были липкими от крови.

Джандер облизнул губы, ощутив приступ голода, его серебряные глаза сверкнули красным в свете факелов. Потом он вновь взглянул девушке в лицо. То, что он увидел в ее глазах, потрясло его. Что-то сверкнуло, как пламя свечи. Лишь краткое мгновение он с трудом верил, что видел это, но это все-таки произошло. Вспышка разума, чистая и яркая, как блик солнца на воде, – явилась и пропала.

– Ох, моя маленькая, – тяжело вздохнул Джандер. – Что же случилось с тобой?

Так в первый раз он увидел ее загадочное помешательство – но не в последний. Разительный контраст между отчаянием женщины и обычной ее безмятежностью больно поражал эльфа. Она могла оставаться спокойна целыми днями, даже неделями и месяцами. И вдруг, без всяких видимых причин, без признаков надвигающегося приступа ее внутреннее спокойствие пропадало, и она снова пыталась изо всех сил пробиться сквозь каменную кладку, отчаянно стараясь скрыться от некой ужасной угрозы, существовавшей лишь в ее больном рассудке.

Джандер делал что мог, чтобы защитить ее от боли, которую она сама себе причиняла, сжимал ее руки, прижимал ей локти к бокам, так плотно держал ее, что она не могла и

пошевелиться. Так же внезапно она успокаивалась и вновь становилась безмятежным цветком, каким была обычно. После одного из таких припадков Джандер крепко обнимал ее, чувствуя, как постепенно расслабляется ее тело. Он позволил себе опустить голову на ее волосы, чтобы она перестала вырываться. Она немного откинулась назад, взглянула на него, и ее губы вновь беззвучно шевельнулись. Джандер замер. Она положила ладонь себе на грудь и издала какие-то непонятные звуки. Он замотал головой, ничего не понимая. Снова бессмысленный лепет, и вдруг она отчетливо произнесла:

– Анна.

Джандер был ошеломлен:

– Это твое имя? Анна? Она кивнула, глаза ее сияли.

– Я – Джандер, – сказал он и был удивлен тем, насколько ему хотелось, чтобы его имя произнесли эти розовые губки.

Анна снова погрузилась в себя, и чудесные глаза затуманились. Больше в ту ночь она не пыталась говорить. Джандер не отчаивался. Впереди еще много ночей – он был уверен – когда он сможет завоевать доверие Анны и вернуть ей рассудок. Зима была тяжелым временем для обитателей сумасшедшего дома. Джандер украл несколько одеял и все время старался получше укутать Анну. Он хотел бы просто оставить ей одеяла, но стражники наверняка бы заметили их и заинтересовались их появлением. Следующую победу он не смог одержать раньше весны.

Джандер возник в камере сразу после того, как сумерки сменились полной тьмой. Его ночной сад был в полном цвету и он собрал для Анны маленький букетик. Возможно, эти цветы служили причиной для той открытой улыбки, которой она наградила его. Лишь когда облачко тумана приняло его очертания, она узнала его, отчего лицо ее просветлело и стало уже совершенно нормальным. Она бросилась к нему, как ребенок к любящему отцу, которого не было слишком долго.

Он вложил в ее хрупкие пальцы свой скромный подарок.
– Это тебе, дорогая, – нежно произнес он.

Анна прижала цветы к лицу, потом подняла на него большие кроткие глаза.

– Господин! – счастливо воскликнула она, уронила цветы на камень и бросилась ему на шею.

Он с радостью обнял ее. Когда он держал ее в объятиях, его вдруг обеспокоило, как изменилось его отношение к ней. До этой минуты он думал о ней как о раненом зверьке, молодом, диком, которому необходимы ласка и уход. Он так и относился к ней, не принимая той правды, что сейчас обрушилась на него. Хотел он того или нет, но Джандер накрепко влюбился. Как будто почувствовав эту перемену, Анна еще плотнее приникла к нему, маленькой ладонью огладила эльфа по золотым волосам. Чувства, доселе глубоко похороненные, вдруг заставили его тело обратиться к новой жизни. Страсть перемешалась с голодом вампира – он не мог выдержать аромата ее крови. Джандер уже не в силах был сдер-

живать переполнявшие его чувства; со стоном он поцеловал Анну в шею, и тут же выросли его клыки – быстро и целеустремленно. Он все еще был ласков, когда его острые зубы прокусили белую плоть ее шеи, это было объятие любовника, а не хищника. И даже если вначале она тихо вскрикнула при первых быстрых его глотках, то потом уже не пыталась высвободиться.

* * *

Джандер уже почти был готов материализоваться в стенах приюта, как вдруг услышал голоса. Он приник к двери серо-голубой тенью и прислушался к разговору.

– Такая красавица, – сказал первый голос – ласковый и теплый.

– Да, точно, – согласился второй. Джандер узнал голос одного из стражников. – Она не меняется уже больше сотни лет. Мой дед часто бывал здесь, убирал эту камеру, так вот она ни капли не изменилась с тех пор.

– Неужто? Ох, бедняжка. Смотри! Похоже, она понимает, что я говорю.

– Да брось. Это только кажется. Ничего она не понимает. Сто лет ничего не соображает.

– Да, ты говорил, – первый голос был теперь гораздо сдержаннее.

Джандер про себя ухмыльнулся. Любой защитник Анны

был ему другом. Он передвинулся, приложил острое ухо к камню.

То, что сказал стражник, взволновало его. Неужели она томится здесь, не меняясь уже больше века? Он припомнил свою первую встречу с ней. Время ничего не значило для вампира, но он был сражен, обнаружив, что, оказывается, навещает Анну уже больше десяти лет.

Добрый голос продолжал:

– Латандер – бог надежды, а надежда заново рождается каждое утро, когда приходит заря. Не забывай об этом, сын мой. Отчего так страдает эта женщина?

– Мы думаем, что колдовство, заклинание, господин. Никто так долго не может оставаться в этом виде без вмешательства колдуна.

Джандер сжался, его руки непроизвольно сжались в кулаки. Колдовство! Это многое объясняет. Он постарался успокоить закипевший внутри при упоминании тайных искусств гнев.

Эльф и вампир, он ненавидел колдовство. Когда-то оно было частью его природы. И даже теперь он все еще обладал остатками волшебства эльфов – его работа с землей была тому подтверждением. Однако в течение множества лет колдовство не могло помочь ему в самом главном. И теперь он не доверял даже силе волшебства добрых рук. Услышав, что Анна, скорее всего, пала жертвой чьего-то заклинания, он разъярился. Он с трудом смог успокоиться и продолжать

подслушивать.

– Кто-нибудь пытался снять заклинание?

– Нет. У нее нет семьи, родных, платить некому.

Джандер прикусил губу. Если служитель Латандера попытается снять заклинание, из-за которого все эти годы она остается жива, тем самым он вполне может убить ее. Похоже, что священник подумал о том же.

– Я могу попробовать, но все же опасуюсь. Стражник хрипло рассмеялся:

– Что за жизнь у нее сейчас? Смерть, пожалуй, будет даже лучше.

Глаза Джандера сузились от ярости.

– Может быть, – раздался вновь голос священника, на этот раз сухой и жесткий, – если ты будешь лучше выполнять свой долг, это место перестанет быть хлевом. Я поговорю с твоим начальником.

Вампир услышал, как отворяется дверь камеры, и вновь обратился в тень. Он смотрел, как служитель Латандера вышел на улицу, полной грудью вдохнул свежий воздух. Человек был молод, лет тридцати с небольшим, и двигался с уверенным, спокойным изяществом. Длинные каштановые волосы, одежды, красиво раскрашенные оттенками золотого и розового, были просты. Его манеры и то, что он сказал в приюте, возвысили священника в глазах Джандера. Кроме того, эльф всегда благосклонно относился к учению о Латандере – Повелителе Зари, златокожем боге Рассвета и Начала – по

крайней мере, до тех пор, пока великий мрак не опустился на него и он больше уже никогда не мог встретить рассвет.

Когда стражник вернулся на свой пост перед женской камерой, Джандер превратился в туман и проник внутрь. Он сразу же бросился к Анне, обнял ее, крепко прижал к себе.

– Колдовство. Это колдовство, ох, Анна...

Внезапно потеряв голову от ее близости, он взял ее за виски обеими ладонями и глубоко поцеловал – и отдернулся назад, пораженный, дотронулся золотым пальцем до своей прокушенной губы.

Анна, вновь охваченная приступом помешательства, вскрикивала и билась головой о стену. Как всегда, Джандер был позади нее, пытаясь успокоить. Когда припадок прошел, она обернулась к нему и глаза ее были полны сожаления. Джандер порывисто обнял ее, облегченно вздохнул, забыв о нанесенной ею ране.

Он больше не пытался поцеловать ее. Его поцелуй неожиданно вызвал какой-то ужасный образ в ее памяти.

– Кто сделал это с тобой, любимая? – прошептал он, крепко обнимая ее и не надеясь услышать ответ.

Она совершенно отчетливо произнесла:

– Баровия.

И больше ничего.

Баровия. Слово показалось вампиру угрожающим, когда он несколько раз произнес его. Это было чье-то имя или название местности – слово на ее странном наречии. Быть мо-

жет, оно означало действие или стремление? Он знал лишь, что кто-то или что-то, связанное со словом «Баровия», повинно в том, что Анна безумна.

Он должен узнать – кто или что.

Глава 2

Дни и ночи проходили в Уотердипе своим чередом. Прошел год, потом еще один, но время ничего не значило для бессмертного существования заколдованной женщины. Были некоторые перемены к лучшему, но совсем небольшие. Джандер, однако, обладал нечеловеческим терпением. Он радовался всякой одержанной победе, сколь бы мала она не была.

Но в середине зимы примерно через тридцать лет после того, как эльф впервые увидел Анну, время пошло по-другому.

Он возник в приюте, как только ночная тень пала на землю, нагруженный едой и одеялами. Она лежала в углу у стены и не приветствовала его своей обычной теплой улыбкой.

– Анна?

Она не повернулась на звук его голоса. Внезапно испугавшись, Джандер бросился к ней, осторожно провел ладонью по темным волосам:

– Анна, дорогая, что случилось? Он осторожно перевернул ее, и сердце его упало.

– О боги, – выдохнул он.

Лицо Анны, обычно бледное из-за пребывания взаперти без солнца, теперь раскраснелось. Он потрогал ее лоб – кожа была горячей и сухой. Она быстро и мелко дышала, глаза ее

неестественно ярко горели.

Джандер ощутил ледяную хватку страха. Он так давно не сталкивался с болезнями, что почти забыл, что нужно делать в таких случаях. Жар. Что делать, если наступает жар? Вампир задрожал, но, разозлившись, быстро взял себя в руки. Потом вампир аккуратно завернул любимую в одеяло и всю ночь держал ее на руках, она же продолжала дрожать и стояла.

Последующие четыре дня он так же просидел с ней, вливая воду между сухих губ и разговаривая с ней до тех пор, пока у него самого не пересыхало в горле. Весь вес, который она набрала за то время, когда он ухаживал за ней, вновь сошел, но жар не кончался. Джандер принял решение.

Всей его любви не хватает, чтобы излечить ее. Он должен найти кого-то, кто знает медицину. Понятно, что зрителям этого приюта нет никакого дела до заболевшей сумасшедшей. Джандер решил, что знает того, кто сможет попытаться вылечить ее.

Он спешил по пустынным улицам Уотердипа, уже не стараясь держаться в тени в этот поздний час. Он миновал грязные припортовые кварталы и шел уже по более богатым улицам вблизи замка. Людское население увеличивалось, город существенно разросся с тех пор, как Джандер в последний раз бывал в этом районе. Некоторые новые здания ненадолго привели его в замешательство, но наконец он отыскал нужный дом.

Купол Утра по-прежнему оставался красивым зданием. Дом был совсем новым, Джандер впервые побывал в нем лет сто назад, и с тех пор вполне благополучно сохранился. Здание было построено из камня, деревянную дверь украшала богатая резьба, изображавшая Латандера Повелителя Зари. Бог предстал прекрасным юношей в летящих одеждах, и за его спиной восходило солнце. Джандер поколебался и настойчиво постучал. Никто не ответил. Он нетерпеливо ударил в дверь снова. Над ним кто-то открыл ставень и, высунувшись из окна, посмотрел на него. Джандер не мог видеть говорившего, но раздавшийся голос был полон сонного спокойствия:

– Не нужно выламывать дверь, друг мой. Она открыта всем входящим. Заходи!

Джандер никоим образом не мог войти в святой дом, даже если его приглашали.

– Я не могу, – задрав голову, ответил он, – у меня слишком срочное дело. В приюте больные. Ты придешь?

Священник, не задумываясь, отвечал:

– Конечно. Подожди всего...

Джандер уже исчез, он мчался обратно к сумасшедшему дому. Священник явился через полчаса с разными травами и святыми символами. Джандер узнал в нем того молодого человека, разговор которого со стражником он подслушал тридцать лет назад. Теперь тому было за шестьдесят, но он по-прежнему был приятным мужчиной. Голова его побеле-

ла, но волосы были столь же густыми и длинными, как запомнил эльф, лицо, хотя и осунулось, так же было исполнено участия и доброты.

Джандер впустил его внутрь.

– Здесь, – сказал он священнику в розовых одеждах. – В углу. У нее жар.

Седовласый священник опустился на колени рядом с девушкой и принялся осторожно осматривать ее. Его карие глаза смотрели очень озабоченно.

– Сколько времени она в таком состоянии?

– Четыре дня.

– Почему меня не позвали раньше?

– Я не знаю.

Священник свирепо взглянул на него:

– Ты один из стражников – ты был должен...

– Нет, я не стражник. Я просто..., друг. Ты можешь помочь ей?

Священник, похоже, хотел сказать что-то еще, но, приглядевшись к выражению лица Джандера, сказал лишь:

– Я попробую.

Часы ползли еле-еле. Священник молился и пел псалмы, давал травы и кропил девушку святой водой – ничего не помогало. Наконец, уставший и разочарованный, он покачал головой и принялся складывать свои вещи.

– Мне вправду очень жаль. Она теперь в руках богов. Я сделал все что мог.

Джандер непонимающе замотал головой:

– Нет. Ты ведь священник. Ты должен что-то сделать.

– Я не Повелитель Зари, – возразил священник, горько улыбнувшись, – хотя ты можешь быть им. Всякий раз, когда я вижу солнечного эльфа, у меня перехватывает дыхание. Разве твой народ не ближе к богам, чем мы – простые смертные. Вы ведь так похожи на них.

– Я слышал это, – бросил Джандер, – но если бы я был богом, ты думаешь, я позволил бы ей умереть?

Священник не стал спорить, лишь с сожалением смотрел на эльфа:

– Эту болезнь я не могу вылечить. Я думаю, это колдовской недуг. Возможно, это как-то связано с ее прежним состоянием. Я попробую сделать больше, но тогда могу погубить ее.

Джандер никогда не чувствовал себя таким беспомощным. Он смотрел на Анну, и глаза его наполняла боль.

– Колдовство, – прошептал он. – Будь проклято все колдовство.

– Пойдем, сын мой, – мягко сказал священник, положив руку Джандеру на плечо и подталкивая его к двери. – Ты сам можешь заболеть. Тебя уже знобит. Золотой вампир сбросил его ладонь:

– Нет, – сказал он, – я остаюсь.

– Но...

Джандер в упор посмотрел на старика серебряными гла-

зами.

– Что ж, может, ты и прав, – промолвил священник, – я уверен, это облегчит ее страдания.

Он подошел к деревянной створке, распахнул ее.

– Господин! Священник остановился:

– Да, сын мой.

– Благодарю тебя. Священник горько улыбнулся:

– Я буду молиться за нее. И за тебя, – добавил он и ушел.

Оставшись один с безумной девушкой, Джандер опустил-ся на пол рядом с ней – женщиной, за которой ухаживал тридцать лет. Жар не оставлял Анну и, хотя она была в сознании, она, очевидно, не узнавала его. Джандер прижался щекой к ее волосам и крепко сжал плечо девушки своей мертвенно-холодной рукой.

Он принял страшное решение, не задумываясь. Иного выбора у него не оставалось. Анна умирала, а Джандер не мог разлучиться с ней.

– Анна, любовь моя, – ласково произнес он, – если бы мы могли остаться вместе иначе...

Эльф провел ладонью по щеке, горячей, сухой и красной от ее живой крови. Не в силах дольше сдерживаться, Джандер поцеловал эту щеку. Мертвенно-холодные губы скользнули вниз к ее горлу и прижались к пульсирующей вене. То, что он пытался сделать, было очень опасно. И тут возникла знакомая сладкая боль во рту – появились его клыки, готовые пронзить нежную кожу и насыщаться. Быстро, прежде

чем решимость могла покинуть его, Джандер глубоко погрузился в горло Анны – глубже, чем когда-либо. Кожа почти не сопротивлялась, и вот из нее уже потекла струя горячей влаги.

Анна вскрикнула и начала извиваться от боли. Хватка вампира была смертельной, она не могла и пошевелиться. Постепенно девушка успокоилась и вскоре затихла.

Джандер жадно пил теплую соленую жидкость, легко стекавшую ему в горло. Жизненная сила, которую несла эта влага, начала пульсировать по его телу, возвращая ему силы, возрождая чувства. Давно он не позволял себе такого пиршества – он почти уже забыл это возбуждение и тепло. Он чувствовал, как наслаждение захлестывает его. Он смутно ощутил, как начал меняться вкус жидкости – она становилась горькой и пустой. Он тут же прекратил высасывать кровь. Джандер чуть не зашел слишком далеко. Он почти высосал из нее всю влагу, охваченный жаждой. Быстро, поддерживая ее тело сильной рукой, он нанес глубокий порез на собственном горле длинным ногтем. Новая кровь – кровь Анны брызнула из раны. Джандер приподнял ее как куклу, прижал ртом к своему горлу.

– Пей, любовь моя, – хрипло прошептал он, – пей и будь со мной!

Она не двинулась. Внезапно перепугавшись, он ткнул ее в рану лицом.

– Анна, пей!

Она слабо попыталась оттолкнуть его, и он в ужасе заглянул ей в лицо. Она безмятежно улыbnулась – следы крови оставили на ее лице страшную маску. Теперь, когда она была почти при смерти, остатки прежнего здоровья вернулись к ней. Очевидно, возвратился и прежний рассудок – она сделала выбор. Она отказалась от вечной жизни, которую он ей предложил. Силы уже покинули ее, но она сумела все же поднять маленькую ладонь, дотронуться до его золотого лица, довольная и даже счастливая своим решением.

– Господи, – прошептала она, и слеза покатилась по ее посеревшей щеке. Ее восхитительные глаза закрылись навсегда, головка безвольно откинулась назад, упав на его дрожащую руку.

– Анна! – Конечно, Джандер знал, что она мертва, но все равно продолжал повторять:

– Анна?! Анна?!

Он пришел в себя лишь перед самым рассветом. Глаза его были закрыты, когда он вспомнил, где находится. Первым, на что он обратил внимание, была тишина. Ни шороха, ни дыхания не уловил его слух. Ни одного звука. Затем появился запах – горячий, медный привкус, который он знал так же хорошо, как и самого себя. Он лежал на холодном камне и попытался подняться. Лишь тогда он сообразил, что пробыл в беспамятстве несколько часов. Все еще не открывая серебряных глаз, Джандер провел розовым языком по губам, ощутил жидкость, от которой исходил этот медный вкус. Что он

наделал? Он не хотел знать, но ему пришлось увидеть свои деяния. Медленно золотой волк открыл серебряные глаза.

Он не оставил в живых ни одной из несчастных узниц. Картина этой чудовищной резни казалась каким-то чудовищным карнавалом. Безумные женщины валялись, как разбросанные детьми куклы – некоторые на своих циновках, другие – на камнях: горла у всех были перерезаны, как будто все они пооткрывали вторые рты. Тут и там распростерлись тела стражников, которые сдуру пытались остановить эту мясорубку. Теперь вся камера была красной, а не бледно-серой, как раньше. Казалось, какой-то ребенок беспорядочно разбросал тела, а потом плескал на них пригоршнями малиновый сок.

Джандер глухо застонал. Вампир даже не помнил, как бросался на них. Раньше он часто убивал. Раньше случилось, что он убивал с удовольствием. Но он не знал, что, оказывается, способен на такую бойню. Люди, от которых теперь остались лишь изуродованные тела, не были его врагами. Они даже не были пищей, способной утолить его противоестественный, ужасный голод. Это было бессмысленное убийство, и та часть Джандера, что по-прежнему оставалась эльфом, которая любила свет, музыку и красоту, помертвела.

Ужас, кошмар от того, что он совершил, навалились на Джандера, как земля наваливается на крышку гроба. Убитые вампиром, они обречены стать вампирами. Он не был уверен, что эти убогие станут вампирами – он просто разо-

рвал их на куски, подумал он с черным юмором, а не высосал их кровь. И все же от такой мысли может похолодеть любое сердце – сотня безумных вампиров на ночном берегу Меча.

Джандер перевел потрясенный взгляд на Анну. Тогда он изменил обличье, острые золотые челюсти волка превратились в туман, а потом приобрели обычные черты эльфа. Он обнял тело мертвой девушки, крепко сжимал его несколько минут. Потом нежно уложил труп на солому, постарался счистить с ее лица засохшую кровь. Джандер пытался сделать Анну равной себе, но она не стала пить его кровь. Когда она восстанет через несколько дней уже бессмертной, она окажется лишь слабым подобострастным вампиром – его рабыней. Такой она и останется навечно – рабы никогда не могут стать самостоятельными, пока существует их создатель.

– Ох, Анна, я никогда не хотел этого, – обреченно произнес он. – Смерть была бы лучше.

Вампир-эльф медленно встал, поглядел на трупы, пока взгляд его не наткнулся на то, что осталось от стражника. Он обыскал окровавленное тело, нащупал связку ключей, отпер тяжелую дверь и прошел во вторую большую камеру. Секунду он сомневался, правильно ли поступает, но все же сохранил свое намерение. Джандер вставил огромный ключ в замок, дважды повернул его и толкнул дверь. Большинство сумасшедших мужчин даже не заметили его, хотя некоторые тут же поползли через порог наружу. С криками эльф заметался по камере, размахивая руками, подгоняя узников

навстречу свободе. Когда последний безумец покинул камеру, Джандер прошел по отдельным камеркам и отпер их все без исключения, заставив себя отбросить колебания. Теперь приют был пуст, в нем осталась лишь смерть. Вампир вернулся в женскую камеру и в последний раз опустился на колени перед Анной. Он позволил себе единственный прощальный поцелуй – подарок, которого она так боялась при жизни. Потом Джандер вынул факел, закрепленный на стене, и кинул его на солому, устилавшую пол. Огонь быстро разгорелся, но эльф остался еще несколько мгновений, испытывая сомнения.

Вся его жизнь оказалась сломанной. Был соблазн покончить с нею здесь, сгореть плотью вместе с Анной. Эта идея приходила к несчастному вампиру уже несколько раз за последние века, но всегда Джандер отвергал мысль о самоубийстве. Существуют вещи гораздо более страшные, чем вампиры, и Джандер, если умрет, станет таким же чудовищем. Повалил густой черный дым, и эльф поспешил выскочить наружу, на свежий, холодный ночной воздух. Он не хотел видеть, как горит тело Анны, но знал, что это единственный способ направить ее искалеченную душу к последнему приюту.

Джандер бесшумно направился на восток, поглубже нагнув капюшон. Стужа зимней ночи вовсе не пугала его. Прикосновение вампира холодно, если он не насытился, но сами бессмертные никогда не чувствуют холода. Пока он шагал по городским улицам к окраине, позади слышался на-

растающий гомон, шум, в городе началась суматоха. Он надеялся, что помощь не придет раньше, чем тело Анны будет полностью уничтожено. Вампир-эльф покинул Уотердип и направился в лес, чтобы отдохнуть. Траву под ногами Джандера покрывала замерзшая роса, но серые сапоги ступали по-прежнему беззвучно. Голые высокие деревья смотрели неприветливо, но эльф прислонился спиной к корявому стволу и поднял глаза в небо. Полукруг луны уже побледнел, готовясь встретить розовый рассвет. У него было не больше получаса до той минуты, когда придется забиться в темноту своей норы.

Предрассветная красота не успокаивала, а наоборот, отталкивала потрясенного вампира. Он был бессмертен, у него не было надежды, что его примут где-либо, что кто-то будет ему рад. Даже Анна отказалась от той живой смерти, что он предложил ей. Тридцать лет она была его единственной надеждой, тем единственным, что придавало смысл его существованию. И вот теперь не осталось никого и ничего. У кого может вызвать хотя бы симпатию вампир?

– Не я выбрал такую жизнь! – крикнул Джандер в пустоту. – Я не заслужил этого! Разве я не страдаю?! Разве нет пощады таким как я?!

Ночь по-прежнему молчала. Она не отвечала ему. Он сжал кулаки.

– Анна! – завопил он, и голос его разнесся по лесу. – Он упал на колени. – Анна! – Он убил то, что любил больше

всего. И теперь уже нет смысла доказывать, что он не хотел этого.

Может быть, промелькнула слабая мысль, ты освободил ее. Вампир ухватился за эту последнюю надежду. Он заставил себя вспомнить ее сонное помешательство, и тот гнев, что он направлял на самого себя, та ненависть к собственному бессмертию обратились теперь наружу. Она была красотой, скрашивавшей его жизнь, она была причиной и смыслом его жизни. Теперь у него появилась другая причина. Мечь. Джандер теперь был почти уверен, что некто совершил с Анной что-то ужасное, послужившее причиной ее сумасшествия.

Это был грех больший, чем его собственный. Новая решимость наполнила его, он протянул руки к светлеющему небу.

– Услышьте меня, боги! Услышьте меня, силы мрака и боли! Если есть тот, кто заколдовал ее, я найду его. Я уничтожу его. Покарайте меня, если пожелаете, – мои руки запачканы. Но вы не сможете отнять мою мечь!

За пять веков бессмертия и двести лет обычной жизни Джандер впервые говорил с таким страданием. Его ярость отравляла слова, и добрая чистая земля Торила сотрясалась от горечи его воплей. Но существовали и другие силы, гораздо более страшные, чем любые, доселе проявляющие себя в Ториле, и теперь они, как нектар, впитывали проклятия Джандера.

Уотердип был морским портом и потому привык к туманам.

нам. Но и годы спустя обитатели припортовых кварталов будут вспоминать вполголоса зловещий туман, внезапно сгустившийся в тот день перед самым рассветом. Он накатился с моря, как призрачный огромный корабль. Он был влажным и холодным, но в нем было и еще что-то зловещее. Те, кто уже был на ногах в этот ранний час, попрятались по домам или попадали на дно лодок, пока зловещее облако не прошло над ними. Те, кто еще спал в тот час, рассказывали, что привычные сны сменили неопишуемые кошмары. Облако, как будто направляемое кем-то, прокатилось от порта по улицам, ведущим на запад. Оно постепенно миновало верфи, оставив после себя ослепительное утро. Яркое солнце вспыхнуло, как только пропали последние следы странного облака, а закат в тот вечер был особенно великолепен.

Джандер не увидел этого заката над Торилом, как не увидел и последовавшей ясной ночи. Когда накатился туман, он полностью пропал в нем. Его разум был так же затуманен горячими планами отмщения, как был укутан таинственным туманом лес, но вампир сохранил достаточно рассудка, чтобы понять – у него совсем мало времени, чтобы вернуться в пещеру.

Он обернулся летучей мышью и полетел в потайную нору, которую называл домом. Туман закрыл все вокруг. Однако летучие мыши могут ориентироваться по высоким звукам, которые отражаются от препятствий и могут быть уловлены чувствительными ушами. Джандер был удивлен тем, что шо-

рох кожистых крыльев, которыми он взмахивал, не отдавался эхом. Он целеустремленно летел вперед, зло ругаясь про себя, когда в очередной раз казалось, что он потерялся в этом плотном сером облаке. Наконец, через пугающе долгие минуты, он услышал эхо. Джандер спланировал к земле и вновь превратился в эльфа. Туман начал рассеиваться. Он поднимался так же быстро, как и опустился. Открылась полностью изменившаяся земля, и Джандер не мог поверить собственным глазам.

С одной стороны, он вылетел на рассвете. Судя по положению луны, еще не было и полуночи. Эльф нахмурился. Луна тоже была не такой. Когда он видел ее в последний раз, она была полукругом, а теперь в небе сияла полная луна. Даже звезды были совсем не похожи на те созвездия, к которым он привык за века. Все было незнакомо.

Что происходит? На мгновение Джандер решил, что это последствия слишком долгих ночей, проведенных рядом с сумасшедшими. Возможно, он тоже потерял рассудок. Иначе как объяснить эти ощущения, что он больше не в Уотердипе. Судя по незнакомым звездам, он даже не в Ториле.

Он содрогнулся, хотя воздух благоухал и был напоен ароматами весны.

Колдовство.

Луна выскользнула из облачных берегов и вновь спряталась за ними, на несколько мгновений осветив новую, незнакомую Джандеру местность. Вместо схваченной заморозком

травы эльф обнаружил под ногами дорогу вполне ухоженную, хотя было видно, что ездили по ней нечасто. Высокие темные деревья возвышались по обеим сторонам, нависали над вампиром. Это были яблони в полном цвету, они роняли лепестки на землю, когда ветер покачивал их ветви. Было заметно, что прямая дорога недалеке спускается вниз. Джандер направился туда и вскоре оказался на краю обширной ложбины.

В долине лежало огромное кольцо плотного тумана. Сверху Джандер видел, что в середине этого круга расположилась деревня, а на севере дорога подходит к зловещего вида замку, как казалось, хищно нависшему над селением.

Скорбный вой разнесся в тишине, и его тут же подхватила добрая дюжина других волков. Звук становился все ближе. Стая волков не могла испугать Джандера. Он не был ликантропом, но знал, каково бегать на четырех лапах по холмам, когда запах добычи разрывает ноздри. Ему пришлось встретиться со зверями, не подчинившимися его приказам.

Вой становился все ближе. Джандер обернулся, уловил порыв ветра, втянул носом воздух, почувствовав резкий дикий запах. Стая спускалась с невысокого пригорка, и отражения лунного света сверкали в глазах зверей. Они были громадны – огромные контуры тени и мрака. Джандер встретился серебряными глазами с вожаком стаи. Волки и вампир мгновение оценивали друг друга. Вожак взглянул на остальных волков, потом вновь посмотрел на Джандера, пригнул

голову, настороженно повел ушами.

Джандер был в замешательстве. Раньше мысленно отдаваемые им приказы выполнялись немедленно и беспрекословно. Джандер сузил глаза и постарался еще сильнее сконцентрироваться.

– Уходите прочь, – беззвучно сказал он им. Он ощущал их силу, угрозу, коварство, но они не трогались с места. – Прочь! – Наконец огромные звери развернулись и исчезли в темноте. – Счастливого пути, братья, – сказал Джандер.

Он снова остался один. Луна спряталась в тучу. С неестественной быстротой ночь стала неуловимо меняться. Белизна крон яблонь начала напоминать саван. Засохшая грязь дороги извивалась змеей. Давно уже лишенный солнца, Джандер жил в темноте и знал, что ему нечего бояться мрака.

И все же он ощутил дрожь, как будто кто-то коснулся его ледяными пальцами.

Однажды, когда он был еще эльфом, в чьих венах билась теплая кровь, он узнал этот ужас тени. Даже тогда он не испугался самого мрака, он боялся лишь того, что темнота скрывает от него. Теперь он сам был одним из таких наводящих ужас, притаившихся во тьме созданий. И все равно Джандера пугала странная ночь на этой странной земле. Сама земля под ногами была не такой, как всегда. Он называл волков братьями, но это скорее он сделал по привычке, не ощущая родства с этими зверями. У этих волков не было ничего общего с ним. Он знал: если бы у него не хватило силы воли,

чтобы отогнать их, они бросились бы на него и разорвали в клочья, ощущая лишь наслаждение. Волки в Фаэране за редким исключением были настоящими зверями, скитающимися под черными небесами лишь в поисках пищи и ничего иного. Но когда эти огромные косматые животные устали на него сверху, они были наполнены лишь злобой. Он снова обратил внимание на лежавшую перед ним местность, рассматривая все свидетельства обитаемости этих мест, но не обнаружил ничего нового. Деревня, лежащая внизу, казалось, была в плену у этого кольца непонятного неестественного тумана. От мрачного замка исходили страх и опасность.

Джандер задумался. Он не представлял, где находится и как очутился здесь. Те, кто мог что-то объяснить ему, сейчас были в деревне и в замке. Эльф выбрал деревню, так как туда он скорее мог пробраться незамеченным. Внезапно он вспомнил о своей одежде, перепачканной кровью невинных жертв из приюта. Конечно же, он не мог показаться в деревне в таком виде.

Джандер взглянул вниз на свою тунику, чтобы осмотреть пятна. И столкнулся с новым потрясением, которое поднесла ему эта загадочная ночь. Его одежда была совершенно чистой. Кто бы или что бы не перенесло его сюда, оно позаботилось и о том, чтобы он свободно мог общаться с людьми из деревни.

Эльф криво улыбнулся. У него было совершенно непонятное ощущение, что за ним следят. «Что ж, кто бы ни наблю-

дал за мной, пусть знает, что меня не запугать», – решил он. Джандер сдернул капюшон и потряхнул золотыми волосами. Он поклялся отомстить, и если это произойдет здесь, то так тому и быть. Погрузившись в воспоминания об Анне, он уверенно зашагал по дороге к окруженному туманом селению.

Глава 3

Казалось, прошла вечность, прежде чем дом затих. Анастасия подтянула одеяло к подбородку, притворилась спящей и постаралась успокоить тяжело стучавшее сердце.

Лунный свет пробился в просторную, хорошо обставленную комнату через щель в ставнях, коснулся бледными лучами спящей сестры Анастасии. Лукавое личико Людмилы во сне было безмятежным, темные волосы разметались по подушке. Девочке было всего десять, и то, что она находилась в ее комнате, мешало семнадцатилетней Анастасии сделать то, чем она занималась последние несколько недель.

Анастасия пошевелилась, шелест простыней очень громко разнесся по тихой спальне, и девушка решила подождать еще. Когда наконец она перестала различать шорохи из спальни родителей и возню в комнатах слуг внизу, девушка соскользнула с кровати, одела самое простое платье – льняную блузку и прямую юбку. На столике у кровати она нащупала резинку и ею забрала волосы сзади, потом натянула ботинки. Ладони вспотели, когда она доставала из-под матраса длинную веревку, которую давно прятала там. Вдруг Людмила что-то забормотала во сне. Анастасия замерла, но девочка все-таки не проснулась. Девушка облегченно вздохнула. Надежно привязав один конец веревки к тяжелой кровати, Анастасия распахнула ставни, окно и как можно тише

бросила веревку вниз. Глубоко вздохнула, быстро произнесла молитву, затем собралась с духом и начала спускаться.

Она надеялась, что Петя будет ждать ее, но, к ее разочарованию, его силуэт не выступил из тени. Анастасия тяжело дышала, оглядываясь по сторонам, лицо ее побледнело, она страшно нервничала. Ждать так близко от дома было опасно. Отцу может взбрести в голову подышать свежим воздухом, и он до смерти излупит ее, если поймает здесь. Она тут же представила его лысину, покрытую потом, трясущиеся жирные щеки: «Помни, кто ты есть! Ты – дочь бургомистра, а не какая-то шлюха!»

Нет, здесь оставаться нельзя. Анастасия решила больше не ждать. Она спешила по темным улицам, набросив черный плащ, чтобы ее не смогли узнать, если она с кем-то столкнется, хотя это было совсем маловероятно. Вряд ли кто-то теперь осмелится выходить ночью. Дочь бургомистра знала, что лунный свет может все испортить, но все же благодарила эти лучи, помогавшие видеть дорогу. Она сошла с мощеной улицы и, тяжело дыша, спотыкаясь пробежала по узкой тропинке к кругу камней на холме, где раньше встречала Петю.

Ночью все казалось крупнее. Каждое дерево становилось угрожающим великаном, за каждым камнем могла таиться опасность. Старики говорили, что были времена, когда в Баровии было так же безопасно в полночь, как и ясным днем. Почтенная Елена, например, часто рассказывала Анастасии – самым опасным ночью тогда было наступить в навозную

кучу, которую прятала темнота.

Анастасия усмехнулась про себя, дошла до каменного кольца и опустилась на землю в тени скалы. Она вспомнила, как мать рассердилась тогда на Елену и прогнала Анастасию, но старуха в тот раз здорово ее насмешила. Улыбка на губах девушки померкла. Все то, о чем рассказывала Елена, ушло еще до рождения старухи.

Теперь ночь таила такое, о чем Анастасия не хотела даже и думать. Людей находили разорванными в клочья волками. Говорили о трупах, в которых не осталось крови. Люди роптали против Страда.

Граф Страд. Казалось, ветер прошептал это имя, звук заметался в верхушках деревьев. На землю, как призраки, беззвучно посыпались белые лепестки яблонь. Анастасия вздрогнула и плотнее закуталась в плащ. Она прислонилась к огромной скале и почувствовала, как эта твердая поверхность странным образом успокаивает ее. Поговаривали, что когда-то это место было священным, но теперь от него остался лишь этот каменный круг.

Анастасия постаралась думать о своем возлюбленном – цыгане. Их безнадежный тайный роман был опасным – и волнующим. Вистани всегда окружала тайна, и это притягивало Анастасию к юному развязному Пете. Его темные глаза были полны волшебства. Его касания были уверенными и опытными. Он ходил, говорил, вел себя так свободно и естественно, как Анастасия, с которой не спускал глаз отец, да

и вся деревня, не могла и мечтать. Она думала, что, может быть, влюбилась не столько в Петю, сколько в эту цыганскую вольную жизнь.

Завыл волк, заставив ее позабыть об этих сладостных переживаниях. Сердце ее заколотилось быстрее.

– Скорее, Петя, – умоляюще прошептала она.

Волки, как говорили, были созданием Страда. Анастасия лишь однажды видела хозяина Баровии. Всего несколько дней тому назад, и этого одного раза было достаточно. Он присутствовал на ежегодном весеннем празднике, которым заправлял ее отец. Страд был сухопар и высок, вспомнила она, у него были аккуратно зачесанные черные волосы и глубоко посаженные темные глаза. На нем был безупречный костюм – черный с красной искрой, так что казалось, на ткани застыли капельки крови. Граф странно улыбнулся, когда бургомистр представил свою старшую дочь, и так оценивающе оглядел ее, что ей стало очень неловко. Когда он целовал ей руку, она еле сдержалась, чтобы не вскрикнуть – его губы были холодны как лед.

Одни говорили, что граф занимается колдовством. Другие шептали, что женщины, понравившиеся графу, бесследно исчезают.

Анастасия услышала какой-то новый звук в ночи, дрожащей рукой плотнее запахнула плащ и постаралась поплотнее прижаться к камню. Звук повторился – шаги, медленные и уверенные. Кто-то направлялся прямо к ней. Если бы хоть

круг мог защитить ее. Тут же вспомнились все предупреждения отца о трупах, лишенных крови.

Чужая ладонь вдруг закрыла ей рот. Сердце Анастасии упало, она судорожно стала вырываться из рук напавшего. Она дралась и царапалась, страх придавал ей силы. Тут из облака вынырнула луна, и она обнаружила, что это всего лишь Петя. Он ухмылялся еще шире, чем обычно. Его лицо казалось побелевшим в лунном свете, ночь лишила цвета его яркие одежды и широкие красные шаровары.

– Ты, – выдохнула Анастасия.

Петя же помирал со смеха. Она кинулась на него, заколотила кулачками по его груди, и они вместе упали на землю. Анастасия все еще сопротивлялась, лицо ее покраснелось от возмущения, и тут Петя подмял ее под себя.

Она подняла на него глаза, и весь ее гнев тут же пропал.

– Ты чертов, сумасшедший вистани! – выдавила она.

Он поднял брови, изобразив недоумение, а потом припал к ней и стал покрывать поцелуями. Анастасия возвращала ему поцелуи и вскоре, как в полусне, подумала, что ночь вовсе не так уж холодна.

Часом позже Петя неохотно распрощался с Анастасией, подождал, пока она проворно забралась по веревке обратно в свою спальню. Вздохнул, покачал головой. Нельзя сказать, что он любил эту девочку – дочь бургомистра. Конечно, она привлекала его, ему будет не хватать ее, когда табор вновь отправится в дорогу. Но она так же не вписывалась в его мир,

как он не вмещался в рамки ее жизни. Бургомистр и слышать не захочет о том, что его дочь намерена выйти замуж за цыгана, да и табор вистани не позволит Пете ввести в их племя чужака. Ну и ладно. Такова жизнь. Он втянул ноздрями прохладный воздух и стряхнул всю меланхолию, как собака отряхивается от воды. Была весна, и на свете, кроме женщин, оставалась куча вещей, которые могли доставить удовольствие. Петя закинул за спину тяжелый холщовый мешок и бодрым шагом направился к «Волчьему Логову». Трактир, должно быть, уже полон завсегдатаев, ожидающих, когда Петя придет и станет их веселить.

«Волчье Логово» не было особо веселым местом и в лучшие времена. Это было побеленное трехэтажное здание, и его стены снаружи ярко были расписаны цветочками и листьями. Эти веселые краски, однако, были использованы для пушного контраста с темным нутром трактира. Там всегда было слишком мало света и пивная сохраняла вечный полумрак. От огня, полыхавшего в камине, почти не было света, да и тепла тоже немного. Дела хозяина трактира шли кое-как, потому что слишком немногие осмеливались теперь выходить из дома после заката, да и эти посетители заглядывали нечасто. Сам трактирщик был угрюм, худобой и ростом сильно отличался от приземистых, коренастых жителей селения. Он, однако, был довольно любезен с теми, кого знал, ко всем чужакам же относился с подозрением, хотя все же принимал от них деньги, если, конечно, был уверен в монете.

Если бы Петя немного лучше разбирался в людях, он уловил бы какую-то нехорошую перемену в людях, собравшихся в пивной, когда он вошел бодрым шагом в зал, беззаботно посвистывая. Если бы он был хотя бы несколькими годами старше своих семнадцати, он бы из приличия задержался там на несколько минут и поскорее бы убрался под защиту родного табора. Но он был молод и слишком самоуверен.

Вистани слишком выделялся здесь – сверкающий яркий лис среди стаи темных мохнатых псов. Он хлопнул одного из посетителей по спине, приветствовал другого, бросил монету на стойку перед нахмурившимся трактирщиком.

– Пинту твоего лучшего, чтобы отметить начало сезона, идет?

Трактирщик молча поставил кружку перед Петей.

– Твое здоровье, хозяин! – переполненный наслаждением последнего часа, Петя сделал долгий глоток. Его сверкающие темные глаза обратились к двери – на пороге появилась чья-то фигура и остановилась в замешательстве. – Входи, друг! – крикнул Петя человеку. В эту ночь побед он был рад любому. – Нечего сторониться такой компании, где есть что выпить!

– Ты прав, юный господин, – промолвил путник, входя и садясь рядом с Петей.

Все разговоры в пивной разом оборвались, посетители уставились на златоволосого чужака. Некоторые сотворили знак, оберегающий от дурного глаза, и поспешили на ули-

цу. Другие откровенно рассматривали вошедшего. Были и такие, кто не скрывал враждебности к новому посетителю. Джандер поморщился. Его намерение просто собрать какие-то сведения явно не удавалось. Эльф не встречался с такой неприязнью с тех пор, как покинул Даггердейл. К счастью, разодетого цыганенка, сидевшего рядом с ним, такое соседство не смущало.

– Верно, ты идешь издалека, – сказал Петя. – Могу я угостить тебя туйкой? Ее делают только в Баровии.

Баровия. Джандеру пришлось сдержать радость. Значит, это и есть та непонятная земля, откуда пришла Анна.

– Нет, благодарю, – вежливо отказался он. – Я хотел бы узнать, нет ли здесь свободной комнаты.

– Тогда тебе нужно говорить со мной, а не с этим неотесанным вистани, – пробормотал трактирщик, бросив явно недобрый взгляд на беззаботного Петю. – Пей и убирайся в свой табор.

Петя наклонился и зашептал Джандеру на ухо:

– Если передумаешь, мое предложение насчет выпивки в силе. Я-то знаю, каково чужим в этих краях.

Насмешливо кивнув трактирщику, Петя сполз с табурета и направился в угол пивной. Там он залез в свой мешок, вытащил множество шаров, кеглей и факелов и подошел обратно к стойке. Он зажег факел от висевшего на стене светильника, потом другой – они ярко запыхали, осветив весь зал. С громкими выкриками он принялся ловко жонглировать все-

ми предметами сразу.

– У парня талант, – произнес эльф. – Мое имя – Джандер.

Трактирщик повернулся к путнику:

– Очень жаль. Я не могу сдать тебе комнату сегодня ночью.

– Нет свободных?

– Ох, свободных-то полно. Но мы никогда не пускаем постояльцев, пришедших после заката.

– Гостиница, где не принимают путников, которые готовы платить? – изумленно поднял брови Джандер и поджал губы.

– Приходи завтра утром, тогда и поговорим. Мы не принимаем постояльцев после заката.

Джандер понял трактирщика. За грубыми словами и неприветливостью этого человека прятался отчаянный страх. Джандер просто ощущал его. Он был прав. Эта земля, эта деревня наполнены страхом, они беспрестанно боятся чего-то. Он прошел в темный угол зала, накинул капюшон плаща на сияющие волосы. Все его чувства напряглись, он прислушивался к обрывкам разговоров, что доносились со всех сторон.

– Дьявол..., сиди дома... Страд.

Это имя упоминалось многими людьми, сидевшими за разными столами, и каждый раз, когда Джандер слышал это имя, оно произносилось со страхом. Прислушиваясь к разговорам, он обратил внимание на один диалог, напряг слух.

Довольно молодой мужчина с густой черной бородой по-

тягивал эль из стакана. Его товарищ, заросший двухдневной щетиной, тупо смотрел в свою нетронутую кружку.

– Мне нельзя было уходить, – медленно проговорил старший, и в голосе его была мука.

Младший положил ему руку на плечо – С лихорадкой шутки плохи, – мягко сказал он. – Ты знаешь это не хуже меня, отец. Сам знаешь, каково подцепить эту заразу.

Старший кивнул, взгляд его остался пустым:

– Она была такой молодой, такой красивой, – запинаясь, пробормотал он. В его темных глазах блеснули слезы. – Моя маленькая Оля, бедная доченька.

На лице сына были боль, участие и, что показалось Джандеру вовсе непонятным, гнев.

– Кто-нибудь уже сказал ему?

Убитый горем отец закрыл ладонями глаза:

– Нет. Никто не осмеливается идти в замок с такой вестью.

– Боюсь, он довольно скоро узнает. У графа есть способы узнать, что ему нужно.

Внезапно настроение старшего резко сменилось – теперь он пришел в ярость.

– Я рад, что она мертва, – выпалил он. – Я рад, что она мертва и не достанется ему, что он не сможет дотронуться до нее своими ледяными пальцами.

– Отец! – шикнул сын, пытаясь успокоить его.

Старший глухо зарыдал, двое мужчин, сидевших за соседним столом, подскочили к ним и помогли вывести отца на

улицу. Остальные посетители молча проводили их взглядом.

Джандер заметил, что цыганенок Петя перестал зубоскалить. Все его веселье пропало, в темных глазах появились боль и тревога. «Мальчик вовсе не такой клоун, каким хочет казаться», – подумал Джандер. Когда Петя отошел от своего мешка, чтобы посмотреть, как уходят отец с сыном, один из посетителей незаметно подошел сзади вистани к мешку и опустил туда какой-то небольшой сверток. Потом этот уса-тый мужчина с маленькими пороссячьими глазками и жестким ртом заказал еще порцию эля и вернулся с кружкой на свое место.

Джандер было открыл рот, но потом передумал. Лучше не привлекать к себе внимания. Он должен выждать, как будут развиваться события. Посетители вернулись за свои столы, и пивная вновь наполнилась гомоном. Петя снова зажег свои факелы и принялся жонглировать. Через мгновение разда-ся вопль:

– Вор!

Со скоростью, которой Джандер не мог и предположить у них, несколько мужчин набросились на удивленного пар-ня, заломили ему руки за спину и принялись наносить силь-ные удары в живот. Петины факелы разлетелись в стороны, остальные посетители подхватили горящие палки и бросили в камин, прежде чем успел загореться пол.

Дверь распахнулась. На пороге возник крупный мясистый человек с отвислыми щеками и густыми длинными усами.

Одежда его была гораздо богаче, чем у остальных жителей, и вел он себя так, что сразу был виден человек, привыкший к повиновению его приказам.

– Бургомистр Картов! – воскликнул маленький засаленный человечек. – Один из вистани залез в карман к Андрею!

Андрей – мужчина с поросячьими глазками и жестоким ртом – энергично закивал. Картов перевел свирепый взгляд на мальчишку, который уже явно перепугался. Тем не менее Петя вскинул подбородок и дерзко посмотрел крупному мужчине в глаза.

– Этот человек лжет, – холодно произнес он, и его голос ничем не выдал того страха, который уловили ноздри Джандера. – Я лишь жонглировал ради нескольких монет. Это поклеп. И если бы я действительно что-то украл, – с усмешкой добавил он, – этого никто бы не заметил.

Картов размахнулся и опустил кулак. Голова Пети откинулась в сторону от сокрушительного удара, кровь потекла из разбитой губы.

Неожиданно для всех раздался пронзительный женский крик, и вбежавшая в зал девушка бросилась к бургомистру.

– Папа, нет! Не надо!

Джандер острым взглядом заметил, что на лице девушки тоже были следы побоев. Отец не обратил на нее внимания, просто отшвырнул в сторону. Вся его ярость была обращена на вистани.

– Мой народ отомстит, если ты причинишь мне зло, – тихо

проговорил Петя.

Очевидно было, что говорил он вполне серьезно. Джандер заметил, как мужчины озабоченно переглянулись. Похоже, месть вистани внушала им опасения.

Однако Картов уже вышел из себя и не соображал, что делает.

– Мы должны навести порядок, когда грабят мирных жителей, и мы его наведем! – прорычал он.

– Повесить мерзавца! – крикнул кто-то в толпе. Джандер не заметил, кто это был, но клич тут же подхватили все остальные. Картов придвинулся к Пете. Теперь лишь цыган и вампир услышали, что прошептал разъяренный отец:

– Ты пожалеешь, что не оказался в замке Равенлофт, когда мы покончим с тобой. Я знаю, что ты сотворил с моей дочерью!

Смуглое лицо цыгана стало мертвенно бледным. «Так-так», – подумал Джандер.

– Папа, нет! – вскрикнула девушка. – Он не виноват ни в чем!

Картов свирепо посмотрел в ее сторону.

– Тебе все мало? – рявкнул он.

Джандер с отвращением наблюдал за ними. Эльф презирал таких держиморд, как правитель этого селения. Он подумал, а не есть ли этот разъяренный мужчина тот таинственный «он», которого так боялся даже убитый горем отец.

– Я разберусь с тобой позже, Анастасия, – продолжил Кар-

тов. – А сейчас ты увидишь, как подохнет твой любовник.

Анастасия зарыдала:

– Нет! Петя!

Тут один из приспешников Картова сгреб ее в охапку, не давая вырваться.

Джандер восхитился выдержкой мальчишки.

– Картов из Баровии, – звонко начал цыган. – Ты пожалеешь об этой ночи. Борис Федорович Картов, я проклиная те...

Кто– то впихнул ему в рот грязную скомканную тряпку. Хотя проклятие не было произнесено полностью, некоторые из посетителей пивной попятились, сомневаясь, стоит ли помогать бургомистру. Другие, однако, были рады возможности дать выход своему постоянному страху.

Они связали Пете руки за спиной, плотно скрепили локти его же ярким платком. Издеваясь и бранясь, они потащили юношу к двери. Он споткнулся о порог и плашмя упал на камни, не в силах смягчить удар. Толпа загоготала. Картов схватил Петю за черные шелковые волосы и рывком поднял на ноги. Петя застонал от боли.

Свет из открытой двери трактира вырвался на центральную площадь. Ярко-желтый, он был похож на заливавший деревню тусклый блеск луны. В окнах домов вокруг площади начали зажигать огни. Скрипели ставни: жители с интересом и опаской высовывались на улицу из окон.

Толпа высыпала из пивной наружу, отправилась в ночь,

охваченная возбуждением, пинала и толкала несчастного вистани вперед. Они повели его к виселице, возвышающейся на краю площади. Злодей с поросячьими глазками побежал вперед, приладил веревку и уже ожидал жертву, хищно улыбаясь. Толпа приближалась. Петю втащили по ступенькам на помост. Он все еще пытался сопротивляться, даже когда палач с поросячьими глазками затягивал у него на шее петлю.

Никто не заметил, как пришелец отделился от толпы и как тень растворился в темноте. Но все услышали вой приближающейся стаи волков.

Глава 4

Их вой несся впереди, как звуки рога, опережая охотников. Ужасная песня пронзала ночь, от этих кошмарных звуков кровь стыла в жилах. Волки раньше никогда не заходили в самую деревню. Снова в Баровии происходило то, с чем никто не пожелал бы столкнуться.

Столь же единодушно, как чуть раньше они готовили кровопролитие, жители разбежались, едва слышали приближающуюся стаю.

Толпа рассеялась, люди вопили от страха, бросались в призрачную безопасность своих домишек. Звуки же становились все ближе.

Анастасия вырвалась от державшего ее злодея и поспешила по ступенькам лестницы на помост виселицы. Позабыв о собственном страхе, она дрожащими руками постаралась развязать Петины узлы. Узлы были крепкими и завязывали их на совесть. Платок туго врезался ему в руки и она никак не могла подцепить его. Ей все же удалось ослабить узел, так что Петя смог уже шевелить руками, но тут отец схватил ее за плечо:

– Анастасия, бежим! Скорее!

В это мгновение темный, страшный силуэт вынырнул из тени и прыгнул на доски помоста, нацелившись на Картова. Пасть зверя была закрыта, но от удара тяжелого тела и Кар-

тов, и волк полетели вниз, растянувшись на камнях. Так же стремительно, как он прыгнул, зверь соскочил с Картова, тот вскочил на ноги и помчался к своему дому. Его уже не нужно было поторапливать. Может быть, Картов и любил дочь, но себя он явно любил сильнее.

Восемь волков выскочили на площадь, пасти защелкали, раздались вопли. Звери бросались за людьми, гнались за убегающими, бросались в ярости на запираемые двери и окна. Один из волков ухватил огромными клыками деревянную раму распахнутого окна. Раздался оглушительный звон разбитого стекла, и волк недоуменно взвыл от страшной боли.

Но ни один из огромных зверей не бросался на Петю или Анастасию. Девушка продолжала сражаться с платком, и вскоре Петя был свободен. Он схватил ее за руку, и они вдвоем поспешили вниз. Огромная серая волчица заметила движение и, рыча, повернула к ним косматую морду. Петя подхватил с земли суковатую палку, брошенную кем-то из разбежавшихся людей, заслонил собой Анастасию. Сжав зубы, Петя поднял палку. Волчица медленно приближалась к ним, задние лапы зверя были напряжены, мощные лопатки поднялись. Глаза волчицы блеснули янтарным светом.

– Не нужно, Петя! – раздался решительный голос.

Петя обернулся. Джандер подошел к нему, легко улыбнулся.

– Стая подчиняется мне. – Он повернулся к волчице:

– Успокойся, сестра, успокойся...

Явно недовольная серая самка остановилась, опустилась на землю. Она все еще рычала, и ее уши были по-прежнему прижаты к голове.

Джандер посмотрел вокруг, встретился взглядом с остальными волками и отдал им беззвучный приказ, которому звери подчинились, хотя и остались этим недовольны. Как один волки вскочили и растворились в темноте, потряхивая головами, пытаясь избавиться от запаха человечины, который заполнял их чувствительные носы. Через несколько секунд они бесследно исчезли.

Петя и Анастасия уставились на Джандера. Потом Анастасия тихо заплакала, не в силах больше сдерживать переживания этой ночи после всего, что случилось. Молодой цыган заботливо обнял ее одной рукой, не сводя темных настороженных глаз с Джандера.

– Кто ты? – требовательно спросил он, и в голосе его не было ни тени страха, который ясно чувствовал Джандер.

Эльф приподнял брови, прикинувшись обиженным:

– Я всего лишь странник из далекой земли. Я сейчас спас тебе жизнь, Петя. Что еще может сделать чужой человек, чтобы ты поверил ему? Ты сказал мне, что знаешь, каково здесь чужакам. Забыл?

Петя покраснел:

– Я раньше не видел никого похожего на тебя. Ты прости, что я не доверяю тебе. Все же мы у тебя в долгу. Как мы можем отплатить?

Нужно поскорее убраться отсюда, пока люди не заподозрили неладное.

– Анастасия, – мягко произнес вампир, – тебе лучше попрощаться с Петей. Ему не стоит вновь появляться в деревне, где с ним так обошлись.

Анастасия, уже справившаяся со слезами, недоверчиво посмотрела на любовника.

– Наш спаситель, – сказал Петя, не сводя по-прежнему испытующего взгляда с Джандера, – имеет на это право, дорогая. Нужно прощаться. Мой народ, думаю, снимается с места даже раньше, чем мы рассчитывали. – Он ухмыльнулся. – Мой папа точно выпорот меня еще до рассвета за то, что нам придется убраться такой ценой.

Петя с искренним чувством обнял девушку в последний раз, она зарыдала, прижавшись к его груди, он мягко поцеловал ее в лоб. Наконец Анастасия оторвалась от него, утерла слезы ладонью, потом тяжело вздохнула, стараясь успокоиться.

– Добрый господин, я не знаю твоего имени, не знаю, кого благодарить, – голос ее немного дрожал.

Джандер обернулся по сторонам, оглядел площадь, боясь, как бы жители не начали вылезать из своих убежищ. Похоже, его маленький фокус отлично сработал. Все окна и двери по-прежнему были плотно заперты.

– Я – Джандер Санстар.

– Тогда, Джандер Санстар, я предлагаю тебе дружбу. Я ни-

когда не забуду, что ты сделал для нас этой ночью.

Слезы стояли у нее в глазах, она прикусила губу. Стараясь не расплакаться снова, она направилась к дому отца. Петя проводил ее взглядом своих темных, теперь непривычно печальных глаз.

– Ты вправду любишь ее? – Джандер не хотел, чтобы вопрос прозвучал издевательски, но так получилось само собой.

Петя, однако, не обратил внимания на его иронию и просто качнул головой.

– Нет. Но я горд за эту девушку и надеюсь, с ней ничего плохого не случится. У нее есть дух, сила воли – а это большая редкость в этой деревне.

Он повернулся к Джандеру, упершись кулаками в бедра. Для своего небольшого роста Петя был все же слишком уверен в себе. Его лицо было в ссадинах, синяках и испачкано кровью, но он не обращал внимания на боль.

– Я обязан тебе жизнью. Мы – вистани – не можем легко отнестись к такому долгу. Джандер Санстар, кто бы ты ни был, сегодня ночью ты был мне другом. Я тоже хочу быть тебе другом. – Он помедлил, облизнул губы:

– Приглашаю тебя в наш табор, где мы сможем оказать тебе почести, которых ты заслуживаешь.

Джандер улыбнулся про себя. Его затея удалась – цыган поверил ему.

– Петя из народа вистани, для меня большая честь попасть

в твой табор. Пете очень понравился такой ответ.

– Тогда пойдём, – улыбнулся он. – Туда, – бросил молодой цыган и зашагал по западной дороге. Джандер последовал за ним.

Огни деревни остались позади, вампира и цыгана окутал ночной мрак.

– Расскажи мне о себе, Джандер Сан-стар. Я думаю, ты пришел издалека.

Джандер повернулся к своему спутнику:

– Почему ты так думаешь?

– Все, кто живет здесь, похожи на тех людей из трактира.

– Но твой народ тоже живет здесь, а ты совсем не похож на жителей Баровии, – возразил Джандер.

– Мы – странники.

– Ну, значит, и я тоже странник. Петя улыбнулся, его белоснежные зубы блеснули в свете луны:

– Может и так. Как называют твой народ?

– Я – эльф, – ответил Джандер. Цыган неожиданно обрадовался его словам.

– Я счастлив встрече с тобой! Я никогда раньше не видел эльфа. Хотя, – добавил он многозначительно, – я слышал о них много рассказов.

Тут пришлось улыбнуться Джандеру. Он прекрасно знал, какого сорта рассказы мог слышать Петя.

– Значит, это ты принес туман.

Джандер удивился. Конечно, он помнил то плотное обла-

ко, что прятало его, но он не мог и подумать, что именно оно привело его в Баровию.

– Это часто случается?

– Нет, но никто ничего об этом не знает. Мы сами скитаемся по туманам. Наш табор стоит здесь совсем недавно.

Он остановился и протянул вперед руку. Перед ними клубилось загадочное облако дыма, через которое уже пришлось пройти Джандеру на пути в деревню. Это была плотная серая стена, бурлившая и двигавшаяся, словно жившая своей зловещей жизнью. Джандеру вовсе не хотелось идти сквозь этот туман, когда он был вынужден преодолевать его несколькими часами раньше, однако загадочное облако не причинило ему вреда.

Петя сунул руку в карман своих красных шаровар и вытащил два маленьких флакона с какой-то фиолетовой жидкостью.

– Хорошо, что я положил их сюда, а не в мешок.

Он протянул один пузырек Джандеру, сам вытащил пробку из второго и выпил содержимое. Джандер рассматривал свою бутылочку, не зная, как ему поступить. Не мог же он пить это.

– Давай-давай! – воскликнул Петя. – Этот настой позволит тебе пройти сквозь туман без опаски.

– А что, разве он опасен? Петя в недоумении уставился на него, пожал плечами:

– Ты же сам пришел через туман, так что должен знать.

Это облако смертельное. Оно ядовитое. Это, – он поднял свой пустой флакон, – противоядие.

Джандер замялся, потом сделал вид, что пьет жидкость, а как только они вошли в облако, тут же вылил содержимое пузырька на землю. Петя не мог этого заметить. Этот дым не мог повредить Джандеру, потому что он не дышал. Никакой яд не страшен тому, кто уже и так мертв. Туман расступался перед ними, клубился вокруг, окутывал со всех сторон. Джандер потерял бы Петю, если бы не его зрение. Он видел красное облако тепла, исходившего от Пети, впереди себя и не спускал с него глаз. Через несколько минут полоса тумана стала рассеиваться и наконец кончилась.

– Не очень-то..., приятно, – произнес вампир.

– Это еще не самое неприятное в Баровии, – мрачно ответил цыган.

– Да, расскажи мне о Баровии. Я... – Джандеру пришлось умолкнуть на полуслове.

Ядовитое облако отрезало их от внешнего мира полностью и даже отсекало все звуки извне. Теперь эльф услышал, как невдалеке журчит вода, глянул вперед. Дорога вела к деревянному мостику, перекинутому через быструю темную речку, шириной футов в пятьдесят.

На другом берегу дорога продолжалась и уводила в лес. Уверенные шаги Джандера стали медленнее, он лихорадочно соображал. Как вампир он не может перейти через бегущую воду. Петя все еще считает его живым существом – эль-

фом, чужим, но живым. Журчание воды злило его.

– Что-то не так? Они подошли ближе.

– Я должен сознаться тебе... Однажды в молодости я чуть не утонул в реке. И с тех пор до смерти боюсь воды. Нет ли другой дороги в твой табор?

Петя скептически посмотрел на него:

– Мост надежный, уверяю тебя. Смотри. – Юноша быстро пробежал до середины и бегом вернулся обратно. – Ты спокойно пройдешь вместе со мной. – Он ехидно улыбнулся:

– Ты просил верить тебе – и я хожу с чужаком по Баровии ночью! Теперь и ты должен довериться мне.

Эльф взглянул вниз на бурлящую воду, встав так, чтобы Петя не заметил – отражения Джандера в воде не появилось. Речка струилась под мостом и была неразрешимой проблемой. Даже если бы он мог обернуться волком, все равно ему не удалось бы перепрыгнуть ее – слишком далеко. Нет, он не сможет преодолеть эту преграду. Однажды он попробовал – несколько столетий назад – и долго потом бился в агонии. Придется попробовать и теперь – нужно убедить Петю, что он действительно ужасно боится воды.

Эльф медленно подошел к Пете и взялся за протянутую руку. Он почувствовал, как Петя для верности обнял его за плечо. Вместе цыган и вампир сделали первый шаг по мосту. Джандер тут же застонал от боли и отпрыгнул обратно. Он не мог этого сделать. Прежде чем он успел понять, что происходит, эльф оказался на спине Пети.

– Петя!

– Долг есть долг, чужак! – изящный юноша оказался на удивление крепким. Быстро, широкими шагами он перешел мост, легко перенеся Джандера на другой берег. Когда они шли, эльф посмотрел вниз, увидел серебряные блики луны на воде.

Петя отпустил его на другом берегу, Джандер соскользнул с его спины на землю.

– Ты добрый, – сказал он юноше, на что Петя лишь пожал плечами.

– Хорошо, что ты это чувствуешь, – промолвил вистани, когда они зашагали дальше по дороге.

Лес теснился вокруг них, Джандер заметил, что Петя ступает почти так же бесшумно, как и он сам.

– Тебе, наверное, уже доводилось пугать людей. Я думаю, ты – волшебник.

Джандер про себя поморщился, однако это было вполне удобное объяснение, почему волки слушаются его.

– Можно сказать и так.

– Я понимаю. Деревенские слишком перепуганы. Такое волшебство чаще всего совершают акара.

Джандер не понял этого слова и недоуменно посмотрел на Петю:

– Акара?

– Носферату, – спокойно пояснил Петя, – вампиры. Они бессмертны и пьют кровь живых людей.

Он быстро прочертил рукой защитный знак возле сердца. Хотя Джандер не знал слова, он непроизвольно вздрогнул. К счастью, Петя не заметил этого.

– А, понял, – ответил Джандер. – Ты прав. Я действительно рад, что встретил тебя. Расскажи мне об этой стране. Баровия – это название городка?

– Да, и еще название страны.

Они проходили под нависшими ветвями яблонь, и с деревьев осыпались красивые розовые лепестки. Петя остановился на секунду, подпрыгнул и изо всех сил дернул усыпанную цветками ветку. Ветка сломалась, осыпав его лепестками. Юноша взял ее в руку поудобнее, поднес к лицу, глубоко вдохнул аромат цветов, улыбнулся.

– Моей сестре, – пояснил он. – Когда приносишь цветы, они обычно перестают злиться – женщины, а? – Улыбка его стала еще шире, и он нахально ткнул Джандера пальцем в бок:

– А у тебя есть женщина, Джандер? Они ведь могут быть отличной компанией, правда, иногда слишком много болтают.

Джандер почувствовал раздражение. Он вытащил Петю из петли не ради такой болтовни.

– Я слышал в трактире имя Страд. И еще там говорили о замке Равенлофт.

Все Петино веселье как рукой сняло, лицо стало по-настоящему серьезным – Джандер вдохнул запах страха.

– Давай не будем упоминать эти вещи ночью, – быстро проговорил Петя. – Можем поговорить об этом завтра утром.

– Нет, сейчас – ночью, – с нажимом произнес Джандер.

Что-то в голосе эльфа насторожило Петю.

– Хорошо, – неохотно протянул юноша, – хотя об этих темных делах лучше не говорить вовсе. Граф Страд фон Зарович – хозяин этих земель. Он живет в замке Равенлофт. Когда-то он был могущественным завоевателем, а теперь, как говорят, занимается колдовством.

Колдовством. Неужели он никогда не избавится от этого? Джандеру не хотелось верить в это. Что-то неладное он почувствовал в том, что хозяин этих земель оказался колдуном.

– Ты думаешь, это правда? Насчет колдовства?

– Это, скорее всего, так. Он правит гораздо дольше, чем может прожить простой человек.

– А как давно? Петя пожал плечами:

– Не знаю. Мы не из Баровии. Мы плохо знаем историю этой страны.

Джандер оглядел странную местность, на которой они оказались:

– Это он напустил туман, да?

– Дым вокруг деревни – да. Это он управляет им. Но туман, который пришел вместе с тобой, не повинуется никому.

– Кто такая Оля?

Петя вновь пристально поглядел на него, и в глазах ясно

было видно подозрение:

– Девушка, которая умерла, – ты, наверное, слышал. Это тебе неинтересно.

Резкий шорох заставил Джандера вскинуть глаза наверх. Маленькая серо-белая птичка, которую они разбудили, блеснула на него круглым глазом и вновь скрылась в гнезде.

– Запомни эту птицу, Джандер. Это – васта чири. Когда видишь такую, значит, вистани неподалеку. Эти птицы следуют за нами. Говорят, это души предков следят, чтобы с нами ничего не случилось. Пойдем здесь, не по дороге. Я знаю путь.

Петя углубился в лес. Джандер последовал за ним. Здесь уже было совсем темно, густые кроны высоких деревьев закрыли неяркую луну. Огромные корни змеились по земле, преграждая им путь. Петя, однако, уверенно двигался вперед, обходя препятствия, и, похоже, чувствовал себя в лесу как дома.

– Горожане вроде бы боятся ночи, – заметил Джандер, – а ты ходишь как ни в чем не бывало, Петя. Здесь к тому же есть волки. Ты что, ничего не боишься?

– С волками договоришься ты, Джандер. И ни один уважающий себя разбойник не станет связываться с вистани. – Он обернулся к эльфу, ехидно ухмыляясь:

– У вистани дурной глаз, так? Получается, что силы этой земли мне не страшны. Поэтому Страд, – он осекся и тихо выругался. – Ты развязал мне язык, эльф, а это вовсе не

всегда хорошо. Я уже достаточно сказал, может быть, даже слишком много. Теперь ты расскажи о своей стране.

– Я родился в земле, называемой Эвермет. Там живут такие же, как я. Только такие. Не могу передать тебе, как там красиво. Я любил играть на флейте и петь, а летом мы танцевали в лесах. Это ни с чем нельзя сравнить. – Голос Джандера стал жестким:

– И поверь мне, Петя, я много повидал в жизни.

Петя испытующе смотрел на него:

– Я верю тебе, эльф. – Он говорил искренне. – Может быть, этой ночью ты сможешь успокоить свою душу.

Джандер и его спутник продолжили свой путь через темные леса. Эльф на ходу рассказывал об Эвермете. Петя почтительно слушал, не перебивая, – быть может, он чувствовал глубокую боль в мелодичном голосе эльфа. Большую часть пути река оставалась справа от них, хотя иногда доносившееся оттуда журчание становилось тише. Наконец шум воды утих совсем, и его сменили другие звуки – ржание лошадей, лай собак и голоса людей.

Они вышли из тени деревьев, и Джандер увидел горевший впереди большой костер. Его острые глаза эльфа, ставшие еще чувствительнее с тех пор, как он стал вампиром, разглядели несколько десятков фургонов. Повозки были ярко разукрашены полосами цветной ткани. На краю табора сгрудились лошади, куры – весь цыганский скот, – а у костра передвигались чьи-то тени.

Эльф оценил всю эту мирную картину не сразу.

К северу от табора возвышался громадный шпиль. Небо было черным, холодные звезды поблескивали тускло, но высокий остроконечный силуэт был темнее неба. На вершине скалы стоял неприступный замок. Джандер узнал то самое здание, что увидел с холма перед тем, как ступил на землю Баровии. Тогда он не знал, что это. Теперь это было ему известно.

Петя заметил его взгляд, посмотрел туда же.

– Да, – тихо сказал он, – это замок Равенлофт. Там живет граф Страд.

Глава 5

Марушка не любила детей. Когда Лара попросила ее приглядеть за ребенком, пока она будет танцевать, Марушка не смогла вежливо отказать. Теперь молодая вистани сидела на грубом деревянном стуле мрачнее тучи, держа на руках несчастного младенца, а Лара плясала со своим мужем. В отблесках костра Марушка разглядела, как ребенок выплюнул свекольный суп, который она только что впихнула ложкой ему в рот. Когда испачканный младенец попробовал засунуть в свой розовый ротик густую прядь ее черных волос, Марушка решила, что эта дружба заходит слишком далеко.

Сверкая черными глазами, она пробралась между танцующими к Ларе и протянула ей ребенка.

– Забери его, – потребовала она на языке вистани. – Сегодня ему больше не удастся испачкать меня.

Лара и ее муж расхохотались и подхватили ребенка. Марушка зашагала прочь.

– Ох, какую ошибку сделают боги, если подарят ей ребенка, – с сожалением прошептала Лара, провожая сочувственным взглядом подругу.

– Угу, – хмыкнул ее муж, прижал к себе младенца, поцеловал мягкую щечку. – Лучше бы ей стать такой же, как ее бабка.

Младенец затих и быстро заснул на ласковых руках отца.

Марушка, разозлившись, ушла за костры, окружавшие табор кольцом. Она уложила на место пышную прядь блестящих черных волос, огляделась вокруг, посмотрела на звезды. Уже четыре часа, как ее младший брат Петя ушел. Как всегда, с шуточками и смешками. За четыре часа он успеет попасть в любую историю.

Марушка чувствовала, что-то с ним случилось. Она всегда прислушивалась к своим ощущениям и поступала так, как интуиция, чувства подсказывали ей – как правило, они ее никогда не подводили. Многие в таборе обладали частичным Зрением. Лара могла угадать судьбу по картам, например, а Кева иногда слышала голоса, предсказывавшие будущее. У Марушки же было полное Зрение – она одна из всех ровесников имела такой дар (или проклятие?).

Она умела гадать по любой поверхности, будь то чаша с водой, стеклянный шар или зеркала. Карты всегда рассказывали ей о судьбе любого человека, так же как и чайные листья. Марушка еще умела читать по картам, по лицу, и иногда даже на нее находило некое необъяснимое озарение. Благодаря этим способностям она пользовалась большим уважением в таборе, но порой эта высокая, стройная двадцатилетняя женщина страстно желала быть чем-то большим, чем просто вистани. Сейчас ее Зрение сказало, что Петя попал в беду.

– Он скоро вернется, детка. Ничего с ним не случилось, – неожиданно раздался откуда-то снизу старческий сухой го-

лос. Марушка чуть не подпрыгнула от неожиданности, потом улыбнулась и кивнула мадам Еве. У старой женщины была неприятная привычка подкрадываться совершенно незаметно. Благоразумнее всего было не шептаться у нее за спиной. Некоторые говорили, что тайком от нее не стоит ничего и думать. Марушка подумала, что у людей есть все основания так считать.

Никто не знал, сколько лет мадам Еве, она сама никогда не заговаривала о своем возрасте. Спина ее оставалась все еще прямой, хотя тело уже исхудало, а лицо сморщилось, как сливы из Баровии, оставленные слишком долго на солнце. Ее длинные седые волосы всегда были распущены по плечам, глаза неизменно оставались цепкими и внимательными, и она по-прежнему обладала полным Зрением.

Хотя она уже потеряла почти все зубы и жила на одной каше, старуха оставалась самым могущественным человеком в таборе и никто не осмеливался даже спорить с ней, не то что ссориться. Марушка узнавала о своем божественном даре и развивала его под строгим наблюдением Евы и знала, что станет прорицательницей племени, когда старая цыганка потеряет Зрение.

Беспокойство Марушки немного ослабло. Она знала – если Ева говорит, что Петя придет домой в целости и сохранности, то так оно и будет.

– Должно быть, Пете боги даруют удачу. В половине городов, через которые мы проезжали, его с удовольствием поса-

дили бы на кол, если бы, конечно, смогли, – сказала она Еве. Старуха засмеялась.

– Но я не могу не волноваться, – добавила молодая цыганка. – Он все время ввязывается в какие-то истории из-за девчонок. Слишком по-глупому рискует.

– Про меня говорили то же самое, детка, – напомнила Ева. – Помню, одна девочка была уверена, что я не выйду из замка Равенлофт живой.

Теперь расхохоталась Марушка:

– Да, бабушка, Страд – настоящий дьявол.

– Как бы то ни было, но он не обижает народ. Нужно всегда помнить об этом. Каждый из нас может спать спокойно в этой стране благодаря великодушию Страда.

Марушка вдруг почувствовала прилив нежности к гордой старой цыганке и чмокнула ее в щеку:

– И еще благодаря уму моей бабули! Ева улыбнулась, обнажив беззубые десны:

– И этому тоже. – Тут старуха насторожилась:

– Петя идет. И еще кто-то.

– Наверное, привел свою девчонку, – бросила Марушка, всматриваясь в темноту.

Точно, к табору приближались два силуэта, но Петя шел не с какой-нибудь стройной девушкой. Молодая цыганка раньше не видела никого похожего на спутника брата.

Марушка услышала, как Ева пораженно вздохнула.

– Один из народа, – тихо произнесла она.

Марушка не понимала значения этого слова в устах Евы. Прежде чем она успела спросить, Петя со всех ног кинулся к ним, Марушка охнула, увидев его расцарапанное лицо. Узнав Еву, юноша резко остановился.

– Здравствуй, бабушка, – вежливо приветствовал он Еву и низко поклонился старухе. Ева не удостоила его взглядом, не сводя внимательных глаз со стройного чужака, который остановился поодаль от них.

– Почему эльф не подошел с тобой? – требовательно спросила она.

– Петя, что с тобой случилось?! – воскликнула Марушка. Юноша не ответил на оба вопроса.

– Во-первых, бабушка, ты помнишь, как сказала мне приглядывать за Олей Ивановой? Так вот, она умерла сегодня ночью от лихорадки.

Теперь Ева перевела взгляд на внука, прищурилась:

– Ты уверен?

– Ее брат и отец были в трактире. Старый Иван чуть не помешался от горя.

Ева вдруг помрачнела, и Петя заметил эту перемену.

– Мне стоило об этом говорить? – озабоченно спросил он бабушку. Ева кивнула:

– Да, детка. Хотя это плохая новость, но это все же нужно знать. А теперь, – она повторила свой вопрос, – расскажи мне о том, кто пришел с тобой.

– Он сказал, что его народ часто приходит без приглаше-

ния.

– Я не слыхала о таких обычаях Тельквезира, – возразила Ева. – Как бы то ни было, он чужак и его тут не ждут.

– Пожалуйста, бабушка, он сегодня спас мне жизнь! – взмолился Петя.

– Петя, что ты наделал в деревне? – нахмурилась Марушка.

Торопливо и сбивчиво Петя, смущенный собственным рассказом, поведал им о событиях этой ночи. Ева приподняла бровь, когда он описывал силу Джандера, улыбнулась краем губ.

– Отлично, – неожиданно произнесла она. – Он может подойти.

Петя недоверчиво улыбнулся и побежал к стоящему поодаль спутнику.

– Похоже, ты знаешь, кто этот чужак, – тихо сказала Ева Марушка.

– Он – золотой эльф, их еще называют эльфами рассвета, он пришел из страны Торил. Эльфов уважают и почитают. Не знаю, правда, зачем один из них оказался здесь. Но все же Петя прав. Он спас жизнь одному из наших детей – и потому мы рады ему, но лишь в эту ночь.

Она накинула яркую цветастую шаль на плечи:

– Уже поздно. Спокойной ночи, детка.

– Бабушка, ты не хочешь говорить с чужаком? – удивилась Марушка. Ева покачала головой:

– Нет. Мои старые кости хотят спать. Скажи ему, что около водопада есть пещера, – добавила она.

Марушка кивнула, хотя была крайне озадачена. Она вновь переключила все внимание на странного спутника Пети, который по-кошачьи бесшумно и плавно приближался к ней. Он был среднего роста, стройный. Правильные черты красивого лица, странные серебряные глаза – большие и манящие. Его цвета поразили Марушку. Она не могла отвести от него глаз. Этот чужак был самым красивым созданием на земле, которое видела Марушка в своей жизни.

– Джандер Санстар, это моя сестра Марушка, – произнес Петя, на что Джандер вежливо поклонился.

– Моя госпожа, я польщен.

Марушка вспыхнула, что было вовсе не похоже на нее. Этот чужак смотрел на нее во все глаза, как будто кроме нее ничего вокруг не оставалось. Она не слишком-то часто общалась с чужаками и привыкла к традиционной грубости и бесцеремонности вистани. Манеры эльфа были совсем иными, это нравилось ей.

Из этой задумчивости ее вырвал громкий крик от костра и, прежде чем она успела сообразить, в чем дело, позади нее уже столпилась куча народу.

– Кто этот чужак? – спросил ее отец на языке вистани.

– Это эльф, папа. Он сегодня спас Петю от виселицы. Бабушка сказала, что мы должны быть рады ему.

По толпе пронесся недовольный шепот, но слово Евы все-

гда было законом, и люди неохотно расступились, пропуская Джандера.

Вампир был удивлен оказанным ему приемом. Смуглые лица цыган были очень сдержанными, но все же вовсе не столь враждебными, как у жителей Баровии в трактире. Потя что-то быстро заговорил на своем языке, и тут Джандер увидел, как лица цыган смягчились, на них отразилось удивление, а потом стали вполне радушными. К нему потянулись руки, подозрительные взгляды сменились приветственными улыбками. Джандер улыбался им в ответ, жал им руки. Его подвели к костру и усадили на почетное место у огня. Кругом раздавались оживленные разговоры и смех.

Джандер оказался в центре внимания, когда его окружили дети. Без стеснения они дергали его за серый плащ, маленькими липкими ручонками трогали золотые волосы, показывали пальцами на его остроконечные уши. От такого напора Джандер непроизвольно отшатнулся, оттолкнул девчонок и мальчишек назад.

Марушка прикрикнула на детей, и они бросились врассыпную. Некоторые, самые отчаянные, все же подползли обратно через несколько минут, но теперь уже держались поодаль от золотоволосого чужака.

– Я не хотел пугать их, – извинился Джандер. – Последние годы мне редко доводилось быть среди людей, тем более детей.

Марушка присела на деревянную скамейку рядом с ним,

пожала плечами, и кофта соскользнула со смуглого плеча.

– Я тоже их терпеть не могу, – с коротким смешком доверительно сообщила она. – По-моему, животные и те лучше. По крайней мере, поддаются дрессировке.

Джандер услышал, как кто-то кашлянул, поднял глаза и встретился взглядом с женщиной довольно мрачного вида.

– Господин, я благодарю тебя за то, что ты спас моего сына, – сурово проговорил человек. – Хотя, боги свидетели, я сам иногда готов его прибить.

Он поклонился, потом зашагал к тому месту, где Петя пересказывал историю своего спасения окружающим его соплеменникам.

К удивлению Джандера, отец Пети схватил мальчишку за ухо, а другой рукой принялся расстегивать свой широкий кожаный ремень. Петя извивался, пытаясь вырваться, это ему как-то удалось, и он со всех ног бросился к лесу. Отец, однако, оказался проворнее, и вот эти двое уже принялись горячо ругаться – Петя, похоже, догадывался, что за наказание его ждет.

– Твой отец действительно собирается отлупить его?

Марушка таинственно улыбнулась:

– Смотри дальше.

Отец и сын продолжали препираться, жестикулируя все более оживленно. Вдруг старший обхватил младшего и крепко обнял его. Петя тоже сжал отца в объятиях. Когда они выпустили друг друга, отец Пети принялся осматривать раны

мальчика, у обоих в глазах блеснули слезы.

– Бить наших детей? – улыбнулась Марушка. – Джандер, для нашего народа дети – самое дорогое. Но, наверное, не для меня, – добавила она со смешком. – У нас их так мало – сам видишь. Вот и Петя скоро станет совсем взрослым, – вздохнула она.

– Не грусти, – мягко сказал Джандер. Он повидал немало цветочков и ягодок за свои семьсот лет. Подумав, что и Пете суждено мужать, а потом стариться, он грустно вздохнул.

Марушка заметила в нем эту перемену, бросила на него пристальный взгляд. Потом нерешительно предложила:

– Хочешь, я предскажу тебе твою судьбу?

Джандер помрачнел еще больше.

– Я сам могу это сделать, – резко ответил он. – Меня уже ничто не удивит, да и какая мне радость, если ты скажешь не правду.

Если бы Джандер не был столь явно огорчен, Марушка бы не преминула наброситься на него за то, что он подверг сомнению ее таланты.

– Я – настоящая прорицательница, – гордо объявила она. – И может быть, могу дать ответы на те вопросы, что мучают тебя. – Он повернулся к ней, внимательно посмотрел своими серебряными глазами. – Может быть, я могу сказать, зачем ты здесь, эльф рассвета из Торила.

Серебряные глаза по-кошачьи сузились:

– Откуда ты знаешь?

– Это знает моя бабка. Мадам Ева прорицательница и ведет наш народ, она бывала в твоей земле. Это она сказала, что мы должны принять тебя. Она еще сказала, чтобы я показала тебе пещеру недалеко отсюда, хотя я совершенно не понимаю, зачем тебе это знать.

Джандер смешался. Могла ли эта мадам Ева знать, что он вампир? Иначе зачем ему пещера? Может быть, просто как убежище, необходимое любому смертному? И все же интересно, откуда Ева узнала про Торил.

– Могу я встретиться с твоей бабушкой, Марушка? Если она бывала в моей стране, мы могли бы поговорить.

– Она пошла спать. Она очень стара и быстро устает, – ее красные губы презрительно скривились. – Почему ты хочешь встретиться со старухой, когда можешь оставаться со мной? Давай, Джандер Санстар, я предскажу твою судьбу. За это я обычно дорого беру. Но для тебя – из-за брата – даром. Ты ведь не станешь отказываться? – она посмотрела на него через темные ресницы, голос ее теперь поддразнивал его. Джандер припомнил все, что знал об искусстве флирта, и этот его опыт охотно вспомнился. Этого он тоже был лишен веками – этого безопасного кокетства и приятного соперничества между полами.

– Отлично. Я согласен.

– Пойдем в мой фургон. Мои карты там.

Джандер улыбнулся:

– Не боишься одна уединяться с чужаком?

Она рассмеялась, откинула назад черные пряди волос, сверкнула белоснежными ровными зубами:

– Чужак, мы – вистани – сами можем постоять за себя!

Она похлопала по широкому ремню черной кожи, охватывавшему ее узкую талию. Он увидел маленький, но вполне настоящий кинжал, висевший в ножнах на ремне. По-прежнему улыбаясь, она повела его к фургонам.

Как и полагалось, повозки семьи Мадам Евы – вардо – были ярко разукрашены. Тот, куда пригласила его Марушка, был невелик, но очень красив. В тусклых отблесках костра было трудно различить цвета, но Джандер сумел разглядеть вышитых снаружи оленей и зайцев. К повозке был привязан пожилой, мирно дремавший пони.

Когда Джандер и Марушка подошли поближе, животное вдруг забеспокоилось, уши его насторожились. Розовые ноздри расширились, уловив запах Джандера, лошадь начала отчаянно брыкаться, громко зафыркала и попыталась вырваться из узды. Марушка подошла к пони, попробовала успокоить лошадку, но животное по-прежнему билось в ужасе.

Джандер сконцентрировался и послал неслышный приказ перепуганному животному: «Тихо... Спокойно, дружок».

Лошадь повиновалась, но по-прежнему дрожала, кося на него перепуганным глазом. Марушка, нахмурилась, посмотрела на Джандера, похлопала пони по холке. Вампир улыбнулся, стараясь выглядеть совершенно невозмутимым.

– Петя говорил ведь тебе про волков. Наверное, твой пони чувствует от меня их запах.

– Да, наверное, так, – медленно согласилась Марушка.

Она поднялась по ступенькам к двери вардо. Марушка потянула дверь на себя, скрылась внутри фургона, зажгла лампы. Джандер ждал снаружи, не входя без приглашения. Через несколько секунд цыганка высунула из двери темную голову:

– Чего ты ждешь? Заходи.

Джандер вошел, пригнув голову под низкой притолокой. Вардо был невелик, а из-за разного скарба, который хранила Марушка, казался еще теснее. На полу лежали пять пышных, ярко расшитых подушек. Они окружали покоившийся на богато украшенной металлической подставке большой стеклянный шар. Деревянные полки были забиты камнями, обручами, костями и прочими принадлежностями предсказателей судьбы. Кроватью Марушке служил раскинутый в дальнем углу фургона небольшой соломенный тюфяк, покрытый волчьими шкурами и шерстяным одеялом. Три лампы, висевшие на крючьях, вбитых в деревянные перекрытия фургона, ярко освещали жилище цыганки.

– Садись, а я попробую найти карты, – предложила Марушка. Джандер уселся на одну из удивительно удобных подушек, но чуть не подпрыгнул от неожиданного карканья. Он поднял глаза к потолку и замер. В дальнем углу к потолку была подвешена большая клетка, в которой сидела огром-

ная черная птица. Ворон внимательно смотрел на Джандера блестящим глазом. Прежде чем он каркнул снова, Джандер послал одну из своих беззвучных команд, и птица тут же задремала.

– Это Пика, значит – проказник. Я иногда выпускаю его, и он приносит домой самые невероятные вещи. Ага, вот они.

Марушка вытащила из под тюфяка колоду необычно больших карт. Джандер посмотрел на нее.

– Петя сделал их для меня и подарил на день рождения несколько месяцев назад, – пояснила Марушка. – Думаю, они тебе понравятся. – Она протянула колоду Джандеру:

– Перетасуй.

– Сколько раз? Марушка повела плечами:

– Пока они не почувствуют твои руки.

Джандер мысленно закатил глаза и начал перемешивать карты длинными золотыми пальцами. Пустая трата времени, но вдруг он сможет узнать что-нибудь про Страда. Он чувствовал, что Марушке известно об этой земле и ее хозяине гораздо больше, чем беззаботному Пете. И еще он был готов к тому, что вытянуть из нее нужные сведения будут нелегко. Марушка уселась на подушку напротив вампира, осторожно толкнула стеклянный шар. Ее черные глаза не отрывались от его лица. Он вдруг понял, что она имела в виду. Карты «почувствовали» его руки. Как будто они послали ему сигнал: «Хватит, положи нас». Он удивился. Он всегда считал цыган просто фокусниками и даже мошенниками, слишком мало

или ничего не понимающими в колдовстве. Вистани, однако, оказались совсем не такими. Он положил карты на стол.

– Раздвинь колоду, – приказала Марушка – голос ее был совсем другим, чем прежде, – глубоким и завораживающим. Лицо стало как будто старше. Джандер повиновался.

– Теперь вытяни шесть карт.

Она взяла выбранные им карты и отодвинула остальные в сторону. Перевернула его первую карту. На ней яркими красками была изображена звезда, которую держала на ладони прекрасная женщина. Джандер был удивлен, что у внешне столь развязного Пети было, оказывается, столь тонкое понимание красоты и гармонии.

– Это карта твоего давнего прошлого, – улыбнулась она. – Это лучшая карта в колоде – радость, надежда и обещание. Какая у тебя была светлая душа, Джандер Санстар.

Эльф отвел глаза. Марушка перевернула вторую карту и помрачнела. Джандер был озадачен. Похоже, это была хорошая карта. Па ней влюбленная пара шла сквозь зеленый лес, держась за руки, а мужчина был подозрительно похож на Петю.

– Вроде бы не слишком плохо, – неуверенно произнес он. Марушка покачала головой:

– Обычно – да. Это карта Влюбленных. Но видишь – она лежит вверх ногами. Значит, была разлука. Это недавнее прошлое – ты любил, но потерял ее.

Джандер всерьез подумал, что эта женщина действитель-

но может предсказать будущее.

Марушка перевернула третью карту. На ней слепая женщина держала в руках весы. – Ты ищешь Возмездие.

Она нахмурилась и осторожно дотронулась до карты. Взгляд ее был отстраненным.

– Ты ищешь мести, – тихо добавила она.

Марушка перевернула следующую карту и, казалось, была ошеломлена. Скелет с косою оскалился, глядя на нее. Она подняла глаза на Джандера и была потрясена той легкой издевательской улыбкой, что искривила губы эльфа.

– Это – ты, – выдавила она. – Я имею в виду – это твое настоящее. На самом деле карта означает перемены, а не смерть.

Джандер продолжал улыбаться:

– Дорогая моя, в этом случае, я думаю, она означает именно то, что на ней нарисовано.

«Что– то не так с Джандером», – подумала Марушка.

– Значит, ты воин?

– Был, да. Давно. И в чем-то, пожалуй, им остался. Пожалуйста, продолжай. Теперь мне очень интересно.

Марушке очень не нравилась эта улыбка эльфа. Он улыбался горько, словно издеваясь сам над собой, и, кроме того, в этой улыбке была и опасность. Джандер ей раньше понравился – когда был в меланхолии. Тогда его странные серебряные глаза наполняла глубокая скорбь. Марушку беспокоило, где та грань, за которой этот вежливый, блестящий чужак

может стать опасным. Он был изящен, но она чувствовала, что не сможет справиться с ним в схватке. На всякий случай тем не менее ее правая рука медленно начала придвигаться к ножу на поясе. Лево́й рукой Марушка перевернула следующую карту и закрыла глаза, увидев, что там изображено.

Карта смерти обычно пугала почти всех людей и была самой нежеланной для всех прорицателей судьбы. Это была башня. Петя изобразил здание, в точности повторяющее замок Равенлофт. Башня на карте рассыпалась на куски, обрекая людей на смерть.

– Это плохо, – пробормотала она. – Очень плохо.

Ее рука плотно охватила рукоять кинжала.

– Еще одно подтверждение – я должен верить тебе, – сухо проговорил Джандер. – И еще, Марушка, – очень вежливо произнес он, – сними руку с кинжала. Я не причиню тебе вреда.

Она, вздрогнув, взглянула в его серебряные глаза и увидела, что они снова наполнились тоской. Гадалке стало стыдно. Она было хотела извиниться, но он прервал ее движением руки.

– Что говорит мне эта башня?

– Башня – это хаос, разрушение. Это то, что ждет тебя в будущем.

– Очень мило.

Марушка поспешила продолжить гадание, перевернула последнюю карту и облегченно выдохнула. Там оказалось

Солнце, ее любимая карта из всей колоды. Малыш, по виду лет трех, протягивал ручки к сияющему шару, висевшему прямо над ним.

– Солнце – это удача и победа. И еще – дети. Если ты совершишь свое возмездие, то лишь благодаря солнцу и детям.

Она перевела взгляд с карты на Джандера, уверенная, что порадовала его этой последней картинкой. Однако его лицо было еще мрачнее, чем раньше, он выглядел очень уставшим, отрешенным.

– Солнце – очень хорошая карта, – повторила она.

– Для людей – пожалуй. Но не для меня. Спасибо, что потратила на меня время, Марушка. Это было..., интересно. А теперь я должен уйти, – он поднялся. – Ты говорила о пещере.

Марушка не хотела, чтобы он уходил в таком настроении, без тени надежды. В конце концов, именно она настояла, что предскажет ему судьбу. Он не просил ее об этом. И из-за ее слов так расстроился.

– Остайся с нами еще немного, посмотри наши танцы. Очень редко мы позволяем чужакам смотреть наши танцы. Жизнь твоя хоть и будет долгой, но ты вряд ли увидишь их еще раз.

Джандер усмехнулся, но решил не забывать о приличиях. У этих людей была такая свобода, какой, похоже, ни у кого другого в Баровии не было. Да и кто знает, может, их знания и опыт потребуются ему.

– Как пожелаешь, моя госпожа. Давно не видел ничего столь приятного.

Он позволил ей вывести себя наружу, прошел мимо застывшего пони и направился к кольцу костров. Резкие звуки скрипок уже заполнили ночь, он слышал веселый звон бубнов и колокольчиков. На фоне огня уже плясало несколько фигур. Смех и возгласы, удивительно чистое пение на незнакомом языке с клубами дыма неслись к черным небесам.

Джандер смотрел во все глаза на людей, наполняясь завистью. Эльф так хотел быть частью этого веселья. Вампиру нравились красивая гадалка и эти звуки непривычной, странной для его слуха музыки.

Когда Джандер заставил себя отвлечься от скорбных мыслей и внимательнее пригляделся к танцующим, он ощутил острую боль, увидев дикость и красоту пляски цыган. Молодые женщины, просто одетые в легкие ситцевые, белые или кремовые, блузки и широкие яркие юбки. Они двигались в такт музыке, юбки вились вокруг них, открывая длинные стройные ноги. Длинные волосы разметались по плечам.

Серебряные глаза Джандера закрылись, он ощущал и боль, и радость. Он не видел ничего подобного почти семь сотен лет, с тех самых пор, как танцевал в своем родном Эвермете. Помимо воли вспомнились те дни невероятной невинности, когда ни единая тень не омрачала его светлый, тихий мирок, а вампиры были лишь сказками, которые придумывали, чтобы пугать малых детей.

Марушка приблизилась, встала перед ним, взяла своей смуглой рукой его золотую. Осторожно потянула, приглашая подняться и пойти вместе с ней к костру. Мгновение Джандер колебался, но потом, будто притягиваемый желтыми языками пламени, стал танцевать с ней.

Бессмертное уже пять веков, его тело все еще помнило, как откликаться на музыку. Вампир и цыганка кружились вместе, черные глаза не отрывались от серебряных, золотые руки переплетались со смуглыми. Джандер позабыл обо всем и вдруг он уже танцевал не с Марушкой, а с Анной. Анна – здоровая, улыбающаяся ему, с любовью заглядывала в его глаза.

Он больше не мог этого выдерживать. Красота музыки, это опьянение тем, что он снова среди людей, память об умершей девушке, которую он любил, захлестнули вампира. К своему ужасу, он почувствовал, что вот-вот заплачет. Пробормотав какие-то извинения, он бросился в спасительную тень ближайшего фургона. Марушка поспешила за ним.

– Джандер, что случилось?

– Ничего, просто..., оставь меня одного ненадолго. Пожалуйста. Со мной все будет хорошо.

Он отворачивался от нее. Она неохотно удалилась. Снова оставшись в одиночестве, Джандер вытер кровавые слезы, выступившие в глазах. Одна слеза все же выкатилась и прочертила красную дорожку по щеке. Он надеялся, что никто не заметил этого в неверных, скачущих отблесках костра.

Смятая тряпка упала на землю у его ног.

– Вытри лицо, вампир, – раздался грубый голос.

Глава 6

Джандер быстро поднял взгляд. Танец не остановился. Похоже, эта старуха одна заметила его слезы. Не сводя с нее глаз, он сделал то, что было приказано.

– Ты знаешь обо мне все, моя госпожа. Что ты теперь будешь делать?

Старуха слабо пожала плечами, но Джандер почувствовал ее стальную волю.

– Сейчас – ничего. Ты – наш гость, и мы не можем нарушить обычаи предков. И к тому же тебя выдали слезы. Такое довольно редко случается в этой стране и уж совсем не похоже на бессмертного. Во имя того, кем ты когда-то был, Джандер Санстар, ты можешь уйти спокойно. Завтра ты можешь отоспаться в пещере неподалеку. Мы не будем беспокоить тебя. Но, – добавила она непреклонно, – отныне ты – наш враг. Тебе нет места среди живых. Уходи сейчас же. И быстро.

Джандер почтительно поклонился:

– Прошу об одолжении, мадам Ева – думаю, что это вы и есть. Не говорите Пете и Марушке о том, кто я такой. Ева нахмурилась:

– Я должна предупредить их, ведь они – мои внуки.

Джандер обернулся к танцующим. Марушка присоединилась к остальным и весело кружилась под музыку. Петя сто-

ял среди молодых женщин, смеялся и оживленно размахивал руками.

– У меня было столько возможностей причинить им вред – если бы я хотел. Но они ведь целы и невредимы.

Маленькие черные глаза Евы пытливо вглядывались в его серебряные. Затем лицо ее смягчилось, и она тихо промолвила:

– Я скажу им, если решу, что это необходимо. Но теперь – уходи. – Она поколебалась, потом сказала:

– Сладкой воды и легкого смеха.

Это было традиционное прощание эльфов. Джандер вновь низко поклонился и растворился в ночи. Ева посмотрела ему вслед, потом обернулась к внукам. Марушка вышла из круга танцующих, чтобы передохнуть, и видела, как ушел вампир. Теперь на ее лице было написано разочарование. Тут же к бабке подбежал Петя.

– Бабушка! Неужели ты прогнала его? – в голосе его было отчаяние, он умоляюще смотрел на старуху. Ева кивнула.

– Позови сестру, – приказала она. Он посмотрел в ту сторону, куда ушел Джандер, потом пошел к остальным. Ева тяжело опустилась на скамью.

– Слишком я стара стала для таких встреч, – с невеселой ухмылкой сказала она себе.

– Ты хотела нас видеть, бабушка?

Ева подняла глаза на внуков. Оба они были молоды и красивы – будущее табора и ее собственное. Она похлопала по

скамье рядом с собой, и они покорно сели.

Минуту она молчала.

– Это несчастливая страна, – начала она. – Мы остановились здесь потому, что я договорилась с повелителем Баровии, и этот договор хорош для племени.

Она помедлила, подбирая нужные слова. Петя заерзал, нетерпеливо посмотрел в сторону девушек, с которыми только что весело болтал, Марушка сидела неподвижно.

– Это не значит, что для нас здесь нет опасностей, – продолжила Ева. – Иногда их трудно распознать. Иногда они скрыты красотой.

Марушка первой поняла смысл сказанного, хотя ей очень не хотелось этого: Джандер – опасность?

Ева положила морщинистую ладонь на плечо внучки:

– Да, милая. Очень. Марушка нахмурилась.

– Нет, – твердо сказала она. – Я не могу в это поверить. Я гадала ему, он – не зло.

– Я и не говорю, что он хочет быть злом. Иногда мужчинам не приходится выбирать между добром и злом.

– Бабушка, он спас мне жизнь! – теперь и Петя разозлился на нее.

Ева не хотела говорить им всего, но Петю эльф просто очаровал, да и Марушка попала под его обаяние.

– Да, это так, но ты никогда больше не увидишь его. Итак... – добавила она, обращаясь к внучке, хмуро смотревшей на нее. Ева развернула мокрый платок. – Он этим вы-

тирал лицо.

Петя взял платок, потом с негодованием посмотрел на нее:

– Ты отпустила его – раненого?

– Нет, малыш, – сказала Ева, – это слезы, что текли из его глаз.

Марушка ахнула, глаза ее округлились:

– Нет..., он не., он не может быть...

– Акара, – сказал за нее Петя. Он резко встал:

– Прости, бабушка, но мне надо вернуться в деревню.

Ева нахмурилась:

– И слышать не хочу о таких глупостях после того, что случилось сегодня с тобой.

– Но бабушка.

– Нет, нет и нет, – она встала, раздосадованная. – Я сказала вам, что должна была сказать, теперь делайте, что сказано.

И она пошла к своему фургону.

– Марушка, помоги мне, – сказал Петя, когда Ева была уже далеко.

– Ох, нет. Я не хочу впутываться в...

– Моя подруга..., в деревне. Она тоже доверилась Джандеру. Мы оба предложили ему дружбу. Она должна знать, кто он такой! – на лице Пети были гнев и отчаяние.

Марушка никогда еще не видела его таким серьезным и была даже удивлена.

– Ну ладно, но, если с тобой что случится, я – ни при чем, – заявила она. Ее брат расхохотался:

– Можно взять твою лошадь?

* * *

Анастасия лежала на животе, уткнувшись лицом в мокрую от слез подушку. Красные следы кнута на спине отчаянно болели, и боль становилась все мучительнее. Правя рука онемела, Анастасия попробовала пошевелить ею и чуть не вскрикнула от боли.

Людмила проспала все это время, и Анастасия теперь просто возненавидела сестру. О боги, насколько легче ей бы стало, если бы отец позволил маме смазать раны бальзамом.

Вдруг в окошке стукнулся камешек. Анастасия постаралась приподняться, лицо ее скривилось от боли. Стиснув зубы, она медленно встала, доковыляла до окна. Когда она подняла руку, чтобы открыть ставни, то чуть не потеряла сознание, но все же удержалась на ногах, глухо застонала. Задышавшись от боли, она медленно отодвинула щеколду на ставнях.

На улице стоял Петя. Он отчаянно махал ей, ни произнося ни слова, его темная тень в лунном свете звала ее на улицу, вниз. Анастасии хотелось этого, но она не была уверена, что сможет выбраться из дома.

И в это мгновение яростные вопли разрушили ночную тишину. Анастасия в ужасе смотрела, как из дверей выскочили слуги отца. Двое схватили Петю за руки, а остальные обнажили клинки.

– Анастасия, что происходит? – раздался сонный голос Людмилы, но у Анастасии уже не оставалось времени на объяснения с сестрой.

Она поспешила к двери и побежала вниз так быстро, как только могло ее избитое тело. Она уже задыхалась в изнеможении, добравшись до тяжелой входной двери. Отперев замок, она выбежала на улицу, и тут же холодный влажный воздух окутал ее – к ночи ветер усилился, а температура упала.

Петя уже не стоял на ногах. Он упал бы лицом прямо на камни, если бы слуги не растягивали его за руки. Сам же бургомистр теперь орудовал тем же самым кнутом, которым чуть раньше отходил родную дочь. Он хрюкал при каждом ударе, а по его лицу, несмотря на холод, ручьем лился пот. Он уже нанес беззащитному вистани несколько ударов, и теперь спина Пети превратилась в кровавое месиво.

У Анастасии пересохло в горле, она окаменела, но тут же пронзительно завопила:

– Нет!

Картов остановился, бросил на нее свирепый взгляд, но Анастасия не дрогнула. Боль возвращалась к ней, и вместе с болью приходила ярость.

– Я сказала – нет! – повторила она хрипло. – Иван, отпусти его, – приказала она одному из слуг.

Иван колебался, переводя взгляд с отца на дочь. Старый слуга никогда не смел перечить хозяину, но теперь какая-то перемена в Анастасии встревожила его. Она стояла выпря-

мившись, темные волосы падали на бледное лицо.

– Господин? – нерешительно произнес Иван.

Бургомистр даже не удостоил его взглядом. Анастасия уверенно и медленно подошла к отцу. Картов занес кнут, готовый ударить ее прямо по лицу.

– У-у-у-у, – издевательски завывла Анастасия по-волчьи.

Лицо Картова побелело. Вновь послышался раскат грома, и теперь он был громче – гроза приближалась. Анастасия продолжала:

– Что же ты не скажешь Ивану, как удирал сегодня от волков?

Совершенно спокойно, уверенно, дрожа от ледяной ярости, она сделала еще один шаг и, не говоря больше ни слова, вырвала окровавленный кнут из руки отца. Картов не шевелился.

– Я не убежала, – продолжала она спокойно, потом повернулась к цыгану. – И он тоже, Иван, – повторила она, холодно посмотрев на слугу. – Теперь можешь отпустить его.

Ошеломленный случившимся, сконфуженный Иван выполнил приказание. Другие слуги последовали его примеру и удалились столь же быстро, как и появились.

Петя плашмя рухнул на землю, но Анастасия не сразу поспешила к нему. Она не сводила ледяных глаз с отца. Картов, как мог, пытался избежать этого уничтожающего взгляда. Сегодня ночью он оказался трусом, и его дочь никогда не даст забыть об этом. Наконец, сдавшись в этом безмолвном

поединке, он грязно выругался и пошел в дом, с грохотом захлопнул за собой дверь.

Теперь Анастасия обратилась к своему израненному любовнику, не обращая внимания на боль, пронзавшую ее тело, опустилась рядом с ним на колени, приподняла обеими руками. Она ласково гладила его шелковистые волосы, и наконец он открыл глаза.

– Анастасия, – пробормотал он, – Джандер.

– Тс-с, не нужно разговаривать. Сейчас мы доберемся до дома, а там тобой займутся как следует. Ты можешь идти?

– Слушай меня! – отчаянно торопясь, заговорил Петя. – Эльф..., сегодня ночью..., мы подружились... Помнишь?

Анастасия смущенно кивнула.

– Он – вампир..., мы не можем...

Он не смог договорить и, потеряв сознание, откинулся назад.

Анастасия почувствовала, как по коже побежали мурашки, но не от холодного, готового разразиться дождем воздуха. Золотое существо, спасшее их, – мертвец, питающийся кровью? Это невозможно. И все же Петя не вернулся бы в деревню, если бы не счел это крайне важным. Она взглянула на его окровавленную спину, и в ее груди вновь закипела ярость. Джандер Санстар вполне мог быть вампиром. Глядя на дело рук бургомистра, она почувствовала, что скорее станет жертвой златокожего вампира, чем собственного кровожадного отца.

Гигантская молния вспышкой озарила долину. От неожиданного яркого света Анастасия даже зажмурилась. Удар грома, не замедливший последовать, был попросту оглушающим. Она ощутила, как дрогнула земля.

Стена дождя обрушилась с затянутого тучами неба, маленькие тяжелые капли больно застучали по ее спине. Дождь разбудил Петю, он закашлял, застонал от боли. В конце концов он смог с ее помощью подняться на ноги и доковылять до двери. Анастасия увидела внутри силуэт матери, усмехнулась.

Еще одна вспышка молнии, еще один оглушительный раскат грома. Ходили слухи, что волшебству Страда подвластна даже погода.

– Кольцо тумана вокруг деревни подчиняется ему, – давным-давно говорила Анастасии старая добрая Елена. – Оно для того, чтобы держать нас немножко слепыми. Ветер и дождь – его гнев, молния – его разящий меч.

Анастасия с трудом разбирала дорогу за стеной холодного тяжелого водопада, обрушившегося с небес, дрожала от холода. «Если гроза – гнев Страда, – подумала она с мрачным юмором, – он, должно быть, получил дурные вести».

* * *

Земля позволила Джандеру заснуть. Он не погрузился в сон, как свойственно людям, – эльфы не нуждаются в дол-

гом отдыхе, а когда он им все же необходим, они могут контролировать степень расслабления. Однако после этого дня – первого в Баровии – Джандер заснул.

Он легко нашел пещеру, о которой сказала Ева. Пещера оказалась глубокой и темной – отличное место для отдыха, если солнечный свет смертелен. Эльф поверил словам мадам Евы, но не хотел отдыхать долго и не собирался засыпать. Если это окажется ловушкой, вистани должны удивиться, застав здесь спящего вампира. Он не сможет помешать им.

Сейчас он сидел глубоко в земле, довольно далеко от входа в пещеру. Джандер подтянул ноги к груди, обнял руками колени. Он прислонил голову к камню, закрыл серебряные глаза.

Он играл в свою любимую игру – вспоминал свет солнца. Джандер представлял, как золотой луч проникает к нему через лабиринт подземелья. Эльф представлял, как поток света заливают пустоты, перекачивается по камням, и вдруг ощутил боль в груди. В эту игру он играл уже многие тысячи дней. Он мечтал о солнечном свете и думал, что, может быть, сегодня – тот самый день, когда он наберется храбрости и выйдет наружу. Не страх смерти удерживал его в темноте – он боялся того, что с ним сделает солнце.

В Ториле существовало создание, известное как «малиновая смерть». Это бесформенное чудовище из газа, питающее себя кровью, в легендах всегда было связано с вампирами. Некоторые говорили, что малиновая смерть – душа уничто-

женного, мертвого вампира. Мысль о том, что он может стать таким чудищем, удерживала Джандера во мраке, в тени, вдали от столь любимого им солнца.

Семья назвала его в честь Солнца. Это была сама красота, прекрасная до боли в сердце, которую только знал Джандер – это золотое сияние, менявшее цвет всего, к чему прикасалось. Когда он был жив, Джандер радовался дню, обожал тепло и яркий свет.

Когда он рос в Эвермете, Джандер встречал рассвет игрой на флейте. Его друзья даже подшучивали над ним из-за этого:

– Ты думаешь, рассвет не придет, если ты не протрубишь, Джандер?

Теперь, конечно, он навсегда обречен лишь думать о свете и вспоминать его прикосновения.

Во сне вампир посмотрел на вход в пещеру. Тень закрыла путь свету. Джандер напрягся, готовый отразить нападение. Фигура вошла в пещеру и приблизилась, так что теперь он уже мог разглядеть, кто это.

Это была Анна.

На ней был не тот ужасный балахон, что в приюте, а роскошное платье, подчеркивавшее стройность еще девичьей фигуры. Она казалась абсолютно настоящей, живой, но Джандер сразу понял, что она жива лишь в его памяти. Анна подошла ближе, глаза ее блеснули в темноте, она улыбнулась ему:

– Почему ты не пришел ко мне?

Это был сон, и потому, что он хотел быть с ней сильнее всего за эти семь столетий, он, спящий, поднялся и вышел на яркое утреннее солнце Баровии.

– Так лучше, правда? – маленькие мягкие пальчики Анны сжали его ладонь, она подняла на него глаза. О боги, как она красива. Освещенное солнцем лицо, полуоткрытые манящие губы, влажные добрые глаза. Он никогда не видел ее такой при жизни. Та безумная девушка с бледной кожей и застывшим лицом, которую он запомнил, была лишь тенью этого сияющего создания.

Он был так поглощен ею, что потребовалось несколько минут, прежде чем это чудо встревожило его. Каким-то образом в этом сне он больше не чувствовал запаха ее крови, он перестал быть вампиром и остался лишь Джандером Санстаром – снова золотым эльфом. Он ощущал тепло солнца на волосах, а когда повернулся к ней, она смутилась и отвернулась.

– Солнце слишком ярко сияет в твоих волосах! – засмеялась она и подмигнула.

Он тоже рассмеялся – беспечно, и этот звенящий смех мог вырваться лишь из уст живого существа. Он поцеловал ее в губы, желая только этой сладости, потрясенный до глубины своего существа, что не алчет ее крови. Она отвечала на его поцелуи так, как он только мог мечтать, с такой радостью, которая ошеломила его.

– Анна, – зашептал он, проводя длинными тонкими пальцами по ее густым волосам. – Я не хотел причинить тебе вреда, любимая, я так сожалею...

Она покачала головой, ослепительно улыбнулась, глаза ее остались ласковыми:

– Нет, Джандер, я все знаю. Ты по-прежнему сияешь через мое безумие.

– Анна, – он крепко сжал ее плечи. – Скажи, кто сделал это с тобой. Она улыбнулась еще шире:

– Ты сам должен узнать, кто лишил меня рассудка. Это – твое испытание.

– Испытание? Но я не понимаю...

Она внезапно пропала, и Джандер снова остался один в пещере. Подземелье было погружено в полную темноту, и лишь выделялся темно-серый смутный овал входа в пещеру. Джандер неожиданно ощутил, что дрожит. Ему доводилось переживать и сны, и кошмары, но это видение было и тем и другим сразу. Он испытал боль, снова увидев Анну, даже понимая, что это всего лишь игра собственного воображения. И все же он надеялся, что им доведется встретиться снова.

Снаружи фыркнула и ударила копытом лошадь. Еще одна заржала. Он чувствовал тепло живых, их запах, смешанный с запахом промасленной кожи, металла и сладкой соломы. Воспоминания сменились любопытством. Откуда здесь лошади?

Лучше остаться в безопасности, подумал Джандер и вновь

потянул ноздрями воздух. Человеческого запаха поблизости не было. Вампир осторожно высунулся из пещеры.

Ничего необычного в двух лошадях не было – кроме того, что обе оказались абсолютно черными. Ни пятнышка, ни капли белого на шкурах, хотя их ноздри были розовыми, когда животные почувствовали запах Джандера. Очевидно, они были околдованы неким могущественным заклинанием – лошади не испугались, даже не заржали, когда вампир подошел к ним и положил руки на вороные холки. Он любил лошадей – когда-то и они любили его. Он так скучал по животным.

Джандер убрал руки со спин лошадей и внимательно оглядел коляску, в которую были впряжены черные звери. Это была просторная, украшенная резьбой карета. Внутри она оказалась обитой красной кожей, в дверцах были настоящие стекла. Лишь кто-то по-настоящему богатый мог позволить себе такой роскошный экипаж. Джандер не торопясь обошел вокруг кареты, оценил качество дерева и прочность колес.

На козлах впереди было место для кучера, но никакого кучера не было. Вожжи были крепко связаны и просто брошены на козлы. На красной коже лежал большой белый конверт. Джандер взял его, невольно отметив высочайшее качество бумаги. На красном сургуче, скреплявшем конверт, был оттиск, напоминавший какую-то птицу – печать была слишком мала, чтобы Джандер мог определить – какую. Он сломал печать и начал читать: «Гостю моих земель, Джанде-

ру Санстару, граф Страд фон Зарович, повелитель Баровии шлет приветствия.

Милостивый господин, прошу принять мое гостеприимство и разделить со мной трапезу сегодня вечером в замке Равенлофт. С нетерпением ожидаю, когда смогу задать тебе множество вопросов и буду рад ответить на твои вопросы, которых у тебя, я уверен, также достаточно. Искренне постараюсь наилучшим образом удовлетворить твое естественное любопытство.

Карета доставит тебя в замок. Настоятельно прошу принять мое приглашение и с нетерпением ожидаю твоего прибытия.

Граф Страд фон Зарович».

Джандер аккуратно сложил послание, задумался. Он должен был догадаться, что вистани непременно доложат правителю страны о столь поразительном событии, как появление эльфа. Вряд ли он мог ругать их за это. Его встревожила собственная готовность принять приглашение. Разве он не этого хотел? Кто лучше сможет ответить на его вопросы, как не правитель этих таинственных мест?

Джандер развернул письмо и снова прочел его, пытаясь найти в словах какой-то скрытый смысл. Ему придется безоружным войти в волчье логово, но и сам волк может оказаться ошеломленным его появлением. Выбора не оставалось. Он был уверен – Страд все равно достанет его.

– Ладно, – обратился Джандер к лошадям, и они поверну-

ли к нему морды, – отправляйтесь обратно в свое стойло и везите меня к хозяину.

Когда он подошел к дверце кареты, та сама распахнулась. Он поколебался, потом залез внутрь. Как только он захлопнул за собой дверцу, лошади потрусили вперед. Джандер удобнее устроился на мягких подушках и решил – что бы ни ожидало его в конце этого путешествия, сейчас стоит прокатиться с удовольствием.

Лошади выбрались с тропы на дорогу и теперь бежали рысью. Дорога вновь пересекала реку, и на этот раз у Джандера захватило дух от удивительного водопада – он оказался так близко, что брызги попали на стекла.

Вновь знакомое кольцо дыма окутало их, и Джандер вспомнил тот туман, что принес его из Уотердипа в Баровию. Он вдруг осознал, что прижался к стеклу лицом и надеется, волшебный туман вот-вот возникнет снова и унесет его обратно – домой.

Дым тянулся примерно три сотни футов, а потом кончился так же внезапно, как и начался. Джандер посмотрел назад через оконце на бурлящее серое облако и покачал головой.

Лошади перешли на неторопливый размеренный бег и уносили все дальше на север, направляясь в горы. Дорога становилась все круче, потом повернула к востоку и через некоторое время раздвоилась.

Джандер посмотрел на дорогу, уходящую влево. Вдалеке возвышались огромные ворота – массивные стальные створ-

ки, по обеим сторонам громадные каменные статуи. Казалось, оба истукана лишены голов. Сейчас ворота были открыты, но когда створки смыкались, единственная дорога в деревню с запада оказывалась запечатанной наглухо.

Размеренный цокот копыт продолжался, и вскоре Джандер увидел возвышающийся впереди замок Равенлофт. Холодные щупальца страха пробежали по спине вампира. Это чувство было чуждо ему – не боявшемуся никого: ни мертвого, ни живого – уже несколько веков.

Здесь, однако, и мог быть ключ к разгадке тайны Анны. Анна, прекрасная и волнующая, лишенная рассудка жестокостью какого-то... Кто называет этот мир домом? Руки Джандера сами сжались в кулаки. Пожалуй, хозяину замка Равенлофт придется ответить на несколько вопросов.

Лошади подвезли его к воротам, и карета остановилась. Он увидел, почему встали животные. Между двумя полуразрушенными сторожевыми башенками был вход в замок – деревянный подъемный мост, выглядевший ржавым и старым. И пропасть в тысячу футов, дно которой пряталось в тумане. С высокой стены на Джандера пристально глядели две горгулий. Кошмарные изваяния мерзко скалились на пришельца. Эльф на прощание вновь похлопал лошадей по холкам – для себя, ведь это вряд ли могло доставить удовольствие перепуганным животным, – и они помчались прочь, карета бешено болталась позади упряжки.

Джандер осмотрел мост. Определенно, он выглядел опас-

но. Иногда эльф пользовался тем, что может обернуться летучей мышью и без риска преодолеть любую пропасть – в положении вампира были и определенные преимущества. Перелетев на другую сторону, он снова принял облик эльфа и продолжил путь.

Он прошел через портик, готовый к нападению с любой стороны. Внутри было сыро и скользко, пахло разложением, тленом, но ничего страшного не произошло. Занавес при входе был поднят – похоже, уже довольно давно. Дерево тут тоже начало гнить. Пройдя через портик, он оказался на просторном темном дворе – теперь Джандер смог увидеть сам замок Равенлофт.

Он был положительно впечатляющим. Закрытые высокие двери были покрыты искусной резьбой, изображавшей батальные сцены, так что казалось – фигуры воинов вот-вот задвигаются. Резьба была тонкой и крепкой, но столь правдоподобной, что совсем не сочеталась с этой темнотой, неприветливой крепостью. Два больших факела, укрепленных по сторонам дверей, вспыхивали на ветру. Дверные молотки в виде вороньих голов из меди потускнели, но в глазницах птичьих голов блестели самоцветы. Джандер собрался с духом, затем взял молоток и трижды ударил в дверь.

Звук отдался гулким эхом и повис в воздухе. Несколько напряженных минут ответа не было – лишь завывание ветра. Джандер старался сохранять спокойствие, но с каждой секундой это становилось все труднее.

Затем с низким глубоким стоном массивные двери распахнулись. Створки двигались медленно и натужно. Теплый свет вырвался изнутри в темноту двора.

Джандер отступил назад, и лунный свет посеребрил его золотые волосы.

– Граф? – позвал он, и его встревоженный голос прозвучал тонко и испуганно. Он выругался про себя. – Ваша светлость, это Джандер Санстар, – позвал он снова, стараясь, чтобы голос звучал громко и уверенно. – Я здесь по вашему приглашению, но не смею войти, пока мне не позволят.

Ответом на его слова была лишь тишина, но Джандер каким-то образом понял, что его услышали. Глубоко завораживающий звук возник из глубин освещенного факелами зала. Это был самый прекрасный и самый пугающий голос, который доводилось слышать Джандеру, и он ласкал слух эльфа, хотя в нем ощущалась страшная опасность.

– Входи, Джандер Санстар. Я – граф Страд фон Зарович, прошу тебя войти.

Глава 7

На мгновение Джандер оцепенел от звуков голоса Страда. Разозлившись на себя, он стряхнул этот гипноз, глубоко вздохнул про себя, приготовился ко всему и перешагнул порог замка Равенлофт.

Пол зала был вымощен гладким серым камнем, добытым, скорее всего, в окружающих замок скалах, и по центру был истерт ногами бесчисленных поколений прежних владельцев замка. Огонь факелов, укрепленных на толстых стенах, дрожал во влажном воздухе, отбрасывая неверные отблески на стоявшие по углам рыцарские доспехи. Джандер все еще не мог разглядеть хозяина и напряженно вглядывался в полумрак.

– Граф фон Зарович? – позвал он.

– Входи, друг мой, – ответил красивый загробный голос. Эльф вошел в глубь зала футов на двадцать, когда двери впереди распахнулись. Он уловил краем глаза движение и резко повернулся в эту сторону, обнажив мгновенно удлинившиеся клыки и зашипев. Секундой позже он с долей разочарования понял, что это всего лишь игра теней. Четыре каменных дракона хищно смотрели на него сверху, и их глаза, так же как и глаза дверных молотков, были сделаны из самоцветов. Дорогие камни просто отразили свет факелов.

Тело Джандера расслабилось, и он шагнул дальше. Он

прошел через еще одни двери, распахнувшиеся при первом его прикосновении, и вошел в просторную комнату. Это и был главный вход. Слева широкая лестница уходила наверх в темноту. По кругу со сводчатого потолка на него пялились такие же горгулий, что и снаружи. Он посмотрел на потолок, который они охраняли, и на мгновение у него захватило дух от той красоты, что он увидел там.

Потолок был покрыт великолепными фресками. Глаза Джандера перебегали со сцен охоты на картины сражений, от рыцарских поединков к балам и турнирам. К сожалению, фрески были уже основательно испорчены. Хозяин замка Равенлофт, похоже, мало заботился о поддержании в должном порядке своего замка и той красоты, которой владел. Эльф вновь обратил все свое внимание на поиски хозяина.

Прямо перед ним оказались две закрытые бронзовые двери. Джандер шагнул к ним и туг шелковый голос произнес: – Я рад, что ты пришел. Добро пожаловать в мой дом.

Джандер обернулся и увидел хозяина, спускающегося по покрытой ковром лестнице с канделябром в руке.

Граф Страд фон Зарович был высок, больше шести футов росту, тело его было стройным и, совершенно очевидно, сильным. Он был в строгом черном костюме и белоснежной рубашке. Малиновый шейный платок с крупным красным камнем казался кровавым пятном. Кожа его была крайне бледной – как мел. На лице разительным контрастом с этой белой кожей были темные пронзительные глаза. Они

не пропустили ничего, когда граф с любопытством оглядел Джандера, а потом встретился взглядом с эльфом. Густые, тщательно уложенные черные волосы графа не закрывали ушей. Лицо Страда было радушно, но приветственная улыбка казалась угрожающей.

Джандер поклонился, когда Страд подошел ближе.

– Благодарю за приглашение, граф. Для меня большая честь быть принятым повелителем Баровии.

Улыбка Стада стала шире, и на этот раз в ней определенно мелькнула злоба:

– Я рад, что ты так думаешь, Джандер Санстар. Немногим в моем замке оказывали такой радушный прием.

– Но, быть может, им не доводилось получать столь изящно составленное приглашение.

Это было дерзкое замечание, и какая-то красная искра блеснула в глазах Страда. Граф улыбнулся и кивнул:

– Очень точно подмечено. Вижу, ты не из тех, кто будет распинаться в пустых любезностях. Это хорошо. Я и вправду пригласил тебя сюда, имея на то собственные причины – уверен, ты пришел, имея собственные. И все же, уверяю тебя, мое радушие неподдельное.

Они стояли, глядя друг на друга, похожие на двух странных, кружащих вокруг друг друга волков, ни один из которых не хотел допустить поражения.

– Ты можешь звать меня Страд, – наконец произнес граф. – Я не знаю твоего титула, но, понятно, ты гораздо бли-

же к равным мне, чем эти несносные крестьяне и мои глупые слуги. Прошу тебя следовать за мной. Мы должны устроиться поудобнее и, кроме того, – холодно произнес Страд, – у меня почти не бывает гостей, и я хочу показать некоторые домашние диковинки.

Он отвернулся и начал подниматься по ступенькам.

– Полагаю, ты озадачен, как я узнал, где тебя найти.

– Вовсе нет. Ясно, что тебе доложили вистани.

– Да, цыгане – мои сородичи. Они во всех отношениях лучше этой деревенщины.

Они поднялись на площадку между лестничными пролетами, и Джандер огляделся вокруг. Здесь было еще больше фресок, столь понравившихся ему ранее – на этих были изображены сцены штурма горы, на которой высился замок. Как и те, что внизу, фрески были изрядно испорчены. Джандер последовал за Страдом, и они начали преодолевать следующий марш лестницы.

– Ты видел туман, когда прибыл сюда? – поинтересовался граф.

– Да, кольцо тумана вокруг деревни довольно любопытно.

– Хорошо, что тебе уже не нужно дышать, друг мой. Этот туман оказался там по моему велению. Он ядовит. Цыгане за свои услуги получили формулу некоего зелья, которое позволяет им без вреда проходить через туман. Вот так: они продают возможность пройти сквозь туман, а мои кладовые лишь пополняются от этого. Неплохо, да?

Они вошли в громадный зал. Лунный свет, пробираясь через окно справа от них, заливал мощный камнем пол. Зал казался еще больше из-за своей пустоты. В дальнем конце возвышался огромный трон, и больше ничего здесь не было.

– В прежние времена это был зал для приемов. Как ты можешь видеть, теперь им пользуются не очень часто.

Они зашагали дальше, пройдя через покрытые затейливой резьбой двери в маленький коридор. Рыцарские латы одиноко прятались в двух почти невидимых в темноте нишах. Страд подошел к одной нише, сделал какое-то неуловимое движение, за которым Джандер не уследил, и появился контур двери. Страд легко толкнул ее, и она распахнулась.

Джандер сжался. Слухи о Страде оказались правдой.

Повелитель Баровии был волшебником.

Эльф сжал зубы и покорно последовал за Страдом еще по одной лестнице наверх. Теперь Джандер был уже озадачен, настолько огромным оказался замок.

– Ты обитаешь здесь в одиночестве, Страд?

– О нет. У меня есть слуги – или нечто типа этого, а деревенские снабжают меня всем, что нужно и что я могу пожелать. Жители поселка вполне послушны, а с цыганами у меня соглашение, как я уже говорил. Хорошо, что ты решил не причинять им вреда. Я признателен за твою сдержанность.

– Почему я должен был причинить им зло?

Страд резко остановился и обернулся к Джандеру. Заговорщически улыбнулся и обнажил белые зубы. Джандер был

поражен, увидев, как резцы Страда удлинились и стали острыми:

– Голод нельзя подчинить себе, не так ли, Джандер Санстар?

Эльф лишь смотрел на него, не произнося ни слова. Неудивительно, что Страд так хотел увидеть его! Неудивительно, что в этом несчастном городишке люди так перепуганы. Страд продолжал не отрываясь смотреть на Джандера, весьма довольный оцепенением гостя. Удовлетворенный тем, что поставил нахального эльфа на место, граф повернулся и продолжил восхождение.

Ступени кончились, и Джандер оказался вновь в просторном зале. Через щель в потолке бледный свет луны проникал внутрь и освещал длинный ряд статуй.

– Мои достопочтенные предки, – сухо произнес Страд. – Некоторые из них не совсем еще..., ушли, если так можно выразиться.

И Джандеру показалось, что у некоторых из статуй была боль на лицах. Другие, впрочем, были просто каменными изваяниями. Голова одной из статуй была повернута, и Джандер из любопытства попытался разобрать имя на постаменте.

– Джандер! – властно воскликнул Страд, и эльф поспешил догнать хозяина. Еще один короткий коридор, и вот граф распахнул дверь в комнату, где не было и следа того тлена, что охватил весь Равенлофт.

– Мой кабинет, – сказал Страд мягче, чем раньше. В ка-

мине пылал жаркий огонь, его рыжие отблески наполняли комнату теплом и светом. Стены закрывали полки с сотнями книг, и Джандер уловил запах промасленной кожи – пергамента. Очевидно, Страд дорожил библиотекой. Джандер прошел за вампиром. Здесь не было голых камней – пол устилал роскошный паркет.

Граф расположился в просторном мягком кресле, обитом алым бархатом, жестом предложил Джандеру сесть во второе такое же кресло:

– Прошу садиться. Это моя любимая комната. У меня много времени для созерцания и размышлений.

Джандер покорно сел, и какое-то время они оба молчали, наслаждаясь уютом комнаты.

– Я знаю, – наконец заговорил Страд, – что ты спас одного из вистани прошлым вечером.

Джандер кивнул.

– Ты действительно такой добродетельный, а? – в густом голосе Страда послышалась издевка.

Джандер фыркнул.

– В твоём роду была кровь эльфов, Страд? – грубо спросил он. – У тебя острые уши.

Страд поднял руку, невольно потянувшись к уху, потом отдернул и вновь сложил руки на груди.

– Думаю – нет, – заявил он, – хотя я иногда и распускаю такие слухи.

Его глаза сузились, и когда он заговорил снова, то медлен-

но подбирал слова:

– Никто, кроме моих рабов и некоторых вистани, не знает о моей сути. Я хочу, чтобы так оно и было впредь, и меня крайне огорчит, если я узнаю, что кто-то раскрыл мою тайну. Я решил довериться тебе, потому что чувствую – мы можем поучиться друг у друга.

«Итак, мы добрались до истинной цели приглашения», – подумал Джандер. Все ужасно вежливые разговоры и этот лабиринт переходов были всего лишь проверкой, а теперь начнется главное испытание. Джандер поерзал в кресле, устроился поудобнее, вытянул ноги и устремил взгляд на Страда.

– Тайны – вещь опасная, – произнес он. – В иных руках они могут стать довольно неприятными.

– Надеюсь.

– медленно проговорил Страд, и теперь в его голосе была неприкрытая угроза. – Твои руки – не иные. Джандер позволил себе улыбнуться:

– А что, если не так? Допустим, я поведаю всем, что ты бессмертный. Мы – акара – не очень-то любимы людьми. Что ты тогда сделаешь мне?

Страд отбросил всю прежнюю вежливость, и в его глазах появились красные огоньки:

– Я уничтожу тебя.

– Как ты сможешь это сделать? Превратить меня в своего раба? – Джандер сел прямо и положил локти на колени. – Я

здесь не для того, чтобы бороться с тобой. Напротив, я согласен, что нам есть, что поведать друг другу, я надеюсь, мы можем стать союзниками. Я не какой-то деревенский дурак или твой слуга. Ты можешь быть Правителем земли.

– Я есть земля!

Глубокий голос был подобен грому, и красные огоньки в глазах Страда разгорелись от злобы еще ярче.

Джандер подумал: что, если он пойдет слишком далеко, и Страд сможет какой-то колдовской властью действительно уничтожить его?

– Я – Баровия! – яростно вскричал граф. – Она дает мне силу, а я даю ей, что она хочет. – Его губы скривились в ухмылке:

– Я – Первый Вампир. В отличие от тебя и любого другого бессмертного мне не нужны приглашения. Здесь каждый дом – мой. Все существа – мои, я делаю со всеми, что пожелаю.

Он откинулся в кресле и прикрыл глаза. Джандер услышал скрежет когтей по каменному полу, и тут в кабинет вбежали три волка. Они бросились к Страду, счастливо прижались к его ногам, потом успокоились и легли рядом с креслом графа.

– Это, – гордо произнес Страд, – мои дети. Они покорны любому моему приказу.

Один из волков поднялся, напряженный и встревоженный. Потом он медленно опустился на пол, лег на спину, от-

крыв горло. Джандер ощутил запах страха. Второй волк повторил те же движения, но, опускаясь, неожиданно вонзил клыки в глотку собрата. Кровь брызнула фонтаном во все стороны, забрызгав обоих зверей и камни камина. Первый волк дергался и отчаянно бился в конвульсиях, но второй лишь глубже вонзал клыки ему в горло. Наконец волк дернулся в последний раз и издох. Его убийца разжал пасть и облизнул клыки. Опустив голову, зверь на брюхе подполз к ногам хозяина. Страд неохотно провел ладонью по голове волка. Третий зверь дрожал, сжавшись в тугий комок.

Джандер было привстал в негодовании, но что-то во взгляде Страда остановило его. Самоназванный «Первый Вампир» желал, чтобы он проявил слабость, протестовал против бессмысленного убийства зверя. Джандер медленно опустился на место, не отводя глаз от Страда. Любивший животных эльф был действительно разгневан бессмысленной жестокостью второго вампира, но все же лучше было этого не показывать.

Он посмотрел на двух оставшихся волков, потом осторожно мысленно дотронулся до рассудка волка-убийцы. «Отдыхай». Серый зверь закрыл глаза и подчинился – свернулся клубком и быстро уснул. Эльф перевел мысли – холодные и неумолимые – на другого волка.

«Иди, дружок. Иди ко мне». Волчица пошевелилась, уши встали торчком. Полурыча-полускуля, волчица бросилась к Джандеру. Зверь неуклюже попытался залезть ему на коле-

ни, но он лишь слабо улыбнулся и мягко оттолкнул ее на пол. Она легла у его ног, не сводя с него восхищенных глаз, и каждый ее мускул был готов исполнить любое пожелание нового хозяина, каким бы оно ни оказалось. Эльф потрепал ее по голове.

Потом Джандер перевел взгляд с волчицы на графа и вновь позволил себе улыбнуться.

Страд был определенно разозлен, но на его холодном лице было также и восхищение.

– Впечатляюще, – процедил граф. – Поистине впечатляюще. Волки всегда подчинялись мне и никому другому. Видно, Повелитель земли может многому поучиться у гостя.

Он склонил голову в поклоне.

Что-то переменялось. Джандер каким-то образом понял, что Страд теперь оценивает его по-другому. Он надеялся, что это к лучшему.

– Вот почему я пригласил тебя сегодня, – продолжил граф.

– Так я и подумал, – бросил пробный камешек Джандер. Страд слегка нахмурился, ноздри его раздулись, но он все же ничего не сказал на это.

– Ева сказала, что твой мир называют Торил, – заговорил граф. – Меня очень интересуют другие страны, другие земли. Я бы с удовольствием послушал твой рассказ.

Кризис вроде бы миновал, и Джандер на мгновение позволил себе немного расслабиться:

– Прежде чем ответить на твои вопросы, я хотел бы сам задать несколько.

Страд взмахнул рукой, поощряя Джандера.

– Была ли в этой земле женщина по имени Анна?

Страд криво ухмыльнулся:

– Это самое обычное имя. Уточни.

Начав, Джандер обнаружил, что ему трудно продолжать. Ему показалось неудобным описывать судьбу и горе Анны чужому, но он заставил себя отбросить это чувство. Это был единственный способ найти ответы на измучившие его вопросы.

– Она была безумна, – спокойно сказал он. – Она была высокой и стройной, с длинными рыжевато-коричневыми волосами. Она была очень красива. Я думаю, что она пала жертвой заклинания. Видишь ли, я знал ее очень много лет, но она не старилась.

Страд покачал головой:

– К сожалению, не могу никого вспомнить, кто бы подошел под это описание. По-моему, таких не было не только в поселке, но и даже в Валлаки – это рыбацкая деревушка недалеко отсюда. Вообще-то безумие здесь не редкость. А что касается колдовства, то здесь, в Баровии, лишь я владею искусством аркан. Я, Джандер, друг мой, никогда не накладывал заклинание на женщину по имени Анна. Даю слово, – голос его был вполне искренним, и Джандер с удивлением почувствовал, что охотно верит ему. – Я знаю, что такое по-

терять любовь, – не раз мне доводилось испытать эту горькую чашу.

Страд внезапно стал казаться очень уставшим.

Итак, надежды Джандера рухнули. Каким-то образом, быть может, слишком быстро он решил, что Страд знает об Анне и может рассказать ему, кто сотворил это зло с прекрасной молодой женщиной.

– Еще вопросы? – по голосу Страда было ясно, что он ожидал отрицательного ответа, но Джандер продолжал. – Как я могу узнать о ней больше?

– Пожалуйста, пользуйся любыми книгами моей библиотеки, – обводя вокруг рукой, предложил Страд. – Все иные запасы – в старой церкви, однако я сомневаюсь, что ты пойдешь туда.

Это вновь был прежний властный Страд, лукаво улыбавшийся Джандеру.

Джандер улыбнулся про себя, но не подал виду, и на лице его отражалась лишь скорбь:

– Ты прав. Ты назвал местечко Валлаки. Что это? Что за люди там живут? Есть ли у них записи?

Черные брови Страда сомкнулись на переносице, он раздраженно взмахнул рукой:

– Все это я могу рассказать тебе, но неужели ты должен прямо сегодня разгадать свою маленькую тайну?

Джандер понял, что граф быстро теряет интерес к этому разговору:

– Ты прав. Насколько мне интересна эта страна, должно быть, настолько же тебе интересен я. Мое появление здесь, в Баровии – тайна. Один из вистани сказал, что меня принесли туманы.

– Ах, туманы, туманы, – пробормотал Страд, глядя на огонь. – Они приходят за многими. Они пришли за мной – за всем, что было моим, – давно. Тогда и я стал таким, каким ты меня видишь. – Он улыбнулся, обнажив длинные белые клыки, которые все еще не удосужился спрятать:

– Даю силы этой земле – вечная жизнь.

Эльф подумал, что Страд, пожалуй, прав – по-своему. Джандер никогда не стремился к такой «вечной жизни», как об этом мечтают люди. Эльфы живут по несколько веков. Вот почему он никогда не слышал о других бессмертных эльфах, решил он. Их природа не совсем хорошо подходит к такому существованию – у эльфов нет этого влекущего, отчаянного стремления к тому, что не даровано им судьбой. Когда он стал вампиром, сам Джандер предпочел бы умереть от собственной руки, чем существовать так, как существует сейчас, но легенда о малиновой смерти не позволяла ему исчезнуть так легко.

Недовольный таким мрачным поворотом мыслей, Джандер решил переменить тему.

– Ты говорил о Баровии так, как будто она – живое существо. Вистани тоже говорят о силах земли. Что же такое Баровия? Почему люди попадают сюда через туманы?

Страд ответил не сразу. Он встал, подошел к огню, положил ладонь на решетку.

– Я отвечу на твои вопросы позже. В конце концов, – мрачно хмыкнул он, – разве не принадлежит нам все время во вселенной? – Помедлив, он добавил:

– Мне трудно утолить голод. Пойдем со мной? Стало чрезвычайно трудно найти кого-нибудь в Баровии после заката. У меня всегда есть готовая еда.

Джандер внутренне содрогнулся. Он представил тюрьму, полную живых людей, как скот, загнанных в хлев, предназначенных для пропитания этого темного, элегантного господина. Но как может он сам порицать это, если столько лет утолял голод безумцами?

– Благодарю, нет. Я предпочитаю кровь зверей, пока лучше не освоюсь в этой земле.

Страд в ответ рассмеялся. Это был страшный смех, но Джандер терпеливо смолчал.

– Ах, Джандер, если я могу тебя так называть, здесь ты не сможешь выжить на звериной крови.

– Может, это ты не можешь, твоя светлость, но я – смогу. Жаль, если это расстроило тебя.

– Нет, нет, это лишь развеселило меня. Лес в твоём распоряжении, но я не думаю, что ты сможешь утолить голод зверями из Свалических лесов. Я почему-то не думаю, что ты сочтешь их..., подходящими. Посмотрим, когда ты вернешься. Джандер, я здесь хозяин, – торжественно произнес

Страд, – ты – мой гость и волен поступать, как пожелаешь.

– А если я скажу: «Благодарю, ваша светлость, но я хочу уйти сегодня же?»

– Тогда я скажу тебе: «Ты волен уйти, когда захочешь. Но твои вопросы останутся без ответов».

Джандер громко расхохотался на это, и даже Страд улыбнулся с ледяной холодностью:

– Мое любопытство, граф, это самые прочные оковы на свете. Благодарю тебя. Я принимаю твое приглашение.

– Что тебе требуется для этого? Под нами внизу – подземелье, и ты можешь...

– Благодарю, нет. Мне не нужен долгий сон, не нужен гроб. С твоего позволения я хотел бы укрываться в замке днем, когда светит солнце. Пока я скрыт от солнца, я в безопасности.

Джандер заметил с легкой тревогой, что своими словами застал Страда врасплох. Потрясение на миг промелькнуло в глубоких темных глазах. Страд быстро взял себя в руки, но Джандер знал, что выиграл еще одно очко у хозяина замка Равенлофт.

– Мой дом – твой дом. Но с одним исключением. В эту комнату, там, – он вытянул тонкий длинный палец к двери, видневшейся в стене, – не входить. Что там – мое дело. Если ты попробуешь послушаться меня, то обнаружишь, что дверь заперта при помощи колдовства. Я прошу уважать мои желания.

Джандера тут же охватило любопытство, но он не имел права совать нос в чужие дела. Если графу хочется иметь комнату с тайнами – это его дело.

– Конечно.

– Тогда желаю доброй ночи – и доброй охоты.

Глава 8

Джандер медленно пробирался по лесу, бесшумно, как волк, выслеживающий добычу. Его инфракрасное зрение и слабый, рассеянный лунный свет, пробивающийся через листву, превратили лес в движущийся живой калейдоскоп теней и шорохов в поднимающемся от земли ночном тумане. Его окружали приглушенные звуки, издаваемые живыми существами, он чуял меняющийся запах теплой крови. Прямо над его головой на длинную ветку выскочила белка и, осмотревшись, изящно перелетела на соседнее дерево. Серая лиса застыла на месте и ее мех сверкал в лунном свете – расширившимися от ужаса глазами не отрываясь от неожиданно возникшей серебряной фигуры вампира. Мгновение два охотника смотрели друг на друга. Лиса метнулась обратно в лес, оставляя Джандеру свою добычу.

Джандер увидел своим инфразрением мягкие, теплые очертания большого зайца, забившегося под разлапистые ветви старой ели. Мягко, так же, как обращался к волкам, Джандер мысленно сказал зверьку: «Лиса ушла, все спокойно».

Тишина окутала лес. Лишь понизу дул легкий ветерок, шурша сухими листьями и опавшей хвоей. Заяц даже не успел дернуться, когда длинные сильные руки схватили его за уши и задние ноги. В горло зверька впились клыки, ока-

завшиися острее лисьих зубов.

Джандер жадно глотал кровь – голод был сильнее необычного вкуса жидкости. Затем он отбросил обескровленную тушку в ту сторону, куда бросилась лисица, обтер рот и поморщился. У заячьей крови все же был странный привкус – какая-то вяжущая сладость.

Вдруг Джандер почувствовал резкие боли в желудке, его замутило, он зашатался, колени подогнулись и он рухнул на четвереньки, извергнув только что выпитую кровь до капли. Дрожа, он наконец смог сесть. Заяц просто оказался больным, просто не повезло и нужно еще поймать какого-нибудь зверя.

На этот раз он подманил оленя – вполне здоровую на вид самку, которая не сводила с него печальных карих глаз, пока он высасывал ее кровь. И снова был неприятный привкус, и снова кровь не задержалась в его желудке. Джандер не мог понять, в чем дело. Ему лишь иногда требовалась человеческая кровь – и в Уотердипе он долгие годы существовал за счет крови животных. Он чувствовал – что-то неладное творится здесь, на этой земле, чувствовал с самых первых минут. Может быть, туман как-то изменил его, и теперь кровь животных он просто не может пить?

Это, пожалуй, единственное объяснение, которое приходило на ум, – но абсолютно нелогичное.

Страд знал об этом и ненавязчиво пытался предупредить его. Хозяин Равенлофта, признав победу эльфа над волками,

наверняка забавлялся мыслью, что Джандеру придется лишь выворачиваться наизнанку после того, как он попробует звериной крови. Теперь их со Страдом счет сравнялся.

Как ни была ненавистна эта мысль, но Джандеру пришлось признать: чтобы выжить здесь, в Баровии, необходима человеческая кровь. Золотой вампир последовавшие четыре часа провел в тщетных поисках запаха какого-нибудь беспечного человека. Он обернулся волком и пробежал долгие мили, напряженно разыскивая возможную добычу. Несколько раз он наткнулся на слуг Страда – бледные, с заостренными лицами вампирки шипели на него, прежде чем превратиться в летучих мышей. Джандер даже подумал напасть на цыганский табор, но тут же отбросил эту мысль. Вистани были осторожнее деревенских жителей, и, хотя Джандер мог насытиться почти незаметно для других, остроглазые цыгане наверняка бы заметили даже слабые следы его зубов на коже. И кроме того, Джандер сейчас был «гостем» Страда, и нарушение договора с цыганами, скорее всего, рассердило бы графа.

Запах других людей в лесу не было, а быстрая пробежка по деревне лишь подтвердила, что жители Баровии привыкли надежно прятаться по домам на ночь. Уставший, расстроенный и голодный, Джандер сменил волчий облик на летучую мышь и полетел обратно в замок.

Хотя эта перспектива была противна ему, вампир был вынужден принять приглашение Страда.

Он приземлился во дворе, превратился из летучей мыши в туман, а потом – в эльфа и прошел в кабинет Страда. Ему нравилось находиться в этой комнате, хотя он всегда предпочитал открытое пространство. Кабинет, однако, производил впечатление меньшей заброшенности, чем остальные помещения замка. Когда он вошел в кабинет, то тут же уловил сладкий манящий аромат.

Человеческая кровь.

Острый приступ голода пронзил его; следуя за запахом, вампир прошел через двери. За кабинетом оказалась спальня – большая и чистая. Единственное окно было закрыто тяжелыми шторами красного бархата, через которые пробивался свет луны. Он посеребрил комнату, тускло блеснул на медных витых канделябрах, отражался от полированного резного стола и другой мебели. Сама кровать была когда-то верхом роскоши, но сейчас дорогие покрывала сгнили, а подушки изрядно побила моль.

Джандер не обратил особого внимания на украшения комнаты. Он не отводил печального взора от одинокой фигуры у окна, которую лунный свет превратил в стройное юное привидение.

Она стояла у окна, задумчиво глядя на открывающийся ночной пейзаж. Слеза ползла по ее щеке, сверкая в лунном свете, как жемчужина на алебастре. Она казалась испуганной, но отрешенной от происходящего вокруг. Джандер подошел бесшумно, и молодая женщина не сразу почувство-

вала его присутствие. Он молча наблюдал, как она отвернулась от окна и села на кровать. Эта девушка была изумительным сочетанием девочки и женщины одновременно. О том, что она уже взрослая, свидетельствовали роскошные бедра и груди. Бледное круглое личико, напротив, было совсем детским, с большими, переполненными страхом глазами, прикрытыми длинными бархатистыми ресницами. Румянец на щеках и алая щель рта вновь вызвали острый приступ голода у Джандера.

– Госпожа, – начал он.

Она ойкнула и отшатнулась, инстинктивно попыталась закрыться руками, потом с трудом заставила себя лечь на кровать. На ней была лишь тонкая сорочка. Глубоко вздохнув, она решилась заговорить.

– Его светлость граф Страд фон Зарович прислал меня для вашего удовольствия, – произнесла она юным мелодичным голоском. – Я хочу сказать, что еще не тронута здесь, – она приложила палец к горлу, – и здесь, – она опустила ладони на холмик между бедер. Кровь стыда прилила к ее щекам, и она прикрыла глаза – длинные черные волосы закрывали половину лица. – Таков подарок моего господина его новому другу, – ее голос дрожал. Голод Джандера притупился, но вовсе не исчез. Он знал, что многие вампиры испытывают самые разные аппетиты к своим беспомощным жертвам. Понятно, что Страд специально подбирал ему эту добычу, но Джандер не мог принять такую жертву. Разве не достаточно

лишить невинное создание лишь крови, не причиняя насилия душе и телу? Ему отчаянно хотелось, чтобы эта молодая женщина смогла сейчас оказаться дома, в безопасности, в кругу своей семьи, но его верхняя челюсть уже задрожала, а клыки удлиннились от сладкого аромата крови. Голод пронзил его, и его сознание, как всегда, не в силах было справиться с непреодолимой потребностью в этой красной жидкости, дарующей жизнь.

Он опустился на кровать, похлопал ладонью рядом с собой.

– Как тебя зовут, малышка? – мягко спросил он.

– Наташа, – пролепетала она, не поднимая глаз.

– Иди сюда, Наташа, – попросил он. Она подползла к нему, и теперь, помимо аромата крови, он уловил металлический запах ее страха. Он осторожно отвел пряди темных волос с ее лица, печально посмотрел на нее. Она закрыла глаза и задрожала.

– Как Страд доставил тебя сюда? Наташа облизнула губы:

– Он послал карету в деревню. Он знал меня и попросил моего отца, чтобы тот отпустил меня. Мы должны во всем повиноваться нашему господину.

– Ты знала, для чего он привез тебя сюда?

Она замотала головой.

– Нет, – прошептала она, и в ее глазах вновь блеснули слезы. – Да! О боги, пожалуйста, молю, не делай мне больно! Отпусти меня домой! Я сделаю все, что ты хочешь, только

не делай меня такой же, как ты сам, пожалуйста...

– Бедное дитя, – пробормотал он. – Посмотри на меня, Наташа.

Его беззвучный приказ прекратил ее истерику, она теперь не отводила зачарованного взгляда от его серебряных глаз.

– Ты ведь больше не боишься меня, так?

– Н-нет, – запинаясь, пробормотала она, все глубже погружаясь в гипнотический сон.

– Хорошо. Ты веришь мне, Наташа? Ты веришь, что я не сделаю тебе больше, чем необходимо?

Ее карие глаза смотрели на него не отрываясь, она медленно кивнула, Джандер мягко взял ее золотыми ладонями за виски, склонил ей голову набок. Артерия на ее шее теперь ритмично пульсировала в лунном свете, заливавшем комнату. Он быстро обнажил клыки и погрузил их во влекущую плоть.

Как только его тело почувствовало кровь, он позабыл обо всем. Теперь Джандер жадно глотал, насыщался, не думая, сколь невинна эта молодая женщина, чувствуя лишь нахлынувшее тепло и прилив, обновление сил. Очень трудно было остановиться, чтобы не опустошить ее всю, но он смог это сделать.

Вампир облизнул липкую жидкость с губ, уложил девушку на кровать. Она еще дышала и была смертельно бледна, но все же жизнь не оставила ее.

Он встал и подошел к окну. Луна была окутана облаками,

но по-прежнему ярко сияла в небе, маня к себе стаи летучих мышей. Джандер долго смотрел на раскинувшиеся внизу поля и леса, потом закрыл ставни, накрепко запер их.

Потом сел снова на кровать и задумался. В Уотердипе ему было достаточно крови одного зайца каждую ночь. Сейчас он из-за своего голода чуть не убил молодую женщину. Джандер несколько столетий мог бороться с самой природой своего проклятия – охотиться за людьми и насыщаться их кровью. Он по-своему отринул это проклятие, надеясь, что если будет питаться лишь кровью зверей или будет забирать у людей не больше, чем ему действительно нужно, то как-то сможет быть не таким страшным злом, как другие вампиры.

Теперь он уже не мог убежать от самого себя – даже понимание того, что он совершает, не могло подавить его все-таки голод.

Ему было тяжело осознать это – он закрыл лицо ладонями, глубоко вздохнул от смертельной усталости.

– Анна, – тихо простонал он, – Анна, как ты нужна мне.

– Правда?

В небе сияло солнце, а Джандер распростерся на кровати. Он поднял глаза на того, кто заговорил с ним, и увидел Анну, смотрящую на него любящим взглядом. Она положила загорелые ладони на бедра, каштановые волосы, которые солнце сделало ослепительно рыжими, были откинута назад. Глаза ее смеялись:

– Я и вправду нужна тебе? Джандер, встревоженный этим

видением, все же не смог промолчать:

– Больше жизни, любовь моя.

Тогда она подошла к нему, окутав теплом объятия, и он ощутил лишь запах мыла и солнечного света на ее коже – и никаких других ароматов. Анна подошла к окну и широко распахнула ставни – поток ослепительного света обрушился на Джандера.

Как это похоже на правду, подумал он.

Он заметил, что каким-то образом заброшенные, запущенные комнаты стали светлыми и приветливыми, мебель засверкала лаком и все украшения вернули первозданную роскошь. Рука об руку влюбленные спустились по лестнице.

Во дворе их уже ожидали два молочно-белых коня. Когда он подошел ближе к одному из них, тот потянулся мордой к нему. Джандер обнаружил, что держит в руке яблоко. Эльф протянул его животному, и конь тут же захрустел яблоком, благодарно глядя на Джандера. Эльф и Анна взобрались в седла и помчались вперед – в прекрасный весенний полдень.

Обернувшись через плечо назад, Джандер увидел иной замок Равенлофт. Красивое здание, гнездо большого и благородного семейства.

Через несколько восхитительных часов они поили своих уставших скакунов Цер-Пуле. Пока животные утоляли жажду, Джандер и Анна, обнявшись, лежали под высоким деревом, вдыхая аромат молодой земли и щурясь от лучей яркого солнца, пробивавшихся сквозь густую листву. Джандер слы-

шал музыку воды и щебетания птиц, потом спросил:

– Почему ты пришла ко мне?

Ее головка покоилась на его груди, карие глаза задумчиво посмотрели на него:

– Ты хочешь, чтобы это кончилось?

– Нет! Только это – настоящее.

– А кто может сказать, что настоящее, а что – нет? Мы вместе. Разве нужно что-то еще? И кроме того, – ее голос стал искушающим, – я не хочу, чтобы ты забыл меня.

Он поднес ее руку к губам, поцеловал каждый пальчик:

– Никогда.

– Но ты забыл. Ты знал, откуда начать поиски, но ты ничего не сделал. Джандер, любимый, отомсти за меня, – она переменялась, чудесные глаза теперь были полны слез. – За все, что нам не было дано, за мое безумие... Отомсти за меня!

Джандер, совершенно сбитый с толку, очнулся от сна. Он чувствовал неприятный жар и легкую тошноту. Он заснул в спальне, после того как впился в Наташу, утоляя свой голод. Ставни были наглухо закрыты, спасая его от смертельного света, но все же лучи пробивались через щели, из-за чего он и ощущал дурноту. Чувства Джандера вновь обострились, он закрыл глаза от боли, которую причинило это возвращение к его темной реальности.

Убедившись, что Наташа мирно спит, эльф вернулся в кабинет, чтобы обследовать обширную библиотеку Страда. На

какое-то мгновение огромное количество томов привело его в замешательство. Многие годы Джандер был вынужден проводить в пещерах, в полном одиночестве, если не считать тех безумцев, которые служили ему пищей. Эльф чувствовал себя немного неуютно в этом месте, столь насыщенном историей и книгами. Эти тома были очень красивы. Джандер несколько мгновений с восхищением разглядывал кожаные переплеты. На некоторых был вытеснен знак графа – так решил Джандер – большой черный ворон. Другие корешки украшали другие символы.

– Ну что же, начнем сначала, – пробормотал он себе под нос и, выбрав полку, принялся читать вытесненные названия книг.

«Боевые доспехи семейства фон Зарович». «Кожа и сталь: история Баал Верзи». «Легенды Круга». «Сказки ночи». «Искусство Калимар Кандри». «Баровия: 15 от настоящего».

Джандера удивило такое разнообразие, и он вытащил наугад целую стопку книг, положил на пол. Потом кинул пышную подушку в кресло и, устроившись поудобнее, взял лежавший первый том.

«Кожа и сталь: история Баал Верзи». С обложки на него уставился окровавленный череп. Эльф нахмурился. Вряд ли он узнает что-то об Анне из этой книги. Хотя – кто знает. Он открыл книгу, вдохнул пыльный аромат старой бумаги и принялся читать.

«В наши просвещенные времена, – писал давным-давно

скончавшийся автор, – нам трудно представить такое общество, в котором наемные убийцы являются равноправными членами общины, не скрывающими рода своих занятий. В бурном восьмом веке истории нашей страны быть наемным убийцей – или Баал Верзи – примерно то же самое, что быть политиком или популярным артистом. Можно объявить свою цену и выполнить заказ, а часто получить и огромные деньги от граждан за их защиту.

Баал Верзи носили цветастые, разукрашенные одежды с нашитым символом – окровавленным черепом. Их оружием был кинжал прекрасной работы и устрашающей остроты. Эфес делался из кожи первой жертвы Баал Верзи, и украшал его сам убийца. Первым убитым должен был стать знакомый Баал Верзи. Этого требовал обычай – так воспитывалась безжалостность, и лишь немногие знали секреты этого клана и пользовались покровительством Баал Верзи...»

Джандер поморщился, отбросил книгу в сторону и поднял другой фолиант. «Речения Мудрости». Это были священные стихи, посвященные какому-то позабытому божееству.

Мои – и Солнце, и Луна, И все свершения любви и света, И ночи мрак, и волшебство рассвета, И жар расплавленного дня. Внемлите мне, о чада сей земли, Внемлите знакам, что из вод зовут, Услышьте шепот леса, смех реки – Тогда и радость, и покой придут.

Эти довольно простые стихи не имели, казалось, ничего общего с судьбой его возлюбленной Анны. И все же они

успокоили его и напомнили, что и в этой темной стране все же остается немного красоты – здесь, куда принесли его загадочные туманы.

В потайном кабинете не было окон, так что Джандер понятия не имел, сколько времени прошло. Когда он вернулся, чтобы проверить, как чувствует себя девушка, то очень удивился, обнаружив, что солнце уже давно село. Наташа спала так, как будто стала уже одной из бессмертных. Когда он склонился над ней, девушка что-то пробормотала во сне и перевернулась на другой бок. На ее горле синел кровоподтек, но румянец уже возвращался к ней.

– Они выглядят столь привлекательно, когда спят, – произнес прямо ему в ухо бархатный голос. – Думаю, она понравилась тебе.

За спиной, лукаво улыбаясь, стоял Страд.

– Немного мала для меня, но ведь трудно найти что-то подходящее по возрасту для того, кому уже давно минуло семь сотен лет, – отшутился Джандер.

Страд прищурился:

– Семьсот лет?

Он думал, что Джандер шутит:

– А, понятно. Ты считаешь годы, когда был живым.

– Да, точно, – согласился Джандер. – Но таких было всего две сотни. А я уже пятьсот лет – вампир. Страд молчал.

– Я не могу этому поверить, – наконец проговорил он. – Я лишь недавно перевалил за первую сотню. И рядом с тобой

чувствую себя ребенком. Сколькому же я могу научиться у тебя!

Видя жажду познания в глазах Страда, Джандер подумал, что в этой земле быть старым и мудрым не очень-то и здорово. К счастью, Страд переменял тему.

– Ты голоден, друг мой? Жажда крови вновь ожила.

– Да, – признался Джандер.

В ту ночь они вместе отправились на охоту – это была первая из тех бесчисленных ночей, что два вампира привели вместе за страшным занятием. Один из цыган заметил нескольких запоздалых, или глуповатых, путешественников, которые появились слишком поздно, чтобы получить комнату в трактире. Джандер вспомнил трактирщика, его правило – не принимать новых постояльцев после заката. И конечно же, никто из замученных, подозрительных жителей поселка не пустил чужаков на ночлег. Так что пришлось трем мужчинам, двум женщинам и ребенку заночевать прямо у моста через реку Ивлис.

Джандер и Страд обернулись волками. Три настоящих волка и две рабыни, обернувшихся волками, присоединились к ним, и теперь стая неслась по Свалическим лесам, настойчиво влекомая вперед единственным и непреодолимым желанием.

Ночь выдалась ясной и холодной, но не слишком сырой, так что запахи были остры и понятны. Они почуяли маленький лагерь за несколько ярдов.

Крупный черный зверь, которым был Страд, задрожал, обратился в туман и принял свой истинный вид. Следуя его примеру, Джандер тоже стал эльфом. Они двигались бесшумно, как сами сумерки, подкрадываясь к ничего не подозревающей добыче. Волки и рабыни Страда окружили стоянку путников, перекрыв все пути к отступлению.

Джандер и Страд атаковали не сразу. Они терпеливо ждали, пока сова не ухнула дважды, а луна не сместилась на несколько градусов. И лишь тогда, во влажной холодной тишине, они бросились вперед.

Путники оказались легкой добычей – еще более легкой, чем могли вообразить два вампира. Высокий толстый мужчина, оставшийся за часового, был прижат к дереву, и меч, так и не поднявшись в воздух, выпал из его разжатой ладони. Он был первым.

Страд возник перед ним, схватил за тунику и проворно вонзил клыки в горло несчастному. Глаза человека округлились, рот искажил беззвучный вопль, но Страд быстро высосал всю его кровь, и глаза путника закрылись.

Пока Страд насыщался, Джандер бросился на другого мужчину. Тот не мог ничего услышать – Страд и Джандер были тише самой тишины – но, как будто предупрежденный каким-то инстинктом, вскочил на ноги и громко закричал. Джандер отдал мысленный приказ одному из волков, сопровождавших вампиров, и зверь взвился в прыжке. Волк легко сбил на землю довольно крупного путешественника.

Джандер в мгновение ока оказался рядом, молниеносно и бесшумно погрузил клыки в горло жертвы. Черная рабыня прыжком приблизилась, зашипела, ожидая объедков после вампира.

Вампир не обращал внимания, как его клыки терзают горло жертвы. Он не мог сейчас получать удовольствие от еды – бессмертное тело Джандера лишь властно требовало насыщения. Его зубы вонзались в горло, брызгала кровь, только что прошедшая через сердце человека.

Вампир жадно глотал, и теплая соленая жидкость лилась по его глотке.

Третий странник взвизгнул. Худой, высокий, побелевший от страха, он пытался вытащить свой меч, но тут же одна рука Страда схватила его за бок, а вторая легко выбила оружие. Два волка прижали к земле дрожащую женщину, а Страд снова глотал алую, живую кровь. Он отбросил далеко в сторону тело третьего мужчины и повернулся к женщине. Две его рабыни – отчаянно голодные – едва сдерживали свое нетерпение и по-прежнему во всем подчинялись хозяину. Вампирки схватили женщин и держали их так, чтобы графу было удобнее.

Обеим обреченным странницам было лет по тридцать – худые женщины в старых изношенных мужских одеждах. Одна из них – высокая, с копной рыжих волос – не сводила со Страда глаз, отчаянно пытаясь вырваться из лап вампира. Другая – коротко стриженная блондинка – покорно за-

мерла в объятиях рабыни графа. Маленький мальчик, сын блондинки, дрожа от ужаса и громко крича, подбежал к матери и вцепился в нее. Детский крик неприятно резал чувствительный слух вампира. Страд угрожающе надвинулся на ребенка.

– Ради Торма Справедливого, пощади, он совсем еще дитя...

Джандер окончил свое пиршество и утирал рот золотой ладонью, когда услышал мольбу женщины. Потрясенный, он уставился на нее. Торм Справедливый – или Глупый, или Отважный – был богом в его стране.

Его одежда и лицо были измазаны кровью. Он выпрямился, явив собой ужасную малиново-золотую фигуру сказочного героя, неожиданно и необъяснимо застигнутую врасплох в роли злодея.

Мальчик по-прежнему кричал. Черные брови Страда сошлись на переносице. Обнажив клыки, он протянул к ребенку тонкую длинную руку.

– Беги, Мартин! – закричала женщина. Последним отчаянным рывком мать, спасающая своего ребенка, вырвалась из цепких лап вампирки и бросилась на Страда.

Волк взвился в воздухе и прокусил ее горло прежде, чем она успела сделать второй шаг. Кровь брызнула на ее тунику. Тело блондинки рухнуло к ногам ее сына.

– Нет! – завопила рыжеволосая, расширившимися от ужаса и ненависти глазами испепеляя Страда. Он встретился с

ней взглядом – невозмутимо, завораживающе.

– Она заслужила это, разве не так? Рыжеволосая заморгала:

– Нет, она просто...

– Нет, – продолжил Страд мягким спокойным голосом, – она пыталась броситься на меня. Это тяжкая ошибка. Ты согласна?

Рыжеволосая облизнула пересохшие губы.

– Это тяжкая ошибка, – покорно повторила она, загипнотизированная вампиром.

– Так-то лучше.

Страд перевел взгляд на мальчика, который приник в полном потрясении к телу матери.

– Он слишком мал, чтобы забирать его с собой. И кроме того, я вполне удовлетворен. Он нужен тебе, Джандер? – спросил он, указывая на ребенка.

Голод Джандера прошел. Эльф взглянул на мальчика, и внезапная жалость охватила его. Он не хотел ребенка. Он хотел уйти отсюда. Он хотел домой. Он хотел Анну.

– Нет, – тихо произнес он и добавил, кивнув в сторону дрожавших от нетерпения вампирок. – И не оставляй его им, бородач у дерева все еще дышит. Они могут насытиться там.

– Как хочешь, – сказал граф, и вампирки бросились к бесчувственному телу мужчины. Страд обратился к рыжеволосой, которая не отводила взгляда от тела подруги, протянул к ней руку.

– Пойдем, милая, – произнес он самым любезным тоном. – Ты должна пойти в замок Равенлофт.

– А мальчик? – спросил Джандер. Страд бросил на ребенка лишь беглый взгляд:

– Делай с ним, что хочешь. Я не голоден.

Вместе с женщиной Страд отправился в далекий обратный путь к замку Равенлофт. Джандер обвел взглядом троих мужчин. Они еще были живы, но жизнь вот-вот должна была покинуть их. Эльф не убивал своих жертв, потому что не желал забирать у них жизнь, а Страд оставил свою добычу, потому что предпочел опустошить вены женщин, чтобы тем самым заполнить себе более покорных вампиров.

Мальчик заморгал, недоуменно оглядываясь вокруг. Его голубые глаза встретили взгляд Джандера. Не в силах выдержать этот невинный взгляд, эльф отвернулся, не тронув юное горлышко.

Через несколько минут раздался голос мальчика.

– Повелитель Зари? – прошептал он.

Глава 9

На следующий день, когда Джандер очнулся после нескольких часов забытья, он решил обследовать сам замок Равенлофт. Он знал, что должен возвратиться в кабинет и прочесть другие книги, но любопытство взяло верх, и он не мог удержаться – любопытство влекло его по запутанным и таинственным переходам замка.

Равенлофт был чудом архитектуры, шедевром, верхом мастерства, полным истории, тайн и разрушенной временем красоты – Джандера неудержимо влекло любопытство и его первородная тяга к красоте.

Когда он вошел в зал приемов, то впервые столкнулся с одним из тех, кого Страд называл «слугами». Джандер нахально уселся на разукрашенный трон. С восхищением он осматривал искусную резьбу, полировку дерева и с отвращением замечал признаки гниения. Внезапно он напрягся, уловив позади слабый стук.

Он соскочил с кресла, готовый к схватке. Пять скелетов тусклыми глазницами уставились на него. На иссохших костях все еще висели клочья мускулов, на ужасных фигурах сохранились истлевшие остатки форменной одежды. По алебардам и мечам, которые скелеты по-прежнему сжимали в руках, Джандер решил, что это – бывшая стража замка Равенлофт. Они не обратили на него никакого внимания, обо-

шли комнату, пытаясь воспроизвести обычную церемонию дозора, а затем встали на часах у прохода в зал.

Джандер с грустью следил за ними. Ему всегда было жаль скелеты. Сами по себе они не были дьявольскими творениями, и та часть его, что по-прежнему оставалась эльфом, с большим сочувствием относилась к этим душам, лишенным должествующего покоя после смерти. Джандер подозревал, что граф держал этих и прочих «стражей» подальше от него в его первые проведенные в замке Равенлофт дни и дал им приказ, чтобы они не причинили вреда единственному желанному гостю замка. Эльф задумался, неприятно озадаченный мыслью, сколько же иных созданий таится в этих темных и сырых стенах. Он решил выяснить это.

Джандер обошел трон и продолжил осмотр длинного зала. В дальнем конце зал переходил в балкон. Спинки двух еще более роскошных тронов были повернуты к Джандеру. Мгновение эльф колебался, пытаясь почувствовать, не подстерегает ли его в одном из этих кресел еще один скелет или какое-нибудь еще более ужасное создание.

Разозлившись из-за собственной нерешительности, он, не таясь, подошел к тронам, вытянул дрожащую златокожую руку и медленно положил ладонь на спинку трона. Он был разочарован – в резном кресле никого не оказалось. Судя по толстому слою пыли, уже много лет сюда никто не садился. Даже смешно было так волноваться. Да и что может любое из созданий Страда сделать ему? Эльф шагнул вперед, опер-

шись о спинки тронов, посмотрел с балкона вниз. Его любящее красоту существо содрогнулось от увиденного. Комната внизу представляла собой печальное зрелище. Когда-то это была замковая церковь Равенлофта и, как и все остальное, она была богата и прекрасна. Теперь витражи окон были заколочены, хотя тут и там сквозь щели пробивались разноцветные лучики. Скамьи были разбиты и перевернуты и теперь напоминали длинные глубокие борозды, пропаханные прямо на паркете. Все было покрыто толстым одеялом пыли, алтарь осквернен.

Даже издалека Джандер мог с уверенностью сказать, что здесь не осталось и следа былой святости. Так и должно было быть в замке, где повелевает вампир. Печально покачав головой, Джандер продолжил свой путь.

Он вернулся обратно по главному ярусу, спустился по широкой лестнице и вошел в просторный зал. У подножья лестницы он свернул налево, миновал длинный пыльный коридор, в котором выстроилась шеренга статуй. Некоторые из выбитых на этих постаментах имен оказались ему знакомыми по «Легендам Круга». В отличие от комнаты этажом выше, которая тоже была заставлена статуями, эти изваяния, похоже, были скорее фигурами персонажей мифов или каких-то книг, а не реальных лиц. Джандеру не понравилось, что статуи как будто бы провожали его взглядами, когда он проходил мимо.

Он хотел попасть в бывшую церковь. Когда он был жив, он

всегда радовался посещениям святых мест, в которых честные священники отправляли службы добрым и истинным богам. Он не входил в святое место с тех пор, как стал бессмертным, и потому надеялся, что, раз церковь осквернена, ему, быть может, будет позволено войти.

Он было протянул золотую руку, чтобы распахнуть двойные двери, но мягкое шуршание за спиной остановило его. Он обернулся и обнаружил еще один скелет.

Этот не держал оружия, ключья ткани, свисавшие с костей, не были остатками формы, а кусками богатого и расшитого платья. На костях остались и драгоценности. Очевидно, что это чудище было стражем церкви и охраняло вход туда, из чего Джандер заключил, что это мог быть тот самый священник, что отправлял здесь службы в стародавние времена. Вампир замер на месте, но скелет не сделал никаких попыток преградить ему путь.

Джандер разглядывал развалины с балкона. Теперь, оказавшись внутри заброшенной церкви, он смог оценить весь масштаб разрушений. Печальась о погибшей красоте, он прошел вдоль стены, пальцем смел толстый слой пыли. Эльф задержался перед алтарем. Чьи-то бесстыдные пальцы оставили на пыльной поверхности изображения мерзких рож и похабные надписи. Неожиданно разозлившись, Джандер ладонью смахнул с алтаря целое облако пыли.

Он был вампиром. По-настоящему святые места не допускали его к себе. Джандеру довелось узнать это. Он был отлу-

чен от всего, что когда-то так любил, – от природы, солнечного света, святых мест. Он мог смириться с этим, даже признать зло как часть своего мира. Но даже прошедшие пять столетий не смогли сделать его равнодушным к осквернению красоты, и сейчас эльф даже задавался вопросом, а не может ли он как-то восстановить замок в прежнем виде.

Он присел на одну из сохранившихся нетронутыми скамей, задумался. Он был так погружен в свои размышления, что даже не заметил, как постепенно свет тускнел.

– Похоже, ты забылся в молитве, а? – раздался холодный голос графа.

Джандер посмотрел вверх:

– Похоже. Как ты чувствуешь себя сегодня?

– Отлично, благодарю. Но, однако, проголодался. Не желаешь ли отпробовать мое последнее приобретение?

Джандера передернуло, но он все же сумел сдержаться и никак не выдал истинных чувств. Приобретение. Эта женщина, пойманная прошлой ночью, для Страда лишь приобретение, а не человек...

– Нет, думаю, откажусь. Если ты не против, я бы побродил сегодня ночью по лесам в одиночестве.

– Пожалуйста. Кстати, в главном зале есть кое-что для твоей маленькой служанки. Мне каждые несколько дней доставляют свежие продукты. Поэтому в деревне и слухов меньше, да и людям есть чем заняться помимо выпивки. И потом, если мы ценим тех, кто у нас есть, мы должны ведь

поддерживать их силы, так?

Граф повернулся и медленно зашагал прочь. Джандер быстро последовал за ним, желая поскорее принести хоть немного нормальной еды для маленькой Наташи. Он понимал, что это нужно ему не меньше, чем ей.

Он приготовил для девушки тарелку мяса, добавил овощей, фруктов. Придя в ее комнату, он обнаружил, что румянец уже возвратился на ее щеки. Она безучастно наблюдала, как он раскладывал на столе ее ужин.

– Добрый вечер, Наташа. – Она не отвечала. – Я принес тебе кое-что поесть. Ты, должно быть, голодна.

– Нет, – тихо произнесла она. Он перестал резать мясо, поднял глаза на нее.

– А я думаю, что ты очень голодна, и это именно то, что тебе нужно, – он не хотел силой заставлять ее есть.

Но все же ей нужно подкрепиться. Да нет, с мрачной ухмылкой подумал он, это тебе, Джандер, нужно подкрепиться.

Его «приглашение» сработало, Наташа втянула ноздрями ароматы еды, попыталась сесть на кровати. Он помог ей, подложил подушки повыше. Она была еще слишком слаба, чтобы управиться с посудой, так что эльфу пришлось кормить ее. На мгновение он с болью припомнил Анну. Отомсти за меня. Завтра он вернется в кабинет.

Наташа закончила есть и с интересом посмотрела на него. – Как тебя зовут?

– Джандер, – ответил он, обрадованный таким вопросом.

– Ты не похож на нашего графа. Джандер слегка улыбнулся, собирая грязные тарелки.

– Да, пожалуй, немного не похож.

– Ты не собираешься сделать меня... – ее испуганный голос сорвался.

– Вампиром? Нет. Однако я не могу оставить тебя здесь. Ты слишком много знаешь и можешь быть опасна. Ты понимаешь, о чем я?

Девушка кивнула, но выражение ее лица изменилось. Она дотянулась пальцем до неприметных ранок на своем горле, и ее глаза вновь с мольбой посмотрели на эльфа. Джандер тоже помрачнел.

– Я должен насыщаться – так же, как и ты, – тихо произнес он, махнув в сторону принесенных им тарелок. – Это ты ведь тоже понимаешь?

Она медленно опустила подбородок.

Он ненавидел себя все больше обычного, когда, убрав тарелки, заключил девушку в объятия, вновь вонзил в нее клыки и насыщался, выпив на этот раз красной жидкости лишь столько, сколько было необходимо. Закончив, он опустил девушку на кровать. Джандер приподнял полог и позволил себе погладить ее по волосам, когда она прикрыла глаза.

Эльф распахнул ставни и почувствовал на лице холодное прикосновение ночного ветра. Ему нужно выбраться из замка – в леса, прочь от Наташи. Вампир быстро обратился в

серый туман, и вот уже летучая мышь выскользнула из окон и через миг исчезла в ночи. Джандер пролетел несколько миль, осматривая раскинувшиеся внизу долины. Эльфу нравились все те обличья, которые он мог принимать. Предпочитая тело эльфа, он тем не менее ценил ту свободу, которой обладал в густых лесах золотой волк, бесшумность и ярость зверя, любил изящество и скорость маленькой летучей мыши. Под ним Ивл двумя рукавами струил через леса и поля сверкающие воды. Плотное кольцо дыма вокруг деревни по-прежнему пульсировало и извивалось. Джандер увидел слабую оранжевую искорку внизу – там была стоянка вистани. К западу, как ему было известно, должна была оказаться рыбацкая деревушка Валлаки. Ему нужно бы поскорее слетать туда. Может быть, там народ не так боится чужаков.

Летучая мышь спланировала вниз и приземлилась на горке между лесом и рекой. Джандер принял облик эльфа и раскинулся на мягкой зеленой траве. Роса не пугала его, ему нравилось, как уверенно земля упирается в его спину, даже несмотря на то, что это была земля Баровии, а не его родины. Джандер нахмурился. Вот ведь еще что. Он попал сюда, не имея ни горсти родной земли, но никаких болезненных явлений не происходило. Эльф невесело ухмыльнулся. Похоже, Баровия стала его домом.

Он прикрыл глаза и старался отбросить все тревожные сбивчивые мысли, проникнуться спокойствием природы. Золотая ладонь потрогала влажную траву, погладила стеб-

ли растений. Ветер пел в кронах деревьев, и вампир слышал бесчисленные ночные серенады множества существ. Эти песни сливались, создавая восхитительную музыку. Когда-то Джандер тоже создавал музыку, полную радости и грусти, смеха и любви, и сердце его переполнялось красотой песни флейты. Ах, если бы ему снова довелось услышать эти чудесные звуки.

Неожиданная мысль пришла ему в голову. Он взглянул на ближайшее дерево, которое качалось и шелестело на ветру. Яблоня с уже облетевшими цветами – хороший выбор. Эльф поколебался, затем вынул кинжал и срезал ветку. Сидя на берегу реки, он работал над веткой всю ночь, придавая дереву хорошо знакомую форму. Хотя уже сотни лет прошли с тех пор, как он в последний раз вырезал флейту, его руки отлично все помнили. К тому времени, когда Джандер заметил, что рассвет уже недалек, большая часть работы уже была сделана.

Он нахмурился. Когда он превратится в летучую мышь или волка, его одежда изменится вместе с ним. А изменится ли флейта, если он пристегнет ее к поясу?

Быстро, думая лишь о приближении утра, он обернулся летучей мышью. Проблемы с флейтой не возникло. Летучая мышь помчалась обратно к замку.

В церкви, надежно скрытой от солнечного света, Джандер провел почти весь день, продолжая вырезать флейту. К полуночи веки стали слипаться, и он прилег на одну из скамей. Он

лишь вздремнет, сказал он себе, подложив руку под голову и положив рядом почти законченную флейту. Лишь несколько минут, чтобы отдохнули глаза...

– Почему ты ни разу не сыграл мне в приюте? – раздался чудесный голос, подобный свету солнца. Джандер открыл глаза. Рядом, на полированной скамье сидела Анна, с интересом разглядывая флейту, покрытую затейливой резьбой.

Джандер заморгал от ярких лучей, струившихся через витража. Теперь церковь была озарена всей радугой ярких цветов. Алтарь был приготовлен для службы, отполированные святые символы отсвечивали фиолетовыми и голубыми искорками. Зал был полон мира и покоя, тихой радости.

– Какая красивая, Джандер, – тепло сказала Анна, и на ее милом лице была улыбка восхищения. С той же улыбкой она перевела взгляд на него:

– Сыграй что-нибудь для меня.

Он не играл несколько веков, не в силах заставить себя попробовать. И лишь здесь, в светлой сияющей церкви, рядом с Анной, не сводящей с него молящего взора, Джандер нашел в себе силы и поднес флейту к губам. Он вдохнул, поджал губы и подул.

Раздался пронзительный визг, звук страшной, невыносимой боли. Флейта изогнулась в его ладонях и превратилась в жирного черного червя, шипящего и корчащегося. В ужасе он отбросил его, и червь пополз прочь. Весь зал провалился в зловещий мрак, гораздо более пугающий, чем простая

ночь. Тени каких-то существ заметались по стенам, и Джандер даже своим инфразрением смог разглядеть лишь красный блеск их глаз. Эльф потянулся к Анне, но его пальцы наткнулись на чешуйчатую шкуру. Чудовищное бесформенное создание в одежде Анны смеялось над ним, и кляцанье огромных страшных челюстей прямо перед лицом заставило его содрогнуться.

– Теперь ты видишь мир таким, каким видела его я больше века тому назад! Каково быть безумным, а, Джандер?! Джандер Санстар?!

Вампир с криком подскочил. Он по-прежнему был один в полуразрушенной церкви, начинало смеркаться. Ничего не изменилось. Джандер, дрожа, взглянул на флейту. Он был намерен закончить ее, несмотря на привидевшийся кошмар.

– Анна.

– прошептал он.

– Я не знал, какой мукой это было для тебя..., прости, прости меня...

Через час он закончил флейту. Она ничем не напоминала тот инструмент из кошмарного сна, чему Джандер был очень рад. Он по-прежнему боялся поднести ее к губам. Разозленный собственной трусостью, он засунул инструмент за пояс и спустился по лестнице. Пройдя обратно в первый зал, эльф прошел в помещение, оказавшееся главным обеденным залом. Огромный стол, покрытый пылью, и множество стульев. Внимание Джандера привлек большой предмет в даль-

нем конце зала, накрытый покрывалом.

Он никогда не видел ничего подобного. Вампир сдернул тряпку. Вещь была сделана из сотен маленьких кусочков. Сверху ее увенчивало множество трубок, множество кусочков черного дерева расположилось вперемешку с белыми кусочками, напоминающими зубы. Прямо перед непонятным сооружением стояла скамья, а под ней – еще один ряд каких-то устройств.

– Смотрю, ты нашел мою игрушку, – раздался голос Страда.

– Что это? – спросил пораженный Джандер.

– Это музыкальный инструмент, – объяснил Страд. Джандер услышал сомнение в голосе хозяина и приподнял бровь.

– Это называется орган. Получается очень красивая музыка, очень громкая и очень..., властная. Я когда-то был просто виртуозом. Правда, это было давно, – он хотел было вернуть на место покрывало, но Джандер задержал его руку.

– Ты можешь сыграть мне что-нибудь? – спросил эльф. – Я когда-то тоже любил музыку. В этих залах так тихо. Я хотел бы послушать, как ты играешь.

Страд, похоже, колебался. Джандер мог поклясться, что графу очень хочется вновь прикоснуться к инструменту, заставить его петь после стольких веков молчания. И очевидно было, что игра на органе должна принести ему какую-то боль. Страд так долго пребывал в раздумье, что Джандер был уверен – откажется. Однако, к его удивлению, вампир нако-

нец сказал:

– Очень хорошо. Заранее прошу прощения, если сфальшивлю. Слишком давно не играл.

Страд сел перед массивным органом так, как будто не было прошедших веков, машинально откинув полы черного сюртука. Его длинные пальцы согнулись, как заячьи лапки, когда он поднес их к клавишам. Джандер ощутил, как напряглось его собственное тело в ответ на то напряжение, что исходило от другого вампира.

Мощным аккордом, взрывом, подобным грому, реву небесных труб, орган вернулся к волшебной жизни. Звук сочными волнами прокатился по обеденному залу и потряс Джандера до самого сердца. Завораживающая, требовательная и прекрасная музыка возникла под пальцами Страда. Это было восхитительно, музыка органа потрясла Джандера.

Граф играл, и величественные звуки, полные грусти и волшебства, уносили Джандера ввысь. Эльф слушал, закрыв глаза, и ему казалось, он уносился вверх, к солнцу, подчиняясь властному призыву музыки. Песня окончилась, но Страд не хотел отходить от инструмента и теперь поглаживал пальцами черные клавиши органа.

Пальцы Джандера сами потянулись к поясу и достали деревянную флейту. Кошмар, приснившийся в церкви, все еще был свеж в памяти, и эльф боялся играть. Одолеваемый непонятным страхом, он все же поднес флейту к губам.

Ему не было нужды дышать, чтобы продолжать свое бес-

конечное существование. Для речи достаточно было лишь легкого вдоха, и Джандеру давно – многие десятилетия – не приходилось заполнять легкие воздухом. Он глубоко вдохнул и прижал губы к флейте.

Инструмент издал ласковый чистый звук – птичий щебет рядом с могучим водопадом органа. Граф поднял глаза, и нечто, напоминающее радость и удивление отразилось на его бледном лице. Вместе два вампира стали импровизировать, играя рождавшуюся тут же музыку. Чистые ноты флейты плясали и рассыпались, подобно лучам света, по глубоким звукам органа. Музыка то была полна покоя, мира и радости, то ревела, взрывалась, подобно могучим волнам, разбивающимся о скалы – музыка вампиров, в которой отразились тайные переживания ее создателей, гармония, наполнявшая этих проклятых живых мертвецов.

Они одновременно окончили каждый свою партию, и тишина тяжело навалилась на них. Они обменялись взглядами, и Джандер смог прочесть свою собственную боль в темных глазах вампира.

Они могли творить музыку, но это не была музыка смертных. Простые смертные никогда не смогут наполнить голоса своих невинных инструментов такой дикой болью и яростным триумфом, которых он и Страд достигли в этом дуэте. Они на короткое время смогли избавиться от своих мук. Музыка унесла их прочь от бессмертия, и теперь они вновь и вновь пытались вспомнить это восхитительное ощущение.

В гнетущей тишине Страд снял руки с клавиатуры, сжал их в кулаки. И стал осматривать свои острые длинные ногти с таким вниманием, что Джандер понял, какая буря чувств кипит сейчас у графа внутри, скрывается под напускным спокойствием. Страд был потрясен – и не убийством, не властью, яростью или злобой. Он был потрясен красотой.

Граф поднял глаза и вновь встретился с Джандером, но теперь в его глазах было лишь холодное лукавство, которое эльф уже хорошо узнавал.

Мгновение промелькнуло, но не забылось. Страд, похоже, чувствовал, что Джандер как-то смог заглянуть ему в душу, и теперь граф решил переменить тему.

– Ну, хватит, – грубо сказал граф, вновь набрасывая покрывало на инструмент, что показалось Джандеру вовсе не обязательным. – Мы так и не поговорили, как обещали друг другу. Давай пройдем в кабинет, где, как я понимаю, ты провел много времени, и ты расскажешь, как тебе нравятся мои владения.

– Твоя светлость, мне нужно прочесть еще много книг, но те, что я уже прочел, были..., интересны. Я заметил, там есть какие-то странные заметки, – сказал Джандер, когда они поднимались по ступенькам.

– Ах, это. Мои заметки. Я придумал свою стенографию.

– Ее очень трудно расшифровать. Можешь научить меня?

Страд взглянул на эльфа:

– Зачем? – Вопрос был холодным и резким.

– Я все еще разыскиваю записи о моей даме, – сказал Джандер. – Я надеялся, что найду что-нибудь полезное, но пока ничего не обнаружилось.

– Что ж, действительно жалко. Конечно, я научу тебя, – заверил Страд. – Если, – тут он помолчал, а затем продолжил уже резче, – ты начнешь учить меня. Я уже много знаю о вампирах, вампиризме по собственному опыту. Ты же можешь рассказать гораздо больше.

Они пришли в кабинет, и Страд уселся в одно из кресел, подтолкнув Джандера к другому.

– Теперь, – приказал граф, – позови волков.

Джандера покоробил тон Страда, но он заставил себя сдержаться. Он закрыл глаза и принялся мысленно отыскивать волчий мозг вблизи. Потом осторожно дотронулся до волка у главного входа в замок. «Иди ко мне, дружок», – приказал он беззвучно. Джандер почувствовал еще одного стража в комнате Наташи и так же позвал его.

Через несколько мгновений серый и черный волки протиснулись в полуоткрытую дверь кабинета, подошли к креслу эльфа и опустили на пол у его ног. Тонкие губы графа искривились в улыбке.

– А теперь я их позову, – заявил он. Он сложил вместе кончики длинных пальцев обеих ладоней и блеснул черными глазами. Волки повернули головы в его сторону, один из зверей заскулил. Потом волки поднялись и направились к креслу графа.

Джандер снова сконцентрировался. На этот раз дотро- нуться до мозга волков оказалось гораздо труднее. Он ощу- щал присутствие Страда в головах животных. Он закрыл гла- за и собрался с мыслями. Волки заволновались, прижали уши к головам и недоуменно перевели взгляд со Страда на Джандера.

Было очевидно, что звери сбиты с толку и страдают от бо- ли. Наконец они дрожа подползли к ногам Джандера.

– Как ты это сделал? – требовательно спросил граф.

Джандер оставался спокоен:

– Животные и люди покорны воле вампира. Все, что я сде- лал...

– Ты хочешь сказать, что у меня слабая воля?

– Нет, твоя светлость, – ответил Джандер немного мягче. – Ты моложе меня, и у тебя нет опыта. Я много лет был ра- бом. Я научился делать то, что умею, потому что только так мог спрятаться от своего хозяина. Выживание и свобода – отличные стимулы, гораздо лучше, чем желание показывать фокусы со зверями.

Страд мгновение смотрел на Джандеру в глаза, потом кив- нул, медленно наклонив темную голову.

– Я согласен с этим.

Он откинулся в кресле, положил ноги на маленький низ- кий столик перед собой. Джандер, слегка смущенный, по- следовал его примеру. Огонь полыхал в камине, и два вол- ка нежились в тепле очага. Джандера вдруг поразила уми-

ротворенность этой картинки, где единственным отличием от нормальной жизни было то, что расположившиеся сейчас у огонька «собутыльники» вместо кларета имели обыкновение пить кровь.

Наконец Джандер нарушил молчание.

– Почему я здесь не могу насыщаться кровью животных? – спросил он. – Пятьсот лет это не причиняло мне вреда, а здесь я не могу этого сделать.

Страд ответил не сразу:

– В Баровии многое происходит иначе.

– Ну, это ясно, но – почему? Ты назвал себя «землей», Страд. Что происходит здесь?

Челюсти графа плотно сжались. Джандер задел какую-то чувствительную струну. Он решился на это – ответы он сможет получить, только если будет постоянно держать в напряжении второго вампира.

– Здесь в Баровии – отдельный мир, – медленно заговорил граф. – Мы даже не в обычном мире. Я считаю, что мы все в какой-то иной плоскости бытия. Не думаю, что Баровию можно найти на какой-то карте. По крайней мере, теперь.

Он открыл темные глаза и в упор посмотрел на другого вампира. На лице его было сожаление.

– Поверишь ли мне, Джандер Санстар, когда-то я был благородным рыцарем?

Такого поворота беседы Джандер вовсе не ожидал. Его замешательство не осталось незамеченным – Страд усмехнул-

ся:

– Вижу, тебе трудно в это поверить. Ну да я и сам сейчас в это верю с трудом. Все так меняется, правда?

Ты сомневаешься, и я тоже. Я был воином и сражался за добро. Я объединил многие земли, защитил множество людей. Я храбро и честно сражался. Я вырос с мечом в руке и так часто бывал на волосок от смерти, что теперь не могу сосчитать все свои схватки.

Но потом сражения окончились, и я вдруг остался не у дел, для меня не осталось места. Я стал не нужен, ведь я вел воинов, а не правителей. И хотя мой род идет от повелителей нашей страны, у меня не было ни малейшего желания править людьми. Родители мои умерли, а я был старшим. Так что выбор был сделан за меня. Вот и случилось, что я стал повелителем Баровии.

Страд встал и начал рассказывать по комнате. Лицо его, однако, не выдавало внутреннего смятения.

– В те времена Баровия была частью... – его красивый голос сорвался, граф смутился, коротко хохотнул. – Ты знаешь, я не помню названия своей родины. – Он помолчал, глядя куда-то в прошлое, попытался вспомнить, но не смог и отбросил эти попытки. – Дело не в том. Не важно. Без сомнения, земля захотела, чтобы я забыл.

Джандер внутри похолодел, несмотря на жар, исходивший от камина. Земля пожелала, чтобы Страд забыл собственную страну? О боги, неужели такое место может существовать на

самом деле? Его пугала сама мысль, что он может позабыть Уотердип или Эвермет. Пусть воспоминания и причиняли боль, но они помогали ему существовать, поддерживая его. Еще одна мысль заставила его оцепенеть. А вдруг земля захочет, чтобы он позабыл Анну? С беззвучным воплем он заставил себя вспомнить ее – и свою клятву отомстить.

– Должен сказать, что я устанавливал законы, и они вовсе не были мягкими.

Шелковый голос Страда вернул Джандера к действительности, и эльфу пришлось отключиться от собственных мыслей.

– Одним прекрасным утром я проснулся и обнаружил, что юность кончилась. Прошла! И у меня ничего не осталось.

– Понимаю, – согласился Джандер. – Тебя радовали победы, они нравились тебе.

Верхняя губа Страда приподнялась в негодовании:

– Радовали?! Люди ненавидели меня, и я не мог относиться к ним лучше, чем они ко мне. Не было выхода. Впереди оставалась лишь смерть. И тогда... У меня был еще один шанс сохранить молодость. Случилась страшная вещь.

Голос Страда наполнился такой страстью, которой Джандер и не ожидал от графа. Глаза Страда тоже потеряли пристальный, настороженный блеск и стали почти человеческими. Острое лицо с высокими скулами расслабилось.

– Я встретил ее. Ее звали Татьяна. Она пришла из деревни. Между нами встал другой, разрушив все надежды на то,

что мы можем быть счастливы вместе.

Я был в отчаянии. Как я мог сразиться с этим юным блестящим рыцарем, который похитил то единственное, что я любил.

Я молил о мести, о помощи. И мои молитвы были услышаны. Сама Смерть явилась ко мне, и я заключил с ней сделку – договор, скрепленный кровью моего соперника, которого я убил в тот самый день, когда должна была состояться его свадьба с Татьяной.

Он так очаровал Татьяну, что она предпочла уйти из жизни вместе с ним. Стражники пытались убить меня, но их стрелы не могли причинить мне никакого вреда. Не смерть призвала меня, но жизнь отвергла.

Так был скреплен мой договор со Смертью, и я получил свое. И каким-то образом земля из благословенной Баровии превратилась в это странное, другое место, куда ты имел несчастье попасть. Так что тебе понятно, друг мой, Джандер Санстар, – я могу оценить твою утрату. Я тоже оказался здесь в ловушке. Я не пересекаю туманных границ, мои шаги всегда ведут обратно – к этому замку, к моим воспоминаниям.

В повествовании Страда многое осталось недосказанным – Джандер чувствовал это. Где-то граф солгал. Правда должна была оказаться гораздо ужаснее рассказа.

Однажды, когда он был еще жив, Джандер нашел тело давно уже убитого человека. Кожа казалась упругой и крепкой, но когда эльф осторожно проверил это своим клинком, она

лопнула и внутри показались кишевшие в теле черви. Этот образ вызвала в памяти история Страда. Как труп, рассказ был неприятен, но реален, похож на истину, все еще сохраняя сходство с телом человека. Джандер знал, если бы он захотел узнать правду и копнул глубже, мрачная истина, скрываемая словами графа, вырвалась бы на свет, как черви из мертвеца.

Глава 10

– Сожалею, Анна, но я ничего не нашел.

Во сне Джандер вытянулся в кресле. Руки он скрестил на груди и не отводил взгляда от ковра на полу. Эльф не хотел смотреть на Анну. Он чувствовал, что предал ее, хотя ведь каждый день последние две недели тщательно изучал все книги, которые мог найти в библиотеке.

– Все хорошо, любимый, – голос ее, однако, был печален, и когда Джандер повернулся к ней, то увидел, что она спокойно сидит в красном бархатном кресле.

– Ты не виноват. – Она встретила с ним взглядом, нежно улыбнулась, хотя в глазах ее сверкнули слезы.

У него защемило сердце, он подошел к ней и положил золотую руку на плечо. Она провела ладонью по его блестящим волосам.

– Я прочел все, что можно. Страд даже научил меня собственному шифру. Нет здесь ни записей, ни документов – ничего, где я мог бы отыскать твой след.

– Но как ты узнаешь историю моей земли?

Джандер прижался лицом к холодной ткани ее синей юбки. Это было так, хотя прошлое Баровии оказывалось вовсе не радостным.

– Может быть, какие-то ответы скрыты в замке, – продолжил ее негромкий голосок. – Может быть, совсем близко.

Стоит лишь протянуть руку.

Джандер отнял лицо от ее одежды, посмотрел вверх.

– Ты была здесь, в замке Равенлофт? Она загадочно улыбнулась и ничего не ответила.

– Анна, ты была здесь?

Он проснулся в кабинете, все тело затекло, оттого что пришлось спать в кресле. Эльф потянулся, закрыл лицо ладонями. Все его усилия неизменно ни к чему не приводят, а еще этот сон лишил его покоя. Совершенно измученный, он встал.

Краем глаза он заметил дверь в потайную комнату Страда. На мгновение он задумался, что может столь ревностно и в такой тайне хранить граф, почему так тщательно запирает эту дверь, да еще накладывает на нее заклинание. К сожалению, Джандер пообещал хозяину не вскрывать эту дверь. Он потер глаза, поставил на место книгу, которую читал перед сном, и вышел. Если Анна хочет, чтобы он продолжил обследовать замок, он так и сделает.

После заката эльф направился в комнату, заставленную статуями. Луны в эту ночь не было вовсе, и лишь бледный свет звезд проникал через высокие своды окон, слегка освещая неподвижные фигуры. Джандер высоко поднял принесенный факел, чтобы свет не бил в глаза, и принялся неторопливо переходить от одной статуи к другой.

Все члены семейства фон Зарович оказались на удивление красивыми людьми, даже если сделать поправку на

обычную лесть художника. Страд предупредил Джандера, что еще не все его предки успокоились, но все равно эльф чувствовал себя неуютно, когда растревоженные духи, скрытые в некоторых из этих камней, казалось, двигались и выражали свое недовольство его появлением. Гнев, разочарование, ярость, безумие – казалось, что сами камни еще источают слабым эхом эти человеческие эмоции.

Потрясающие скорбь, гнев, отчаяние – здесь было еще одно создание, не покоившееся в этой славной шеренге. Это была та самая статуя, что привлекла внимание Джандера в его самую первую ночь в замке. Статуя, чья голова валялась сейчас на полу. Джандер опустился на колени, усмехнулся, поднял каменную голову, повернув каменное лицо к себе.

Почему лишь эта статуя оказалась разрушенной? Другие оставили в покое, и теперь сети паутины свисали с каменных фигур, окутывали статуи – лишь одна была намеренно повреждена. Какая ярость излилась на каменное горло, подумал Джандер. В чем виновата голова, валяющаяся сейчас у постамента, почему даже посмертное изображение подверглось такому насилию? Джандер стер пыль и клочья паутины с каменного лица, поднес факел поближе, пристально взгляделся. Лицо оказалось приятным мужским, но была в его выражении какая-то кротость, которая тут же напомнила Джандеру об Анне, выражении ее лица в те редкие и краткие мгновения, когда к ней возвращался рассудок.

– Какое же заклятие лежит на тебе? – обратился Джандер

к каменной голове, поднимаясь на ноги. Он попробовал поставить голову на обломанную шею, которую все еще украшал каменный амулет. Слишком много времени прошло с тех пор, как голова изваяния была отколота, – она скользнула вниз, и Джандер еле успел поймать камень.

– Если смогу, я освобожу тебя, – твердо сказал Джандер, опустил на колено и положил голову обратно на пол.

Эльф снова отодвинул руку с факелом, разбирая надпись на постаменте статуи. Стертые в некоторых местах до основания буквы сказали ему не больше, чем в самую первую ночь, когда Страд так требовательно прервал его занятие. Джандер выпрямился, отряхнул колени, слегка передернулся. Казалось, в эту ночь следующим местом, которое он должен посетить, должны быть подземелья замка Равенлофт.

Через тяжелую дубовую дверь, обитую широкими полосами потускневшей бронзы, он вышел на площадку каменной лестницы. Замок Равенлофт изобиловал лестницами, но эта была столь выщерблена, столь изношена, что даже чуткие ноги Джандера слегка скользнули по истертым ступеням из серого камня.

Лестница обрывалась в темноту, и Джандер очень обрадовался, что ему помогает факел, когда проходил под пустыми светильниками, держась свободной рукой за сырую стену. Спуск оказался долгим, и наконец ступени окончились в помещении, которое было или маленькой комнатой, или очень большой лестничной площадкой. Это замкнутое про-

странство казалось ловушкой – позади лестница, погруженная в крошечный мрак, впереди и по бокам двери, за которыми скрывалась безликая опасность.

Джандер поднял факел повыше, и неверный свет выхватил из темноты искривленные морды горгулий, злобно скалящихся со стен. Джандер на мгновение застыл, разозлился на себя, обнажил свои удлинившиеся клыки, плотно сжал челюсти.

Он открыл дверь прямо перед собой и вошел в недлинный проход. Отодвинув малиновый бархат, которым был занавешен дальний конец хода, эльф оказался на балконе, отделанном столь же впечатляюще, что и остальные балконы замка. На площадке стояли два трона. Что же здесь можно наблюдать повелителям? Он подошел ближе.

Внизу, под балконом, оказалось помещение, напоминающее небольшой амфитеатр. В тусклом свете создания, некогда бывшие мужчинами, двигались в беззвучном смертельном танце между чудовищными устройствами, которыми была окончена их смертная жизнь. Скелет с побагровевшими от света факела костями снова и снова протягивал через пальцы ремни плетки, как будто наслаждаясь скрежетом кожи металла о голые кости. Неподалеку зомби корчился в страшной пародии на отчаянную борьбу, стараясь вырваться из прикованных к стене кандалов, срывая о стальные кольца куски сгнившей плоти. По всей огромной камере мертвецы, покорные черному юмору Страда, вновь и вновь повторяли

страшные драмы, издеваясь над собственными смертями, не отрываясь от страшных приспособлений, что мучили их при жизни, разрушали их тела, убивали их.

подавив отвращение, Джандер прыгнул с балкона. Он легко приземлился, с изяществом и золотой грацией двигался среди дергающихся мертвецов, стараясь не вдыхать исходящее от них зловоние. Вместе с запахом смерти появился и звук – слабые стоны и приглушенные вопли, как будто в кошмаре кричали души узников, напоминая крики тех безумных женщин, что окружали его в те дни и ночи, которые он провел с Анной.

Он насторожился, повернулся на звуки. Слева оказался проход – прямоугольное черное пятно в стене пещеры. Он направился туда, ведомый звуками, становившимися все отчетливее при каждом шаге.

Сумасшедший дом вновь встал у него перед глазами, когда он распахнул дверь и вошел в темный коридор.

Стоны, рыдания, жалобные мольбы обрушились на него из загонов по обеим сторонам коридора. Фигуры задвигались, заметались, увидев его, некоторые забились глубже в тень, другие бросились навстречу, протягивая к нему руки через решетки, взывая к милосердию или помощи – или забвению. Это была кладовая Страда. Джандер остановился на мгновение, морщась от боли. Он не имел права освободить этих людей. В этом замке он был всего лишь гостем Страда.

Джандер был несказанно рад, что Наташа была отдана под

его опеку, какой бы та ни была, и потому не заперта здесь, в этой ужасной темноте. Стараясь побыстрее избавиться от воплей страданий, эльф поспешил наверх по лестнице, смотря прямо перед собой, чтобы не видеть лиц несчастных узников.

На лестнице через каждые несколько футов были укреплены факелы. Впереди оказалась дверь, но помещение, в которое она вела, было погружено в кромешную тьму, так что Джандер не мог увидеть – что там. Он вытащил из канделябра факел и протянул его вперед. Он покинул обиталище умирающих и теперь вступил в зал мертвых. Перед ним была усыпальница рода фон Заровичей.

Он осторожно шагнул вперед. Несколько десятков знаменитых предков Страда спали здесь вечным сном. Джандер надеялся, что по крайней мере большинство из них обратились в прах. Он подозревал, что последний сон некоторых обитателей этих гробниц определенно лишен покоя.

Звуки, слишком высокие для человеческого слуха, предупредили его о присутствии тысяч летучих мышей. Они усыпали потолок и стены и теперь неуклюже завозились, пытаясь спрятать слабые глаза от непривычного яркого для них огня факела, что держал Джандер. Некоторые из тварей, особо растревоженные, соскользнули со своих мест и бешено закружились вокруг Джандера, испуская пронзительные вопли. Наконец твари перелетели на дальнюю стену и затихли. Пол и крышки гробниц покрывал толстый слой помета

летучих мышей.

Смертных охватит ужас, окажись они в этом месте, подумал Джандер. Он испытывал лишь тоску. Разочарование и печаль, почти отчаяние. Эльф вернулся обратно тем же путем, что привел его сюда.

* * *

Эвермет! Эвермет! Ты – дом для народа, Волшебное царство, света земля. Давно я не видел чудесных лесов, Густых и тенистых, зовущих меня. Эвермет! Эвермет! Мчатся ветры с востока, Приносящие свежесть долины родной, И лишь царства сотрутся с лика земного, Блудный сын наконец возвратится домой.

Голос Наташи, может быть, был и не столь красив, как у той женщины, что напугала эльфа этой песней, но Джандер не задумывался об этом. Наслаждение переполняло его, ведь эта песня его родины звучит в этой темной мрачной стране. Сначала он сыграл Наташе мелодию на флейте. Она спросила, что это за музыка, и он с радостью научил ее и этой песне, и многим другим. Они провели вместе долгие часы – Джандер играл на флейте, а Наташа подпевала своим приятным, но печальным и усталым голоском.

Если Наташа была узницей серых стен Равенлофта, то с ней обращались очень хорошо. Джандер, как мог, поддерживал ее силы. В те дни, когда здоровье позволяло ей, она

сопровождала его в прогулках по замку, маленьким тихим призраком следуя позади. Лицо ее было бледным и осунувшимся, но все же иногда она улыбалась ему.

Сейчас она умолкла, опустив взор. Эльф заметил, как внезапно сорвался ее голос на словах «блудный сын наконец возвратится домой». Озадаченный этим, Джандер уселся на кровать рядом с ней, ласково положил златокожую ладонь на ее маленькие белые ручки.

– Ты заболела, малышка? – участливо спросил он. – Я слишком много выпил из тебя?

Она замотала головой. За последние два месяца она уже начала доверять ему и даже, как он надеялся, смогла полюбить его.

– Нет, Джандер, это... – девушка закусила губу. – Джандер, отпусти меня домой! Пожалуйста!

Джандер было открыл рот для ответа, но холодный голос, раздавшийся от двери, помешал ему.

– Ты наша гостья в замке Равенлофт, – процедил Страд угрожающе. – Было бы невежливым с нашей стороны не проявить все то гостеприимство, что мы можем тебе оказать. Ты согласен, Джандер?

Эльф внутри закипел от гнева, но, как всегда, когда оказывался рядом со Страдом, заставил себя подавить эту вспышку чувств.

– Ты хозяин здесь, твоя светлость, а не я. И конечно же, тебе решать, кто достоин нашего гостеприимства.

– М-м-м, верно. Джандер, пойдем в мой кабинет, давненько мы уже не болтали, – он вышел, оставив дверь открытой, уверенный, что Джандер последует за ним. Эльф одарил перепуганную Наташу улыбкой, которую счел ободряющей, и поспешил за графом.

Когда Джандер вошел в кабинет, четыре волка, до того вытянувшиеся на полу у камина, вскочила на ноги. Их уши медленно прижались к головам, звери оскалились, обнажив острые желтые клыки. Удивленный этим, Джандер послал им мысленный приказ: «Это всего лишь я, друзья мои. Спокойно!»

К его недоумению, ни один из волков не подчинился ему. Вновь он старался коснуться их рассудка, но по-прежнему наткнулся на некий барьер. Он взглянул на Страда. Граф сидел в кресле, положив ногу на ногу и соединив кончики пальцев обеих рук. На его бледном лице застыла самодовольная хищная улыбка. Если бы подобные эмоции можно было приписать элегантному вампиру, вполне вероятно было сказать, что Страд злорадствует.

– Очень хорошо, Страд, – заявил, слегка запинаясь, Джандер. – Они полностью под твоим контролем. А теперь, если ты отзовешь их, я смогу присоединиться к тебе.

Долгие мгновения и Страд, и волки оставались неподвижны. Затем, как один, все четыре огромных зверя заняли прежние места у огня. Они не обратили абсолютно никакого внимания на Джандера, когда тот прошел в кабинет и уселся

в кресло.

– Я работал над своей волей, – сухо произнес Страд.

– Ты – отличный ученик.

– Да, но лишь потому, что ты – отличный учитель. Но все же, – сказал Страд с сожалением, – могу я взять на себя смелость дать тебе совет?

Он поднял черные брови, ожидая ответа Джандера. Эльф кивнул.

– Ты должен опустошить свою маленькую подружку. Так ты получишь рабыню, которая будет служить тебе, а не пациентку, за которой нужно ухаживать.

Серебряные глаза Джандера сузились:

– Я собирался поговорить с тобой об этом, Страд. Ты делаешь слишком многих своими рабами.

К удивлению эльфа, граф лишь рассмеялся:

– Разве может быть слишком много рабов?

– Уточню. Мы, вампиры, чем старше становимся, тем сильнее делаемся. Мы больше узнаем. И если ты думаешь, что может быть хоть один раб – вампир или нет – который не стремится к свободе, то ты здорово ошибаешься. Более того, тебе тогда угрожает опасность.

– Друг мой, благодарю за заботу. Уверяю, мои рабы никакой угрозы для меня не представляют. Ты недооцениваешь мою способность, скажем так, сохранять покой, – он улыбнулся, как кот, играющий с мышью.

Джандер пожал плечами, не принимая предложенную

Страдом игру.

– Как пожелаешь. Я лишь поделился с тобой опытом – можешь принять, можешь не слушать. Однако у меня есть к тебе вопрос. Эту комнату ты держишь в отличном состоянии. Почему же ты позволяешь разрушаться остальным помещениям твоего дома?

– Я забочусь о том, чем дорожу, – просто ответил граф. – Я ценю мои книги. Остальное для меня мало что значит. При жизни, Джандер, я был воином. Хорошее оружие было всегда сокровищем для меня, но со временем я узнал, что книги, особенно летописи, нужно ценить еще больше. Ну и потом, для чего мне эти остатки роскоши?

– У красоты есть собственная ценность, – ответил Джандер. Страд невольно скривил губы, но ничего не сказал на это.

– Если позволишь, – осторожно продолжил Джандер, – я хотел бы восстановить некоторые части замка Равенлофт.

– Ты не должен никого приводить сюда, – заявил Страд, и теперь в его голосе был яд. В глубине зрачков появились красные огоньки. Волки у камина уловили перемену и настороженно задрали морды.

– Конечно нет, – поспешно согласился Джандер, как будто возмущенный тем, что Страд мог так подумать о нем. – Кое-что я могу сделать и сам. Мне очень хочется этого.

– Не понимаю, для чего. Джандер потер подбородок, подбирая слова:

– Я был рожден не для мрака. Красота, музыка, природа – вот то, что доставляло мне огромное удовольствие. Они помогали мне забыть, насколько это было возможно, кто я есть. Со смертью тяга к этим вещам не кончается, Страд, – он взглянул прямо в глаза вампиру.

– Я слышал, как ты исполнял музыку. Я видел, как она трогает тебя. Мы – вампиры. Наше существование – оно..., оно – не правильное, неверное. Это не значит, что мы можем на краткий миг позабыть, кто мы есть, ради красоты.

– Ценить нечто лишь потому, что оно красиво, лишь потому, что оно верно и естественно, находится в гармонии с природой – этим даром мы можем обладать по-прежнему, – голос эльфа стал тверже. – Я не желаю отказываться от этих маленьких радостей. Мой мир и так слишком полон темноты и одиночества.

Страд долго не сводил с него испытующего взгляда. Джандер не отводил глаз. Наконец Страд принялся хохотать.

– Ну и загадка же ты для меня, Джандер Санстар! Ты пьешь живую кровь, но сожалеешь о жизни, которую забираешь. Ты создание тени и ночи, но хочешь быть окружен красотой. Ты мертв, но не выносишь разложения. Кто же ты на самом деле? Какой же ты вампир?!

– Как бы то ни было, – произнес Джандер печально, но без тени жалости к самому себе, – я именно тот, кто я есть.

И снова Страд надолго замолчал.

– Отлично. Делай с замком, что хочешь, – наконец произ-

нес он и порывисто встал. – Извини меня.

Джандер остался в кабинете и еще несколько часов читал историю армии древней Баровии. Рассказы Страда о том, что он был могучим воителем, оказались правдой. Благодаря своей хорошо обученной армии, опыту тактика, знанию маневра и молитвам священника, он стал героем великой битвы, состоявшейся около века тому назад.

«На девятую ночь штурма с гор Балинок явился наш спаситель. Имя его было Страд фон Зарович, и войско его насчитывало многие тысячи отважных бойцов. Всю долгую ночь сражалась армия фон Заровича. Говорили, что графа видели повсюду на поле битвы и он сам сразил сотни врагов в первый же час.

Первосвященник Баровии – молодой Кир – молился вместе с народом. Ровно в полночь он возвратился в храм замка для медитации и моления о победе. Ему было позволено использовать таинственный Святой Символ Равенкайнда в борьбе с королем гоблинов. Граф сражался и вел своих людей к победе, и в это же самое время в глубокой тайне был применен Святой Символ. Потом первосвященник Кир тщательно спрятал Святой Символ в тайном месте.

Никто не знает, как выглядит Святой Символ и где он спрятан. До сего дня ни один из священников не смог найти его. Но не подлежит сомнению то, что могущественное волшебство помогло нашему благородному графу Страду одержать великую победу».

Джандер скептически изогнул бровь. Все звучало как пропаганда. Конечно же, люди внизу, в деревне вовсе не считают Страда своим благородным графом и спасителем. Вампир аккуратно возвратил книгу на полку и вернулся в свою комнату.

Войдя, он увидел картину, потрясшую его до глубины души. Наташа распростерлась на кровати. Лицо ее было белее, чем он когда-либо видел, на нем застыла маска ужаса. Она была мертва.

– Если ты похоронишь ее сегодня ночью, – раздался холодный вкрадчивый голос, – она восстанет лишь через день, не раньше. Из нее получится отличная маленькая вампирка, а?

Разгневанный Джандер повернулся к графу:

– Будь ты проклят за это! Густые брови графа сошлись на переносице:

– Я дал тебе девочку. Она росла, становилась все старше, теряла свою прелесть. Теперь она останется такой столько, сколько пожелаешь. Разве не так?

Джандер знал, для чего это было сделано. Страд бросал ему вызов, очертив границу и подначивая его переступить через нее. Недоверие графа: «Кто ты на самом деле? Какой же ты вампир?» – отчетливо вспомнилось эльфу. Тут Страд был прав. Джандер опять взглянул на Наташу, припомнив ее мелодичный голосок, ее мольбы: «Пожалуйста, не делай меня такой же». Вот что делают вампиры – насыщаются живы-

ми и создают себе подобных. Джандер ощутил прилив ненависти к самому себе.

Он повернулся к Страду с ухмылкой, которая, как он знал, приводила графа в бешенство.

– Конечно же так, Страд, – довольно произнес он. – Теперь ты превратишь ее в вампира, она твоя рабыня, не моя. Ты забрал ее у меня. Разве не могу я злиться на тебя из-за этого?

Страд нахмурился. Он не мог поспорить со словами Джандера.

– Ты прав. Приношу свои извинения. – Потом, не убирая клыков, он сказал:

– Я найду тебе другую и исправлю положение.

Он кивнул и удалился. Джандер опустился на кровать, чувствуя себя совсем больным. У него еще было время заняться телом Наташи, чтобы она не восстала живым мертвецом, а потом похоронить ее. «Будь он проклят, – думал эльф, – за Страдом всегда остается последнее слово».

Позади церкви оказался сад, заросший бурьяном, не видевший ухода долгие годы. Несколько маленьких печальных цветочков, отчаянно сражаясь, гибли в борьбе с заросшими корнями сорняков. Джандер распознал тут и там переросшие розовые кусты. Неприметная тропинка вела через сад на балкон, нависавший над бездонной пропастью.

Там, в умирающем саду, Джандер похоронил Наташу, обломками плит вырыв могилу в скалистой земле. Закончив

свое дело, он присел у свежей могилы. Взгляд его наткнулся на прекрасный скромный цветок, оказавшийся возле его левой ноги. Фиолетово-желтый бутон был не больше ногтя. Конечно, сорняк, но очень симпатичный. Эльф потянулся и сорвал цветок, вдохнул его сладкий легкий аромат.

Неожиданно он улыбнулся. Он мог здесь, в саду, начать возвращение хоть малой части красоты этому миру. Все этому месту требовалось лишь немного заботы и любви. Все еще держа в пальцах цветок, Джандер встал и критическим взглядом обвел сад. Почти засохшие, увитые сорняками розовые кусты были, похоже, еще живы. Не потребуется больших усилий, чтобы вернуть сад к жизни – ночь или две, не больше.

Джандер подошел к невысокому каменному парапету, окружавшему двор, и, перегнувшись через него, посмотрел вниз. Несколькими сотнями футов ниже клубился густой туман, закрывший от эльфа дно пропасти. Однако ему была видна окруженная кольцом дыма деревня к юго-востоку от замка.

Завтра ночью он отправится в деревню попытаться что-то выудить, хоть какую-то информацию у ее запуганных жителей. Или пойдет в Валлаки – это чуть дальше. В конце концов, у него не было уверенности, что Анна жила в этой деревне.

Небо на востоке уже розовело, тьма пряталась в серых тенях. Джандера охватила меланхолия, и та короткая радость

от вида все еще живого сада покинула его. Эльфу пришло время искать убежища от столь любимого им солнца.

В нескольких милях от замка рассвет встречала и дочь бургомистра. Она прижалась к стеклу лицом и смотрела на грозную тень замка Равенлофт. Анастасия вздохнула, взгляд ее упал на мощный двор внизу. Прошло уже три месяца с того дня, как Петя, рискуя жизнью, пришел предупредить ее о вампире, три месяца, как Анастасия восстала против отца и не давала ему забыть его постыдный страх. После той ночи жизнь всех женщин в семье Картова стала гораздо легче.

«И все же, – мрачно размышляла Анастасия, невидящими глазами смотря на восставшее над Баровией солнце, – вряд ли кто-то из родных с радостью воспримет известие о том, что я беременна от цыгана».

* * *

Все попытки Джандера завоевать доверие обитателей Баровии с треском провалились. По несколько раз каждую неделю в течение долгих месяцев появлялся он в трактире с карманами, набитыми золотом, но всякий раз на него смотрели лишь с подозрением. Он выбирал место в самых темных углах зала и ничем не привлекал внимания, надеясь, что такое поведение позволит ему узнать больше, чем если бы он принялся втягивать в разговор какого-нибудь недоверчивого крестьянина.

Вампир подслушал немало разговоров, но все это было не тем, что ему нужно. Дочь Влада загадочным образом исчезла. Михаил услышал волчий вой и проснулся, а когда проснулся, то увидел на крыльце получеловека-полуволка. Ирина с другой окраины поселка родила нечто – никто в точности не знал – что; когда тельце сжигали, оно превратилось в липкую жижу и издавало ужасную вонь. Ирина сошла с ума, говорили люди, и поднимали стаканы за ее бедного мужа Игоря...

Джандер слушал и все больше уставал от этих рассказов. Неудивительно, что никто не верит ему. Он оставил горсть монет на столе и встал, заметив, как зал притих и все повернулись в его сторону. Эльф ниже опустил серый капюшон плаща и поспешил на улицу.

– Говорят, ты иногда заходишь сюда, – раздался женский голос. – Я не знала, смогу ли встретить тебя.

Джандер повернулся, поднял золотую бровь, увидев у двери молодую женщину. Черный плащ не мог скрыть полностью выступающий живот, обращенное к нему лицо было ярко освещено светом, падающим из открытой двери трактира. Под ее ногами сухо шуршали опавшие листья. На почти-тельном удалении терпеливо ждали двое слуг – мужчина и женщина. Джандер быстро закрыл за собой дверь, чтобы посетители не видели, как они разговаривают.

– Анастасия, так?

– Да, это я, – она заметила, как он посмотрел в сторону ее

слуг. – Не обращай внимания. Это всего лишь моя служанка и лакей отца. Я хотела рассказать тебе о..., ну, – дочь бургомистра показала взглядом на свой выпирающий живот и неловко улыбнулась. – Это от Пети. Я ношу его. Я не... Он не знает.

Джандер ничего не сказал и ждал, когда она продолжит.

– Папа не так уж страшен, как обычно кажется. Твои волки это видели. Она засмеялась, улыбнулся и эльф.

– Я думала, что, может быть, можно отдать ребенка цыганам, но знаю, они его не примут. Ну и потом это всегда будет напоминать мне о Пете. Это имеет значение? Я бормочу что-то непонятное, я знаю, но...

Она запнулась, посмотрела на него очень серьезно.

– Ты много сделал для нас с Петей, больше, чем можешь знать. Этот ребенок, – она осторожно положила ладонь на свой большой живот, – это знак, символ для меня. Я расскажу ему о тебе, и мой ребенок будет тебе другом так же, как я и Петя.

Она просительно смотрела ему в глаза, ожидая ответа.

Джандер был тронут.

– Милая моя, – сказал он мягко и немного удивленно, – ты оказала мне честь, сказав об этом. Мне хочется верить, что с тобой и твоим ребенком все будет в порядке.

Анастасия облегченно улыбнулась.

– Сейчас он, – порывисто сказала она, – ворочается там как сумасшедший. Хочешь послушать?

Эльф не ответил, осторожно поднес ладонь к животу девушки. Она взяла его руку и провела по животу.

– Вот!

Эльф чуть не отшатнулся, но желание прикоснуться к этой новой маленькой жизни оказалось непреодолимым. Глаза Джандера расширились, когда он ощутил движения маленького существа. Он быстро отдернул руку, сжал ее в кулак и прижал к сердцу.

– Я должен идти, сейчас же, – торопливо сказал он, отводя глаза от Анастасии. – Извини.

Вновь накинув капюшон, он пересек площадь и зашагал вниз по дороге, ведущей к замку Равенлофт.

Анастасия смотрела ему вслед. Луна вышла из-за облаков, и ее молочный свет залил площадь. Она тихонько вздохнула, покачала головой, поразившись своему безрассудству. Петя сказал правду об эльфе – Джандер не отбрасывал тени. Инстинктивно она сомкнула руки вокруг своего неродившегося ребенка.

– Малыш, – тихо произнесла она, – ты будешь единственным в Баровии ребенком, у которого друг – вампир.

Когда Джандер отошел достаточно далеко, его тело превратилось в туман, а потом приняло облик златошерстного волка с серебряными глазами. Он бежал через холодный покой Свалических лесов, полностью отдавшись движению, наслаждаясь игрой тугих мускулов под густым мехом. Изнуря себя физически, он пытался забыть, как хочется ему

ВНОВЬ СТАТЬ ЖИВЫМ СУЩЕСТВОМ.

Глава 11

После растревожившей его встречи с Анной сад стал утешением Джандера. Однажды ночью, спустя почти десять лет после встречи с беременной женщиной, он занимался тем, что готовил кусты роз к зимнему сну. Остальные растения уже заснули, но он чувствовал через землю, что они живут. Придет весна, и воздух снова наполнится ароматами цветов. Джандер выпрямился, отряхнул руки, взглянул на небо. Рассвет почти уже наступил.

Эльф читал книгу по реставрации мебели и оставил ее в кабинете. Когда он зашел, чтобы забрать ее, то чуть не столкнулся со Страдом, который вышел из потайной комнаты.

– Джандер! Я думал, сегодня вечером ты в деревне, – сказал Страд растерянно. В левой руке у него была большая книга, а в правой – факел. Быстро сунув книгу под правую руку, левой он потянул дверь и захлопнул ее, так что Джандер не успел бросить и взгляда внутрь.

– Я был там. Уже почти рассвет. Ты потерял счет времени.

– Похоже на то. Ну, я должен отправляться в свой гроб, пока не встало солнце, – он повернулся, поставил факел в канделябр и забормотал заклинание, запечатывающее дверь.

– В той комнате есть книги? – спросил Джандер. – Я хотел бы посмотреть, нет ли там каких-нибудь записей, которые могли бы...

Страд замер, медленно повернулся кругом.

– Ты никогда, – спокойно произнес он, – никогда больше не будешь просить меня об этом. Ты понял? Это мой замок, и что мне прятать от других, я решаю сам. У меня есть на то причины, и ты никогда не будешь интересоваться ими! – Он прижал книгу к груди. – Оставь меня!

Раньше во всех перепалках и словесных поединках Джандер не вызывал такой бешеной ярости графа, так что сейчас он отнесся к этому серьезно. Он вежливо поклонился и прошел в свои покои. Страд произнес отрывистое короткое слово, и дверь кабинета захлопнулась за эльфом.

Джандер вошел в спальню – в комнату, где умерла Наташа. После ее смерти он закрыл окна, заткнул тканью все щели в ставнях, так что теперь мог спокойно проспать здесь весь день. Он устал и хотел растянуться на новом матрасе, который принесли Страду из деревни по его просьбе. Желудок сводило от голода. Он с неохотой покинул уютную комнату и спустился в тюрьму, служившую Страду кладовой.

* * *

– Знаешь ли ты уже, Джандер Санстар, – кто я такая? – донесся дразнящий голос Анны.

Во сне Джандер притворился спящим, и когда Анна наклонилась над ним, он обнял ее и уложил на кровать рядом с собой. Она засмеялась, притворно отталкивая его, а потом

крепко прижалась. Эльф покрыв поцелуями ее милое личико.

– Нет, маленькая колдунья, не знаю, – ответил он. – Непохоже, что ты жила здесь. Тут нет приютов, и в Валлаки тоже нет. В Баровии безумцев либо оставляют в семьях, либо выгоняют прочь. Или они умирают, – добавил он рассудительно, – что в этой стране для них лучше всего.

– Может быть, – сказала Анна, поглаживая ладонью грудь Джандера, – я не была в сумасшедшем доме.

Он уставился на нее, чувствуя себя последним дураком. Конечно.

– Ты жила в деревне? Была замужем? Анна, кто твоя семья? Что...

– Джандер, друг мой, ты сам себя мучаешь! – раздался сочный холодный голос, явно не принадлежавший Анне.

Джандер открыл глаза и обнаружил, что прижимает к груди большую подушку.

– И комната здесь ни при чем, если тебе будут сниться кошмары, – добавил Страд, глядя на эльфа в упор.

Второй вампир не удосужился ответить, лишь сел и потер глаза ладонью.

– Добрый вечер, Страд, – пробормотал он.

Граф подтянул к себе стул и сел.

– У меня есть подарок для друга.

Угрюмый раб внес в комнату ящик черного дерева – фут на полтора, около четырех дюймов высотой. Страд взял

ящик и открыл. Глаза Джандера расширились.

Внутри ящика на бархатной ткани лежали инструменты. Пузырьки с цветными порошками были готовы к смешению. Стамески трех размеров с серебряными наконечниками ждали, когда их возьмут в руки и начнут гравировку или резьбу. Здесь были также маленькие молоточки и щипчики.

– Это должно тебе пригодиться. Пожалуйста, дай знать, если тебе потребуется что-то еще для работы, и я доставлю тебе все, что пожелаешь.

– Это отличные инструменты, Страд, – искренне сказал Джандер. – Благодарю тебя. Я начну работать ими сегодня ночью.

– У меня..., запланировано для тебя кое-что иное на этот вечер. Если, конечно, ты хочешь присоединиться ко мне.

* * *

– Узрите явление Повелителя Зари!

Мартин Пелкар, более известный последние десять лет среди раздраженных жителей Баровии как Мартин Сумасшедший, или брат Мартин, стоял на деревянном помосте, который сам и возводил, и обращался ко всем, кто мог его услышать. Высокий, худой, с густыми курчавыми волосами, бледно-голубыми глазами, объявивший себя служителем бога, которого называл Латандер Повелитель Зари, вздымал руки к нему. Он смотрел на восток, где из-за горизонта вы-

плывало солнце.

– Каждое утро, – пробормотал булочник, Влад Растольников, только что поставивший в печь последнюю партию хлебов. Могучий мужчина изо всех сил треснул кулаком по длинному столу, вымещая на нем свое раздражение:

– И что ему не заткнуться? Нет, нужно притащиться сюда и всем надоедать. – И он продолжал что-то бормотать себе под нос, в густую черную бороду.

Пекарня расположилась в маленьком домике и печь занимала большую часть комнаты. Внутри горело всего несколько свечек – вполне хватало света от огня, ярко полыхавшего в печи. Рядом стоял длинный стол, на котором Растольников работал с тестом и булками, да голубой шкаф для противней и кастрюль.

Когда булки испекутся, подмастерье Растольникова, Коля, отнесет их на рыночную площадь.

Коля, бойкий мальчик, гордившийся важностью работы своего хозяина, выскочил из-за плеча Растольникова.

– Эти уже из печи, господин? – спросил он.

Растольников помолчал, отряхивая испачканный в муке локоть. Густые черные брови сошлись на переносице и нависли над такими же черными глазами.

– Как ты думаешь, чем я сейчас занимаюсь?

Коля сник, сделал шаг назад.

– Иди, подыши немного свежим воздухом. Жар от печи, похоже, ударил тебе в голову.

– Спасибо, хозяин, – ответил Коля, уже выбегая на площадь. Он дрожал на утреннем холоде и жалел, что не взял плаща. В пекарне стояла жара, а теперь на улице его начал бить озноб.

– Чтобы вернулся, когда испекутся эти последние булки! – рявкнул ему вслед хозяин. Коля помчался по Рыночной площади вниз, к старой церкви. Мартин по-прежнему возносил хвалы рассвету, и его одежды золотых и розовых цветов ярким пятном выделялись на фоне скучно-серого неба.

– Благодарю тебя, о Повелитель Зари, за этот прекрасный рассвет и величие твоего нового дня... – Ты почти вовремя.

Коля ойкнул, потом облегченно прикрыл глаза, когда увидел, что это всего лишь Саша Петрович, внук бургомистра, прислонившийся к заброшенному дому и ехидно улыбающийся. На нем была простая хлопковая рубашка и коричневые брюки. У ног мальчика лежал пустой мешок.

– Я уж думал, тебе не удастся сбежать от старой крысы.

– Саша, ты же знаешь, я не люблю, когда ты называешь так моего хозяина, – запальчиво произнес Коля.

– На, – он протянул второму мальчику половину свежееиспеченной булки. Мальчик протянул смуглую руку и жадно схватил хлеб, с наслаждением втянул ноздрями горячий манящий аромат и откусил большой кусок.

– Крыса печет хороший хлеб, – заявил он с набитым ртом.

– Нам надо спешить, – заторопился Коля, – Мартин уже на площади.

– Знаю, но он такой же зануда, как и мой дед. Особенно, когда нет дождя. У нас полно времени.

Они дошли до конца рыночной площади, остановились и посмотрели наверх – на церковь.

Здание было древним, деревянные балки и доски состарились и готовы были вот-вот развалиться, когда «сумасшедший Мартин» решил устроить здесь храм своего бога – Латандера. Молодой священник привел бывшую развалину во вполне приличный вид – хорошо подогнанные двери ходили на петлях без скрипа, окна, очищенные от паутины, сверкали новенькими стеклами. Проходы были чисто подметены, а новая черепица на высокой крыше делала церковь похожей издали на яркий грибок посреди темного леса. Свежесть и чистота здания производили благоприятное впечатление даже на Сашу. Старая церковь вновь обрела святость.

– Сам не верю, что позволил тебе втянуть меня в кражу в церкви, – прошептал Коля.

– А мы и не ворует, мы просто..., одалживаем.

Саша, отбросив секундное замешательство, толкнул двойные двери. Они охотно распахнулись. Оба мальчика заморгали, привыкая к царившему внутри полумраку. Перед ними оказался неширокий центральный проход, с обеих сторон которого шли скамьи. В воздухе висела пыль. Алтарь в конце прохода у стены был, однако, тщательно протерт. Саша и Коля увидели невысокую стопку розовых деревянных кружочков в центре алтаря, несколько самых простых начищенных

подсвечников, в которых торчали полустгоревшие огарки. Рядом с алтарем стояла на пьедестале большая чаша. Солнечный луч отбрасывал искры на неподвижное зеркало воды.

– Ну, вот и мы, – победно усмехаясь, заявил Саша. Он побежал по проходу, и его башмаки стучали на удивление тихо.

– Ну, давай, Коля!

Второй мальчик неохотно последовал за ним. Саша протянул ему несколько маленьких бутылочек.

– Наполни-ка их святой водой, а я возьму диски.

– Саша, я знаю, у нас будут неприятности, – пробормотал Коля, опуская бутылочку в чашу, – пузырьки воздуха забулькали, выпрыгивая на поверхность.

– Коля, да ты боишься темноты!

– Нет!

– Да. Ты же сам сказал: «Ох, Саша, я боюсь идти туда, если нас ничто не будет защищать!» Вот мы и пришли сюда, чтобы у тебя была защита от ночных тварей. Так что заткнись! Ох, что же ты за трус! Коля-трус, так я теперь буду тебя звать.

Сморщившись от отвращения, Саша сгреб все розовые диски в мешок. Поразмыслив, он суну туда же и подсвечники.

– Я достану лампы и одеяла. А ты найдешь зеркало и чеснок, ладно? Коля не ответил.

– Ладно?

Коля не слушал. Он в ужасе смотрел через одну из пустых ячеек оконного переплета:

– Саша, он идет!

Как загнанный заяц, темноволосый мальчишка схватил мешок одной рукой, а другой – своего друга за воротник. Коля поначалу оцепенел, но быстро оправился, и оба воришки бросились по проходу обратно. Саша с разбега толкнул тяжелые деревянные двери, и они распахнулись наружу, ударив брата Мартина в грудь, отчего священник отлетел назад и упал на спину. Коля и Саша тоже повалились на землю, но быстро вскочили на ноги и бросились прочь.

Молодой священник долго лежал на ступенях, пытаясь отдышаться от полученного удара, потом, кряхтя, поднялся на ноги. Он открыл двери и увидел, что его алтарь пуст. Сначала Мартин пришел в ужас. Однако через мгновение на устах его появилась улыбка.

Деяния его бога никогда не были полностью ясны слегка помешанному священнику. Однако Мартин знал наверняка – если эти двое мальчишек так нуждаются в святых символах, что решили украсть их из церкви, значит, им нужна защита этих святых предметов. Мартин знал понаслышке, что скрывает ночь в Баровии.

Отбежав достаточно далеко, чтобы почувствовать себя в безопасности, Саша и Коля, обессиленные, рухнули на землю у подножия толстого дуба. Саша начал истерически смеяться, захлебываясь так, что в конце концов даже перепуган-

ный Коля улыбнулся, а потом тоже захохотал.

– Ладно, – сказал Саша, вытирая выступившие на глазах слезы и опустив руку на живот, который заболел от смеха. – Тебе пора возвращаться к своей крысе. На закате встретимся у швейной лавки. Будет весело!

Коля не был так в этом уверен, но покорно закивал.

День пошел своим чередом. Коля опоздал в пекарню, за что получил от хозяина короткую, но ощутимую затрещину. Саша Петрович решил прогулять школу и наткнулся на свою мать, когда пытался незамеченным пробраться обратно домой. Мать сидела на ступенях лестницы у двери и дожидалась его. Лицо ее было уставшим и печальным. Она долго смотрела на него, прежде чем заговорить.

– Почему ты так себя ведешь, Александр Петрович?

Саша пожал плечами:

– Не знаю.

– Тебе не нравится учиться? Ты хочешь, чтобы тебя наказали?

– Только не летом, – он посмотрел на нее жгучими черными глазами. Анастасия поневоле засмеялась.

– Сядь рядом со мной, – сказала она. Саша охотно забрался повыше, уселся рядом, а она обняла его рукой за плечи, и сын прижался к ней.

– Саша, я рассказывала тебе о твоём отце и почему мне так важно, чтобы ты вел себя хорошо. Нам-то все равно, что ты наполовину цыган, но в деревне есть еще и тупые люди,

которым это не все равно. Если ты будешь хорошо учиться, то не пропадешь здесь без меня.

Саша беспокожно заерзал. Он терпеть не мог, когда мать становилась такой серьезной. Когда мама говорила, что ей придется покинуть его, комок подкатывал у него к горлу.

– Но ты отпустишь меня к Коле? Анастасия погладила ладонью по шелковистым волосам сына, взглянула в окно.

– Ну, не знаю. Уже смеркается. Давай, собирайся быстрее.

Со скоростью просто невероятной Саша взлетел по ступенькам в свою комнату и сложил все для «ночного приключения». Теперь у него была своя комната, хотя маленькая, но все же отдельная. Там стояли кровать и шкаф для одежды и игрушек. Десятилетний Саша перерыл все свои вещи в поисках мешка. Его тетка Людмила – стройная привлекательная молодая женщина, которой недавно сравнялось двадцать лет, просунула голову в приоткрытую дверь и чуть не застала его с пригоршней розовых деревянных кружочков.

– Лучше никуда не ходи, кролик, – промолвила она, подшучивая.

– Не называй меня так!

– Уже поздно, кролик, – продолжала дразнить его Людмила. – А ночью выходят волки. Р-р-р!

Он показал язык, она пошла в комнату, которую делила с Анастасией, смеясь в голос.

Когда Саша сбежал вниз по ступенькам, он увидел, что мать стоит у открытой двери и беспокожно смотрит на небо.

Был прекрасный летний вечер. Оранжевое, еще безоблачное небо быстро становилось фиолетовым, и уже над горизонтом показалась в бледном нимбе луна. Вдалеке птицы устраивались на ночлег, и было слышно, как они перекликаются.

В любом другом месте влюбленные сидели бы сейчас на покрытых ковром трав холмах и созерцали с благоговением и надеждой этот спектакль. Настороженные жители Баровии, однако, не тратили лишних мгновений, чтобы восхититься красотой заката. Для них это были всего лишь несколько кратких минут, остающихся до прихода пугающей ночи и того, что таится во мраке.

– Пожалуй, тебе лучше не ходить к Коле сегодня, – проворботала Анастасия.

– Мама, ты же обещала!

– Знаю, но Калиновы живут на другом конце поселка, а уже почти темно.

– Я буду спешить! – заверил Саша. – Если я побегу сейчас, будет еще уйма времени.

Анастасия колебалась, зная, как неумолимо быстро текут эти мгновения.

– Ну ладно. Возьми вот это.

Она сняла кулон, висевший у нее на шее, надела его Саше на шею. Мальчик скосил глаза на амулет, который посчитал излишней защитой.

Он никогда еще не видел никого похожего на вампира или

оборотня, даже того, кто однажды спас его родителей. Саша отчаянно надеялся, что сегодня ночью с Колей они смогут встретить этого таинственного золотого эльфа-вампира. Мальчик даже не удосужился рассмотреть медальон, которым снабдила его мать. Он знал, что из себя представляет эта вещь – простой серебряный кружок с вытравленными на нем защитными знаками.

– Теперь поспеши, – подтолкнула его Анастасия, быстро поцеловав в лоб и отвесив легкий шлепок пониже спины. Саша обрадовался долгожданной свободе и вприпрыжку помчался на улицу.

Анастасия смотрела ему вслед с печальной усмешкой на уставшем лице.

– Ох, Петя, как он похож на тебя, – прошептала она.

Дочь бургомистра проговорила короткую молитву за своего благоразумного ребенка, закрывая тяжелую деревянную дверь и надежно запирая ее.

Коля ждал его на условленном месте, на его бледном лице застыл страх.

– Я боялся, ты не придешь, – приветствовал его Саша. Коля лишь молча взглянул на него, и они зашагали по тропинке, поднимавшейся вверх и ведшей через лес к каменному кругу на горе. Коля несколько раз споткнулся о корни, так что Саша наконец остановился и зажег фонарь, чтобы освещать дорогу.

Круг был тем самым местом, где родители Саши прово-

дили украдкой минуты наслаждения. Ходили еще слухи, что это каменное крыльцо было местом доброго могучего волшебства, происходившего несколько веков назад. Саша положил по одному розовому диску из дерева у подножия каждого камня, потом разложил все остальное на большой плоской глыбе в центре. Коля зажег лампы и свечи, потом мальчики закутались в принесенные одеяла. Подобрал одеяло у горла, Коля посмотрел на тени, нависшие позади мигающих и коптящих масляных ламп. От сильного запаха, которые источали головки чеснока, висевшие на шее, у него начала болеть голова.

– Я хочу домой, Саша, – простонал Коля.

Саша бросил на него испепеляющий взгляд:

– Слушай, мы же в полной безопасности. Это место заколдованное, у нас с собой все штуки, которые только могут защитить.

Вдруг донесся резкий шорох. Коля вскрикнул и, набросив на голову одеяло, вытянул зеркало в ту сторону, откуда раздался звук.

– Идиот, – с отвращением произнес Саша. – Отразил нападение ужасно страшного кролика. Поздравляю.

И в самом деле Коля разглядел белое пятнышко кроличьего хвоста, исчезнувшее в темноте. Мальчик залился краской стыда. Саша не обратил никакого внимания на товарища, взял принесенную книгу и начал ее листать.

– Вот, – торжествующе произнес он, лег на правый бок,

положив книгу перед собой, пододвинул лампу. Неподдалеку заухала сова. Саша прислушался, ухмыльнулся. Потом самым низким и страшным голосом, какой только мог издать десятилетний мальчик, начал читать.

«Давным-давно в городке Валлаки жил-был мальчик по имени Павел Иванович. Он не был похож ни на одного другого мальчика. Он был наследником Солнца, и его предназначением было заставить отступить Мрак. Его отец дал ему частицу Солнца, но этот дар был похищен из колыбели Павла. Мрак далеко запрятал Солнце, но когда Павел вырос и стал взрослым мужчиной, он понял, что должен найти частицу Солнца. Чтобы сделать это, он вышел в земли Мрака.

И вот он шел один по черным лугам, где роятся Кошмары и течет река Забвения, и встретил на своем пути Первого Стража Мрака. Это был высокий бледный человек с острыми зубами и когтями.

– Стой! – сказал Носферату, которым и был страж, как то знал Павел. – Остановись, я выпью твою кровь и буду жить, а ты умрешь!

Но Павел сказал Носферату:

– Ты не в силах остановить меня, ибо я наследник Солнца, и я покажу тебе то зло, что ты несешь.

Павел поднял зеркало, и тогда Носферату увидел, сколь он ужасен, и взвыл от боли и растворился, подобно туману в лучах солнца...»

Коля поджал колени к подбородку и старался не слушать

страшную сказку. Он был уверен, что не сомкнет глаз в эту ночь. Может быть, это была лишь игра его воображения, но Коля никак не мог отделаться от ощущения, что кто-то за ним наблюдает.

Снаружи каменного круга граф Страд фон Зарович рассмеялся и отступил обратно в тень.

– Стоило напасть лишь для того, чтобы увидеть их лица, – сказал он Джандеру. – Они так малы, что вряд ли смогут насытить нас.

Джандер услышал браваду в этом заявлении Страда. Конечно же, граф чувствовал могучее волшебство этого места. Огромные серые камни защищали двоих глупых детей так же надежно, как каменная стена. Эльф оглянулся с тревогой на трех рабынь. Они спокойно стояли позади своего хозяина – три вампирки, бывшие, несомненно, весьма привлекательными особами при жизни, а теперь лишь холодными слугами.

Все три принадлежали к тому типу женщин, которых Страд находил привлекательными. Они были выше среднего роста, с темными, рыжевато-коричневыми волосами и темноглазые. Тела их были изящны, в отличие от тел большинства женщин Баровии – коренастых и полных. Они напоминали эльфу его Анну, так что Джандер вспоминал возлюбленную всякий раз, когда видел этих рабынь. Это было невыносимо. Страд взглянул на Джандера:

– Как ты считаешь? Джандер пожал плечами:

– Как ты и сказал, их крови будет нам мало. И, – добавил он, – я уверен, ты чувствуешь, какая у них защита. Не думаю, что из-за этих щенков стоит влезать в неприятности.

Страд внимательно посмотрел в глаза Джандера, затем повелитель Баровии склонил голову в знак согласия.

– Пойдем, – сказал он, – я знаю место, где нас ждет настоящий пир.

Он лениво вытянул руку с острыми ногтями и оставил царапину на щеке ближайшей к нему рабыни:

– Ты голодна, любовь моя?

Рабыня обнажила длинные клыки, глаза ее блеснули, и она кивнула. Джандер тоже был голоден. Проклятая жажда одолевала его подобно лихорадке, требуя утоления. Одного запаха этих детей оказалось достаточно, чтобы у него потекли слюнки. Интересно, куда это поведет их Страд. Что тут может быть поблизости?

– Пойдем и насытимся. В волков, мои красавицы, и отправимся в деревню.

Вампирки охотно обернулись гладкими коричневыми волчицами. Их хозяин, как все, что он делал, изящно превратился в чудовищно черного зверя. Джандер упал на четвереньки – теперь и он стал волком. Стая направилась вслед за Страдом, задрав хвосты и прижав уши, поспешила вниз в ничего не подозревающую Баровию.

Когда никем не замеченные они пробегали мимо трактира, Джандер заметил связку головок чеснока на двери. Он

был не слишком удачлив в охоте здесь, в деревне, но ведь трактир был самым лучшим местом для их цели. Он выругался про себя. Придется теперь чаще отправляться в Валлаки – там жители не такие осторожные. Эльф последовал за Страдом и волчицами, которые уже пересекали площадь, – темные тени во мраке. Он увидел, что они направляются по дороге к дому бургомистра, где селились лучшие семьи поселка. У Джандера появилось нехорошее предчувствие. Что-то здесь не так. Страда охватил тщательно скрываемый азарт, что инстинктивно сразу не понравилось эльфу.

Джандер был ошеломлен, когда стая остановилась у дома самого бургомистра. Эльф затрепетал, увидев это место, – давным-давно он пообещал Анастасии, что она не пострадает из-за него. Черный волк замер, выгнулся и, задрожав, превратился в человека – Страда. Он жестом приказал остальным сделать то же самое. Так быстро, как только смог, Джандер прошептал:

– Что это ты затеял?

Намеренно не обращая внимания на тон Джандера, Страд спокойно ответил:

– Картов обманывал меня. Он от моего имени обложил крестьян жестокими налогами, а я не получил ни медяка.

Сердце Джандера упало от ледяного тона Страда.

– Зачем тебе деньги, твоя светлость? – сказал он, пытаясь не выдать своего испуга.

– Дело не в деньгах, а в том, что презренный смертный

попытался обвести меня вокруг пальца.

Окруженный давящей темнотой, Джандер без труда заметил красный огонек, зажегшийся в глазах Страда.

– Я хочу проучить его, – он шагнул к двери, потом остановился. – Я думал, – ехидно произнес он, – что ты голоден.

Джандер лихорадочно пытался что-то придумать:

– Они не впустят тебя ночью. Страд улыбнулся:

– Я не нуждаюсь в разрешении. Ты разве забыл?

Джандер помнил, как ему довелось в первый раз столкнуться с бешенством графа, когда тот кричал: «Я – земля!... Каждый дом – мой дом!...»

«Конечно же Страд не станет убивать семью бургомистра в их собственном доме, – в отчаянии подумал эльф. – Вампир просто не может в открытую напасть прямо в городе. Само существование Страда и его приспешников зависит от этой тайны. Граф понимает это».

«Вынужден», – сказал себе Страд.

Страд начал напевать мелодичным, еле слышным голосом. Джандер поморщился – его нелюбовь к колдовству не стала меньше из-за жажды крови. Дверь начала светиться, излучая мягкое сияние.

– Она защищена, – сказал Джандер. Страд с вызовом посмотрел на него.

– Разве это может остановить повелителя этой страны! – ответил он, и в его низком голосе прозвучала насмешка.

Тело графа обратилось в облако тумана, который устре-

мился в щель под дверь. Эльф услышал, как отошел внутри засов, и дверь распахнулась.

– Входите, – язвительно улыбаясь, пригласил их Страд. Три рабыни ринулись внутрь.

Джандер не спеша последовал за ними.

– А теперь, – сказал Страд вампиркам, – вспомните мои инструкции.

Ничем не выдавая того голода, что плясал лишь в их глазах, они кивнули.

– Отлично. Можете хватать все, что пожелаете.

Псы, почуявшие добычу, подумал Джандер, глядя, как красивые бессмертные женщины втянули ноздрями воздух. Он, однако, тоже был взволнован ароматами людей, находившихся сейчас в доме. Две вампирки поспешили в комнаты слуг на первом этаже. Третья беззвучно побежала наверх по широкой лестнице.

Джандер и Страд последовали за ней. Наверху эльф открыл дверь в первую спальню и почувствовал, что за его спиной скользнул дальше Страд. В комнате оказалась маленькая кушетка, еще какая-то мебель и больше ничего. Следующая спальня была просторной, хорошо обставленной – с двумя кроватями и резным столом между ними. В одной из кроватей сладко спала молодая женщина лет двадцати.

На мгновение Джандер испугался, что это может быть Анастасия. Он подкрался ближе и посмотрел на нее, заметил, как ровно она дышит, оценил длинные тугие пряди во-

лос, упавших на лицо женщины. Нет, это не Анастасия, хотя и очень похожа. Джандер решил, что это, наверное, ее сестра. Он сел на кровать. Осторожно: как любовник, положил золотую ладонь на темные волосы. С дрожью, сравнимой лишь с трепетом страстного поцелуя, он сделал надрез на ее горле. Брызнул целый фонтан крови, и эльф приник к нему, жадно глотая липкую жидкость.

Он прижимался губами к ране, обнимал девушку обеими руками и жадно пил. Он не торопился, несмотря на страшный голод, – она не проснется, ему некуда торопиться. Через несколько долгих минут он закончил и положил ее обратно на кровать.

Лишь когда Джандер вышел обратно в коридор и осторожно прикрыл за собой дверь, он почувствовал жаркое зловоние разлитой крови.

Глава 12

Вопль боли и ужаса повис в ночи. Быстрее молнии Джандер бросился на запах к спальне хозяина в дальнем конце коридора, пинком распахнул дверь.

– Страд!!!

Одна из вампирок лежала на бездыханном теле пожилого человека. Это был бургомистр Картов. Горло его было разрезано, словно вампирка своими клыками, как кинжалами, отрезала ему голову. Рана чернела ужасной уродливой улыбкой, кровь, не выпитая чудовищной красавицей, измазала ее лицо, медленно стекала на дорогой, голубой с золотом ковер. Жена бургомистра распростерлась на своей кровати – тоже мертвая. Раскинутые руки были неестественно изогнуты, как будто все ее суставы раздробили.

Страд железной хваткой сжимал молодую женщину. Граф совершенно очевидно упивался, утоляя вконец измучившую его жажду. Женщина была еще жива, хотя уже бледна как снег и совсем слаба. Когда дверь со стуком распахнулась, она повернула лицо к Джандеру. Глаза эльфа расширились от ужаса.

– Анастасия! – вскричал он.

– Ты обещал, – пролепетала она дрожащим голосом.

Джандер бросился на Страда с яростью, ошеломившей второго вампира. Джандер вырвал умирающую Анастасию

из лап Страда, сбив на пол более крупного и сильного противника. Три рабыни Страда атаковали Джандера, повинувшись внезапной вспышке удивления и ярости хозяина. Но эльф был опытен, его воля оказалась столь же могучей, что и у Страда, но более тренированной – закипели его собственные гнев и ужас. Он стряхнул с себя трех рабынь, как волк сбрасывает напавшую на него стаю лис, и поднял на руки Анастасию, не сводя со Страда полного ненависти взгляда.

Граф медленно, с достоинством, поднялся. Бледной ладонью пригладил растрепавшиеся волосы. В глазах его горели красные огоньки.

– Как ты осмелился встать между мной и моей добычей?

– Добыча – другое. Это же резня! Бойня!

– Это всего лишь люди. Думаешь, мне есть до них дело? Ты мягок, Джандер, и это тебя погубит! – злоба в его голосе сменилась мрачным юмором. – Конечно, если ты хочешь ее для себя...

Он улыбнулся красными от крови губами – блеснули длинные острые клыки.

Джандер смотрел прямо в глаза Страда. Анастасия на его руках дрожала и, наконец, содрогнувшись в последний, смертный раз, затихла. Заставив себя сдержать скорбь и ненависть, эльф повернулся к Страду, и на лице его была такая же маска холодного презрения.

– Ты из тех, кто играет со смертью, Страд, – медленно отчеканил Джандер. – Ты держишь этих людей в страхе, да, но

ты не хочешь разозлить их. Мы уязвимы – ты даже больше, чем я. Я могу контролировать глубину своего сна. А ты – нет.

Эльф засмеялся, его обычно мелодичный голос теперь хрипел и был искажен страшными переживаниями. Он положил труп Анастасии к ногам Страда.

– Один крестьянин с мотыгой, Страд, и от тебя останется не больше этого – даже меньше, – ведь ты даже не восстанешь рабом! Помни об этом на рассвете, когда будешь засыпать.

Красные глаза Страда сузились от гнева, но он прикусил язык. Джандер знал, что граф внимательно слушает его.

– Ты когда-нибудь видел, что такое суд толпы? – горько продолжал эльф. – А я видел – был с обеих сторон. Это страшно. Одиночек можно запугать, но если есть толпа, которая зашла слишком далеко, она найдет тебя, и ты не сможешь остановить ее ничем – она уничтожит тебя.

Вампирка рядом со Страдом зарычала и занесла когтистую лапу. Граф остановил ее движением пальца:

– Оставь его.

Джандер по-прежнему смотрел в глаза Страда:

– Я видел, как это случилось. Банда вампиров получила на откуп целый город у меня на родине. Они возгордились этим и начали поголовные убийства. Народ восстал и уничтожил их. И ни один вампир больше никогда не мог войти в тот городок. Люди стали настроены против всех чужеземцев – совсем как в Баровии. Ради спасения собственной шкуры,

Страд, будь осторожнее. Не все в этой проклятой дыре глу- пы.

К удивлению Джандера, красный огонек в глазах Страда исчез, и по лицу графа было видно, что он глубоко задумался.

– Джандер Санстар, – медленно произнес он, – ты прав..., в чем-то. Это – моя земля. Здесь я буду творить, что пожелаю, и сегодня ночью я захотел, чтобы темный зверь животного ужаса проснулся в телах этой семьи. – Он холодно улыбнулся. – Я это сделал. Хотел бы услышать, что ты на это скажешь, а потом будем – как это называется – заметать следы!

Эльф не знал, что и сказать – Страд искусно завел его в тупик. Граф, не поступившись ничем, обвел Джандера. Как будто он мог читать мысли эльфа. Граф заулыбался.

– Ладно, сначала нужно уничтожить тела, – Джандер взглянул на ближнюю к нему вампирку. – У тебя и так слишком много рабов и рабынь.

Он подумал, что граф не согласится с этим, но Страд задумчиво кивнул.

– Снесите их вниз по лестнице, – приказал он вампиркам. Каждая из безмолвных красоток подняла по трупы и молча вышла в коридор.

– А что потом?

– Мы сожжем весь дом. Как будто это был пожар. Несчаст- ный случай. Если мы уничтожим все улики, никто ничего и не заподозрит.

Джандер решил ждать до последнего, а потом вынести из дома молодую женщину, которой он утолял собственный голод.

Трупы собрали в большой комнате внизу. Сильные вампиры легко разломали мебель и сложили в центре комнаты костер, обложив трупы кусками дерева. Джандер не мог больше ждать – так это напомнило ему события многовековой давности. Страд осторожно зажег факел от огня, все еще полыхавшего в камине и поднес его к костру. Вначале дерево горело неохотно, потом занялось и запылало. Клубы черного густого дыма повалили к потолку. Джандер незаметно направился к лестнице.

Вдруг вампиры услышали громкий крик, который подхватили другие голоса.

– Пожар! Дом бургомистра горит! – раздались отчаянные вопли. Страд выругался, обернулся туманом, который легким облачком заструился через открытое окно на улицу.

Джандер поколебался, бросил оценивающий взгляд наверх, с отвращением заметил, что наступил в лужу крови, и теперь за ним на ступеньках остались малиновые отпечатки. Стук в дверях заставил его поторопиться. Спасатели найдут девушку. Они, к сожалению, найдут и трупы.

Удары в дверь становились все сильнее. Скоро они выломают ее. Пытаясь побыстрее скрыть следы трагедии, Джандер схватил головню и поджег занавески, которые тут же радостно и ярко запылали. Он отбросил головню в костер,

обернулся летучей мышью и вылетел наружу, обжигая крылья – и в тот же самый миг отлетел засов на двери.

Эльф оставил позади кровавую сцену и скрылся в манящей ночной прохладе, горько сожалея о случившемся. Страд ненавидел слабость – Джандер знал, что все происшедшее не пойдет ему на пользу.

Он чувствовал, как покатались из глаз кровавые слезы, старался не думать о Мэрридейле, о том кошмаре, что случился много веков тому назад. Конечно же, память была неумолима.

* * *

Красный дракон Дейла был повержен – хвала отважным, назвавшимся Серебряной Шестеркой. Мэрридейл должным образом приветствовал своих героев, бесплатно предоставив им весь трактир «Лебединой Песни». Джандер и его товарищи – Гидеон из Уотердипа, Трампер Хиллхоллоу, Лирия Прекрасная, Келлиан Грейклауд и Элинора Малина – были приятно удивлены оказанным приемом. Когда Джандер предложил им отдохнуть в гостеприимной долине, прежде чем отправиться дальше – на поиски новых приключений, никто не стал возражать.

Это было три дня назад. Воровские замашки Трампера чуть не стали для него причиной неладов с законом, но он все же смог отбрехаться. Златовласая Лирия получила два

предложения руки и сердца, а также множество признаний в любви, после чего нашла подобное пристальное внимание к своей персоне крайне неприятным и отшила своего очередного ухажера словами:

– От тебя плохо пахнет, – чем надушенный молодой щеголь был очень обескуражен.

Застенчивая темноволосая Элинора и еще более сдержанный Келлиан познакомились получше, а Джандер с Гидеоном вместе обследовали весь городок.

Той ночью Серебряная Шестерка собралась в трактире «Лебединой Песни» на праздничный ужин. Трио музыкантов играло у весело плясавшего в огромном камине жаркого огня. Счастливые обитатели освобожденного городка наполнили зал радостным гомоном. Служанки были проворны и приветливы. В общем – идиллия, приятный вечер добрых друзей.

Вся шестерка сидела вместе, наслаждаясь отдыхом. Все, кроме Келлиана, чьи голубые глаза были сейчас окружены багровыми тенями, а обычно румяное лицо казалось неестественно бледным.

– Твое горло все еще болит? – участливо спросила Элинора. Она застенчиво положила свою шершавую ладонь бойца на его руку. Келлиан слабо кивнул, помешивая заказанный для него Джандером суп. У воина уже несколько дней было воспалено горло, и с каждым часом он выглядел все хуже и хуже.

– Наверное, подцепил что-то после укусов этих жуков, – с набитым ртом проговорил Трампер, показывая куриной ножкой на две слабые отметины на шее Келлиана.

– Прости, Джандер, но я не могу есть это, – глухо произнес воин, отталкивая миску.

Лирия нахмурилась, прищурила изумрудные глаза, но ничего не сказала.

– Попробуй, – настаивал Джандер. – Как твое тело справится с этой заразой, если ты не будешь есть?

Келлиан взглянул на эльфа пустыми глазами.

– Я не голоден, и все тут, – пробормотал он. – Я пойду спать. Утром мне станет лучше. Мне нужно лишь хорошенько поспать ночь.

Джандер попробовал подтолкнуть миску обратно к Келлиану и замер, случайно коснувшись запястья друга. Несмотря на то что Джандер выбрал ближайший к пылающему очагу стол, рука Келлиана была холодна как лед.

Утром Келлиан был мертв, и оповестить об этом остальных выпало Джандеру. Элинора была в отчаянии. Лирия разрыдалась, и даже Трампер был подавлен. Похороны состоялись в тот же день. Джандер проиграл своему другу колыбельную перед вечным сном, а добрые граждане Мэрридейла, сочувствуя горю чужестранцев, не взяли ни единого медяка за успокоение несчастного Келлиана.

На следующее утро Элинора проснулась с воспаленным горлом. Она была тоже бледна, и на ее шее виднелись та-

кие же непонятные укусы, что были и у Келлиана. Джандер встревожился не на шутку. Он расспросил городских жителей и с удивлением узнал, что чуть ли не четверть всего населения окончила свои дни таким загадочным образом.

– Не нравится мне это, – сказал Гидеон, когда они сидели за обедом в трактире. – Это не обычная болезнь.

Джандер сделал глоток вина. Народу в зале было немного из-за того, что многие из завсегдатаев слегли, пораженные болезнью, охватывавшей весь город. Гидеон, бывший воином, пока один из богов не призвал его к служению, не отводил мрачного взгляда от кружки янтарного эля, стоявшей перед ним.

– Элиноре не стало лучше, когда я пробовал лечить ее, – глухо проговорил он. Священник печально поднял брови.

Джандер постарался не выдавать изумления. Гидеон был человеком опытным и заботливым, несмотря на пугающую внешность. Джандер не знал ни одного случая, когда лечение Гидеона не давало бы самых быстрых и отличных результатов.

– Может быть, она на самом деле и не больна, – предположил он, понимая, как нелепо звучат эти слова. Он мог заглянуть в глаза Гидеону. Иллматер был богом мучеников, покровителем всех страдальцев. Невероятно, чтобы он не пожелал облегчить страдания Элиноры.

Когда и Элинора тихо скончалась ночью, Гидеон был потрясен. На этот раз граждане взяли деньги за погребение

– уж слишком много трупов появилось за последние дни. Стройная и очаровательная Элинора было похоронена в грубо сколоченном гробу, и Джандер видел, как выступили слезы на глазах Гидеона, когда эльф проиграл колыбельную на могиле второго соратника. Возвратившись в трактир, Джандер заметил, что многие посетители, раньше рвавшие угощать их элем, теперь украдкой бросают на них злобные взгляды.

– Думаю, мы здесь загостились, – спокойно сказал он Лирии.

Волшебница отбросила назад длинные волосы:

– Согласна с Джандером. Кто за то, чтобы уйти завтра?

– Я. – Сказал Трампер. – Как только они перестанут платить за мое пиво, я уйду.

Джандер повернулся к Гидеону. Монах не отрываясь смотрел в огонь.

– Я слышал, – отрывисто бросил Гидеон, и его грубость скрывала боль. – Да. Давайте уйдем отсюда.

Серебряные глаза Джандера встретились с зелеными Лирии. Вся эта трагедия тяжелее всего была для монаха.

На следующее утро в городе был объявлен карантин, и они не смогли уйти, по крайней мере еще неделю. Все больше и больше людей умирало, трупы не успевали хоронить. Предлагали сжигать трупы, чтобы остановить распространение болезни. Наиболее горячие головы посчитали, что ранее похороненные тела нужно выкопать и сжечь вместе с недавно

умершими. Огромный костер был зажжен в ту ночь, и тела – новые и уже пролежавшие несколько дней в земле – были брошены в огонь. Разные священники подходили к костру и произносили по несколько слов. Оставшиеся еще в живых горожане бросали на четверку чужаков враждебные взгляды, а чуткий слух Джандера уловил в толпе глухой ропот и проклятия.

Тишину потряс вопль боли и ярости, подобного которому Джандер еще не слышал и страстно надеялся больше не услышать. Он задохнулся от ужаса, его серебряные глаза широко распахнулись от удивления и страха.

Трупы в костре двигались.

Ожив, они целеустремленно перемещались, старались как можно быстрее убежать от языков пламени. Некоторые уже местами обгорели и, вопя от боли, шевелили чудовищными кусками обгоревшей гнилой плоти. Другие оставались все еще целыми и ползли к своим могильщикам. Джандер краем глаза заметил, как Лирия начала распевать заклинания, он же бросился назад в трактир за своим мечом. Когда он с грохотом сбежал вниз по ступенькам и выскочил на улицу, то замер в оцепенении.

Там, поджидая его, стояла Элинора. Ее невинность обратилась в похоть и порок, ничего привлекательного не осталось больше в ее стройной фигуре. Ее короткие темные волосы были измазаны кровью и сажей. Алый рот открылся, и Джандер увидел длинные острые клыки, когда она броси-

лась на него.

Он сделал выпад мечом, сумев поразить ее в торс. Она вскрикнула в агонии, но рана лишь разъярила ее. Элинора протянула длинные, крепкие, как капкан, руки и схватила эльфа. Блеснули полные ненависти красные огоньки ее глаз, но кровь эльфа защитила Джандера от гипнотизирующего взгляда.

Золотой эльф продолжал бороться, благодарный хотя бы за то, что умрет в бою.

Сила вампирки оказалась чудовищной, и Джандер знал, что ему не удастся вырваться. Элинора обнажила клыки, готовясь погрузить их ему в шею. Джандер услышал позади себя пронзительный крик:

– Изыди, демон!

Элинора завизжала и обмякла. Неожиданно отпущенный ею Джандер повалился на землю. Вампирка злобно зашипела, извиваясь, и обратилась в облачко тумана, которое тут же растаяло.

Эльф поднял взгляд на своего спасителя. В неверном, мятущемся свете факелов он разглядел высокую и сильную фигуру Гидеона, который вытянул перед собой медальон с выгравированными на нем священными руками Иллматера.

– Спасибо тебе, дружище, – выдохнул эльф, поднимаясь на ноги. Гидеон пристально осмотрел его шею и запястья.

– Она сделала это? Джандер замотал головой.

– Хорошо. Джандер, ты понимаешь, что здесь происходит

и что мы должны делать?

Джандер кивнул, и лицо его приняло торжественное выражение.

– Вампиры наводнили Мэрридейл. Мы должны успокоить их души.

Это звучало достойно и смело – так оно, может быть, и было на самом деле, но эльф внезапно почувствовал, что во все не готов вступить в сражение с чудовищными тварями – вампирами. Со злом легче бороться, когда оно облечено в нечеловеческие, угловатые формы, но не когда оно может принять облик твоего верного друга.

Эльф и священник медленно и осторожно начали двигаться к ближайшему святому дому. Хотя Джандер знал, что храм Тиморы – Госпожи Удачи расположен за ближайшим углом, этот короткий путь оказался ужасающе долгим. Страшные звуки наполняли ночь – вопли и стоны и, что самое кошмарное, злобный, почти нечеловеческий смех. Несколько оживших мертвецов попытались приблизиться к ним, но лишь шипели в яростном испуге, когда сталкивались с Гидеоном, которому покровительствовал его бог мучеников.

Некоторые из горожан пробрались в дом Тиморы раньше и крепко заперли дверь в страхе перед исчадиями мрака. Когда Гидеон и Джандер с растущим отчаянием и страхом колотили в тяжелые дубовые двери, позади них раздался знакомый голос.

– Отойдите! Встаньте позади меня!

Лирия, сверкая глазами, что-то пробормотала, потом хлопнула в ладоши трижды. Дверь распахнулась, открыв десятки перепуганных горожан, жавшихся друг к другу.

– Входите, чего ждете? – крикнула Лирия товарищам. – Только вампирам нужно приглашение!

Они поспешили внутрь, захлопнули за собой дверь. Лирия и второй волшебник стали колдовать, запечатывая дверь, а Гидеон разыскал перепуганную служительницу Тиморы.

– Давно уже поджидаю вас, – приветствовал Джандера Трампер. Его тон был, как всегда, развязен, но когда он пожал руку эльфу, стало понятно, что он очень волнуется.

После бессонной кошмарной ночи, лишь только показалось солнце, Джандер и его товарищи отправились вылавливать вампиров. Горожане же, почему-то решившие, что Серебряная Шестерка повинна в обрушившихся на их голову несчастьях, были враждебны к ним и не оказывали никакой помощи, хотя их священники и солдаты пытались обнаружить оживших мертвецов.

Трампер, проворный и осторожный, разыскивал гробы чудовищ. Некоторые укрытия их были очевидны – на кладбищах и в склепах валялись свежие трупы с окровавленными ртами. Трампер отыскивал вампиров и в самых невероятных уголках – например, в винном погребе трактира «Лебединой Песни».

– Вот так, – пробормотал Трампер, когда Джандер вонзил кол в сердце мертвого ребенка, личико которого было перепачкано кровью. Джандер сдержал отвращение и ощутил себя немного лучше, когда заметил, каким спокойным стало личико мертвой девочки, когда ее душа освободилась.

С тяжелым вздохом эльф вытер пот со лба, опустился на холодный камень, привалившись спиной к винной бочке. Он совершенно выдохся. Сегодня они вчетвером уничтожили пятнадцать мертвых тварей.

– Я чувствую себя так, как будто занимаюсь этим целый год, – пробормотал он. – Кстати, сколько сейчас может быть времени?

Кроваво-красное вино хлынуло на Джандера, когда могучие белые руки, пробив деревянную бочку, схватили его за плечи. Эльф тщетно пытался вырваться, но ледяные руки вампира уже сомкнулись на его горле. Собрав все силы, Джандер рванулся вперед, увлекая за собой тварь, и они полетели на каменный пол. При падении острые куски разбитой бочки вонзились в брюхо чудовища, и оно взвыло, хватка его на мгновение ослабла.

Этой секунды было достаточно для Гидеона. Служитель Иллматера отбросил своего друга в сторону одной рукой, а второй изо всех сил проткнул чудовище брусом, подпиравшим бочку. Тварь завизжала и распласталась на полу, кровь смешалась с вином. Чудовище дернулось, выплюнуло сгусток крови и затихло.

Джандер прижался к Гидеону, и они вместе долго старались отдышаться.

– Господа... – донесся голос Лирии, более напряженный и высокий, чем обычно.

– В чем дело, Лирия? – спросил Гидеон. Прекрасная волшебница с побледневшим лицом указала на вампира, которого они только что уничтожили. Джандер, застонав от муки, прикрыл глаза, узнав в теле, облитом вином, Келлиана.

Той ночью не осталось времени возвращаться в храм. Гидеон начертил круг, в котором они могли пребывать в безопасности, и они спали по очереди. Следующий день был повторением предыдущего, но теперь они разделились. Лирия и Гидеон взяли на себя одну половину городка, а Трамперу и Джандеру досталась другая. Эта затея не очень-то понравилась эльфу, но остальные судили иначе.

Той ночью Трампер и Джандер успели в храм Тиморы до заката. Уже около полуночи появилась Лирия – ее фиолетовое платье было изорвано и испачкано кровью, взгляд дикий, блуждающий.

– Они чуть не поймали нас сегодня, – выдохнула она, когда Джандер усадил ее на скамью, а Трампер принялся тщательно осматривать ее раны. Эльф тоже обследовал ее горло и запястья – похоже, ее все-таки не укусили. Лирия закрыла глаза и привалилась к Джандеру. Она была почти в обмороке.

– Где Гидеон? – спросил эльф. Зеленые глаза Лирии от-

крылись, и Джандер увидел страх в ее изумрудных глубинах.

– Разве его нет с вами?

Трампер, как ни странно, не проронил ни слова и не отводил глаз от порезов и царапин на шее Лирии. Джандер внезапно содрогнулся.

– Нет, его здесь нет...

– Ну, есть же и другие церкви, открытые для тех, кто ищет убежища, – предположила Лирия, дотронувшись тонкой рукой до золотой руки Джандера. – Я уверена, он...

– А если нет? – почти выкрикнул Джандер, и несколько голов повернулось в его сторону. Эльф не обратил на это внимания. Они были с Гидеоном друзьями уже больше десяти лет. Джандер вспомнил те испытания, что пришлось им пройти вместе. Вспомнил, как Иллматер явился Гидеону и волшебный воин с радостью оставил меч. С тех пор они были неразделимы.

Джандер не замечал, что тихо плачет, что слезы текут по его осунувшемуся лицу. Он даже не заметил, как Лирия обняла его, положила голову себе на грудь и принялась баюкать.

Им не довелось узнать, что произошло с Гидеоном – три странника были изгнаны из города на следующее утро. Всего несколько дней назад их принимали как героев в городе, издавна славившемся гостеприимством. Никогда в Мэридейле не вешали замков на дверях, ни один чужестранец не остался голодным в этом городке. Но теперь жители без-

жалостно изгнали их, оставив один на один со всеми опасностями, что могла таить ночь. Остатки Серебряной Шестерки – отважная троица направилась в ближайший городок, а там пути их разошлись.

Мэрридейл захватила стая злобных и хитрых вампиров, со временем полностью подчинившая себе всю долину. Люди не могли избавиться от этой напасти. Они окружили городок высокой стеной, а Джандер позже узнал, что даже трактир, где они останавливались, был сожжен. Жители Мэрридейла теперь не расставались ни на минуту с кинжалами, и за это над ними постоянно подшучивали жители других земель. Так Мэрридейл – когда-то самый гостеприимный город в Фаеране – превратился в самый враждебный и угрюмый угол и стал называться Даггердейл.

Глава 13

Несмотря на весь свой страх, Коля все же заснул и теперь громко сопел. Сашины веки тоже наливались тяжестью, но мальчик твердо решил не смыкать глаз всю ночь. После восхода солнца он успеет отоспаться. За всю ночь он так и не увидел ничего хотя бы настораживающего, и это огорчило его. Вдруг мальчик насторожился. Каменное кольцо было расположено на вершине невысокого холма. С этой высоты Саша разглядел какой-то свет в том месте, где должна быть деревня. Там, где никакого света не должно быть.

Любопытство оказалось сильнее сна, и Саша встал, чтобы получше разглядеть, что там происходит. Он все еще не мог понять, что там такое, и залез на ближайший камень. Пытаясь не потерять равновесия, он поднялся, балансируя руками, и долго смотрел на деревню. Да, там точно горит огонь – и полно людей.

– Эй, Коля, проснись!

– А? – сонно пробормотал его товарищ.

Саша даже не повернулся в его сторону и продолжал вглядываться в ночь:

– Что-то случилось в деревне. Пойдем посмотрим.

– Ой, нет, – тут же проснувшись и вспомнив, где они находятся, Коля не хотел уходить. – Я останусь тут до утра.

Его друг усталился на него:

– Ладно. Оставайся. Коля-трус.

Саша спрыгнул вниз и торопливо стал засовывать принесенные вещи в мешок. Что-то ворча под нос, Коля последовал его примеру, и вскоре оба мальчика поспешили в деревню. Ночь теперь казалась не такой страшной, теперь любопытство влекло их в поселок, и они не думали об опасности.

Когда они добрались до Рыночной улицы, во всех окнах горел свет, на улицах суетились наспех одетые люди. Некоторые бежали с ведрами. Саша увидел, как портниха Кристина распахнула окно и крикнула что-то. Темные волосы Кристины, всегда тщательно убранные и заколотые, теперь разметались в беспорядке по плечам, худое лицо выглядело встревоженным. Что-то неладное случилось, это точно, и оба мальчика поспешили за бегущими людьми.

– Дом бургомистра! – крикнул Саша и со всех ног помчался к своему дому. Коля старался не отставать.

Это был самый длинный путь, который довелось преодолеть цыганенку за его короткую жизнь, эти четыре сотни ярдов от площади до пылающего дома. Как в страшном сне, он приближался к своему дому. Оранжево-красные языки пламени охватили со всех сторон двухэтажный особняк, обгладывая его, как пес гложет кость. Ноги Саши стали ватными, он кричал на бегу:

– Мама! Мама! – но ни звука не вырвалось из его груди, он понимал, что уже не успеет добежать вовремя.

Растольников схватил его за руку.

– Тихо, парень, стой, – произнес он голосом, который сам считал ласковым. Саша плакал от страха и из-за едкого черного дыма, попадавшего в глаза и в легкие. Он закашлялся, чувствуя, как его выворачивает наизнанку. Растьольников прижал ему ко рту кусок тряпки.

– Это от пепла, – объяснил он мальчику.

Саша отчаянно тер глаза, стараясь увидеть, что происходит. Огонь уже сбили, но часть дома успела сгореть дотла.

– Где мои родные? – требовательно спросил он.

Растьольников ответил не сразу:

– Мы..., мы увидим их завтра, сынок. Здесь замешано колдовство, никто не сможет справиться с ним сейчас, ночью, – загадочно произнес пекарь.

– А вот и мальчишка! – вскрикнул кто-то громко и зло. Грубые руки схватили Сашу и оттащили от пекаря.

– Это он! – Саша поднял взгляд на Андрея, мясника, который с ненавистью уставился на него. – Это ты во всем виноват!

Ошеломленный мальчик даже не пытался ничего отвечать.

– Проклятие вистани! – раздался другой голос, злой и визгливый.

– Того цыгана, с которым была Анастасия. Картов побил его, и теперь – вот! Помните, цыган проклял Картова? Помните? И видите, что с ними случилось! О боги, у них глотки...

Женщина, выпалившая все это, принялась рыдать. Люди, окружившие Сашу, подались назад, бормоча слова молитвы и осеняя себя знаками от дурного глаза.

Саша опять посмотрел на обгоревший дом, выпрямился.

– Я войду внутрь, – сказал он, ни к кому в отдельности не обращаясь. Он повернулся к Коле, который наконец протолкнулся к нему:

– Ты пойдешь?

Коля поглядел снизу вверх на Раствольникова, который тут же замотал головой. Мальчик перевел взгляд на товарища, опустил глаза:

– Нет, Саша. Считай, что я трус. Саша посмотрел на него в упор.

– Я так и считаю, Коля, – медленно произнес он, не желая в это верить. Он завязал на затылке носовой платок, закрыл нос и рот от дыма, опустил руки.

Потом Саша в одиночестве направился к тому, что когда-то было его домом. Разозленная, перепуганная толпа отступила назад, бормоча ругательства. Мальчик прошел через распахнутые железные ворота, пересек мощеный камнем и мокрый сейчас от воды двор и подошел к двери. Люди, заливавшие пожар ведрами, выбили ее, чтобы попасть внутрь, и пламя лишь закоптило толстые доски. Мальчик осторожно шагнул в темный пролом, пригнул голову, чтобы не пораниться об острые щепки, торчавшие сверху. Дерево было мокрым, но Саша все еще чувствовал недавний жар. Входя,

он посмотрел под ноги и увидел малиновые отпечатки.

Они появлялись и исчезали в густом черном дыму, пеленой висевшем в комнатах. Оставленные ботинками отпечатки спускались с лестницы и вели через дверь наружу. Алая кровь запачкала ковер, которым так дорожила бабушка. Сашино сердце бешено заколотилось, так что он теперь боялся вздохнуть.

Здесь произошло что-то страшное. Глядя на кровавый след, Саша больше всего на свете хотел, чтобы рядом оказалась мама. Он хотел прижаться к ней, почувствовать, как ее руки гладят его по голове. Саша глубоко вздохнул, выпрямился и огляделся вокруг.

Хрип вырвался из его груди. Его мать была здесь, да, и его дед, и его бабка. Полуобгоревшие тела поверх груды досок, все еще дымящиеся и издающие страшный запах горелого мяса. Сашины колени подкосились. Он еле успел сорвать с лица платок, и его тут же вырвало. Он плакал, задыхался, но через несколько минут все же смог взять себя в руки.

Мальчик еще несколько раз глотнул довольно прохладный воздух, от сквозняка носившийся ветерком у пола, обер рот рукавом, закрепил платок. Слова, однажды сказанные матерью, вспомнились ему, как молитва, принеся успокоение: «Ты из гордого рода. Ты внук главы деревни по одной линии и сын сильного, свободного и волшебного племени – по другой. Когда дети будут дразнить тебя за то, что ты незаконнорожденный, просто улыбнись про себя и вспомни

мои слова».

Саша поднялся на ноги.

Он не хотел этого делать, но все же подошел ближе к дымящимся телам. Его семья была убита, это ясно, но как? И кем? Саша узнал только три трупа – деда, бабушки и матери. Он снова почувствовал тошноту, когда увидел их растерзанные шеи, но глубоко вдохнул и сдержался.

Такая смерть породила множество вопросов. Если их убили волки, это казалось очевидным, то кто пытался сжечь трупы? Конечно же, не горожане? И где остальные домашние, слуги?

Чувствуя себя вовсе обессиленным от дыма и слез, Саша открыл дверь, ведущую к комнатам слуг. Он застонал и привалился к двери, чтобы не упасть. Факелы, пылавшие по углам, ярко освещали жуткую сцену. Здесь тоже налицо были все признаки резни. Тело Ивана, слуги бургомистра, распростерлось на каменном полу. Он как-то умудрился выглядеть по-прежнему достойно и впечатляюще даже с вырванным из шеи куском плоти. Крови из него вытекло очень мало.

Саша оторвал взгляд от пола и быстро заметил, что у слуганок, повара и конюхов тоже вырваны куски мяса из шей. Саша не мог осознать увиденное, готов был провалиться в обморок, в истерику – ведь он слишком хорошо знал всех этих людей. Но какая-то часть его рассудка оказалась застывшей и тщательно все фиксировала, и именно из-за этой части Саша продолжал и закончил ужасающий осмотр комнат.

Цыганенок вышел из комнат прислуги потрясенным, но твердо намеренным обойти весь дом. Лишь одного человека он еще не нашел – свою тетку Людмилу. Он прошел мимо сваленных тел, старательно отворачиваясь от них, остановился перед широкой лестницей. На стене рядом со ступеньками ровно горел факел. Саша осторожно вытащил его из крепления, крепко сжал. На мгновение помедлил, собираясь с духом, и начал подниматься.

Пламя отбрасывало странные тени, которые то появлялись, то исчезали, пока он шагал наверх. Сердце забилось еще быстрее, и Саша обтер внезапно вспотевшие руки о брюки. Та, застывшая часть его начала таять, мальчик чувствовал, как паника разливается по всему телу, готовая лишить рассудка его израненную душу.

Он добрался до последней ступеньки и замер, вглядываясь в темноту. Здесь, наверху, дым был еще гуще, чем внизу, завивался серыми и черными клубами, заполняя глаза слезами, закрывая от него комнаты. Сашино воображение с готовностью принялось рисовать кошмарные образы, прячущиеся за стеной дыма... Разозлившись, он отбросил свои фантазии и почти решительно вошел в свою комнату, вытянув перед собой факел.

В комнате мальчика ничего не было тронуту. Его маленькая кровать была по-прежнему тщательно застелена, игрушки и одежда как обычно разложены на виду – на крышке необъятного сундука. Но все изменилось за последние

несколько часов для обитателя этой комнаты. Саша закрыл дверь, отступил обратно в коридор.

Следующей была комната, где спали его тетка Людмила и мать. Саша уже видел, что случилось с Анастасией, и на мгновение страх вновь взял верх над рассудком. И снова Саша долго стоял перед дверью, дрожа и строя догадки – что же ждет его по другую сторону. Потом он сжал ладошкой ручку, как мог спокойно повернул ее и осторожно толкнул дверь.

Лунный свет струился через открытое окно, заливая всю комнату серебром. В кровати тетки Людмилы кто-то лежал. Когда Саша, вытаращившись, стоял у двери, фигура шевельнулась.

Саша чуть не лишился чувств. Что там – в кровати? Он тихо вскрикнул, прикусил губу, прислушался. Фигура в теткиной постели больше не двигалась. Дрожа, Саша двинулся к кровати, факел, как безумный дрожал в его трясущейся руке. Он остановился у самой кровати. Фигура была накрыта одеялом. Прежде чем он успел сообразить, что делает, мальчик ринулся вперед, сдернул покрывало и отскочил назад.

Тетка Людмила спокойно спала. Саша видел, как ритмично вздымается ее грудь. Мальчик выдохнул, тяжело засопел.

– Тетя Мила! – закричал он, трясая ее за плечо. И только тогда он заметил, как она бледна – еще блее простыни, на которой лежала. Когда он теребил ее, отчаянно стараясь разбудить, голова ее перекатилась с одного бока на другой и темные волосы упали с шеи.

Две дырки – маленькие и аккуратные – виднелись на ее горле.

«Это был высокий бледный человек с острыми зубами и когтями.

– Стой! – сказал Носферату, ибо Павел знал, что это был он. – Остановись, чтобы я выпил твою кровь и жил твоей смертью!»

«Носферату, – подумал Саша, и ужас охватил его. – Первый Страж Мрака. Вампир».

На этот раз страх оказался сильнее. Вопль застыл у него в глотке. Каким-то чудом Саша удержал факел в руке. Он кинулся к двери и впопыхах захлопнул ее. Не соображая, что делает, Саша отчаянно заколотил по двери, пока разум не подсказал ему – все дело в ручке. Он повернул ее и выскочил в коридор. Лишь по счастливой случайности он не поскользнулся на липких от крови ступенях.

– Помогите! – отчаянно визжал он, протискиваясь через разбитую дверь на улицу.

Растольников ждал его снаружи и помог выбраться. Саша бросился к пекарю, прижался, что-то лопоча.

– Успокойся, малый. Успокойся и говори яснее! – загудел Растольников.

– Носферату! – выдохнул Саша. – Их убил Носферату. Пойдем, нам нужно, нужно...

Он не смог вспомнить, что говорилось в легендах – что-то про кол в сердце и отсечение головы.

Саша потерял сознание, и булочник с осторожностью, совсем не соответствовавшей его комплекции, заботливо поднял его на руки.

– Не Носферату, – раздался злобный голос из толпы. – Проклятие вистани! Бросить мальчишку всем тем ужасам, что принесли сюда его люди!

– Владимир, – сказала жена пекаря, – мы не можем взять мальчика. – У него нет семьи! – возразил Растольников.

– Пусть тогда ищет себе другую, или пусть вистани заберут его обратно, – ответила ему жена, уперев мясистые руки в объемистые бедра. – Никто в деревне не станет покупать наш хлеб, если ты приютишь этого проклятого мальчишку.

Громадный булочник облизнул губы. Жена была права. Ничего хорошего не будет. Жена Растольникова всегда считала, что бургомистру Картову следовало или изгнать Анастасию из дома, или, по крайней мере, заставить ее выбросить своего щенка вистани. Растольников и сам считал, что в деревне от Саши одни беды, – хлопот от него было больше, чем от других троих мальчишек. И все же было что-то трогательное в мальчике, который сейчас без чувств лежал у него на руках. Лишенный своей обычной оживленности, десятилетний мальчишка казался сейчас жалким птенцом с хрупкими выступающими косточками под смуглой кожей.

Вздыхнув, Растольников положил Сашу на землю. Веки мальчика задрожали и приподнялись. Черные глаза остановились на лице булочника:

– Ты не поможешь мне? Жена Раствольникова закашляла.

– Нет, парень, не могу, – с искренним сожалением ответил пекарь.

Нижняя губа мальчика задрожала, скривилась, слезы потекли по щекам. Саша мог поклясться, что уже исчерпал запас слез, но они почему-то все текли и текли из глаз.

– П-пожалуйста, – умолял он дрожащим голосом, – если ты не поможешь, они доберутся до меня тоже!

– Эх, ну и пусть, цыганское отродье! – выкрикнул кто-то. Комок грязи ударил Сашу в лицо. С достоинством взрослого мужчины мальчик стер землю, встал, выпрямился.

– Убирайся в свое племя!

Послышались проклятия, но Саша не обратил на них внимания. Он на негнущихся ногах подошел к тому месту, где бросил свой мешок, раскрыл его и начал разбирать вещи.

Он не торопился, и кое-кто в толпе, не сводившей с него подозрительных взглядов, потерял интерес и отправился по домам. Но все же большинство горожан продолжало стоять неподвижно, когда заморосил мелкий летний дождик. Наконец Саша остался совсем один.

Через полчаса мальчик стоял перед разбитой дверью своего дома, напоминая детский рисунок – охотник за вампирами. Он промок до костей, шелковистые волосы облепили голову. Он взял обе связки чеснока – свою и Колину и повесил себе на шею. Там же висели два деревянных диска. Заткнутые бутылки со святой водой торчали из карманов брюк.

Одна из ладоней сжимала остро заточенный кол, в другой был молоток, слишком тяжелый и для взрослого.

– Ты уверен, что знаешь, что делать?

Саша удивленно обернулся и увидел высокую худую фигуру Мартина позади. Розовые и золотые одежды священника обвисли, облепив впалую грудь, в глазах светился яростный огонь. Но его улыбка, когда он взглянул на мальчика сверху, была ласковой. На Мартине тоже было надето множество святых символов, а в руке он держал сумку, издававшую при движении деревянный стук.

– Дай-ка я возьму этот молоток, – предложил священник. Саша во все глаза уставился на него, не веря, что кто-то принял его сторону в этом кошмаре.

Семья Саши не была особенно набожной. Да и никто в Баровии не был. При всех тех ужасных вещах, что происходили в этой проклятой земле, мало кто продолжал верить в старых богов. Когда брат Мартин появился из Свалических лесов несколько лет назад, бормоча что-то о Повелителе Зари, никто не отнесся к нему всерьез, но ему позволили жить в заброшенной церкви, ведь пока он не нарушал никаких законов деревни. Саша всегда думал, что Мартин немного сумасшедший. Но сейчас это не имело значения. Саша снова залился слезами надежды и крепко прижался к священнику. Мартин смутился, потом с трепетом погладил темные волосы мальчика.

– Латандер с нами, – пробормотал он ребенку. – Он по-

может уничтожить наших противников.

Возвращаясь в обуглившееся здание, которое раньше было его домом, Саша Петрович истово молился.

Они ступили внутрь. Ничто не изменилось. Кошмарные отпечатки по-прежнему темнели на ступеньках. Давящая, зловещая тишина все так же висела в воздухе. Деловито и спокойно Мартин обследовал тела.

– Из них выпили всю кровь, – холодно произнес он наконец. – Если их похоронить, они сами восстанут, оживут. Дай мне кол и немного чеснока.

Священник вытащил из почерневших досок первое тело. Саша отвернулся, в животе у него все пошло кругом. Это был труп Анастасии. Ее правая рука обуглилась, а одежда сторела почти дотла. Правая сторона лица тоже почернела, выгорели волосы. Быстро и умело Мартин уложил ее на покрытый ковром пол. Он взглянул на Сашу, который сполз по стене и поджал колени к подбородку.

– Ты сделаешь это.

Глаза мальчика в ужасе распахнулись:

– Нет!

– Да, – настаивал Мартин, подходя к мальчику и опускаясь перед ним на колени. – Она – твоя мать. Рука того, кто любит ее, лучше сможет нанести удар, который освободит ее душу.

– Но она... Нет, Мартин, нет. Я не могу!

– Ты должен. Она обретет покой. Поверь мне, Саша. – Он вложил кол в руку мальчика и сжал вокруг палки маленькие

безвольные пальцы:

– Верь мне.

Словно во сне, Саша поднялся и приблизился к телу матери. Он пытался вспомнить ее такой, какой она была в жизни – смелая, ласковая, любящая, но всегда немного грустная. Он встал рядом с ней на колени, поморгал, прогоняя слезы и приставил заостренный конец кола между ее грудей, прямо над сердцем. Саша поднял молоток, потом опустил руку:

– Я не могу сделать этого, Мартин.

– Тогда ты обидишь мать, – с безучастным лицом ответил священник. Саша бросил на него испепеляющий взгляд, но Мартин сказал:

– Ты лишаешь ее покоя и обрекаешь на ужасное существование.

– Ты сделаешь это.

– Не буду, – Мартин сел и уставился на Сашу выцветшими голубыми глазами. – Это – твоё дело.

Мальчик понял, что свихнувшийся священник вовсе не намерен шутить. Если он не пронзит колом сердце Анастасии, Мартин бросит ее на произвол судьбы. Саша разозлился на это, и его гнев перешел в силу. Сжав зубы, он обрушил молоток вниз со всей силой, на которую способен десятилетний мальчик.

Этого оказалось достаточно – кол вошел глубоко в полость груди. Саша был готов к тому, что Мартин просчитался и тело сейчас бросится на него, но труп лишь дернулся

от нанесенного удара. Саша ударил снова. Оставшаяся еще в измученном теле кровь брызнула изо рта Анастасии. Третий удар, и Саша почувствовал, как кончик кола стукнулся о каменный пол под телом.

Его мать не была вампиром, но ведь душа ее попала в плен. Когда Саша снова взглянул в лицо матери, оно разгладилось, смягчилось, и слабое ощущение чуда озарило душу мальчика. Легенда говорит правду. Дух не обретал покоя. Как ни ужасно то, что нужно было сделать, но это приносило большое благо. Он стер заливавший глаза пот дрожащей рукой, но губы мальчика были плотно сжаты.

Он встал, оставив кол в сердце Анастасии.

– Хорошая работа, дитя мое, – сказал Мартин, осторожно положив мягкие бледные ладони на плечи Саши. – Сегодня ты совершил великое благо.

Мальчик сжался, приник к Мартину:

– Я понимаю, Мартин. Благодарю тебя. Это и вправду было тяжело, но..., спасибо тебе.

– Я должен совершить весь ритуал, – произнес Мартин. Саша кивнул, зная, что еще должен сделать священник с телом Анастасии, прежде чем ужасная процедура будет закончена. Мартин отрежет ей голову и забьет рот чесноком. Только тогда ее можно хоронить.

– Ты можешь сделать то же самое с остальными?

Саша посмотрел на тела деда и бабки, потом медленно склонил голову:

– Да, Мартин.

Они работали вместе весь день. Когда руки Саши устали, Мартин приказывал ему засовывать чеснок во рты трупов, которыми еще не занимался, оставляя себе самую кровавую работу. Когда сгустились сумерки, их одежда насквозь пропиталась кровью, липла к телу, а руки опускались от изнеможения.

Но Мартин все еще был полон священного рвения. Конечно же, сам Латандер Повелитель Зари направил его сюда. Кровавое занятие, которое он только что окончил, несколько не взволновало его. Саша, однако, был уже на пределе и валился с ног. Его нервы готовы были порваться. Мартин участливо обнял мальчика за плечи, и они уселись на ступеньках.

– Позволь рассказать мне историю, сынок, которая, возможно, поможет тебе лучше понять смысл всего этого, – Мартин указал на обезглавленные трупы. – Жил да был маленький мальчик, почти стольких же лет, что и ты, и жил он очень счастливо со своей семьей. Они ехали в другой город, когда их внезапно окутал туман. Они остановились на ночлег. Когда туман рассеялся, они оказались в совершенно незнакомом лесу. Люди в ближайшем городке оказались холодны и равнодушны, даже недружелюбны, и отказались дать им приют на ночь. Деваться было некуда, и они решили провести ночь в лесу.

Мартин умолк, глядя невидящими глазами куда-то вдаль.

– Брат Мартин? – позвал Саша. Мартин встряхнулся и продолжал:

– Мальчик проснулся и увидел чудовищную сцену. Сотня волков – каждый в два раза больше обычного волка – окружила их маленьких лагерь. Красивые женщины кинулись целовать дядей мальчика, но когда они подняли головы, мальчик увидел, что они на самом деле пили кровь из своих жертв. Конечно, мальчик закричал. Увидев это, высокий человек, белый как смерть и черный как ночь, посмотрел на мальчика пылающими красными глазами. Человек двинулся к мальчику – медленно – и мальчик знал, что сейчас ему суждено умереть. Мать мальчика умоляла страшного человека, но он приказал волкам разорвать ее на клочки. Он уже почти убил мальчика, как вдруг явился Латандер Повелитель Зари.

Мартин совсем забыл о Саше, войдя в благоговейный транс. Его лицо наполнялось внутренним светом, когда он говорил.

– Мальчик видел изображения бога, так что узнал его по прекрасному лицу, золотой коже и золотым волосам. У Латандера тоже была кровь на лице, но он остановил темного человека, и тот не убил мальчика.

– Ты не получишь мальчика, – певуче сказал Повелитель Зари, – и не позволишь страшным женщинам охотиться за ним. Отпусти его, ибо он под моей защитой, и я направлю его.

И страшный черный человек отступил перед могуще-

ством Повелителя Зари, и мальчик дождался до рассвета.

– Это случилось с тобой? – спросил Саша.

Мартин посмотрел на него и кивнул:

– Пока я жив и дышу, я клянусь, это чистая правда.

– Если Повелитель Зари такой хороший, почему его лицо было в крови?

– Я часто спрашивал себя об этом. Я думаю, что эта земля столь темна, что ничто совершенно хорошее не может существовать здесь. Латандер Повелитель Зари сам меняется, когда приходит в Баровию. Он – малое зло, потому что земля – воплощение зла, но он все же бог светлый. Бог надежды и обновления. Он спас меня. И, Саша, – Мартин испытующе глянул на мальчика. – Я думаю, что, как ни ужасно все это было, но это не случайно. Думаю, тебя призвали. У тебя больше нет семьи. Хотел бы ты жить в доме Повелителя Зари? Я воспитаю тебя и укажу верный путь.

Саша смотрел на Мартина, его черные глаза искательно вглядывались в выцветшие глаза священника. Это правда? Неужели для него осталось место в этой враждебной деревне?

– Саша, – раздался позади них тонкий голосок. Мартин и Саша как ужаленные подскочили и обернулись.

Людмила стояла наверху лестницы, похожая на привидение. Она была бледна, а спальная рубашка напоминала саван. Карие глаза темными пятнами выделялись на белой коже. Мартин был ошеломлен. Как вампир может ходить при

свете дня? Он нашупал сосуд со святой водой. С криком «Сгинь, демон!» он кинулся наверх, одной рукой схватил Людмилу за запястье, а другой вылил на нее всю воду из бутылки.

Людмила недоумевающе оглядела мокрую рубашку, поежилась:

– Брат Мартин, ну что ты наделал? Саша расхохотался. Людмила не умерла. Он побежал обнять ее.

Глава 14

Годы, прошедшие после нападения на дом бургомистра, пролетели как обычные минуты для Джандера, который по-прежнему оставался в замке Равенлофт, и это время не остудило его желания отомстить. В конце концов, пятнадцать лет мало что значат для существа, ожидавшего прожить сотни лет смертным, и еще меньше для создания, с печалью готовящегося к бесконечному существованию.

Все по-другому было для живших в Баровии людей.

Небо было ярко-голубым, а яркие красные и желтые пятна осенних листьев радовали глаз. Дождь, прошедший ночью, обильно смочил землю, и утром резко пахло влажной почвой. Лейл глубоко вдохнула этот аромат, отбросила прядь волос с лица и откусила большой кусок яблока, которое только что украли с тележки.

Рыночный день осенью был праздником для воров. Столько суеты и так много можно украсть, что у воровки, известной под кличкой Маленькая Лиса, глаза разбегались и она не знала, с чего начать. Решив, что яблоко – неплохое начало, она откусила еще кусок, не переставая шарить вокруг глазами.

В дополнение к обычным соблазнам – Колиной выпечке, свежему мясу Андрея, тканям Кристины – множество товаров навезли заполнившие городок фермеры. Горы сияющих

яблок высились повсюду. Тележки были забиты картофелем, кабачками и репой, тыквами и зеленью. Только что прикатил рыбник, и на натянутых по верх фургона веревках болтались связки соленой форели. У Лейл слюнки потекли. Она любила форель, печеную в тесте с чесноком, луком и перцем...

Цоканье копыт позади заставило Лейл обернуться – на площадь выкатил весело раскрашенный цыганский фургон. За ним еле поспевали два десятка привязанных спотыкающихся и блеющих овец. Вистани, правивший повозкой, громко свистел, а его пассажир-пастух был мрачнее тучи. Острая мордочка Маленькой Лисы расплылась в улыбке. Пастух, похоже, проклинал те десять золотых, которые вистани взяли с него за то, что провезли через ядовитый туман.

Еще несколько раз откусив от яблока, Лейл отбросила огрызок. Она бросила его в один из загонов, которые сколотил фермер, выставивший на обозрение розовых хрюкающих свиней. Огромный боров тут же подхватил и слопал остатки яблока.

На грязной дороге с ферм появилось еще несколько лошадей, и Лейл показалось, что она увидела жеребенка с темно-золотой шкурой и гривой цвета соломы. Неужели это гнедой? Вряд ли кто в Баровии выводит гнедых. Лейл заметила, как возница-цыган подался вперед на козлах фургона и оценивающим взглядом проводил табун. Желая лучше разглядеть трехмесячного жеребенка, Лейл забралась на жерди загона со свиньями.

– Эй! Малый! Слезай, а то свалишься! Лейл знала, что это хозяин свиней, и повернулась к нему с извиняющейся улыбкой.

– Простите, господин, я просто смотрела на – ой! – Лейл взмахнула руками, пытаясь не потерять равновесие. Свиновод свирепо взглянул на нее, разразился ругательствами, протянул ручищу, чтобы поддержать ее, и помог спрыгнуть вниз.

– Большое спасибо, господин, – попросила прощения она. – Я не хотела бы свалиться туда.

– Да уж ладно, не становись на чужое имущество, и все будет в порядке, – проворчал фермер, оглядывая ее с ног до головы и качая головой. Лейл вежливо притронулась к козырьку кепки и растворилась в толпе, запрудившей площадь. Маленькая Лиса сунула руки в карманы и ощупала монеты, которые только что вытащила у свиновода. По форме и размеру она определила, что это два медяка и серебро. Неплохо, но могло быть и лучше. К вечеру будет лучше.

Стройную и мускулистую Лейл и в девятнадцать лет по ошибке принимали за мальчишку. Это было ей на руку, и она намеренно усиливала это заблуждение, ходя в мужской одежде. Сегодня, в теплую не по сезону погоду, на ней была широкая хлопковая рубаша с закатанными рукавами, коричневые штаны и кожаные ботинки до колена. На голове, скрывая короткий хвост волос, красовалась маленькая черная кепка. Все в ней казалось обычным. Ничего запоминаю-

щегося – средний рост, стройная фигура, неброские волосы, карие глаза. Само воплощение безликости. Эта ее сверхъестественная способность оказаться в нужном месте в нужное время, а также легкие проворные пальцы делали Маленькую Лису отличной воровкой.

Она овладела «профессией», как называли это ее немногочисленные товарищи, по необходимости. За двенадцать лет занятий воровством Лейл стала настоящим виртуозом этого ремесла.

Она научилась распознавать, кто обеспечен, а кто слишком умен, чтобы приближаться к нему, у кого с собой полно денег, а у кого нет ничего, и... Она прищурилась, и, подумала она, кто чужак в этом городке.

Красивый молодой цыган на черной кобыле галопом выскочил на площадь, сияя широкой улыбкой на смуглом лице.

Перед ним, прижавшись, сидела прелестная молодая женщина, испуганно глядевшая по сторонам большими, темными, как у оленя, глазами. Разгоряченная лошадь не успела остановиться, и вистани уже соскочил на землю и протягивал руки, чтобы помочь спуститься молодой женщине. Лейл фыркнула, заметив, как цыган старается почаше и покрепче прижать к себе стройную девичью фигуру.

Глупая девчонка, похоже, была слишком невинна, чтобы, по крайней мере, обратить на это внимание. Лейл прислонилась к стене таверны и удивленно продолжала наблюдать. Это получше балагана. Девушка, похоже, благодарила цыга-

на, вынула кошелек для расплаты. Вистани выглядел крайне возмущенным и отчаянно жестикулировал, отталкивая монету, которую протягивала ему девушка. Он склонился над ее рукой на вызывающе долгое мгновение, потом неохотно удалился.

Когда он запрыгнул обратно в седло своей черной лошади, кто-то выкрикнул какие-то обидные слова, которых Лейл не смогла четко разобрать. Цыган, однако, услышал их, крикнул что-то в ответ, сопроводив свою тираду жестом, вряд ли приличным в разнополой компании, и помчался в свой табор.

Девушка беспомощно озиралась вокруг, потом направилась к трактиру, неся в руках большой сверток. Маленькая Лиса, заинтересовавшись, очутилась поблизости, сделав вид, что изучает цены на капусту. Девушка опустила сверток на землю, поправила длинные кудрявые волосы и постучала в дверь.

– Проваливайте, – раздался изнутри голос трактирщика. – Мы не откроемся до полудня.

– Пожалуйста, господин, – милым дрожащим голоском произнесла девушка. – Может быть, вам нужна помощница. Я хотела бы работать буфетчицей.

Тишина, а потом Лейл услышала тяжелые шаги трактирщика. Дверь приоткрылась, и высунулось хмурое лицо хозяина. Он критически оглядел девушку с головы до ног.

– Ну, ты довольно симпатичная. Думаю, тебе повезло. Кто

твой отец? Девушка нервно обвела губы языком.

– Пожалуйста, господин, я не из деревни, я из Валлаки. Мой отец был рыбаком, он утонул этим летом. Мама шьет, но не может прокормить нас, и...

Дверь со стуком захлопнулась прямо перед носом девушки. Она подпрыгнула от этого грохота и залилась слезами.

Потом она медленно нагнулась за своим свертком.

– Позволь помочь тебе.

– раздался чистый мужской голос за спиной Лейл. Она заморгала, опешив, и скользнула назад. Маленькая Лиса узнала этот голос. Это был молодой священник, брат Саша. У Лейл защемило сердце. Присутствие красивого священника всегда волновало ее.

– Благодарю, господин, – произнесла девушка сладким голосом и улыбнулась ему. Саша улыбнулся в ответ, легко поднял вещи девушки.

– Куда отнести это, моя госпожа?

– О, зовите меня Катей, пожалуйста. Но сейчас мне куда нести это. Может быть, вы можете сказать, кому может понадобиться моя помощь? – Голос и взгляд ее были умоляющими. – Я буду делать все, то есть... – Она покраснела, потупила взор:

– Все, что..., знаете..., прилично. Я умею готовить, убирать, шить платье. О господин, умоляю, не могли бы вы помочь мне?

Брат Саша улыбнулся.

– Жаль, что вы не смогли найти работу. В городе плохо относятся к чужим. Вот что я скажу вам. Брату Мартину и мне ужасно тяжело убирать церковь, и ни один из нас не умеет готовить. Может быть, вы захотите работать у нас? Уверен, мы сможем найти вам жилье здесь, в деревне, – добавил он. – Мы должны быть осмотрительны. Не подобает красивой женщине, молодой женщине жить под одной крышей с двумя старыми холостяками, даже если они священники.

Саша ухмыльнулся. В своем укрытии Лейл почувствовала тепло, прилившее к ногам. Карие глаза Кати сверкнули, полные розовые губы задрожали, и она заплакала:

– О господин, вы так добры. Я так боялась...

– Пожалуйста, не плачь, моя милая, и уж точно не зови меня господином. Меня зовут брат Саша.

Он забросил сверток на плечо, поднял ее подбородок свободной рукой. Его темные глаза внимательно посмотрели ей в лицо:

– Когда ты ела в последний раз? Катя пожала плечами:

– Не помню. Дня два назад.

– Два дня! Пошли. Сначала покормим тебя, а потом пойдем к брату Мартину. Ладно?

Они вместе направились в лавку Коли, и последовавший разговор Лейл не смогла подслушать.

– Ты будешь покупать или просто стоять здесь и отпугивать покупателей? – рявкнул на нее разозлившийся продавец капусты.

– Извини, – пробормотала Лейл, засунув руки поглубже в карманы, и зашагала прочь, сама не понимая, почему она вдруг захотела, чтобы небо затянули тучи и снова пошел дождь.

* * *

Серебряные глаза Джандера открылись. Снова он проспал весь день без единого сновидения. Это было облегчение, но и мука. Он перестал видеть во сне Анну несколько лет назад, когда исчерпал все возможные пути поиска.

С сожалением эльф пришел к выводу, что красивая страдавшая девушка была из тех, кого жители Баровии называли «потерянными» – мужчин и женщин, впавших в отчаяние из-за ужасов, свидетелями которых им пришлось стать. Они скитались из города в город в поисках милосердия. Где бы Джандер не спрашивал об Анне, никто ни разу не слышал о девушке с таким именем, которая соответствовала его описанию. Мало того, горожане часто подозрительно спрашивали, почему эльф хочет узнать о женщине, которая в любом случае должна была уже умереть несколько веков тому назад?

Джандер не мог сказать им. Он мог лишь благодарить их и продолжать расспросы.

Теперь он встал, потянулся, оглядел свою комнату. Здесь по крайней мере, он мог что-то изменить. Спальня была вос-

становлена. Мебель чистая, над кроватью висят небесно-голубые и темно-синие занавески. Удобные кресла для чтения расположились у окна, запертые ставни которого спрятаны изящной драпировкой. Джандер тоскливо посмотрел на окно. Сегодня ночью должно быть полнолуние, вспомнил он. Отличное время, чтобы отправиться в сад.

Засохший, умирающий сад, который Джандер обнаружил почти четверть века назад, был напоминанием о прошлом. Он рьяно ухаживал за ним, поливая и пропалывая, ставя опыты со множеством самых разных растений. Теперь это был роскошный зеленый оазис для вампира, оплот его красоты, восстановленный лишь его собственными руками и трудами. Он уселся на стену, счастливо обвел взглядом зелень, найдя здесь хоть немного покоя.

Снова стояла осень, пора было начинать обрезку деревьев, чтобы приготовить их к зимней спячке. Джандер опустился на колени рядом с кустом белых роз, росшим у двери церкви, тщательно осмотрел его. Раскрылся последний бутон, и цветок смотрелся вовсе необычно в лунном свете. Эльф осмотрел цветок, осторожно склонился, чтобы вдохнуть чистый сладкий аромат и почувствовать мягкие лепестки – такие же мягкие, как щечки Анны – на своем лице. Он прикрыл глаза, глубоко вдохнул и печально улыбнулся.

Когда он выпрямился и открыл глаза, взгляд его помрачнел. Крупный гордый цветок, распустившийся совсем недавно, завял и умер. Его лепестки печально падали на землю.

Ошеломленный и испуганный этим, Джандер отпрянул от розового куста. Ночные фиолетовые цветы густо росли прямо у того места, куда он поставил ногу. Медленно, осторожно он вытянул золотой палец и дотронулся до цветков – они тут же съжились, и коричневая краска смерти побежала по зеленым листкам. На этот раз гибель растения причинила ему невыносимую боль. Что случилось с ним? Без всякого предупреждения его трепетные прикосновения стали смертельными для этих цветов. Вампир скрестил руки на груди, чтобы ни одно невинное растение не стало жертвой исходящего от него зла. Джандер забрался на каменную стену, обрадовавшись тому, каким холодным кажется бесчувственный мертвый камень под его золотыми убивающими руками.

Чуть не зарыдав, он заглянул за невысокую стену, посмотрел на белый от лунного света туман, медленно клубящийся вокруг утеса. Кое-где были расщелины и уступы, по которым вампир мог пробраться на изломанные скалы. Какое-то мгновение Джандер желал исчезнуть в тумане, но почти сразу отказался от этой мысли. Это никак не сможет облегчить его боль. Он не может умереть.

Эльф вдруг понял, как не хватает ему красок дня. Ночная палитра – по-своему прекрасная, все же ограничена. Индиго и чернильно-черный неба и земли, жемчужно-белый лунного сияния, темно-зеленый лесов и полей – лишь эти цвета он мог видеть сейчас. Что случилось с небесно-голубым? С розовым, фиолетовым, всеми яркими цветами дня? Они ушли

из его картины мира.

Вампир зажмурился, стремясь припомнить все краски.

– Анна, – произнес он про себя. – Пожалуйста, вернись. Я так скучаю по тебе.

Он не знал, на что надеялся, могла ли его страсть вернуть мучительные и восхитительные сны, в которых он и его возлюбленная вместе встречали величественные рассветы и полные солнца дни. Джандер собрался, восстановил в памяти образ Анны. Высокая, красивая, с гривой откинутых назад темных волос, карие глаза переполнены радостью... Анна.

Джандер открыл глаза и задохнулся от изумления.

Перед ним стояла именно такая женщина. Какой-то миг он был уже готов выкрикнуть имя Анны, но не издал ни звука, пристальнее вглядевшись в лицо девушки. Темные волосы и каштановые локоны у нее действительно были, но фигура была гораздо мельче, чем у Анны. Глаза были Цвета соломы, но выражение в них застыло совсем не то. Ее полные губы искривила язвительная ухмылка, она в упор смотрела на него.

– Ах, Джандер, – произнес Страд, входя в поле зрения эльфа, – позволь представить тебе моего нового друга, мисс Катрину Яковлевну Пулченюк. Трина, это Джандер Санстар – гость из далеких миров.

Сначала Джандер решил, что молодая женщина рядом со Страдом просто новая очередная вампирка, но от нее исхо-

дил удивительный запах, который мог принадлежать лишь живому существу. Страд по-хозяйски положил руку на плечо Трине, возвышаясь над ней.

На ней было обычное крестьянское платье, но явно с чужого плеча. Ее изящная фигура попросту терялась в одеждах. Но все же ни во взгляде ее, ни в поведении не было ничего настораживающего. Ее глаза блестели и бойко поглядывали по сторонам. Казалось, она вовсе не боится – для Баровии черта непривычная.

– Польщена знакомством с тобой, Джандер, – сказала она голосом приятным, но слишком самодовольным, чтобы быть привлекательным.

– Страд много рассказывал о тебе, – она похлопала Страда по ладони. – Можно, если я...

Страд кивнул, и Джандер заметил его дикую усмешку, когда Трина внезапно выгнула спину, как будто схваченная невыносимой судорогой. К его удивлению, эти корчи не исторгли ни звука из ее груди, и эльф наблюдал, все больше поражаясь, как ее лицо удлинилось и превратилось в волчью морду, а конечности выгнулись и стали длинными волчьими лапами. Пальцы на руках и ногах поджались, а ногти перетекли в острые когти. Заходили могучие мышцы, ветхое платье затрещало. Меньше чем за минуту на том месте, где только что стояла Трина, оказался серо-бурый волк, на котором болталось теперь уже ненужное платье. Зверь вывалил язык, прищурился и прижал уши.

– Трина живет в деревне, откуда ее сопровождает слишком пылкий молодой человек – поклонник. У нее остается мало времени, и потому она предпочитает принимать волчий облик, когда приходит в замок, – объяснил Страд.

Волчица взглянула на одного вампира, на другого, и сбросила одежду. Она подошла к эльфу и с интересом обнюхала его, раздувая черные ноздри.

– Она – первая смертная, добровольно явившаяся в замок Равенлофт за сто с лишним лет, – сообщил Страд. – Я не могу взять ее кровь. Волчья кровь обжигает мне глотку.

– Тогда зачем все это?

Страд сделал предостерегающий жест:

– Будь осторожен, Джандер. Она понимает каждое твое слово!

Трина в подтверждение отрывисто залаяла.

– Мне нравится ее компания, с ней лучше, чем с рабами. Она почти такая же безжалостная, как я сам. Это трудно воспитать за десять лет!

Он через силу рассмеялся:

– Мысли о добре и зле занимают ее, но она – лесной волк: азарт одолевает ее. Она отличный шпион и прекрасный партнер в постели.

Он переключил все свое внимание на волчицу:

– Пойдем, дорогая. Я уже был твоим гостем. Теперь мне пора отплатить за твою любезность.

Джандер проводил их взглядом – высокого элегантного

вампира и расчетливого бесчестного оборотня – при свете факелов возвращающихся в замок. Что рабы Страда думают о Трине, как оборотень ладит с ними?

Голод проснулся в нем, но вампир не думал о нем. Он так устал от этого места. Его путешествия в Валлаки и в деревню мало успокаивали, а то, чем он пытался заниматься последние годы, казалось пустой тратой времени. Он сел на холодный камень, привалился к стене.

– Ты забыл меня, – донесся чистый милый голос, которого Джандер страшился и о котором страстно мечтал.

Эльф боялся открыть глаза, боялся проснуться, боялся, что его рассудок играет над ним злую шутку.

– О боги, Анна, нет... Ты же знаешь, – прошептал он. Он услышал шорох одежды, уловил сладкий аромат ее кожи – она села рядом. Вампир по-прежнему не открывал глаз.

– Взгляни на меня, любимый.

Ее голос был мягким, ласковым – шелест ветра в кронах деревьев теплым летним днем. – Нет. Я не могу.

– Ты боишься увидеть, что сделало со мной твое забвение?

Джандер издал тихий стон боли. Повернувшись в ее сторону, он медленно, с усилием открыл серебряные глаза.

И вновь закричал – теперь в ужасе.

Анна выглядела хуже, чем была в сумасшедшем доме. Ее роскошные волосы были грязны и спутаны. Лицо перепачкано, одежда истлела. В глазах было выражение осознанной

мучительной агонии, и это было тяжелее всего для вампира.

– Анна, – простонал он, охваченный чувством вины. – Это я сделал с тобой такое?

– Я не могу успокоиться, пока ты не отомстишь за меня, – произнесла она, и слезы встали в ее полных боли глазах. – Ты – моя единственная надежда. Почему ты не вспоминал обо мне эти десять лет?

– Потому что, – пробормотал он, стараясь отвести взгляд, но не в силах сделать это, – потому что это слишком больно. Ее ладонь погладила его по щеке.

– Ты думаешь, мне не больно, любимый? Мне тоже больно жить в безумии. Джандер, куда девалось все? Рассудок, мысли, мечты – куда они исчезли, когда я стала безумной? Что случилось с ними? Джандер отшатнулся.

– Я не знаю, как помочь тебе! – закричал он, ненавидя себя, свое и ее бессилие. Он вскочил, сделал шаг, повернулся к ней спиной. – Никто не знает тебя. Никто не может дать даже подсказки!

– Ты должен сам найти подсказки, а по ним – моего губителя, – легко произнесла она. – То, что тебе нужно, лежит ближе, чем ты думаешь.

Он обернулся, готовый засыпать ее вопросами, и обнаружил, что она исчезла.

Эльф заморгал, совершенно выбитый из равновесия. Небо посерело – приближалось утро. Мгновение Джандер не хотел ничего больше, чем просто остаться на месте и смот-

реть на восток, пока солнце не встанет во всем блеске, красоте и боли.

И все кончится... Но это ничего не решит.

Решимость овладела им, Джандер на мгновение прикрыл глаза и повернулся к замку.

Глава 15

Трина скучала.

Джандер мог сказать, что ей скучно, по частым вздохам и ерзанью, которые раздавались за его спиной, но не отвлекался от своей работы.

Стоя на лестнице, он остро заточенным шпателем выскрабливал грязь, за десятилетия забившую вырезанные под фреской буквы. Надпись еще нельзя было прочесть, но уже были видны целые слова.

С терпением, присущим лишь умершим, Джандер начал очищать новую букву.

Сама фреска была в печальном состоянии, но Джандер еще мог разобрать крепкую фигуру на вершине горы, с мечом, протянутым навстречу орде жутких тварей. Он решил, что на фреске изображен Страд, сражающийся с чудищами, когда-то напавшими на Баровию.

– О боги, Джандер, как ты можешь копать в этом?

Трина в человеческом облике задрала к нему лицо. Ее изящный носик сморщился от отвращения.

– Волчица, – сказал он с улыбкой. – Я занимаюсь этим лишь из-за азарта.

Страд принялся бы спорить, Катрина же просто заметила:

– Это присуще и нам. Я ведь оборотень.

– Не все оборотни несут зло, – равнодушно произнес

Джандер, не прерывая работы. – По крайней мере там, откуда я родом.

Она засмеялась, захлопала в ладоши при этих его словах:

– Как смешно!

– Это правда!

– Нет! На самом деле?

– У нас в Ториле есть оборотни – совы, медведи и даже дельфины. И некоторые из них – добрые, любящие существа, выполняющие справедливые законы и помогающие другим выполнять их. Один такой дельфин однажды подружился со мной. Он спас мне жизнь.

– А что такое оборотень-дельфин?

Джандер задумался, помолчал, пожал плечами. Баровия, похоже, находится в глубине суши, так что Трина, конечно, никогда не видела океана. Ему стало жалко ее, и внезапная тоска по прекрасным берегам Эвермета вдруг переполнила его.

– Дельфин – это как большая рыба. Но у них теплая кровь, они рожают живых детенышей, а не мечут икру. А оборотни могут превращаться из дельфина в человека.

Трина была поражена:

– Что за странные животные. А этот оборотень – дельфин был перед тобой в долгу?

– Нет. Он просто увидел, что я попал в беду, и пришел на помощь. Трина нахмурилась.

– Как глупо, – протянула она. – Ты мог обмануть его, пой-

мать, а потом продать.

Джандер оторвался от фрески, смерил Трину долгим взглядом.

– Не у всех появляются такие же мысли, как у тебя, – наконец процедил он.

– Ладно, ладно, – пробормотала она. Джандер продолжил свое занятие.

– Расскажи, как ты попал сюда.

– Туманы принесли меня. Ничего необычного.

– Это случается со всеми. А кто-нибудь попадал сюда по волшебству?

Джандера не очень развлекала болтовня оборотня, но теперь она коснулась самой болезненной для него темы, и его терпение лопнуло.

– Трина, я ничего не знаю о волшебстве. Почему бы тебе не спросить об этом Страда?

Она ответила не сразу, а когда заговорила, голос ее был глух и печален.

– Я не разговариваю с ним. Прошлую ночь он провел с Ириной. Опять.

Трина зло пнула каменную ступеньку, а потом разразилась пространством ругательством, сделавшим бы честь любому матросу.

О, да, теперь Джандер вспомнил Ирину. Новейшее «приобретение» Страда, все еще человек, но не долго ей суждено оставаться такой.

– Тогда зачем ты здесь? – спросил он Трину.

Она пожала плечами:

– Не знаю.

Голос ее неожиданно сорвался, стал хриплым:

– Может, я пришла посмотреть на тебя. Джандер взглянул на нее. Она поставила маленькую голую ногу на ступеньку лестницы – другая нога осталась на полу, и снизу улыбнулась ему. Глаза оборотня дразнили его, манил алый рот. Чувствуя жалость к ней, эльф повернулся так, чтобы видеть ее всю.

– Трина, ты очень привлекательная девушка, но я этим не интересуюсь. И кроме того, неужели ты решила, что я могу даже подумать о связи с одной из дам Страда.

– Одной из! – Она сверкнула на него глазами:

– Я не просто одна из дам Страда!

Эльф не ответил. Трина внизу продолжала негодовать:

– Я не могу этого слышать. Почему ему не хватает меня одной? Зачем ему эти тупые рабыни, у которых нет собственного рассудка? Он говорит, что я нравлюсь ему потому, что я сама по себе!

– Верю: это так, – ответил Джандер.

– Тогда почему?

– Трина, Страду нравится твоя независимость. Но ему нравится и покорность, власть над другими. Оставь ему его рабов. Они для него всего лишь..., забава.

Он не сказал, что думал на самом деле, он-то считал, что и Трина тоже не больше чем забава для повелителя Баровии.

– Мне это не нравится, – пробормотала она, усаживаясь на каменную ступень, подперла руками подбородок. На миллом личике отразилось огорчение. При всей своей жестокости Трина иногда могла выглядеть одиноким несчастным ребенком. Джандер слез вниз, осторожно уложил инструменты в чехол, сел рядом с ней на лестницу. Оборотень не взглянул на него, а когда эльф осторожно повернул ее лицо к себе, она опустила взгляд. Глаза ее были полны слез. Он участливо обнял ее за плечи.

– Я мирюсь с таким его обращением только из-за колдовства, – хрипло сказала она. – Он учит меня, ты ведь знаешь. Я уже многое умею. Я хочу дождаться, пока выучусь всему, и тогда я заставлю его хотеть только меня одну.

– Вот для чего колдовство, да? – воскликнул Джандер, и его сочувствие теперь сменилось гневом. – Колдовство! Я могу разбогатеть, я могу заставить кого-то влюбиться в себя, я могу править миром! О боги!

– Тебе не нравится колдовство? – озадаченно спросила Трина. – Но ведь колдовством можно сделать так много. Например, восстановить эту фреску, над которой ты сейчас работаешь. Тебе нужно лишь попросить, чтобы Страд произнес одно коротенькое слово, одно-единственное заклинание, и все сделается само собой за один миг.

– Мне нравится возиться с этой фреской. Ее красота возвращается к жизни прямо под моими руками. А колдовство лишает такого удовольствия. И кроме того, – голос его стал

жестче, – Страд не будет делать ничего такого, что не принесет ему моментальной выгоды.

– Это не так!

– Нет, это так. Если ты ищешь того, кто полюбит тебя, то чем тебе не нравится тот парень, с которым ты крутишь роман в деревне?

– Этот? Не смей меня! Я согласилась встречаться с ним только потому, что Страд решил – будет неплохо, если я буду ходить с кем-то из деревенских. Люди меньше станут меня подозревать, меньше будут болтать.

– Значит, ты делаешь все, что скажет Страд. Ты ничем не лучше его рабов. Даже хуже, потому что сама решила повиноваться ему.

Трина было открыла рот, чтобы возразить, но вдруг замерла, осознав всю горькую правду слов Джандера.

– Нет, – прошептала она. – Я не игрушка для него. Он любит меня.

Она выглядела столь юной и несчастной, такой похожей на простую деревенскую девушку, впервые безответно влюбившуюся, что Джандер был тронут. Он порывисто прижал ее к себе, чувствуя невероятное напряжение ее маленького тела. Ее плечи сотрясались от рыданий, маленькие ручки комкали его голубую тунику. Ее роман с повелителем этой страны не имел шансов на счастливый исход.

– Ну, что за сцены у нас тут происходят, – раздался голос Страда.

Джандер и Трина отпрянули друг от друга, как дети, застигнутые врасплох за каким-то порочным занятием.

– Страд, – начал Джандер.

Взглянув в лицо графа, он осекся. Глаза Страда превратились в светящиеся красные огоньки, а его обычно бледное лицо стало багровым от ярости. Он угрожающе поднял руку, а его губы исказила дьявольская улыбка, полная ненависти.

Мгновение эльф был убежден, что зашел слишком далеко, и Страд, потеряв терпение, сейчас уничтожит его. Красный огонь в глазах графа ослаб, взгляд Страда снова стал холодным и отстраненным. Он опустил руки, и Джандер облегченно прикрыл глаза.

– Джандер Санстар, мой старый друг, – мягко, но с затаенной угрозой сказал Страд, – тебе может не нравиться колдовство. Однако ты должен всегда уважать его силу..., и власть тех, кто пользуется колдовством.

Граф переключил внимание на оборотня. Со страху Трина стала трансформироваться. Она прижалась к стене и тихо всхлипывала. Человечьи глаза затравленно смотрели с волчьей морды, длинные мохнатые лапы вжимались в камень.

Страд обворожительно улыбнулся. Ласково глядя, он протянул сильную руку с острыми ногтями к перепуганному существу.

– Трина, дорогая! – начал уговаривать он. – Не бойся. Все забыто и прощено. Вот, вот, моя Трина! – воскликнул он, когда волчица подбежала к нему и счастливо потерлась о его

ноги. Вампир нагнулся и погладил ее за ушами. – Пожалуй, дорогая, я был невнимателен к тебе.

Граф и оборотень стали подниматься по лестнице. На середине пролета Страд остановился, медленно повернулся и посмотрел на эльфа. Джандер спокойно встретил его взгляд.

– Мой старый друг, – ледяным тоном произнес граф. – Мы слишком давно не разговаривали. Я приду к тебе завтра, после заката, мы насытимся и поболтаем, как раньше, идет?

Он повернулся, не дожидаясь ответа, и продолжил путь наверх.

Джандер проводил его взглядом, пытаясь успокоить кипевшие внутри его переживания. Он подумал было снова заняться фреской, но все же отказался от этого. Он был слишком потрясен, чтобы сосредоточиться. Он от всего сердца желал, чтобы Трина не связывалась с темной силой колдовства. Большая часть страданий в долгой жизни Джандера была причинена колдовством. Даже в волшебном Ториле практиковавшие искусство аркан не могли ему помочь снять проклятие бессмертия.

Болезненные воспоминания вновь нахлынули на Джандера, хотя он изо всех сил старался прогнать их.

* * *

Эльф оперся о маленькую кованую калитку, дрожа от изнеможения. Он смотрел на тропинку, окруженную цветами,

которая оканчивалась у маленького домика. Оказавшись наконец здесь, Джандер все же сомневался, хватит ли у него смелости пройти через все это.

Много недель он шел ночами и отдыхал днем, прежде чем сумел в таком ослабевшем состоянии добраться до Уотердипа. После того как он уничтожил своего хозяина – Кассиара, он решил отказаться от человеческой крови, хотя его бессмертное тело и алкало этой жидкости. Даже кровь лесных существ приводила его в беспокойство, так что он заставлял себя насыщаться только тогда, когда это было абсолютно необходимо.

Из какой-то непонятной гордости он даже не переменял облик, чтобы ускорить путь. Волк или летучая мышь добрались бы до Уотердипа гораздо быстрее, но Джандер вцепился в облик эльфа. Он проделал весь путь на своих двоих.

Он думал, Лирия Прекрасная давным-давно умерла, обратилась в прах лет сто или даже больше тому назад. Когда он узнал, что она жива благодаря своему волшебству и сейчас в Уотердипе, возродившиеся надежды переполнили его. Теперь он глубоко вздохнул и открыл калитку, прошел короткий, но оказавшийся таким долгим путь до двери бывшего товарища. Молотком он громко стукнул в дверь. Сначала в доме все оставалось тихо. Джандер стукнул снова. В одной из комнат наверху зажегся свет, и он услышал, как кто-то спускается по лестнице.

– Уже поздно. Ночью я беру двойную плату.

Джандер усмехнулся.

– Впусти меня, старая колдунья, – ответил он, стараясь казаться таким же беззаботным, как и столетие назад.

Последовала пауза, а потом Джандер услышал, как со скрипом отодвинулся засов. Дверь приоткрылась.

– Лишь один в этом мире зовет меня старой колдуньей, – радостно ответила Лирия.

Она почти не изменилась. Какие бы отвары она ни пила, они действовали. Ее волосы утратили цвет солнца и стали бледно-русыми, что шло ей. Морщинки окружили славные зеленые глаза, но ее тело, закутанное в разноцветную ткань, которую она называла «радужным одеянием», было таким же изящным, стройным, как всегда. Она раскинула руки и бросилась эльфу на шею.

Несколько озадаченный, он колебался, прежде чем тоже обнять ее. Они отпрянули друг от друга, посмотрели в глаза.

– Лирия Прекрасная, – с трепетом произнес он. – Ты красива, как всегда.

– Эльфы всегда были льстецами, – смутилась она. – Рада встретить тебя, мой старый друг. Входи, входи! У тебя ледяные руки!

Квохча, как наседка над птенцом, она втощила его внутрь. Комната оказалась уютной и красиво убранной. Огонь пылал в камине, сложенном из серого камня, вытягивал влагу из высоких шкафов с книгами, расположившихся по обеим сторонам от него. Два низких дивана с пышными подушеч-

ками стояли друг против друга, их разделял низкий инкрустированный столик.

В центре стола на серебряном подносе стоял кувшин, полный темного вина, и четыре стеклянных бокала.

Лирия жестом указала Джандеру на диван, потом на кувшин.

– Может, глоток вина, чтобы согреться?

– Нет, спасибо, – ответил Джандер излишне поспешно. – Я больше не пью спиртного.

– Что? – Лирия рассмеялась своим мелодичным смехом, и даже Джандер улыбнулся. Он тоже вспомнил свои соревнования с Трампером. Обычно выигрывал Трампер, но пару раз все же Джандер оказывался под столом вторым.

– Думаю, сотня лет может изменить кого угодно, – она улыбнулась, наливая себе рубиновую жидкость. – Может, что-то еще? Ты какой-то замороженный, Джандер, раньше ты выглядел гораздо лучше. Что тебя тревожит?

Джандер безвольно опустил плечи, тяжело и медленно спросил:

– Лирия..., как я выгляжу?

Почти сто лет уже Джандер был вампиром и не мог увидеть собственного отражения в зеркале.

Лирия нахмурилась:

– Что за дурацкий вопрос! Вот тебе зеркало, ты сам...

– Нет! – Джандер схватил волшебницу за руку, прежде чем сообразил, что делает, потом отпустил ее локоть. – Нет,

просто скажи, что ты видишь.

Изумрудные глаза Лирии посерьезнели. Она долго критически оглядывала его, потом произнесла:

– Ну, волосы того же цвета – роскошно золотого, которым я всегда восхищалась. Глаза... Они не совсем серебряные. Я бы сказала – железно-серые. Вот кожа стала действительно другой. Рыжевато-коричневой, а не бронзовой. Ты ужасно худой, Джандер, и холодный.

Эльф опустил глаза. Как выразить это словами? Он был так охвачен своим горем, что не заметил, как Лирия встала и отошла от него.

– Старый друг, – начал он, отрывая взгляд от пола, – я...

Он взвыл от боли, повалившись на диван. Рука его случайно зацепила два стоявших на столе бокала, и они упали на пол, разлетевшись вдребезги. Лирия нашла отражающую поверхность и направила на него. Волшебница в ужасе смотрела, как эльф корчился в судорогах.

– Это лишь, – она взглянула в зеркало и вдруг все поняла.

В зеркале отражались лишь диван и пышные подушки. Там же были видны и осколки бокалов, и пол, и каменные стены. Не было отражения Джандера.

– Ох, мой бедный друг, – жалобно простонала Лирия. – Мой бедный, бедный друг.

Все еще содрогаясь, Джандер поднял взгляд на женщину. В его глазах была мука, и кровавая слеза ползла по его щеке.

Лирия заботливо помогла ему подняться. Она подтащила

ближе кресло и села напротив эльфа.

– Как? – спросила она. Джандер невесело засмеялся, издал сухой безрадостный звук.

– Я даже не искал приключений. Я возвращался сюда, в Уотердип. Я уже достаточно повидал и узнал, хотел ближайшим кораблем возвратиться в Эвермет. Два дня пути от дома. Я был, – он остановился на полужаде, не решаясь поведать ей самую темную часть своей истории. Он не стал рассказывать всего, взглянув в ее зеленые глаза. Не было смысла причинять ей еще больше боли.

– Продолжай, – потребовала она. Он облизнул пересохшие губы и продолжил:

– Вампир застал меня врасплох, когда я спал. Повелитель бессмертных, Кассиар, был очарован мной. Он никогда не слышал об эльфе-вампире, а потому позволял мне долго оставаться одному. Я был для него диковинкой. Почти век ушел на то, чтобы убить его.

Я решился найти тебя. Если кто-то может снять это проклятие, то это ты. Я долго шел, – он порывисто схватил волшебницу за руки. – Я на самом деле не изменился, Лирия. Я остался эльфом. Я такой бледный, потому что не пил человечью кровь уже несколько месяцев, даже несколько дней не пробовал кровь животных. Боги отвернулись от меня и не спасли. Но ты можешь спасти меня, потому что владеешь тайнами волшебства. Ты можешь вылечить меня, правда?

Теперь Лирия неловко отвела взгляд. Она сжала ледяные

руки Джандера, встала и принялась расхаживать по комнате. Эльф опустил голову. Он достаточно знал волшебницу – такое расхаживание было дурным знаком.

– Лирия...

Она нетерпеливым жестом оборвала его:

– Джандер Санстар, я помню, как впервые встретила тебя, перед тем как мы стали Серебряной Шестеркой. Ты рассказал мне все о своей стране Эвермете и о том, что всегда хотел попасть сюда – в Фаеран. Твое лицо горело страстью. Я помню, как пыталась вбить немного волшебства в твою горячую здоровую голову. Мы прошли вместе через многие испытания – дракон, Даггердейл, – ее голос сорвался, глаза горели. – Ты знаешь, что если бы был хоть какой-то способ в этом или любом – любом другом – мире помочь тебе, я бы сделала это.

У Джандера вдруг сдавило виски:

– Это похоже на «нет». Слезы выступили у нее на глазах и потекли по щекам:

– Это потому, старый мой друг, что я ничего не могу сделать. Нельзя избавиться от вампиризма, спасти от него. Единственный путь – смерть. Смерть лечит почти все.

Мысли Джандера зашевелились:

– Ты можешь убить меня, а потом воскресить?

– Ну конечно могу. Но я воскрешу вампира, потому что теперь ты – вампир. Волшебство не может помочь тебе.

У Джандера поплыли красные круги перед глазами.

– Нет..., нет... Я – эльф! Я – эльф! – он в смятении принялся подбирать осколки стекла с пола. – Я не могу больше быть одним из... Я был в Даггердейле. Я знаю, что делают вампиры. Я помню. Лирия, умоляю, пожалуйста, скажи, что я не... – Он крепко сжал в кулаке острый осколок, но не почувствовал боли. Не понимая, что делает, он выдернул стекло из ладони. Рана не кровоточила.

– Я не знаю, как тебе удалось, но ты смог остаться почти тем, кем был раньше. Этим можно гордиться, черпать в этом силы. Волшебство не излечит тебя, но это не значит, что ты должен стать таким, как кошмарные твари Даггердейла. Может быть, ты сумеешь, – голос Лирии сорвался, когда Джандер сверкнул на нее глазами.

– Нет надежды, – прошептал Джандер. Он закрыл глаза ладонями. Лирия мягко опустила руку на плечо эльфа.

– Не волшебство может спасти тебя. Есть лишь один способ сбросить твоё проклятие. Если ты и вправду будешь искать смерти, мой милый, ласковый Джандер, приди ко мне, и я сделаю это милосердно. Лучше умереть от руки друга.

С ревом Джандер соскочил с дивана и бросился на нее. Однако волшебница оказалась проворнее и отскочила в сторону. Она быстро сунула руку в коробку со всякой всячиной и нащупала какой-то предмет. Потом обернулась и ткнула зажатый в руке предмет в лицо Джандеру. Вампир отступил назад, заламывая руки.

– Лирия! – вскричал он в отчаянии. – Ты посмеялась над

моей болью!

И тут он исчез, а Лирия осталась одна.

Переведя дух, волшебница осмотрела предмет, который заставил бессмертного эльфа скрыться. Это был небольшой розовый деревянный диск – символ Латандера Повелителя Зари. Лирия закрыла глаза, до боли переживая за друга. Джандер когда-то был последователем прекрасного златокожего бога утра.

Глава 16

Размеренный стук капель дождя по оконному стеклу разбудил Сашу. Несколько минут он лежал в своей узкой короткой кровати, наслаждаясь покоем, и был рад дождю. Это значило, что им с Мартином не придется выполнять обычный ежедневный ритуал приветствия зари на Рыночной площади. Саша не то что не был набожным человеком...

С той ужасной ночи четырнадцать лет назад он сделал Латандера Повелителя Зари центром своего мира. Даже сегодня они с братом Мартином проведут свою собственную утреннюю церемонию здесь, в церкви, оставив дверь открытой для любого, кто захочет присоединиться к ним. Саше просто не нравилось, что они не смогли убедить жителей Баровии в правде Латандера. Одно расстройство было стоять на помосте у Рыночной площади целый час, когда никто не слушает, что он говорит. Отдаленный раскат грома заставил Сашу открыть глаза. Он зевнул, потянулся, спустил ноги на пол, набросил рясу, вздрогнув от холода. В маленькой холодной комнатухе было еще темно, и молодой человек зажег свечу. Он раскатал коврик для молитвы и сел на него, настраиваясь на собственное личное общение с Повелителем Зари.

Внизу брат Мартин уже готовил алтарь. Он расстелил на алтаре чистое белое полотно, расставил подсвечники. В свои

тридцать с небольшим он мало изменился внешне. Однако изнутри Мартина пожирала смертельная болезнь. Он знал уже о своем недуге и давно признал в этом волю Повелителя Зари. Однако он ничего не говорил об этом Саше.

– Прости, я опоздала, брат Мартин, но меня задержал дождь, – отдаваясь эхом в пустом зале, прозвучал звонкий голосок Кати. Она остановилась у двери и отряхивала мокрые волосы. Все еще подрагивая от холода, она быстро сняла темно-зеленый шерстяной плащ и разложила его на скамье.

– Не беспокойся, дорогая. Саша совсем обленился, все валяется в постели. Я еще не видел его с утра.

Катя засмеялась, в ее глазах заплясали веселые искорки.

– Я нашла кое-что, что даже тебя соблазнит, брат, – поддразнивая его, она подошла к алтарю с закрытой, мокрой от дождя корзиной. – Твои любимые пирожки со сливами. Еще есть хлеб, сыр и сладкие сушеные яблоки.

Священник был тронут.

– Катя, что бы мы с Сашей делали без тебя? Боюсь все же, что я не слишком голоден. Вы с Сашей можете разделить пирожки. Я съем, – добавил он, – немного этих сушеных яблок.

Катя уперла ладошки в бока и, нахмурившись, посмотрела на него.

– И? – требовательно спросила она.

– И немного сыра.

– И?

Мартин рассмеялся:

– Сдаюсь, пощади!

Звук позади церкви заставил их обменяться взглядами. Кристина, швея, вбежала внутрь, ее черный плащ был плотно запахнут – и как защита от дождя, и как маскировка. Ее лицо покраснелось, темные глаза озабочены. Она подбежала к алтарю.

– Не знаю, сколько еще смогу приходить сюда, брат Мартин, – дрожащим низким голосом проговорила она. – Если мой муж узнает...

– Сестра, – ласково сказал Мартин, беря ее сильные ладони своими мягкими пальцами, – Латандер позаботится о тебе. Я желаю лишь, чтобы Повелитель Зари коснулся Ивара так же, как коснулся тебя.

– Приветствую, сестра Кристина, сестра Катя, – произнес Саша, входя в своих расшитых розовых одеяниях, сшитых ему Кристиной в прошлом году, – он надевал их с удовольствием и гордостью. Запыхавшаяся портниха слегка улыбнулась, увидев его в этом платье.

– Приветствую, брат Саша, – пробормотала Катя и неожиданно захлопотала, расставляя и зажигая свечи по всей церкви.

Саша взглянул на нее, гораздо сильнее желая видеть ее, чем ту еду, что она принесла. Прошло уже шесть месяцев, как девушка пришла в деревню, шесть месяцев, как Саша видел ее каждый день. Ему становилось все труднее прятать свои чувства.

Он влюбился в нее с первого взгляда – из-за глаз. Катя была красива – с темными кудрявыми волосами, стройной фигурой и большими, выразительными глазами. К тому же Саша был наполовину вистани, а в Баровии считали, что вистани всегда выбирают самых красивых женщин.

Но не только взгляд этой девушки привлекал его. В конце концов ее мягкость и доброта окончательно покорили его сердце. Теперь он наблюдал, как она движется от свечи к свече. Следя за ее грациозными плавными движениями, Саша принял решение.

Он коснулся плеча Мартина:

– Брат, можно поговорить с тобой?

– Конечно, Саша. Что такое? Молодой человек отвел его подальше от Кристины и тихо заговорил:

– Я много думал эти последние месяцы. Странно, но мы никогда не говорили об этом, но..., может служитель Латандера жениться?

Вот и все, он решился – Саша облегченно выдохнул. Уже неважно было, что ответит Мартин. Священник улыбнулся, переведя взгляд с Саши на Катю:

– Она? Да?

Молодой человек кивнул и застенчиво улыбнулся.

– Поскольку твоя невеста верует, то нет причин, по которым ты не можешь жениться. Но, мой мальчик, – сказал он уже серьезнее, – перед тобой есть одно препятствие.

Саша озабоченно взглянул на него:

– Какое?

– Она должна сказать «да», – голос Мартина был печален, но в глазах плясали веселые искорки.

Молодой священник вновь посмотрел на Катю. Она закончила работу и теперь сидела рядом с Кристиной на первой скамье. Две женщины – одна постарше и уставшая, вторая молодая и полная жизни – склонились друг к другу, тихо разговаривали. Саша заметил, как Катя порывисто сжала руку Кристины. Почувствовав, что на нее смотрят, девушка встретилась взглядом с Сашей, смущенно улыбнулась. Священник тоже улыбнулся – немного лукаво. Он спросит ее прямо сегодня, сразу после рассветной службы.

– Уже почти время, а мы не готовы, – укорил его Мартин. Саша виновато поморщился и поспешил помочь Мартину в подготовке алтаря.

Через несколько мгновений взошло солнце, сверкнув как молния над серой долиной. Мало кто в поселке заметил это, но четверо собравшихся в церкви склонили головы, благодаря рассвет. Повелитель Зари прервал долгую ночь Баровии, прогнал все страхи, скрывающиеся за пеленой тьмы. Это немало. Они передали по кругу Чашу Солнца – золотой кубок, наполненный белым вином, и каждый сделал глоток. Саша читал молитву Повелителю Зари, а потом они пели псалом за следующую спокойную ночь.

Сильный дождь лил на маленькую мальчишескую фигурку, прижавшуюся к дверям церкви. Сквозь приоткрытую

дверь Маленькая Лиса слышала псалом, и ее посиневшие от холода губы повторяли слова моления. Лейл смахнула с лица капли, не зная, дождь это или слезы.

* * *

Джандер раньше уже видел Страда в гневе, но никогда – в такой ярости. Черноволосый вампир обрушил свой гнев прямо с порога, вторя раскатам грома снаружи.

Граф всегда гордился своей выдержкой, но Джандер знал, что под этой холодной надменной маской может скрываться лютая безудержная злоба. Сейчас, когда Страд, мокрый от дождя и крови, стоял, держа в руках мокрый труп, он был вне себя.

– Кто посмел! – вскричал граф, ни к кому конкретно не обращаясь. – Кто посмел?!

– Что случилось? – спросил Джандер.

Трина, вбежавшая в комнату на крик, почему-то улыбнулась.

Страд зло швырнул труп на пол. Тело ударилось о камни с глухим шлепком, и теперь Джандер увидел, что труп обезглавлен, а там, где раньше билось сердце, зияет большая дыра. Страда трясло от злости:

– Кто-то убил моего раба!

Джандер не отвечал. Он мог это предсказать, он пытался предупредить графа, что иметь много рабов опасно – гнев

Страда, однако, не позволял ему напоминать об этом.

– Проклятье, я ведь с ней еще не работал! – Страд обратился к удивленному эльфу:

– Не знаешь ли, кто из этих презренных тварей из деревни мог осмелиться на такое? Джандер покачал головой:

– Они все запуганы тобой, Страд. Детей пугают «ужасным Страдом». Может, кто-то новый?

Граф принялся расхаживать по комнате, размахивая сильными руками.

– Нет, вистани давно не сообщали о ком-то новом.

– Кто-нибудь мог пройти через туманы и проскользнуть мимо цыган, – заявила Трина, спускаясь по лестнице и подходя к Страду. Граф резко остановился, внимательно посмотрел на Трину.

– Точно, – согласился он. – Я узнаю это.

– А что, если священники? – предположил Джандер.

На это Трина громко расхохоталась:

– Что? Сумасшедший Мартин и его тощий маленький ученик? Нет, Джандер, эти двое вовсе не опасны.

– Есть кто-то еще, кто-то в деревне, кто решил бросить мне вызов. – Страд хищно улыбнулся, и его клыки блеснули в свете факелов. – Он горько пожалеет об этом. Джандер, как бы ты поступил с таким наглецом?

– Есть нечто, что ты можешь сделать и после чего он уж точно не будет для тебя проблемой, – ответил эльф. – Но я не думаю, что это понравится тебе. Подожди, пока он исчезнет.

– Но это трусость! – запальчиво воскликнул Страд. – Ты предлагаешь мне – повелителю Баровии – позволить какому-то смертному убивать мои творения?!

– Именно это я и предлагаю. Сейчас нет ничего, что могло бы связать тебя и вампиризм. Если ты начнешь наказывать жителей Баровии, то попадешь прямо в руки этого охотника. Пусть продолжает, Страд. Пусть уничтожает твоих рабов, если хочет. Он не достанет тебя, а через несколько лет умрет, и ты ничего не потеряешь.

Глаза Страда сузились от возмущения, а ноздри стали широко раздвигаться.

– Ты был прав, Джандер. Мне не нравится такое решение. Однако я признаю, что у него есть достоинства, я обещаю подумать.

Он взглянул на труп и замотал головой:

– Бедная, милая Ирина. Джандер, пусть кто-нибудь из зомби унесет это. А ты, моя кошечка, – он протянул к Катрине бледную руку, – пойдешь со мной.

Граф с оборотнем легко взбежали по лестнице, и были слышны лишь шаги Катрины, ступающей по каменным плитам.

Джандер осмотрел обезглавленное тело, принадлежавшее раньше красивой женщине. Он легко поднял останки и вытащил в заросший сад у церкви. Там, в лунном свете, под морозящим дождем, он сам похоронил Ирину.

На следующий вечер эльф проснулся рано и направился

в церковь замка. Он стоял у разбитого окна и смотрел на сумерки. Вчерашний дождь перешел в снег. Краски заката окончательно померкли на далеком горизонте, и в церковном саду толстые одеяла свежего снега укрыли холмики над могилами Ирины и Наташи.

Появление Страда было внезапным и абсолютно бесшумным, и когда Джандер почувствовал, повернулся, чтобы приветствовать младшего вампира, то чуть не ткнулся лицом в серый шерстяной плащ, который протягивал ему граф. Страд растянул рот в улыбке и был, похоже, в хорошем настроении. Джандер старательно сохранял безучастное выражение лица.

– Давай, друг мой, – сказал Страд, видя, что Джандер не спешит набросить плащ. – У нас есть важное дело сегодня ночью!

– Будем охотиться как волки? – осторожно спросил Джандер. Обычно, когда они охотились вместе с хозяином замка Равенлофт, что случалось в последние годы все реже, они оборачивались волками – мех был гораздо лучше плащей.

– Сюрприз. Нам нужно повидать кое-кого в деревне, – сказал Страд и больше не проронил ни слова. Развернувшись, граф направился через весь замок во двор, где уже ждала пара вороных, запряженных в шикарную карету Страда. Джандер немного расслабился при виде кареты. Конечно же, Страд не взял бы карету с лошадьми, если бы собирался устроить еще один урок, подобный тому, который он препода-

дал бургомистру и его семье.

Полуночные скакуны отправились в дальний путь по извилистой дороге, ведущей в деревню. В воздухе пахло весной, но землю по-прежнему укрывал снег. Яркая луна готовилась отметить полнолуние через несколько дней, и ее отсветы на снегу делали ночь гораздо светлее.

Два вампира какое-то время хранили молчание. Джандер гадал, что задумал граф. Однако ему снова предстоит пройти одно из «испытаний» графа. Ирония ситуации не ускользнула от эльфа. Здесь они были, возможно, двумя самыми могущественными персонажами, они вместе доверились этой темной земле, которая, похоже, была к ним благосклонна. Они могли бы стать непобедимыми вместе, но были столь различны, что не могли сделаться настоящими союзниками.

Эльф многим восхищался в графе. Страд, несомненно, был хорошим компаньоном, интересным собеседником, очень много знал о самых разных вещах. Но многое в Страде было абсолютно неприемлемо для Джандера. Они не были друзьями, хотя граф и произносил постоянно это слово. Товарищи по оружию, возможно, связанные своей бессмертной природой и силой личности, но никак не друзья.

Джандер заметил, что Страд наблюдает за ним, и слегка улыбнулся.

– Не расскажешь ли, что ты затеял?

– А как же сюрприз? Нет! Когда тебя ждут нескончаемые века, неожиданность, сюрприз оживляют чувства. Немного

выйти из равновесия – это единственный способ сохранить остроту ума, не согласен?

Они проехали через кольцо тумана, миновали мост и последовали дальше. Вскоре они оказались на окраине деревни. Джандер видел бледные лица горожан в окнах, испуганно вглядывавшиеся в темноту. Лошади резко повернули вправо, пересекли площадь и направились в первый переулок налево.

Наконец они остановились у небольшой лавки. Старая вывеска, которую уже нельзя было разобрать, раскачивалась на ветру. Все остальные лавки были погружены во тьму – закрыты или пусты. В окне этой, однако, горел свет.

Страд выскочил из кареты и зашагал к дому. Как всегда, он выглядел внушительно и устрашающе. Подойдя ко входу, граф громко стукнул в дверь.

Мгновение ответа не было, а затем раздался испуганный тонкий голос:

– Кто там?

– Твой господин, – прогремел Страд. – Тебе было приказано ждать меня.

Снова тишина, и Джандер почувствовал страх за дверью. Он услышал, как скользнул засов, и дверь приоткрылась. Показалось острое женское личико, потом дверь распахнулась настежь.

Женщина рухнула на колени, может быть, чтобы не выдать страх.

– Добрый вечер, граф, – пробормотала она, запинаясь. – Меня зовут Кристина. К вашему визиту все готово.

– Отлично, моя дорогая! – довольно заявил Страд. Он протянул тонкую руку, приказывая ей встать. Женщина поднялась и отступила назад, пропуская Страда и Джандера в скромную, почти пустую комнату. Эльф быстро оглядел помещение – несколько самых простых стульев и старые, но хорошо отполированные столы. Цветные изображения мужчин и женщин в вечерних одеждах были развешены по стенам. Страд взял Джандера под руку и провел его в центр комнаты. Кристина следовала за ними.

– Это – мой компаньон, Джандер Санстар, – сказал ей граф. – Он – тот, кого ты должна увидеть.

Женщина перевела испуганные карие глаза на Джандера, но подошла ближе. Она приблизилась так близко, что казалось, хочет дотронуться, и он машинально отступил назад. Эльф бросил недоумевающий взгляд на улыбающегося Страда. Кристина сделала еще один шаг к Джандеру, медленно, но уверенно провела руками по его плечам и рукам, ощупала тунику.

– Никаких проблем, ваша светлость, – заявила она. Эльф был окончательно сбит с толку, и его недоумение отразилось на лице. Граф громко расхохотался.

– Кристина, мы смутили нашего друга! Джандер, Кристина – портниха. Я попросил бургомистра сказать лучшему портному в его поселке, что мы нуждаемся в ее услугах. Твое

одеяние вряд ли подойдет для весенних торжеств.

– Для чего? – спросил Джандер, все еще ничего не понимая.

Страд не ответил и вновь обратился к Кристине, которая, похоже, немного расслабилась.

– Дорогая моя, ты приготовила на выбор ткани и цвета, как я заказывал?

– Конечно, господин, – ответила она и повела их в смежную, гораздо большую комнату.

Здесь были все орудия ее труда, манекены и выкройки, подушки с булавками и иглами, мотки кружев и бахромы. Один из столов был завален кусками тканей.

– Надеюсь, что-нибудь из этого понравится вам.

Занявшись своим делом, Кристина стала менее зажата. Ей было уже под сорок, лицо ее было уставшим, но глаза засверкали, как только она заговорила о работе. Она постаралась, подбирая образцы тканей.

Джандер, любивший простые цвета – синий, красный – выбрал золотой шелк и темно-синий бархат. Он также поднял моток малиновой ленты, золотой с серебром каймы.

– Тебе не нравится мой стиль, Джандер? Думаю, тебе бы пошло, – предложил Страд, указывая на отлично сшитый щегольской сюртук.

– Нет, твоя светлость, здесь для меня слишком много пуговиц. Новая одежда такого же кроя, что и эта, на мне, была бы лучше всего. И перчатки, – вдруг добавил эльф, помрач-

нев. – Несколько пар перчаток.

Может быть, слой ткани между его убивающей плотью и нежными цветами снова позволит ему заниматься садом.

– Мне так нравится, когда все люди хорошо одеты! – затараторила Кристина. – Минуточку, я принесу зеркало, и вы увидите, как этот цвет подходит к вашей коже.

– Нет, не надо, – остановил ее Страд. – Мы уже опаздываем. Когда будет готово? Кристина на секунду задумалась:

– Я пришлю все через неделю. Страд нахмурился:

– Три дня.

Кристина побледнела, но кивнула:

– Как пожелает ваша светлость.

– Вот тебе за труды, – граф небрежно высыпал на стол горсть золотых монет. Когда ошеломленная Кристина наконец собрала деньги, ее заказчики уже удалились.

Она села на стул, не в силах унять дрожь. Многое шептали о графе Страде, много совсем невероятного, и почти все эти разговоры вызывали страх. Странное золотоволосое существо, сопровождавшее его, хоть и выглядело приятнее, но тоже было полно таинственности. Кристина прижала к груди ладонь, полную монет. Здесь больше денег, чем она видела в жизни. Граф Страд хорошо обошелся с ней, и она ничего не имеет против него и его друга.

И против своей жизни.

– Ты ищешь кого-то на этих весенних праздниках, так? – спросил Джандер, когда через три ночи Страд принес эльфу

новую одежду.

Страд резко повернулся к Джандеру, пронзив эльфа взглядом.

– Почему ты так решил? – мягко спросил он, но в глазах его появилась угроза.

Эльф не был уверен, что разгадал тайные намерения Страда, а потому был осторожен:

– Ты хочешь попробовать разузнать что-то об охотнике за вампирами. Граф расслабился:

– Ах, да, конечно. Твой совет был хорош, но я должен продолжить собственное расследование. И, будь все проклято, я слишком давно не появлялся в Баровии на людях. Я не хочу, чтобы они забыли обо мне.

– Не думаю, что это возможно, – сказал Джандер. – А зачем мне идти туда вместе с тобой? Я бы лучше остался в замке. Граф выгнул вороную бровь:

– Эх, Джандер, после всех этих лет, что ты провел здесь, в замке Равенлофт, людям нужно узнать, что ты – мой гость, чтобы они относились к тебе соответственно. Разве я слишком часто просил тебя о чем-то все эти годы, и ты откажешь мне в удовольствии составить компанию?

– Нет, но...

– Тебе не нравятся новые одежды, которые я заказал для тебя? Это тебя расстраивает? Я должен вернуть их Кристине и потребовать деньги назад?

Джандер выругался про себя. Страд это сделает, и мысль о

том, что несчастная Кристина лишится денег, заработанных таким трудом, вызвала у эльфа прилив гнева.

– Одежды прекрасные, Страд, – устало произнес он. – Я надену их на торжества.

– Ты у меня будешь выглядеть как знатный господин, – заявил граф, решив не обращать внимания на настроение Джандера.

Полчаса спустя, когда Джандер порадовался ощущением от прикосновения тонкой ткани к коже, он был вынужден признать, что граф был прав. Ему захотелось увидеть себя в зеркале – он знал, что одежда сшита отлично и выглядит очень эффектно. Хлопковая рубашка, которую он поддел под темно-синюю тунику с короткими рукавами, отлично сидела на нем. Сама туника была расшита золотом. Отлично сидели и брюки из золотого шелка, заправленные в высокие ботинки белой кожи. Обязательная Кристина прислала и несколько пар перчаток из той же молочно-белой кожи.

Когда Страд вошел, он замер, оглядывая эльфа с головы до ног.

– Повернись, – сухо скомандовал граф.

Джандер неохотно повиновался. Когда эльф снова повернулся к Страду, то увидел одобрение в темных глазах вампира – смешанное с самодовольством.

– Теперь ты до кончиков ногтей богатый компаньон повелителя Баровии, – с легким издевательским поклоном сде-

лал ему комплимент Страд.

В ту ночь они опять сели в карету и отправились в деревню – как ястреб отправляется на поиски добычи.

Глава 17

Церемония проводилась в доме бургомистра. Джандер чувствовал себя очень неловко, вспоминая тот день, когда впервые вошел в этот дом. Здание, однако, уже давно отремонтировали, и новый бургомистр, казалось, изо всех сил старался, чтобы люди позабыли о случившемся здесь.

Вокруг дома сгрудились коляски – убогие по сравнению с каретой Страда, но лучшее, что могли себе позволить состоятельные жители Баровии. Их одежды также были скромнее туалетов Джандера и Страда, и эльф вдруг захотел, чтобы его одеяние не было столь вызывающим свидетельством богатства графа. Он зло улыбнулся про себя. Нет, ему никак не удастся смешаться с толпой. Баровианцы были людьми замкнутыми и не доверяли никому из пришедших в эту несчастную землю. Джандер, понятно, был чужаком, а потому субъектом подозрительным. И никакая одежда тут не поможет. Кроме того, он ведь появился вместе с «проклятым Страдом».

Карета миновала распахнутые железные ворота. У главного входа вороные кони остановились, из дома выбежал лакей и открыл дверцу кареты. Его лицо было нарочито безразличным, но очень бледным. Страд величественно покинул карету.

Его встретила тишина. Через несколько долгих мгнове-

ний раздались возгласы самых смелых гостей, которые только что прибыли:

– Добрый вечер, ваша светлость.

– Действительно, прекрасный вечер, мои добрые подданные, – лениво ответил Страд.

Он повернулся и двинулся к Джандеру, который покинул карету гораздо менее уверенно. Некоторые из гостей перевели взгляды со своего повелителя на его спутника.

– Пошли, – сказал Страд еле слышно, подхватил его под локоть и повел через тут же расступившуюся толпу. Эльф чувствовал, как десятки глаз сверлят его спину, и ощущал себя крайне неудобно. Они поднялись по ступенькам к дверям, где их приветствовал бургомистр с женой.

Бургомистру недавно перевалило за сорок. Это был высокий, стройный мужчина, с темными волосами и аккуратной бородкой. Если он и был ошеломлен неожиданным визитом графа Страда фон Заровича, то не подавал и виду.

– Ваша светлость оказывает моему дому высокую честь своим посещением, – низко поклонившись, пробасил он. – Позвольте представить мою жену, Людмилу.

Людмила, женщина лет тридцати пяти, приятная и полная, сделала глубокий реверанс, не поднимая глаз. Она показалась Джандеру знакомой.

– Присоединяюсь к словам мужа, ваша светлость, – произнесла она.

– Людмила Картова, не так ли? – спросил Страд, нагиба-

ясь и целуя холодными губами ее руку.

– Да, ваша светлость, до замужества.

– Примите мои соболезнования по поводу утраты семьи, мадам. Я возьму все расходы по ремонту дома.

– Благодарю, ваша светлость.

Джандер внутренне весь сжался. Теперь стало понятно, откуда он знает Людмилу. Цинизм Страда потряс его.

– Бургомистр Радавич, – продолжил граф, – позвольте представить моего друга, Джандера Санстара. Он – гость из далеких стран, что несомненно и так очевидно.

– Господин, госпожа, – произнес Джандер, – почту за честь познакомиться с вами. Я также выражаю соболезнования по поводу вашей утраты.

– Да, – быстро заговорил Радавич, незаметно сжав ладонь жены. – Прошу вас, входите и почувствуйте себя как дома.

Джандер и Страд прошествовали мимо бургомистра и его жены. Медленно проходя вместе с Джандером из скромной прихожей в зал, граф милостиво отвечал на низкие поклоны своих подданных.

Элегантный, хорошо убранный зал, в который вошел Джандер, лишь отдаленно напоминал тот обгоревший дом, что видел однажды эльф. Он понял, что несколько обгоревших стен старого дома просто снесли, и теперь три или четыре прежде темных комнаты соединились, образовав просторное помещение, полное сейчас света и воздуха. Резные деревянные колонны поддерживали теперь потолок, обши-

тый панелями сухой штукатурки с узором в виде цветов яблони. Джандер с интересом рассматривал преобразившийся интерьер.

– Повелитель Зари!

Человек выкрикнувший этот титул, протискивался через толпу. Он был высок и худ, лет тридцати пяти, с бледно-голубыми глазами, полными фанатичного блеска. Розовые и золотые одежды, указывавшие на то, что он священник, взлетели в воздух и опустились, как крылья, когда он упал на колени перед Джандером и низко опустил голову в знак преклонения.

– Повелитель Зари, наконец ты пришел к нам!

Эльфу стало дурно.

Уже не в первый раз за долгие века его принимали за бога рассвета Латандера Повелителя Зари. Но как священник мог узнать о боге жителей Фаерана? Быть может, он тоже оказался жертвой странных, зловещих туманов.

– Добрый господин, – твердо сказал Джандер, – пожалуйста, встань. Я – не Латандер Повелитель Зари. Посмотри на меня внимательно.

– Нет, нет. Ты – Повелитель Зари, явившийся к нам, чтобы спасти эту проклятую землю от ночных ужасов! – бормотал священник.

– Отстань от эльфа, болван! – рявкнул Страд.

Священник лишь продолжал бить поклоны, прижавшись лицом к белым ботинкам эльфа и обхватив ногу Джандера.

Эльф не знал, что и делать, а вся выдержка Страда таяла, как туман под жарким солнцем.

– Пойдем, добрый брат, – раздался чистый голос.

Ласковые руки обняли священника и подняли его на ноги. Молодой человек участливо обнял служителя Латандера. Его одеяния были похожи на рясу, но только были менее яркими.

– Повелитель Зари не явился. Еще не явился.

Молодой стройный человек лет двадцати вежливо поклонился Страду и Джандеру.

– Извините отца Мартина за его поведение. Однако, мой добрый господин, эльф на самом деле весьма напоминает образ нашего бога. Ваша светлость, мы можем надеяться на ваше прощение за эту выходку?

Голос молодого священника был громким и чистым, он почтительно опустил глаза. Страд был доволен этим и изящно махнул рукой.

– Сегодня мы чествуем весну, а не лютую зиму. Я могу быть и великодушным. Отведи его домой.

– Господин граф очень добр.

Молодой человек увел священника. Снова началась болтовня, и Джандер с облегчением отметил, что внимание собравшихся привлечено уже не только к нему.

Страд наблюдал за эльфом, и в глубине его темных глаз светилось удивление:

– Ты поражаешь меня! Джандер слабо пожал плечами:

– Культы приходят и уходят. Латандер умрет вместе с этим священником. Ты, граф Страд, переживешь любое дневное божество.

На это Страд громко рассмеялся. Остаток вечера Джандер старался держаться в тени, за всем наблюдая и ни в чем не принимая участия. Страд же, наоборот, был в гуще событий. Он выбирал самых красивых женщин партнершами и танцевал с ними баровийские танцы с кошачьей грацией. Джандер прислонился к двери, выходящей в сад, и наблюдал за графом. Он заметил, как менялись выражения лиц тех женщин, которые танцевали с графом – от испуга к смущению, а потом – к влюбленности.

Эльф мрачно качал головой. Страд несомненно внушал им свои приказы. Одна за другой эти женщины потянутся в замок Равенлофт. Семьи никогда больше не увидят этих девушек. По крайней мере, не будут на это надеяться.

– В моей руке амулет, который, если я им взмахну, причинит тебе страшную боль. И не только боль – он поможет вскрыть твое истинное лицо, откроет тебя всем присутствующим. Не думаю, что ты этого хочешь.

Джандер на мгновение замер. Потом медленно повернулся к человеку, который осмелился столь вызывающе разговаривать с ним.

Это оказался молодой человек, помогавший священнику. Юноша наблюдал за ним, но не смотрел прямо в глаза.

– Что ты имеешь в виду, говоря «истинное лицо»? – спо-

койно осведомился вампир. – Ты угрожаешь и гостю бургомистра, и гостю Страда фон Заровича.

Молодой человек по-прежнему смотрел в сторону, но слегка улыбнулся:

– Не думаю, что ты хочешь рисковать, Носферату. Медленно повернись и выйди в сад.

Так, выругался Джандер про себя, священник знал, что делал. Он был прав – любая неосторожность, и он покажет всей деревне, что эльф – вампир. Реакция людей будет жестокой и вполне предсказуемой. Джандер сделал то, чего потребовал священник, решив завлечь юношу в тень.

– Встань на свету.

– Как пожелаешь.

В молодом человеке было что-то несомненно знакомое. Священник был строен, его манера держаться, не говоря уже о том, что он сумел так ловко подобраться к Джандеру, свидетельствовала о крепкой воле и внутренней силе. Его лицо было привлекательным, почти красивым, но квадратная челюсть и острые черные глаза сразу отметали любые намеки на слабость. От него исходило чувство огромной утраты и скорби, но и большой решимости.

– Хорошо. Вот я перед тобой, – спокойно сказал Джандер. – Ты не такой болван, каким хочешь казаться перед деревенскими, так? Что ты хочешь от меня? Черные глаза юноши впились в него:

– Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь, Носферату. Ты

– Джандер Санстар. Ты – эльф из другого мира. Примерно двадцать пять лет тому назад ты появился здесь, в Баровии. Ты спас цыганенка от беснующейся толпы. Девушка, любовница мальчишки, поклялась тебе в дружбе.

Джандер молча ждал продолжения.

– Я давно искал тебя. Меня зовут Александр Петрович. В деревне меня зовут Сашей. Я – сын Анастасии. Ты спас жизнь моему отцу.

Голос его был ровным, лишь изредка прорывались глубоко запрятанные гнев и боль. Джандер поразился самообладанию юноши.

– Ты очень счастливый человек, Саша Петрович, со многих точек зрения. Как ты избежал участи всей твоей семьи?

– Меня не было дома в ту ночь. Мы с другом провели ее в лесу. Я пришел домой наутро и увидел... – его голос сорвался.

– Вы читали книгу вслух, – спросил Джандер, – в каменном кругу? Вы очень благоразумно устроились именно там. Это действительно святое место. Бессмертный вряд ли может ступить на священную землю.

Саша напрягся, и Джандер понял, что сделал ошибку.

– Откуда ты знаешь?

Джандер не ответил. Саша плотно сжал зубы, его рука вновь накрыла медальон. Он поднял его, готовясь направить его на Джандера. Эльф отвернулся.

– Откуда ты знаешь? – требовательно спросил Саша.

– Мы были там, – признался Джандер. – Ты и твой друг были на волосок от смерти. Если бы..., мои парни были действительно голодны, мы бы смогли нарушить святость круга ради вашей крови.

Мука отразилась на лице Саши:

– Так ты?...

Джандер знал, что подумал юноша.

– Нет. Я не убивал твою семью. Ты очень напоминаешь Петю, Саша. Я не слишком хорошо знал твоих родителей, но, похоже, они были хорошими людьми, – он старался говорить спокойно. – Я скорблю о смерти твоей матери, но она погибла не от моей руки. Клянусь тебе.

Глаза юноши наконец встретили взгляд Джандера. Через мгновение Саша немного расслабился:

– Ты мог спасти моего отца и сделать..., это..., с моей матерью. Я хочу верить тебе, но ты...

– Вампир? Да, уже несколько веков. Но это не означает, что меня радуют убийства. Саша, ты поверил мне, заглянув в мои глаза. Ты знал, что это может быть опасно. Я решил не причинять тебе вреда – так же, как ты решил не выдавать меня.

Саша проглотил комок, подступивший к горлу:

– Мать рассказывала о тебе. Я поклялся не вредить тебе, если встречу. Это не случайность, вампир. Я скажу всем о тебе, если смогу, но меня удерживает сейчас слово чести.

– Много лет прошло с тех пор, как я вздохнул в последний

раз. Я забыл больше, чем знают все смертные вместе взятые, но я не забыл, что такое честь, – медленно произнес Джандер. – Я не причиню вреда тебе и твоим близким, сын Пети. Большого я не могу сделать.

Ветерок пронесся в ночи, Саша зябко поежился. Он какое-то время молчал, и Джандер не нарушил тишины. Наконец Саша заговорил низким глухим голосом:

– Я родился в этом доме. Эта деревня – мой дом. Этот народ – мой народ, принимает он меня или нет. Есть вещи похуже смерти, Джандер Санстар, и ты, и такие, как ты, занимаются такими вещами. Как же получается, что ты так похож на Повелителя Зари и в то же время – его злейший враг? – Саша озадаченно сдвинул брови:

– Как же ты спасаешь жизнь незнакомому мальчишке и продолжаешь жить, выпивая людскую кровь? Я не могу этого понять. Может быть, людям это не дано понять. Я выполню клятву, которой связали меня родители. Большого я не могу сделать.

Он исчез так же незаметно, как и появился, растворившись в ночных тенях, легко, как вампир. Джандер подивился такому умению – наверно, это перешло по наследству от цыган.

Со вздохом эльф вернулся внутрь и вновь наблюдал за толпой гостей. Вечер уже подходил к концу, когда Джандер заметил молодую женщину, украдкой бросающую на него совсем нескромные взгляды из-за веера. Она была очень

привлекательна – блондинка, с теплыми карими глазами. Увидев, что он смотрит на нее, она лукаво улыбнулась.

Джандер выдержал ее взгляд, потом поманил ее пальцем. Пряча усмешку за веером, она обменялась понимающим взглядом со своими подружками, которые с многозначительными ухмылками подталкивали ее к Джандеру. У эльфа заболело во рту, он понял, как изголодался. Пришла пора насытиться.

* * *

Саша хотел отвлечься от своих переживаний, вышел в сад. Он глубоко вдохнул холодный ночной воздух, полный аромата цветущих яблонь, и постарался успокоиться. Саша не мог поверить, что это произошло. Он разговаривал с вампиром.

Саша услышал стук копыт, обернулся, увидел Катю, въехавшую во двор.

– Саша, – обеспокоенно проговорила она. – Мартин. Душаю, тебе лучше поспешить.

Сердце у Саши сжалось. Он попросил Катю отвезти Мартина обратно в церковь, но, видимо, что-то случилось. Не тратя времени на поиски собственной лошади, он забрался в седло, уселся перед девушкой, схватил поводья и погнал лошадь к церкви. Путь до церкви от дома бургомистра был недолог, но Саше он показался бесконечным.

– Что с ним? – обернувшись спросил он.

– Похоже, он потерял рассудок. У него страшные боли. Не знаю, что случилось.

Саша спрыгнул с лошади и у ступеней церкви помог слезть Кате. Они вдвоем отворили двери в темную церковь.

– Мартин? – вглядываясь во мрак, позвал Саша.

Единственная свеча горела на алтаре. Саша увидел у деревянного стола согнутую фигуру. Мартин! Он побежал по проходу к священнику. Катя быстро принялась зажигать свечи.

Мартин тихо стонал, держась за бок. Его бледное лицо исказили ужасные муки, но когда Саша коснулся его, глаза священника открылись и он улыбнулся.

– Саша, ты был мне как сын, – выдохнул он. – Мне будет не хватать тебя, когда я уйду. Но я видел Повелителя Зари, и он призвал меня!

– Мартин, – мягко произнес Саша, – это – не Повелитель Зари. Это был эльф. Он – не бог. Я займусь тобой, вылечу!

Мартин замотал головой, корчась от боли, и еще крепче вцепился в свой бок:

– Нет, мой мальчик. Не трать на меня молитв попусту. Он позвал меня, и я должен уйти. Говорю тебе, это был Повелитель Зари. Я помню его. Я помню это прекрасное лицо, испачканное кровью...

Саша почувствовал, как у него на спине выступил холодный пот. Семейю Мартина, как и его собственную, уничто-

жили вампиры. И существо, которое Мартин принял за Повелителя Зари, даровало ему жизнь. Это, должно быть, был Джандер. Молодой священник задрожал. Значит..., все это была ложь? Значит, никакого Повелителя Зари нет, а есть лишь Джандер? Этого не может быть, просто не может.

– Мартин, пожалуйста, не умирай. Я могу вылечить.

– Нет! – удивительно пылко вскричал Мартин. Его бледно-голубые глаза смотрели отстраненно, невидяще. – О Повелитель Зари, я слышу, я слышу тебя..., я иду..., о!

Он выдохнул с болью и наслаждением, протянул тонкую дрожащую руку к чемуто, чего Саша не мог видеть. Рука упала, священник дернулся в последний раз, глубоко вздохнул и затих.

Несколько минут ошеломленный Саша не отводил от него взгляда. Наконец он сложил холодные руки на впалой груди мертвеца и закрыл голубые глаза. Слезы текли по Сашиним щекам. Почти пятнадцать лет Мартин был для него как отец, был его семьей. Людмила и ее муж Николай были добры и к Саше, и к Мартину, но цыганенок знал, кому принадлежит его сердце – Мартину и Повелителю Зари. Теперь у него появились сомнения.

Катя осторожно опустилась на колени рядом с ним, положила руку на плечо. Так же осторожно Саша повернулся к ней.

– Со мной все в порядке, – сказал он, ласково дотронувшись до ее мягкой щеки. – Мне нужно остаться с Марти-

ном. Можешь уйти ненадолго? Сейчас я хочу поговорить со своим богом. У меня к нему много вопросов.

* * *

Джандер снова спустился в камеры, потому что не верил, что безмозглые скелеты и зомби или злобные вампирки принесут то, что нужно новой узнице. Он отпер дверь железным ключом, висевшим снаружи у входа в темницу, прошел к дальней камере, отпер решетку.

Маленькая девочка подняла на него огромные глаза.

– Вот, – сказал Джандер, ставя на пол тарелку с едой. – Ешь.

Она взглянула на пищу, наморщила носик и снова посмотрела на него.

Он повернулся, чтобы уйти. Девочка отчаянно бросилась к нему, вцепилась в одежду. Ее лицо было очень серьезным, когда он наклонился к ней. Эльф видел красные рваные раны на ее щеке. Джандер сам научился насыщаться сдержанно, незаметно, почти не оставляя следов. Научил он этому и Страда. Однако другие вампирки, которых создавал Страд, были страшно жестоки и кровожадны. Страд решил, что они уже ни на что не годны, и даже Джандер не придал большого значения происшедшему, когда Страд окончил существование своих созданий. Рабы были ужасны – это дитя не выдержит, если ей будут насыщаться еще раз.

Не зная почему, даже немного рассердившись на себя за эту слабость, он сказал:

– Хочешь пойти домой, малышка?

– Да, господин, пожалуйста, – дрожащим голосом попросила она.

То, что собирался сделать Джандер, граничило с безумием. Но он столько лет просидел сложа руки. Что такое один маленький ребенок для Страда? Не говоря больше ни слова, Джандер поднял ее на руки. Она обвила своими ручками его золотую шею и доверчиво прижалась к нему – так естественно, как будто он был ее нянькой.

Джандер осторожно пробрался к выходу, опасливо прислушиваясь к каждому звуку. Ему повстречалось несколько скелетов, но, по-видимому, большинство рабов отправилось на охоту. Страда тоже не было в замке. Граф стал исчезать почти каждую ночь, не приглашая с собой ни Джандера, ни Трину, и ни словом не обмолвился, где он пропадает.

Как бы то ни было, сказал себе Джандер, если кто-то из рабов заметит ребенка, эльф всегда может сказать, что увел ее, дабы утолить свой голод. Наконец он вышел во двор – в холодную ночь. Эльф облегченно прикрыл глаза.

Хриплый лай заставил его обернуться. Один из волков, живших в замке Равенлофт, сидел прямо у ног эльфа и колотил хвостом по брусчатке. Джандер насторожился – все волки теперь подчинялись лишь Страду. Но когда он осторожно попробовал дотронуться до рассудка этого зверя, то ощутил

лишь искреннее желание волчицы составить ему компанию. «Ну ладно, девочка, – сказал Джандер волчице, – давай побегаем».

Джандер легко бежал вперед, несмотря на обременявшую его ношу. Волчица, бежавшая рядом с ним, тяжело дышала. Но все равно до рассвета остался час, когда они добрались до деревни. Он остановился перед мостом. Разбухший от недавних гроз Ивлис струил мутные быстрые воды. Не стоит попадать в них. Он оглядел мост. Двадцать пять лет назад он не смог сам преодолеть его – Петя перенес его на другой берег. С тех пор они со Страдом перелетали или пробегали в облике летучих мышей или волков прямо в деревню или пересекали реку, сидя в карете.

Силы Джандера изменились, когда он попал в Баровию. Земля жестоко лишила его общения с природой, сделала его прикосновение смертельным для любых растений. Еще он заметил, что нуждается здесь во сне больше, чем в Фаеране, и что его хватка стала сильнее, чем прежде. Что будет, если он попробует перейти по мосту?

Прежде чем он осознал, что делает, эльф успел пробежать половину моста, по-прежнему крепко прижимая к себе девочку. Восторг охватил его, когда он, преодолев остаток пути, ступил на землю на другом берегу – он был готов петь от радости. Что еще он может сделать из того, что раньше было запрещено ему? Носить святыне символы? Смотреть в зеркало?

Увидеть солнечный свет? Его мысли оборвало хриплое рычание волчицы. Зверь замер, уши ее поднялись торчком, черные ноздри раздулись. Потом, поскуливая, волчица метнулась в темноту и бросилась обратно к замку. Джандер пристально посмотрел в ту сторону, куда глядела волчица. Инфразрение эльфа показало ему крупную красную фигуру впереди. Крепче прижав к себе спящую девочку, он абсолютно бесшумно двинулся дальше.

Подкравшись поближе, эльф разглядел, что это молодой священник Саша, и Джандер подумал, что знает, чем занят юноша. На сей раз на молодом человеке были не привычные золотисто-розовые одеяния, а абсолютно черное платье. На шее болталась сброшенная черная маска, на бледном лице выступил пот. Через плечо был перекинут испачканный кровью мешок.

– Ну, здравствуй, Саша Петрович, – позвал его Джандер. – Значит, это ты убиваешь бессмертных, как я и подозревал.

Саша изумленно уставился на него, отпрыгнул в сторону и потянул за цепочку свой медальон. Когда он узнал говорившего, то его испуг немного прошел. Однако, когда он разглядел, что держит на руках вампир, то пришел в ужас.

– Немедленно оставь ее! – приказал он. Джандер мрачно улыбнулся:

– У нее, будут синяки, если я сделаю это. Это не то, что ты подумал. Я несу ее обратно..., оттуда, где нашел.

Саша по-прежнему недоверчиво смотрел на него.

– Именем Солнца, малыш, неужели ты думаешь, что я бы так окликнул тебя, если бы действительно похитил девочку?

Саша не обратил на эти слова никакого внимания, бросил свой мешок и, вытянув вперед руки, направился к эльфу.

– Дай ее мне. Джандер не двинулся:

– Ты все еще не доверяешь мне.

– Ты – вампир! Как я могу верить тебе?!

– Ты поверишь мне, если я отдам ее просто так.

Сашино лицо потемнело от гнева:

– Чего же ты хочешь, Носферату?

– Ты живешь в церкви, единственном месте в деревне, где есть книги и записи. Я ищу женщину по имени Анна, родившуюся примерно в 333 году по баровийскому календарю. Дай мне знать, если там есть что-то о ней.

– Зачем тебе нужно это знать? Джандер начинал терять терпение:

– Не для какого-то злодеяния, уверяю тебя. В тебе, Саша, почти не осталось места для доверия или смеха. Мне не хватает того мальчика, который любил рассказывать сказки про привидения.

Саша сжал губы:

– Мальчик умер в ту ночь со всей своей семьей. Мне не над чем больше смеяться.

Что– то оборвалось внутри Джандера. Он сдвинул светлые брови:

– Не над чем? Ты жив. Ты молод. Тебе не нужно пожирать

невинных, чтобы продолжать жить!

Он порывисто вытянул перед собой девочку, случайно тряхнув так, что она проснулась:

– Ты можешь чувствовать свет солнца, познать любовь женщин, своих друзей... О боги! На твоём месте, сын Пети, я бы на коленях благодарил приход каждого дня и беспрерывно смеялся!

Девочка захныкала. Саша схватил ее, прижал к себе. Как только молодой человек взял девочку, Джандер обернулся волком и, ощетинившись, бросился в лес.

Саша был удивлен выходкой эльфа. Джандер был прав. Многое ему было даровано, и ему должно быть стыдно, что об этом говорит бессмертное существо.

– Куда ушел золотой человек? – спросила девочка.

– Теперь все в порядке, маленькая. Я отнесу тебя домой.

– Хочу золотого человека! И хочу на ножки.

– Мы встанем на ножки, как только доберемся до деревни, идет?

Мысли Саши были заняты не капризами девочки, а странным вампиром. Он был уже на полпути к дому, когда услышал звуки – низкий стон и глубокий гортанный смех. На секунду он застыл в замешательстве, решив, что наткнулся на влюбленную парочку, но почти сразу понял, что в стоне во все не было наслаждения, а смех звучит издевательски и жестоко.

Он быстро опустил девочку на землю.

– Что ты делаешь? – спросила она. Он снял с плеча свой мешок, потом повесил ей на шею свой медальон с Латандером, вытащил из мешка моток веревки.

– Я сейчас вернусь, малышка. А пока привяжу тебя к дереву, чтобы ты не потерялась в тумане, ладно?

– Нет! – вскрикнула девочка и надула розовые губки. Саша поморщился.

– Будем играть в игру, ладно? – прошептал он. – Называется – тихая игра. Самая тихая девочка получит горсть сладких сушеных яблок.

Девочка задумалась, успокоилась, и он примотал ее веревкой к стволу дерева. Она приложила палец к губам, он сделал то же самое. Потом он прищурился и крадучись отправился в ту сторону, откуда доносились звуки.

Красивая женщина распростерлась поверх тела другой женщины – помоложе. Ее губы были прижаты к шее жертвы, и она жадно глотала. Тонкая малиновая струйка текла из ее голодного рта и капала за воротник жертвы. Недалеко от вампирки сидел серо-голубой волк с полузакрытыми глазами и вываленным из пасти языком. К счастью, Саша стоял против ветра, и ночные твари не учуяли его.

Знакомый гнев закипел внутри Саши. О боги, как он ненавидел этих чудищ. Страх, всесильный страх тоже переполнял Сашу, но ему всегда удавалось перебороть боязнь. Прицелившись, он метнул сосуд со святой водой в голову вампирке. Сосуд разбился, вода потекла, обжигая ее плоть и

ослепляя ее. Она издала страшный неземной вопль.

Волк вскочил на ноги, шерсть его встала дыбом, он угрожающе зарычал.

– Демон тьмы! – вскричал Саша. – Именем Повелителя Зари Латандера – изыди!

Он вытянул розовый деревянный кружок перед собой.

Вампирка зашипела – на ее лице не осталось и следа прежней красоты, теперь это была искаженная маска из крови и обуглившейся плоти. Она визжала, выла и наконец неожиданно исчезла. Волк оскалился, обнажив острые клыки, потом пропал в ночном мраке.

Саша мысленно вознес благодарственную молитву Латандеру, подбегая к расprostертой на земле девушке.

Молодая женщина еще дышала, еще была жива. Быстро и уверенно, опытной рукой Саша очистил рану святой водой, слегка прижал артерию, чтобы остановить кровотечение, а потом забинтовал горло. Когда он доставит ее в безопасное место, то станет молиться, чтобы Латандер исцелил ее. Но сейчас Саша боялся терять драгоценное время. Он завернул несчастную в свой плащ и поспешил туда, где осталась девочка.

– Я сидела очень тихо, – громко прошептала она, когда он отвязал ее от дерева.

– Я знаю, малышка, – так же прошептал Саша. – Я тобой очень горжусь.

Когда они вернулись, молодая женщина пыталась сесть.

При появлении Саши она попыталась вытащить кинжал из ботинка. Но не смогла – ее рука бессильно упала на землю.

– Легче, легче, – пробормотал Саша. – Какое-то время ты будешь очень слаба.

Она подняла глаза на Сашу. Священник вдруг вспомнил – он забыл надеть маску. Знает ли она, что Саша – охотник за вампирами? Видела ли она, как он бросился на бессмертное существо? Его тщательно выстроенный образ застенчивого священника будет тут же разрушен, если он не уговорит ее хранить эту тайну.

– Ч-что произошло? – пробормотала женщина.

– На тебя напал вампир.

– Ты – священник.

– Да, это так.

– Ты прогнал его? Саша колебался:

– Ну...

– Я могу помочь тебе, – молодая женщина хоть и была крайне слаба, но говорила совершенно серьезно. Она несколько раз моргнула – все еще не пришла в себя – решил Саша.

– Меня зовут Лейл, – сказала она тихо, но четко. – И я могу помочь тебе. Я не боюсь этих..., вещей, и терпеть не могу, что ночи стали опасны для честных воров. – Ее взгляд снова стал далеким, отстраненным. – Можешь по-прежнему заниматься этим в одиночку. Но что, если..., тебя..., ранят?

Ослабевшая от усилий и потери крови, Лейл потеряла со-

знание. Саша еле успел подхватить ее.

Глава 18

Теплый свет падал Лейл на лицо. Она спросонок заморгала, отвернулась. Когда ее глаза немного привыкли к свету, она огляделась.

Золотой свет солнца – наверное, уже скоро кончится день, подумала Лейл – струился из маленького окошка, широко распахнутого навстречу раннему теплому утру. Она лежала на узкой, но удобной кровати, покрытая шерстяным одеялом. Комната, в которой она очнулась, была тесной, а стены соединялись под острыми углами. Какой-то чердак, решила она. Единственной мебелью, которую она заметила, оказались стул и стол с кувшином и подсвечниками.

Она попробовала повернуть голову и вздрогнула. Рукой дотронулась до повязки на горле. Память вернулась к ней, но Лейл не могла понять, где находится сейчас.

Вдруг отворилась дверь, и вошла молодая привлекательная женщина. Ее лицо озарила улыбка, когда она увидела, что Лейл проснулась.

– Где Саша? – требовательно спросила Лейл.

Девушка, похоже, немного опешила, но продолжала улыбаться.

– Ты проснулась, это хорошо. Меня зовут...

– Я знаю, Катя. Где Саша? Катя удивленно подняла брови:

– Его сейчас нет. Он сказал, чтобы я присмотрела за то-

бой. Ты – в комнате, в церкви. Хочешь что-нибудь поесть?

При упоминании о еде Лейл замутило, но, чтобы хотя бы ненадолго избавиться от Кати, она ответила:

– Да, я не прочь.

– Отлично. Я сейчас вернусь. Полежи пока здесь, отдохни.

Катя ласково пожала руку Лейл и вышла, прикрыв за собой дверь. Просто изумительно, мрачно усмехнулась про себя Лейл. В постели человека, которого люблю, и ухаживает за мной его невеста. Просто замечательно. Лейл легко вскопчила и обнаружила, что на ней лишь мужская хлопковая рубашка, слишком широкая для нее, и ничего больше. Лейл покраснела.

Раздался стук в дверь. Маленькая Лиса подхватила одеяло, закрылась до подбородка.

– Входи. Как быстро ты, Катя...

Это оказался Саша – между бровей его залегла тонкая вертикальная морщинка, выдававшая его озабоченность. Он снова был в одеждах священника.

– Доброе утро. Лейл, так? Тебе лучше?

Она кивнула:

– Да, спасибо.

– Слушай, – начал он, подтащив стул к кровати и усаживаясь рядом с ней. – Нам надо поговорить.

Лейл откинулась на подушках, скрестила тонкие руки на груди.

– Давай.

– Ночью ты сказала, что ты – воровка. Она похолодела. Неужели она и вправду так сказала?

– Ты оскорбляешь меня. Называешь меня воровкой, хотя даже не знаешь.

– Ты сама это сказала, Лейл! – устало повторил Саша. – Ты была слаба, ты плохо соображала, что говоришь, но я знаю, что это правда.

Лейл отвернулась. – Ты собираешься выдать меня?

По меньшей мере, ее просто высекут на площади. А если бургомистр окажется в особо дурном расположении духа, он может приказать и ей отрубят руки.

Саша покачал головой:

– Я хочу договориться с тобой. Никто не знает, что я..., что я делаю по ночам. Я должен сохранить эту тайну.

– Это ясно, понятно. Будем молчать.

– Ты не можешь пойти со мной.

– Почему нет?

– Это слишком опасно. Лейл фыркнула:

– Саша, слушай, ты не можешь знать, что такое опасно по-своему...

– О, я вижу, у вас тут милая беседа, – сказала Катя, внося в комнату поднос. Несмотря на недавнее отвращение к пище, Лейл с аппетитом втянула носом ароматы пищи. Катя принесла ей горячую овсянку, хлеб с маслом, яичницу и большой кувшин парного молока.

– Думаю, – заявила Лейл, когда Катя поставила поднос ей

на колени, – что съем все и очень быстро.

– Ну и отлично, – одобрила Катя. – Хоть немного мяса нарастет.

Лейл сверкнула на нее глазами, но молодая женщина, похоже, ни на что не намекала.

– Оставить вас вдвоем?

– Будь добра, – попросил священник. Катя нагнулась и поцеловала его в щеку.

– Позови меня, когда что-нибудь понадобится, – сказала она Маленькой Лисе, закрывая за собой дверь.

Наступило неловкое молчание.

Лейл жадно набросилась на еду.

– Вот это здорово. Хочешь? – с набитым ртом спросила она. Саша поморщился:

– Нет, спасибо.

Лейл ткнула в сторону двери:

– Она знает о твоём, гм, увлечении?

– Нет, и мне хочется, чтоб так и было. Я сказал ей, что нашел тебя утром на пороге, очень рано, – он помедлил. – Я благодарен за предложение помочь, но это слишком опасно даже для одного. Вдвоем, особенно с девочкой...

Лейл гневно сверкнула глазами:

– Я с семи лет живу воровством, – выпалила она, – и мне доводилось выкручиваться из таких ситуаций, от которых у тебя бы вся голова поседела. Возможно, эта куколка не сможет заниматься таким делом, но это не значит, что не смогу

и я. Так что не смей называть меня девочкой, понял?

– Хорошо же ты разговариваешь с тем, кто тебе только что спас жизнь, – спокойно сказал Саша.

Лейл опустила глаза:

– Прости. Ты прав. Что-то на меня нашло. – Она продолжила еду. – Катя отлично готовит, – признала она.

– Так я могу быть уверенным, что ты не выдашь мою тайну?

Лейл стала намазывать бутерброд:

– Да. Я буду держать рот на замке, если и ты будешь молчать.

– Спасибо, Лейл. Можешь оставаться здесь, пока не поправишься.

Он поднялся и вышел, не сказав больше ни слова. Лейл посмотрела ему вслед так, что Саша был бы поражен этой кротостью, если бы смог увидеть ее сейчас. Потом она продолжила еду. Маленькая Лиса не собиралась уходить, не окончив завтрак.

* * *

Вампирка втянула воздух носом, и широкая улыбка появилась на ее лице. Человечья кровь.

Волк у ее ног тоже почуял запах и жадно зарычал. Оба хищника бросились вперед – убивать.

Человек, одетый во все черное, будет легкой добычей. Ма-

ленький и хрупкий, он стоял перед быстрым Ивлисом, подбрасывая камешки в темную воду.

Она бесшумно бросилась на него, но никак не могла ожидать того, что последовало. В то мгновение, когда ее руки опустились на его плечи, он бросился в реку, увлекая ее за собой. Вампирка попыталась вынырнуть, но темные воды хлынули в нос и в открытый рот. Они оба камнем пошли на дно – вампирка абсолютно не могла плавать. Она почувствовала, как человек пытается вырваться из ее лап, и еще крепче вцепилась в его хрупкие плечи. Проклятье, если ей суждено погибнуть, она заберет его с собой...

Из своего укрытия – с высокого ветвистого дерева у реки – за происходящим с тревогой следила Маленькая Лиса. Она все видела – Саша, без сомнения, самый глупый молодой человек, которого она видела в жизни. А она видела немало молодых дураков. Однако она была вынуждена признать – казалось, он точно знает, что делает. В конце концов, это он спас ее от вампира.

Лейл забеспокоилась, когда из речной глубины с бульканьем поднялись на поверхность и лопнули пузырьки воздуха. Она встревожилась, когда это бульканье прекратилось. Через несколько секунд она от всего сердца выругалась и бросилась в воду. Обжигающий холод пронзил Лейл, она чуть не выплюнула бесценный воздух, чуть не вынырнула обратно, но все же заставила себя погрузиться глубже. Наконец ее руки коснулись человеческого тела.

Вампирка была мертва, но ее вес и смертельная хватка мешали Саше высвободиться и выбраться на поверхность. Было слишком темно, чтобы Маленькая Лиса могла хоть что-то видеть, но она поняла, что случилось, и бросилась отрывать руки мертвеца от Сашиной шеи. Несколько драгоценных секунд Саша не понимал, что происходит, но наконец хватка мертвеца ослабла, и он устремился наверх. Она последовала за ним. Несколько мгновений они оба отчаянно кашляли, выплевывали воду и глубоко дышали, потом Саша поплыл к берегу. Отчаянно дрожа, они выбрались на землю, Саша нашел свой плащ, развернул его и протянул ей. Она с благодарностью приняла теплую шерсть, изо всех сил стараясь не стучать зубами.

– Ты не должна была следить за мной, – сказал Саша. – Тебя могли ранить. Даже убить. Я занимаюсь очень опасным делом.

Маленькая Лиса фыркнула:

– Ну конечно. Ты бы потонул без меня. – Она отвела полу плаща. – Д-да-вай, залезай. Замерзнешь.

Саша колебался – перед глазами у него встала Катя. Он все же решился. Лейл с трудом можно было считать женщиной, и уж конечно, она не могла стать Кате соперницей. Они тесно прижались друг к другу, Саша плотнее запахнул плащ.

Через некоторое время они в молчании направились к деревне. Лейл была почти такого же роста, что и священник, и не отставала.

– Ну, – спросила она наконец, – когда мы пойдем снова?

Саша остановился, в упор взглянул на нее:

– Почему ты решила, что я возьму тебя с собой?

– Возьмешь, – ехидно улыбнулась Лейл, – а то я расскажу твоей драгоценной Кате, чем ты занимаешься по ночам.

Саша побагровел от злости. Он ни в коей мере не стыдился, что уничтожает вампиров, но вовсе не желал втягивать в это свою невесту. Если его тайну раскроют и узнают, что это он, ей будет угрожать более чем просто смертельная опасность. И потом у Кати было уже достаточно боли и горя в короткой жизни. Он не хотел, чтобы она тревожилась еще и из-за него.

Маленькая Лиса выгнула бровь.

– Ну? Что ты выбираешь? Напарника или перепуганную невесту?

Выбора не было, она это знала. Он даже не удостоил ее ответом, вместо этого стянул с нее свой плащ и зашагал вперед.

– Эй! – крикнула она и поспешила вслед.

– Ты должна будешь принести клятву верности Латандеру Повелителю Зари, – заявил Саша, не глядя на нее. – Только тогда я смогу увидеть тебя вновь.

– Отлично. Я вполне прилично к нему отношусь.

– Тебе придется исполнять мои приказы, не обсуждая их и не споря. – Тоже годится.

– И больше не воровать. Я не буду иметь дело с тем, кто

живет воровством.

Лейл было открыла рот, чтобы заспорить, но потом передумала:

– Согласна. Ну, я в деле?

Теперь он посмотрел на нее, и в его взгляде перемешались удивление и раздражение:

– Знаешь, ты настоящая чума. Маленькая Лиса хмыкнула.

* * *

– Твой ход, – тихо сказал Страд.

Джандер нахмурился, рассматривая сложившееся на доске положение. Они играли в придуманную самим Страдом игру, которая называлась «Ястребы и Кролики». Конечно же, повелитель Баровии всегда настаивал, что будет Ястребом. Постепенно освоив тонкости этой игры, эльф уже мог сражаться со Страдом почти на равных.

Зависла долгая пауза, и было лишь слышно, как потрескивают поленья в камине. Наконец Джандер передвинул своего Кролика на две клетки вправо.

– Я могу попасть в нору за шесть ходов, – заявил он.

Страд прищурился, темные глаза внимательно изучили доску. Он был поглощен игрой.

– Нет, если я выпущу своего Тетеревятника, – процедил он, переставив свою фигуру на место Кролика Джандера. Поднял серый камень и положил его на стопку таких же, уже

выигранных им у эльфа.

– Джандер, ты всегда забываешь защитить тыл.

– А ты, – сказал довольный Джандер, – всегда забываешь о мелочах. – Он передвинул крольчиху на два поля. – Крольчиха добралась до норы. По правилам это дает мне, – он подсчитал оставшиеся на доске камни, – шесть новых Крольчат.

Его серебряные глаза засверкали от удовольствия, он потянулся к кучке серых камешков и отобрал пять.

– Ты всегда защищаешься, – заметил Страд.

– Я же – Кролик. Мне так и полагается.

– Мне скучно, – простонала Трина, изнывавшая от безделья весь вечер. Страд теперь редко оставался дома по ночам, и Трине определенно не нравилось, что граф занялся игрой с Джандером, вместо того чтобы уделить внимание ей. Теперь она раскинулась у камина, положив руку на большого серого волка, разлегшегося рядом.

– Тихо, – проворчал граф. Раздался стук в дверь кабинета. – Войди. Это был один из рабов Страда:

– Ваша светлость, к вам пришел вистани. Он говорит, это важно.

Страд пристально посмотрел на раба, позабыв об игре.

– Я сейчас спущусь. Джандер, Трина – я ненадолго.

Он встал, помедлил, потом холодно улыбнулся Джандеру:

– Твоя Крольчиха убита.

Он гордо вышел, шурша шелковыми одеждами.

Трина скользнула в освободившееся кресло.

– Научи меня этой игре, Джандер. – Она посмотрела на круглые гладкие камешки.

– Не сегодня. – Помолчав, он спросил:

– Ты не знаешь, куда уходит Страд по ночам эти шесть месяцев?

Она нахмурилась:

– Нет. Обычно он брал меня с собой. Но теперь не берет. Он говорит, что разыскивает кого-то. Он говорит, что занят. А почему эти камешки серые, а эти – разноцветные?

Джандер не обратил внимания на оборотня. Он думал о графе, гадал, заметил ли сам граф, как изменился. Значит, он «кого-то разыскивает». Это не удивило эльфа.

Его удивляло другое – граф не начал методично истреблять население, стремясь настичь неизвестного мстителя. Вместо этого граф стал где-то пропадать по неделе и больше, ведя собственное тихое расследование и расширяя сеть шпионов.

Такое поведение Страда, однако, вовсе не означало, что граф смирился с судьбой. Джандер знал, что рано или поздно в сети графа попадет Саша. Страд появился в дверях кабинета, дрожа от злости.

– Вистани нашли еще одну мою, – объявил Страд, не сводя глаза с Джандера.

– Что на этот раз? – спросил Джандер.

– Он утопил ее. Это была Мария. Будь он проклят, проклят!

Джандер вспомнил Марию, последнее приобретение, последнее пополнение выводка любовниц Страда. Граф был совершенно очарован этой чувственной женщиной с огромными манящими глазами. Неудивительно, что он так расстроился.

– Этот мой враг неуловим! Снова и снова я приказываю своим рабам не ходить поодиночке. Они предупреждены. И все равно он застает их врасплох и убивает. Он ослепил Шуру, и она не может описать его мне. Иногда я думаю, а простой ли это смертный. – Страд невесело улыбнулся:

– Хорошо, что у меня теперь есть новые заклинания, которыми я могу с ним бороться.

Задумчиво переставляя камешки на доске, Трина что-то пробормотала себе под нос. Страд нахмурился:

– Что-что, моя милая? Трина встрепенулась.

– Нет, ничего, – испугано ответила она.

Граф вышел из себя, потерял самообладание. Он шагнул к девушке, схватил за волосы, откинул голову назад.

– Помни, кто твой хозяин, маленькая волчица, – прорычал он, и его губы оказались у самого ее горла. – Я не могу насыщаться твоей кровью, но я могу лишить тебя жизни. Так что ты сказала? – Страд, – начал Джандер.

– Молчать! – заорал вампир и выпалил несколько непонятных слов. Джандер снова попытался заговорить, но обнаружил, что стал нем. Он схватился руками за горло, как будто пытаясь выдавить из себя слова.

– Говори! – приказал Страд оборотню. Трина теперь рыдала – от злости и боли:

– Я сказала: «Если бы ты не наделал столько пустоголовых рабов, ты бы и не терял их».

Презрительно фыркнув, Страд разжал пальцы. Трина упала с кресла на пол, начав превращаться в волчицу. Страд посмотрел на доску и еще больше разозлился.

– Трина, ты играла моими фигурами. Я говорил, чтобы ты не касалась их!

Прежде чем Страд успел снова наказать Трину, она успела превратиться в волчицу. Оборотень, поджав хвост, бросился прочь из кабинета в приоткрытую дверь.

– Маленькая ревнивая сучка, – сказал Страд уже не так зло.

– Она терпеть не может, когда я обращаю на кого-то внимание. Скоро приползет обратно. Она будет моей, пока я того хочу. Она жаждет тайн колдовства – и меня.

Он взглянул на Джандера и снял заклинание.

– Я говорил тебе, что не выношу колдовства, Страд! – зло выкрикнул Джандер. – Почему ты не можешь этого запомнить? Люди погибают, города пустеют – ради чего? Нарушение законов природы! Колдовство не даст покоя твоему расудку, ведь так?

Глаза Страда налились.

– Осторожнее со словами, друг Джандер, – угрожающе и тихо произнес он. – Помни, что ты гость. И еще помни, что

ты сам – нарушение законов природы!

Эльф застыл на месте. Страд, не обращая на него внимания, снова расставил камешки на доске:

– Сыграем еще?

Желая лесного одиночества, Джандер опрометью бросился вон из кабинета. Свежий ветер, полный летних запахов, дул ему в спину всю дорогу от замка. Забравшись поглубже в лес, эльф вытащил свою флейту и, быстро перебирая пальцами, заиграл тревожную мелодию, пытаясь излить хоть малую часть своего гнева в музыку.

Нарушение законов природы. «Это – я», – горько подумал Джандер. Но не только это, а еще многое, чего Страд никогда не поймет. Сначала он хотел было поведать в деревне о всех преступлениях Страда, но все же не мог решиться на предательство.

* * *

Джандер бросил в костер еще одну охапку веток, и пламя ярко вспыхнуло. Эльф отступил назад, подальше от жаркого огня и взмывшего в ночное небо веера искр. Через несколько мгновений языки пламени улеглись, и костер загорелся ровно и весело.

Эльфу вовсе не было весело. Он очень устал, а ему предстояло еще несколько дней пути. В нескольких ярдах поодаль мирно паслась его лошадь, время от времени поводя

ухом в сторону хозяина. Джандер подтащил ближе свою сумку, развязал, поискал, чем бы подкрепиться. Увидев оставшиеся припасы, он сморщился от отвращения. Кусок соленой, практически несъедобной свинины и ломоть зачерствевшего хлеба. Без всякого удовольствия он посмотрел на хлеб, зная, что ему необходимо подкрепиться, а для этого подманить кролика.

Сердце забилося чуть быстрее, когда он подумал, что наконец-то возвращается домой. Две сотни лет вдали от Фаэрана, сражаясь со злом, обретая друзей, засыпая на голой холодной земле – конечно, это изматывает кого угодно. Он всегда поддерживал репутацию семьи Санстар на должной высоте. Эвермет пел в его душе, призывая домой после долгих странствий. «Эвермет! Эвермет! Ты – дом для народа...»

Он был один в ночи и достал флейту. Он вырезал ее в Эвермете, и она путешествовала с ним повсюду, оставаясь его неизменной спутницей. Эльф осторожно развернул ткань, оберегающую флейту, и поднес инструмент к губам.

Подобные птичьему щебету и вздохам океана, почти волшебные звуки заполнили лес. Лошадь Джандера перестала щипать траву и несколько мгновений прислушивалась. Гидеон любил повторять, что даже лесные звери застывают на месте, когда Джандер начинает играть.

Так это было или нет, эльф не мог сказать, но он знал, что музыка лечит его душу.

Чистые звуки отдавались в его сердце, даже когда он опу-

стил флейту.

– Никто в Ториле не может играть, как ты, старый друг, – раздался громкий голос.

В мгновение ока в руке Джандера оказался меч.

– Кто здесь? – крикнул он, озадаченный тем, что не услышал приближения незнакомца.

Вместо ответа фигура сделала шаг к костру. Его комплекция больше подходила воину, чем священнику, но на крупном бородатом мужчине была ряса. У Джандера перехватило дыхание, он на секунду просто оцепенел.

– Гидеон, – выдохнул он. – Я думал, ты пропал в Даггердейле!

– Так бы и случилось, если бы не чудо Иллматера. Я благословлен. Он явился и забрал мою боль.

Джандер слышал о чуде Иллматера. Иногда, когда священника мучила страшная боль, бог мучеников являлся и принимал эту боль на себя. Это случалось крайне редко, но эльф считал, что мало кто заслуживает такого дара больше, чем Гидеон.

Сунув меч в ножны и бросив его на сумку, Джандер бросился к другу с протянутыми руками. Широко улыбаясь, Гидеон шагнул к нему, крепко обхватил ручищами.

– О, благодарение богам, благодарение...

Слова Джандера перешли в отчаянный вопль, когда две маленькие, раскаленные добела иглы вошли в его шею, проникая и в плоть, и в душу. Невыносимая боль охватила все

его тело, казалось, саму его душу вытягивают из него через две маленькие дырочки в горле. Эльф в оцепенении почувствовал, как его собственная кровь течет по шее, капает на тунику. Эльф попытался оттолкнуть Гидеона, но был слишком слаб для этого, и его руки лишь вяло ударили по широкой груди священника. Насыщение беспощадно продолжалось, Джандер чувствовал, как мутнеет рассудок, и наконец потерял сознание.

Через некоторое время пришла тревога. Что-то холодное и влажное, густо пахнущее землей, покрывало эльфа, прижимало лицо. Он двинулся и попытался стереть грязь, но обнаружил, что землей засыпано все его тело. Паника охватила его, он отчаянно задергался, пытаясь вырваться из этой грязи – теперь он понял, что засыпан в могиле.

Страх придал ему силы. Джандер смог выбраться из неглубокой ямы. Не в силах подняться, он сел, переводя дух. Он мог лишь смотреть на могилу – неровную мелкую яму в жирной лесной почве – и молиться, что удалось спастись.

– Добрый вечер, Джандер, – раздался скрипучий голос. – Надеюсь, ты хорошо поспал, – продолжил голос с легким смешком.

Джандер повернулся на голос. Изящный молодой человек выступил из тени ближайшего дерева. Юноша был бледен, на голове у него была копна медных кудрявых волос, одна длинная прядь свисала, закрывая бровь. У него были большие влажные глаза, слегка навывкате. Он нервно покусывал

губу, крутил в бледных руках перчатки из белой телячьей кожи. Вся его одежда от кожаных ботинок до льняной рубашки была изысканной и дорогой.

– Кто, – начал Джандер, но издал лишь хрип. Он облизнул пересохшие губы и начал снова:

– Кто ты? Где Гидеон?

Юноша вновь рассмеялся, коротко и хрипло:

– Твой друг хочет тебя, поп.

Бывший священник подошел ближе к Джандеру. В его глазах были красные точки, он улыбнулся, обнажив белые острые зубы, которые блеснули в густой, перемазанной кровью бороде. Джандер оцепенел, с ужасом осознав, что кровь на лице Гидеона вытекла из его, эльфа, горла.

– Теперь ты – один из нас, Джандер, – сказал Гидеон, и его голос теперь вовсе не был похож на тот печальный бас, к которому привык Джандер. Голос этого священника-вампира стал глухим и отрешенным.

Теперь ты – один из нас. Джандер провел рукой по горлу. Кожа была гладкой, неповрежденной. Эльф облегченно прикрыл глаза. Они еще не добрались до него, так что, если он...

– Нет, Джандер Санстар, – произнес рыжеволосый юноша. – Ты уже настоящий вампир. Попробуй найти свой пульс. Ты уже мертв целые сутки.

Медленно, не сводя глаз с Гидеона и незнакомца, Джандер вытянул худую руку, положил пальцы другой руки на запястье. Он поморщился, попробовал снова найти пульс.

Сердце не билось.

Все еще сидя на земле, эльф выгнул шею, посмотрел вверх, на молодого человека.

– Этот мне нравится, Гидеон, очень нравится. Ты все сделал хорошо. Принеси ему что-нибудь поесть. Джандер, меня зовут Кассиар, и я теперь твой хозяин.

– Нет, – прошептал Джандер, – Гидеон..., мы же были друзьями!

– Твоим другом был Гидеон, который умер, – проговорил вампир. Он приблизился к Джандеру, и эльф с ужасом увидел, что Гидеон тащит в руках связанного ребенка.

– Я Гидеон-вампир, и мне все равно, что было в прошлом. Кассиар – теперь мой хозяин, и я повинуюсь ему.

– Ты очень голоден, Джандер, не так ли? – процедил Кассиар.

Внезапно эльф почувствовал страшный голод и осознал, что его новое, бессмертное тело алчет свежей крови из горла беспомощного мальчика. Он чувствовал запах крови, ощутил что-то непонятное, какую-то боль во рту. При запахе крови у него прорезались и выросли клыки. Ужас вновь охватил его.

– Нет! – завопил он, закрывая ладонями лицо. – Ты не сможешь заставить меня сделать это с ребенком!

Кассиар нахмурился, его мальчишеские губы недовольно поджалась:

– А тебя никто и не спрашивает. Ты повинешься мне, а

я приказываю – пей!

Джандер был слишком молодым и слишком слабым вампиром, чтобы противиться приказам хозяина. Со стоном он жадно впился в белое горлышко ребенка. Кровь слабо брызнула на его золотое лицо. И хотя еще его рассудок отказывался поверить, что он это совершает, противился этому, его тело пило хищно и с удовольствием.

Потом он поднял взгляд на Кассиара, и глаза его были полны ненависти. Хотя на это ушла почти сотня лет, он все же сумел убить своего хозяина.

Восстав против Кассиара и уничтожив его, он теперь сам мог распоряжаться будущим, но это убийство не могло освободить его душу от заклятия, предательски наложенного бывшим другом.

Глава 19

Саша был в ужасе, когда почувствовал, что дрожит от изнеможения, стоя над трупом последней жертвы. Он заставил себя успокоиться, опустил на колени. И даже после такой паузы он лишь со второй попытки смог вытащить тяжелый деревянный кол из груди вампирки. Пот заливал ему глаза, когда он набивал этот рот чесноком.

Он упорно не обращал внимания на Маленькую Лису, которая молча стояла рядом, сочувственно следя за ним.

Достав топорик, он приготовился отрубить голову. Но его руки так дрожали, что он не смог держать оружие.

– Я сделаю это, – сказала Лейл спокойно и уверенно. Он протянул ей топорик и, пораженный, наблюдал, как она хладнокровно обезглавила труп. Она почти мастерски проделала это – без содроганий и слез. Уже не в первый раз Саша задался вопросом, а есть ли у нее сердце.

Вампирка стала бессмертной всего несколько недель назад. Запах крови и тлена ударил ему в нос, Сашу замутило. Поднявшись на ноги, он доковылял до ближайшего дерева, и там его вырвало. Лейл тактично не обращала на него внимания, продолжая свое занятие.

Священник пытался унять дрожь, привалился к стволу дерева, вытер рот ладонью. Конечно, ему было страшно. Он все время боялся.

Но только дурак не станет бояться этих сильных, умных тварей. Дурак – или невинный, озорной ребенок, которым он однажды ночью, много лет назад осмелился выйти из дому, чтобы потерять всю свою семью и свой дом навсегда.

Страх не тревожил его. Тревожила эта внезапная слабость. Краем глаза он заметил, как в сумерках промелькнуло что-то белое. Еще один вампир?

Он пригляделся и узнал движущуюся фигуру.

– Катя! – закричал он, и этот крик громко разнесся по лесу. Не задумываясь, он бросился к ней.

– Саша, стой! – окликнула его Лейл. Ругаясь, она подхватила окровавленными руками инструменты и поспешила за ним.

Она быстро догнала его. Катя – или что это было – исчезла. Священник задыхался, и теперь на его лице был написан истинный ужас. Он с мукой посмотрел на Лейл.

– Катя! – произнес он, как будто одно это слово могло все объяснить.

У Лейл защемило сердце. Она знала, куда они направляются. Саша твердо и решительно зашагал вперед, и, когда они добрались до деревни, то оба задыхались. Саша бешено заколотил в дверь Катиного домика.

– Катя? Дорогая, это я. Пожалуйста, открой дверь!

Последовало долгое молчание. Саша разнервничался не на шутку, нетерпеливо постукивал по двери пальцем. Наконец щелкнул запор, дверь приоткрылась, и показалась пе-

репуганная Катя. Маленькая белая ладонь сжимала святой символ, висевший у нее на груди.

– Саша? Ох, Саша! С рыданиями она бросилась ему на шею. Он крепко обнял ее.

– Милая, что случилось? Что произошло? Мне показалось, я видел тебя на... на улице, – успел опомниться Саша.

– Ох, Саша, может, и так. Это самое ужасное! – Она взглянула на него огромными, полными слез глазами. – Я... хожу во сне, – выдавила она наконец.

Саша похолодел. Ходить во сне по Баровии – значит неминуемо попасть в беду. Священник знал лучше, чем любой другой, как это опасно. Перепугавшись, он отвел назад густые пряди ее волос, внимательно осмотрел ее шею, боясь увидеть незаметные ранки. Он облегченно вздохнул, убедившись, что кожа на горле не повреждена.

– У меня такие ужасные сны, – продолжала она. – Снится кровь и что кто-то подстерегает меня в тени. А когда я просыпаюсь, то не знаю, куда попала!

Снова полились слезы, и она прижалась лицом к Сашиной груди.

– Я хочу..., я знаю, это нехорошо..., я хочу, чтобы ты был рядом, когда я сплю, чтобы я знала, что не одна.

– Эй, вы двое, здесь слишком холодно, а я сама не прочь поспать, – отрывисто бросила Лейл.

Саша замер. Он забыл о Маленькой Лисе, полностью занятый Катиной бедой.

– Конечно, – выдохнула Катя, смущенно отпрянув от священника. – Извини, Лейл. Сейчас я успокоюсь.

Глаза Кати, однако, были по-прежнему полны слез, зубы стучали.

– Вот, – сказал Саша, перевешивая свой медальон с Латандером на шею Лейл. – Возвращайся в церковь. Увидимся там утром. Я не хочу сейчас оставлять Катю одну.

Катя радостно всхлипнула и вцепилась в его руку.

– Отлично, – бросила Лейл. – Увидимся.

Она посмотрела на Катю, хотела было что-то сказать, но передумала. Сейчас лучше было поскорее уйти, чтобы они не заметили, что она сейчас чуть не плачет. Она не могла ненавидеть Катю. Девушка была слишком мила. Лейл страшно ревновала, но не могла сейчас дать волю слезам.

Саша обеспокоенно посмотрел ей вслед. Маленькая Лиса все время чем-то смущала его. Что случилось на этот раз?

Он вновь повернулся к Кате.

– Все, больше таких снов не будет. Обещаю, – успокаивал он ее, целуя. Ее домик был маленьким, но очень удобным и уютным – одноэтажный, с двумя комнатами и самой простой мебелью.

Саша тщательно запер замки на двери и окнах.

– Завтра на рассвете, когда власть Латандера будет велика, я нанесу охранные символы на дверь. А сейчас пойдем спать.

Катя покорно забралась в кровать, подтянула одеяло к подбородку. Она смотрела большими сонными глазами, как

он переставил стул ближе, сел рядом с ней.

– Спасибо, что остался, – пробормотала она, зевая.

– С удовольствием. Теперь засыпай.

Саша серьезно намеревался на смыкать глаз до утра. Наверно, он устал больше, чем предполагал, вскоре он очнулся и понял, что задремал. Катя извивалась на кровати, прижимая обе руки к горлу.

– Нет, нет, – кричала она, но глаза ее были плотно закрыты.

Саша тут же оказался рядом, прижал ее руки к кровати. Она проснулась, дико посмотрела на него:

– Саша!

– Тебе приснился плохой сон. Вот и все.

Он мягко обнял ее обеими руками, трепетно прижал к себе, и она начала успокаиваться.

– Саша, – вновь проговорила она, но в голосе ее появилась новая интонация. Он склонился к ней. Глаза ее были темны, а губы казались ярко-красными. – Саша.

Он вдруг поцеловал ее, и все его добрые намерения померкли перед лицом ее красоты, и неожиданная страсть заставила его позабыть о мраке.

* * *

Довольный тем, сколько уже сделал, Джандер выпрямился, потянулся и снова прочитал надпись под фреской.

«Король гоблинов отступает перед силами...» Он почти закончил. Признаться, ему было любопытно, каким окажется продолжение надписи – некоторые буквы еще можно было разобрать, но понять смысл – невозможно.

Он услышал, как отворилась дверь и раздались быстрые шаги.

– Джандер! Джандер, где ты? – У фрески, Трина, – откликнулся он. Она поспешила к нему. Глаза ее были круглыми, она тащила огромную книгу.

– Смотри, что Страд сказал мне учить, пока его не будет! Она протянула ему толстенный фолиант. Похоже на книгу заклинаний. Эльф постарался не выдать отвращения.

– Чудесно, Трина.

– Здесь собраны все заклинания. Слушай: заклинание для излечения от тяжелых ран, чтобы увидеть то, что стало невидимым, чтобы открыть колдовски запечатанную дверь...

Джандер не слушал ее. Заклинание, чтобы не слышать болтающих ерунду оборотней.

Заклинание...

– Как-как? Какое последнее? – спросил он как можно равнодушнее.

– Хм..., а, вот. Заклинание, чтобы открыть колдовски запечатанную дверь.

– Я слышал, это очень трудное заклинание. Ты его лучше пока не пробуй.

Как он и надеялся, Трина мрачно уставилась на него. Она

сидела на лестнице, положив раскрытую книгу на колени.

– Если оно здесь есть, я могу пользоваться им. Ты не ценишь колдовство. Ты не понимаешь, сколькому научил меня Страд.

– Я даже не знаю, сумеешь ли ты правильно произнести его, – подначивал Джандер.

– А ты покажи мне дверь, которая запечатана колдовством, и я тебе ее открою, – выпалила она.

Джандер сделал вид, что задумался.

– Даже не знаю, есть ли здесь такая – дай подумать. А, есть одна дверь, которая запечатана заклинанием.

Они с Триной поспешили наверх, в кабинет. Джандер был возбужден и сильно нервничал. Он давно уже хотел проникнуть в таинственную комнату Страда. Он обыскал все другие места в замке, но не нашел ничего, относящегося к Анне. Он знал, что в той комнате есть книги, и может быть, в них он сможет найти что-то о своей возлюбленной.

Они преодолели извилистую лестницу и Джандер указал на дверь.

– По-моему, эта заперта. Попробуй.

Положив книгу на стол, стоявший посередине кабинета, Трина несколько минут заучивала заклинание. Джандер изображал полное безразличие, безучастно разглядывал корешки книг на полках.

– Джандер, смотри, – радостно воскликнула Трина. Она встала перед дверью и закрыла глаза. Подняв руки и рас-

топырив пальцы, она на одном дыхании выпалила длинный набор слов. Контур двери засветился голубоватым сиянием. Затем раздался еле слышный щелчок, и дверь подалась вперед на дюйм.

– Ох, Трина, ты умеешь, – ободрил Джандер. Она широко улыбнулась, очень собой довольная.

– А что еще ты умеешь?

Больше всего ему сейчас хотелось войти в эту комнату через приоткрытую дверь. Но он мог это сделать, только если оборотень не узнает о его стремлении и не станет подозревать его ни в чем. Сделав вид, что очень заинтересовался ее новым опытом, он провел с ней больше часа, наблюдая, как она двигает предметы, не прикасаясь к ним, заставляет загораться и гаснуть камин и демонстрирует другие простейшие трюки.

Наконец эльф спросил:

– А что еще ты мне можешь показать? Он отчаянно надеялся, что Трина исчерпала запас своих фокусов. Оборотень быстро перебрал в уме заклинания, замотал головой.

– Пока все.

– Ну ладно, тогда, может быть, попрактикуешься где-нибудь еще? Мне нужно немного поработать.

Она недовольно посмотрела на него:

– А что ты будешь делать? Он на секунду растерялся, но тут же выкрутился:

– Надо протереть эти шкафы с книгами. Они такие кра-

сивые, но Страд совсем не заботится об этой мебели.

– Конечно, Джандер. Я ухожу, – сразу поскучнев, сказала Трина. – Пойду, выучу еще что-нибудь. Пока.

Заложив книгу пальцем, она подхватила тяжелый том и вышла.

Наконец-то эльф остался один. После того как Трина оставила его, он закрыл и на всякий случай запер дверь кабинета. Потом он повернулся к двери в потайную комнату – во рту от волнения пересохло. Он годами не вспоминал об этом, но Страд лишь недавно ушел и не вернется еще, по крайней мере, несколько дней. Что же такое Страд настойчиво прячет от Джандера? Он даже не мог представить.

Сомнение закралось в душу. Он давал слово графу, пообещал не входить в эту комнату. Какое-то мгновение честь боролась с любопытством и последней надеждой, что там он наконец сможет найти что-нибудь об Анне.

Джандер шагнул к двери.

Дрожа от возбуждения, вампир коснулся двери и, поколебавшись, распахнул ее. Она со скрипом отворилась, открыв проход в большую темную комнату. В нос ударил запах тлена. Его глаза быстро освоились в темноте, но он вынул из кольца в стене факел и зажег его от камина, полыхавшего в кабинете. Держа в руках факел, он вошел внутрь.

Перед ним протянулся длинный стол. Когда-то, как и все остальное в замке Равенлофт, этот стол был очень красив. Теперь его покрывал толстый слой пыли. Не это удивило эль-

фа, а то, что лежало на столе под пылью. Джандер изумленно поднял брови.

Стол был накрыт для так и не состоявшегося пиршества. В центре длинного стола высилось что-то сгнившее. Джандер шагнул вперед, подняв факел повыше.

Когда-то это был торт, и, судя по многочисленным лентам и белой женской фигурке наверху, торт свадебный.

Джандер уловил слабый запах страха. Что-то здесь произошло неладное. Очень плохое. Он сделал шаг от стола и наступил на что-то хрустнувшее под его ногой. Он нагнулся и увидел, что это, от чего встревожился еще сильнее. Вторая половина украшения торта – темная фигурка жениха. Головы у фигурки не оказалось.

Джандер оглядел все остальное пространство комнаты.

Стол и остатки торта свидетельствовали, что когда-то это был обеденный зал. И еще это была картинная галерея. Джандера окружили лица членов семейства фон Заровичей. Некоторые имена казались знакомыми, другие – совершенно новыми. Он остановился у портрета очаровательной молодой пары.

Согласно табличке внизу картины, этой парой были Баров и Равеновия фон Зарович. Картина была написана сразу после их свадьбы, и они были удивительно красивой парой. Судя по дате на картине и разительному сходству со Страдом, это, наверно, были родители графа, решил Джандер. Черты Барова явственно повторялись в сыне – темные глаза, благо-

родно очерченные нос и скулы были почти такими же, как у Страда. Равеновия была сама красота, и умелый художник смог передать блеск и ум ее больших темных глаз.

Следующая картина изображала троих мужчин. Один из них был Страд. Он восседал в алом бархатном кресле. Со времени написания портрета граф почти не изменился внешне, и Джандер решил, что картина написана перед самым его превращением.

Слева от графа за спинкой кресла стоял мужчина лет под сорок. Он был довольно коренастым, выражение лица волевое и доброе, есть сходство со Страдом. Справа от графа, встав на колени и положив руку на подлокотник кресла, расположился самый красивый юноша, которого только видел Джандер за свою долгую жизнь. Он тоже был похож на Страда. Но он был другим – чище, с печатью юношеского задора и любопытной смесью силы, самонадеянности и невинности на лице. Юноше было лет двадцать. Он почему-то казался до боли знакомым Джандеру. На этом человеке и на Страде была военная форма, но с разными знаками различия. На груди молодого человека был красивый медальон в виде солнца. Мундир Страда украшали ряды медалей. Джандер прочел имена – Страд, Струм и Сергей фон Заровичи. Просто очень красивые братья – если бы художник не был столь внимателен и не передал в совершенстве состояние души Страда. Его темные глаза неумолимы, как у человека, не видящего ни в чем радости, красоты, губы плотно сжаты в тонкую

линию. Даже в жизни, когда кровь и дыхание связывали его с солнечным миром, Страд был, очевидно, несчастным человеком, несмотря на все регалии, усыпавшие его грудь.

Здесь было еще много картин. С годами менялись костюмы, но некоторые военные доспехи и драгоценности присутствовали постоянно, будучи, очевидно, или передаваемыми по наследству, или знаками отличия. Джандер бесцельно ходил по комнате, рассматривая портреты.

В дальнем конце зала оказался небольшой столик, в отличие от всей мебели замка Равенлофт выглядевший ухоженно. На столе была постелена чистая белая ткань, поверх которой лежали драгоценные украшения: ожерелье, серьги и браслет. В два начищенных подсвечника были вставлены свечи, рядом лежали две книги в кожаных переплетах. Одна была очень старой и здорово потрепанной. Вторая выглядела гораздо новее.

Джандер поднял новую книжку, полистал. Она была исписана затейливой скорописью Страда, но за последние годы Джандер отлично научился разбирать эти закорючки. Он положил книгу на место, даже не взглянув на второй том.

Над столом висел еще один портрет. Он был завешен такой же тканью, что лежала на столе. Джандер нахмурился. Зачем закрывать этот портрет? Он быстро сдернул тряпку.

Ошеломленный, он уставился на две изображенные фигуры. Мужчина и женщина в свадебных нарядах. И кто-то несколько раз проткнул холст ножом там, где было лицо

мужчины. Но не это поразило Джандера в самое сердце. Его потрясло лицо женщины, державшей жениха под руку. Это было лицо Анны. И ничье другое.

Она лучезарно улыбалась безликому теперь юноше. На лице ее были безграничная радость, в глазах светилась любовь. На ней было прелестное белое платье, в руках огромный букет. Волосы увенчивала белая вуаль. Это ее свадьбу готовились отпраздновать в этой комнате.

Джандер несколько минут смотрел на портрет, не в силах прийти в себя. Взгляд его скользнул ниже, туда, где было написано: «Сергей фон Зарович и Татьяна Федоровна в день свадьбы, 351 год».

Дрожа, эльф сделал шаг назад, не понимая, в чем дело. Значит, это не Анна, а какая-то Татьяна. Сестра? Может быть, близнец?

Его взгляд упал на книги. Может быть, там есть что-то про Татьяну. Он снова поднял ту же книгу и открыл ее в самом начале.

Книга называлась «Том Страда». Несмотря на все волнение, Джандер презрительно фыркнул. Лишь Страд мог называть так многозначительно свой дневник. Он сел, положил «Том Страда» на колени, и обуреваемый одновременно и страхом, и нетерпением начал читать.

«Я – Изначальный, я – Земля. Мои корни теряются во мраке веков. Я был воином, я был добр и справедлив. Мое имя гремело по земле подобно имени бога, но годы войн и

убийств опечалили мою душу, изнурили ее, как ветер превращает камень в песок...»

Джандер нахмурился. Это не летопись. Это измышления Страда. Его запись истории в том виде, как он хотел представить ее – подобной сказке, полной выдумок и обмана, как он рассказывал Джандеру много лет назад, повествуя, как Баровию окутали туманы. Дикая, несвязная история о сопернике, о женщине, и...

Джандер снова поднял взгляд на портрет. Это и есть тот блестящий юноша – соперник Страда, который «очаровал» Татьяну и «похитил» ее у графа? Ложь, все ложь, и он знал, что это так, но не понимал, почему знает это. Невозможно представить двоих, влюбленных друг в друга больше, чем эта пара на холсте, невозможно даже вообразить, что один из них – интриган, а вторая – рабыня.

Эльф с негодованием отложил «Том Страда», потянулся за второй книгой. Осторожно, видя как она хрупка, Джандер медленно открыл ее. Страницы пожелтели и грозили рассыпаться в прах под его пальцами. Написанное можно было разобрать с трудом, а скоропись не позволяла Джандеру читать быстро. Ему было достаточно увидеть, что это дневник, датированный 349 годом баровийского календаря. Почти двести пятьдесят лет тому назад.

До того, как Страд стал вампиром. Джандер содрогнулся. Вцепившись в книгу, он прошел в кабинет.

До заката у него еще несколько часов, и ему никто не по-

мешает. Он поставил факел на место, уселся в одно из глубоких кресел и погрузился в чтение.

Глава 20

«Двенадцатый месяц Луны, 347 год.

Наконец, через столько лет война закончена. Враг разбит, уничтожен или изгнан. Я обнаружил долину у развалин замка полководца. Я забрал обе...

Шестой месяц луны, 348 год.

Душа моя лишилась покоя. Мне не нравится это. Обитатели Баровии не любят меня. Мне нет дела...

Третий месяц Луны, 349 год.

В замке кипит работа. В честь матери я назову его Равенлофт. Он станет достойным домом для фон Заровичей...

Одиннадцатый месяц Луны, 349 год.

Все готово. Я призову все семейство, и этот холодный замок станет домом...

Четвертый месяц Луны, 350 год.

Они прибыли, и с ними приехал Сергей – мой самый младший брат, которого я раньше никогда не видел. Как он молод – душой и телом! Если бы он чуть не превзошел меня сегодня утром в поединке, я назвал бы его новобранцем, но, честно говоря, опыт его ошеломляет.

Мы быстро стали друзьями, оставаясь солдатами, связанными кровными узами. Он так же нелегко привыкает жить мирно – холод смерти в костях и вкус войны на языке не забудутся никогда. Я отдал бы все, чтобы стать таким же, как

он – юным и беспечным, чтобы взгляды чужих черных глаз пленяли женщин! Какая доля – ему, как самому младшему сыну, должно стать священником! Наверно, я должен стареть – уже холодная ночь впереди, а он, рядом, лишь рассвет. Никогда раньше я не хотел иметь семью. Теперь, когда появился Сергей, я мечтаю о женщине рядом и ребенке на коленях.

Шестой месяц Луны, 350 год.

Неожиданно умер Первосвященник Кир, и Сергей настоял, чтобы я объявил в этот день всеобщий траур. Сергей теперь должен занять место Первосвященника – честь, которая просто вскружила парню голову. Ему еще не позволено надеть рясу, ведь он еще не рукоположен, но ему позволили надеть медальон священника – довольно симпатичную безделушку, к которой Сергей отнесся с большим, быть может, даже слишком большим трепетом».

* * *

Сейчас 350 год баровийского календаря. Граф Страд фон Зарович смотрел на реку Ивлис, двумя руками струящуюся через горы и Свалические леса, зная, что он – единственный и бесспорный хозяин всего того, что видит сейчас.

Эта мысль не приносила удовлетворения – мало что радовало его в последние дни.

Несколько лет назад возникло такое движение, раздутое

перепуганным бургомистром одной из деревушек – превратить день рождения графа во всенародный праздник. Бургомистр думал таким образом вернуть расположение графа, обнаружившего, что от него утаивают часть собранных налогов. Но бургомистр избрал неверную тактику. Страд никогда не праздновал свои дни рождения. Он однажды назвал их в шутку «днями смерти». С тех пор тема была закрыта. Юность Страда минула и была наполнена лишь сражениями и убийствами.

Несчастный бургомистр убит – голова одним уверенным ударом меча была отделена от его тела. С тех пор о днях рождения графа Страда вообще никто не говорил.

В этот день Страд вернулся в свой кабинет, взял дневник, который впервые начал вести после завоевания этой земли.

«Я ненавижу живущих в Баровии! Они тупы и не знают меры ни в чем. Неужели Сергей этого не видит?»

Он взял привычку ходить в деревню, как он говорит: „сделать что-то доброе для этих людей“. Там к нему относятся как к юному божеству. Народ бросает цветы под копыта его лошади, они совсем оглушили мальчика воплями восторга. Ничего хорошего из этого не выйдет. Сергей должен быть над народом, здесь, в замке Равенлофт, как настоящий фон Зарович. Ему нечего болтаться в крестьянской грязи.

В дверь кабинета постучали.

– Войди, – сухо произнес Страд.

Это оказался Сергей. Его красивое лицо пылало, кудря-

вые темные волосы растрепались.

– О, Страд, я должен рассказать тебе, что случилось сегодня!

– Должен ли? – ответил его брат, неохотно отодвигая книгу. – Что вообще может случиться в этой жалкой деревне, что будет интересно фон Заровичу?

Страд нахмурился, когда Сергей подтащил к нему поближе свой стул. Он никогда не думал, что такой энтузиазм и простота подходят члену семьи правителя страны. Сегодня же Сергей вел себя просто несносно, как сумасшедший щенок. Наверно, и впрямь случилось что-то из ряда вон выходящее.

– Я встретил девушку.

Страд подождал, но, очевидно, это было все, что хотел сообщить ему Сергей. С неодобрением старший брат процедил, вновь обращаясь к своему дневнику.

– Бог мой, Сергей, если ты будешь вламываться ко мне всякий раз, когда захочешь „спасти“ кого-нибудь из местных шлюх...

– Если бы ты не был моим братом, я убил бы тебя за такие слова! – вскочил разгневанный Сергей. – Я встретил ее, она занимается тем же, чем я. Она помогает людям, она... Ты никогда не видел ее. Я скоро приведу ее сюда, и ты сам все увидишь.

– Нечего таскать сюда всяких шлюх! – Ты не смеешь так говорить о Татьяне!

– Ах, у проститутки есть, оказывается, имя!

С видимым усилием Сергей подавил вспышку ярости. Он неловко сел на место, помолчал, потом заговорил уже спокойнее.

– Брат, ты знаешь, как я люблю тебя. Я прошу не называть Татьяну ни шлюхой, ни проституткой, никаким другим плохим словом, выходящим за рамки приличий. Она – низкого происхождения, это так, но она – само совершенство. Я никогда не видел такой светлой души. Страд, она будет моей. Я хочу жениться на ней.

– Глупости. Во-первых, она не того рода. И, во-вторых, – он нагнулся вперед, дотронулся до амулета, висевшего на груди Сергея, – ты уже имеешь обязательства. Забыл?

– Ты знаешь, что мать и отец не особенно жаждут, чтобы я продолжал свое служение. Обычай, что младший брат становится священником, это просто традиция. Не закон!

– Раньше ты был согласен. Сергею пришлось кивнуть:

– Был.

И сейчас согласен.

Если бы мне было предначертано следовать этому пути, боги конечно же не позволили бы мне так полюбить Татьяну. Когда ты встретишь ее, ты тоже полюбишь. Ну и потом, какая разница, если я женюсь! Ты – наследник, после тебя – Струм. Видишь, – он умиротворяюще улыбнулся, – и у младшего брата есть свои преимущества.

– Сергей, – сказал Страд, начиная терять терпение, – же-

нись на ком хочешь. Если нашел какую-то оборванку в деревне и сможешь ее отмыть так, чтобы слуги не воротили нос, можешь жениться хоть завтра! А теперь оставь меня, я очень занят.

Сергей нахмурился. Его ясные голубые глаза пристально смотрели на Страда.

– Я знаю, нас разделяет много лет. Я знаю, ты считаешь меня совсем маленьким и глупым. Я всегда восхищался тобой, брат, но никогда не мог понять, почему ты такой жестокий, ведь ты выиграл столько войн, одержал столько побед. Вся жизнь складывалась тебе на пользу, приносила удачу.

– Сергей...

– Проклятье, Страд! Никто лучше меня не знает, сколько ты сделал для всех нас. Ты положил конец войне, длившейся несколько десятилетий! Ты добыл для нас мир. Ты сделал свое дело, сделал прекрасно. Я не смогу испытать такую гордость. Я не смогу выиграть войну. Я лишь могу жить и делать то, что считаю правильным, здесь, в это мирное время.

Юноша порывисто встал:

– Мне жаль, что вся твоя юность прошла на поле брани, но в том нет моей вины.

Страд посмотрел ему вслед, покачал головой. Бывало, он совершенно разочаровывался в Сергее – а иногда восхищался им.

Сергей был последним и самым ярким цветком на ветви фон Заровичей. Он был утешением и любимым сыном ро-

дителей, пока Страд не переставал сражаться вдали от дома, а Струм, занятый своими делами, отделился от семьи. Сергей возмужал, не зная своего самого старшего брата, а когда Страд обосновался в Баровии и позвал туда всю семью, самый старший и самый младший братья встретились в первый раз.

На первый взгляд это было настоящее чувство братской любви. Сергей почитал Страда – отважного героя, блестящего победителя, и Страду это нравилось. А почему бы и нет? Это было так приятно принимать от Сергея. Умного, смешливого, отличного партнера для поединков. Страд любил Сергея так, как только может любить стареющий воин.

В замке Равенлофт не настало райского покоя. Страд хотел вернуть молодость. Он не только любил Сергея, он хотел быть Сергеем – двадцатишестилетним, перед которым в жизни открыты еще все дороги и который стоит еще в самом начале пути. Молодость Страда была принесена в жертву богам войны, и теперь, в сорок пять, у него было слишком мало дорогих сердцу воспоминаний. Ни семьи, ни близких друзей. Он не придумал такого закона, который бы изменил мир, не завоевал такой земли, которая дала бы ему новую жизнь. Это будет хороший урок Сергею, когда дочь какого-то крестьянина, копающегося в земле, захомутает его, горько подумал Страд.

Он взял перо и четкими жирными буквами вывел:

„При всей любви, что существует между нами, Сергей

иногда здорово злит меня“.

Пятью днями позже, когда суженая Сергея вышла из кареты и смущенно огляделась вокруг, Страд почувствовал досаду.

Девушка была красива – действительно совершенство, как и уверял его Сергей. Она оказалась высокой, с длинными, густыми каштановыми волосами, спадавшими ей на спину и плечи. Ее простая одежда не скрывала высокой груди и тонкой талии. Кожа была золотистой от загара. Сергей крепко держал ее за руку, искрясь гордостью и любовью. А когда Татьяна подняла глаза на будущего супруга, в теплом взгляде светилась преданность. Страд как-то выдержал все церемонии и даже долгий торжественный ужин. Однако сердце его навсегда похитила эта прекрасная жемчужина, пришедшая из долины.

Ее неподдельная прелесть еще больше осложняла положение. Она часто брала Страда под руку, когда они шли рядом, называла его „брат“ и „старший“ с большим почтением. Откуда ей было знать, что тот ненавидит теперь своего брата всем сердцем.

Иногда графу даже казалось, что она тоже любит его, но всякий раз эта хрупкая иллюзия рушилась, когда она смотрела на Сергея. Тогда она чудесным образом наполнялась любовью лишь к нему. Все радовались, глядя на юную пару – столь очевидной была их взаимная любовь. Все, кроме графа Страда фон Заровича.

Он продолжал мечтать, что она полюбит его, и мечты эти становились все настойчивее и темнее по мере того, как шло время и приближался день свадьбы. Он перерыл множество книг заклинаний, но не мог найти ничего подходящего для своей цели. Страд осунулся, засиживался за книгами до рассвета, все искал что-то, хоть что-нибудь, что могло помочь ему.

Однажды днем он решил развеять свои мысли игрой на органе. Отчаяние охватывало его, когда музыка эхом отдавалась в его душе. Его пальцы летали по клавишам, мощные аккорды, вызванные к жизни его переживаниями, немного помогали успокоить мятущийся рассудок.

Из задумчивости его вывели голоса, доносившиеся из зала. Он оборвал игру – хрупкий покой души рассыпался вдребезги. Нахмурившись, он очень недовольным пошел посмотреть, в чем дело. Это был не столь уж спокойный день, как могло показаться.

Смех и веселая болтовня заполняли тихие залы, когда охотники и гости проходили в обеденный зал. Когти собак постукивали по каменному полу, звери возбужденно лаяли, размахивая хвостами.

– Страд! – Сергей бросился навстречу брату. – Ты пропустил отличную охоту!

– И правда, старший брат, даже ты смеялся бы от радости, если бы нам удалось оторвать тебя от книг, – поддержала его улыбающаяся Татьяна.

Страд улыбнулся ей в ответ, хотя и через силу:

– Книги – хорошая компания. А охота на лис – пустая трата времени.

– Ну, эта бы тебе понравилась! И никогда не догадаешься, что случилось потом в трактире! – Сергей схватил брата за руку и потащил к столу, где проворные слуги откупоривали бутылки с вином и наполняли хрустальные бокалы. Сергей быстро вложил в сильную руку Страда бокал рубиновой жидкости.

– Сергей! – Лицо Татьяны стало почти такого же цвета, как и вино, она с коротким смешком доверчиво прижалась головкой к груди Страда – совершенно бессознательно. – Пожалуйста, старший брат, не разрешай ему рассказывать!

Страд прикрыл темные глаза, стараясь не выдать того смятения, что охватило его. Эх, сейчас головка Татьяны покоится на его груди, но ему никогда не добиться ее любви! Не в силах сдержать себя, он поднял руку и крепко обнял ее.

Но вдруг милое тепло в его груди пропало. Сергей высвободил свою невесту, привлек к себе и покрыл ее лицо поцелуями, не обращая внимания на ее смущение.

– Она преподала мне отличный урок, Страд.

– Боги знают, тебе многому надо учиться, – проворчал граф, и ревность ядом разлилась по его телу.

– Мы заказали по пинте пива вместе с деревенскими в трактире. И вдруг один здоровенный волосатый наглец сгреб бедную Татьяну. Просто схватил ее. И прежде чем мы опом-

нились, он попытался...

– Что?

Слово само выскочило из губ Страда. Ярость охватила его. Остальные участники охоты подались назад. Граф и так славился дурным нравом, но эта ярость на побагровевшем лице превосходила все то, с чем приходилось сталкиваться самым невезучим. Даже Татьяна испугалась и крепче прижалась к будущему супругу. Лишь Сергей, беспредельно любивший брата, остался невозмутим. Он продолжил рассказ.

– Он попытался ударить ее головой об пол, – закончил Сергей. – Ну, конечно, мы с этими парнями, как только пришли в себя, оттащили его, вышвырнули из трактира и хотели хорошенько намять бока, чтобы он это надолго запомнил, но Татьяна не дала.

Страд недоуменно посмотрел на девушку. Она зарделась, но выдержала его взгляд. Боги, что за глаза.

– Она сказала, что знает этого мужика, что они росли вместе. Она сказала, что он так разозлился потому, что ей повезло выйти замуж за фон Заровича, а его семья умирает от голода. И знаешь, что потом сделала моя голубка?

Сергей гордо улыбнулся Татьяне, крепче обнял ее за плечи.

– Она сняла все украшения, что были на ней, и отдала этому парню. „Купи еды своим детям, – сказала она ему. – И пока я жива, твоя семья не будет голодать“. И это чучело, здоровенный косматый мужик, настоящий медведь, Страд,

зарыдал, как ребенок, и целовал Татьяне руки. Ну разве она не чудо?

Охотники оживленно загудели, засмеялись, и был поднят тост за будущую супругу Сергея.

– Татьяна, ты вела себя глупо, – грубо сказал Страд. В ее взгляде появилась боль, хотя она продолжала счастливо улыбаться. Он не обратил на нее внимания, повернулся к Сергею.

– А ты, брат, поступил еще хуже. Ты замарал имя нашего семейства. Замарал в грязи этого вонючего поселка. Ты должен был прикончить эту собаку на месте. Если бы мой слуга поступил так, как ты, я бы нещадно выпорол его. К сожалению, ты мой близкий родственник, и я не могу так поступить с тобой. Поверь, я сожалею об этом. Извини меня.

Он вышел из обеденного зала, швырнув свой бокал на пол. Он удалился в мертвой тишине. Все были в замешательстве, никто не знал, что и сказать. Первой заговорила Татьяна.

– Бедный Страд. Думаю, мы должны пожалеть его и быть с ним поласковее.

– Милая моя, – ответил Сергей, целуя ее в голову. – Наверное, ты, как всегда, права.

Скрипя зубами, Страд излил свой гнев на страницы дневника:

„Я должен что-то найти, какое-то заклинание, какое-то зелье, которое сделает так, что этот ангел станет моим. Я дол-

жен! Я отдам все, лишь бы заполнить эту женщину!“

Страд еще не ложился спать, а уже настало утро. Он глубоко вздохнул, потер слипающиеся глаза. Все его уставшее тело ныло, требовало отдыха, покоя хотя бы сегодня.

Усилием воли граф все же стряхнул сонливость. Если он не найдет какой-нибудь волшебный способ сделать Татьяну своей, жестоко сказал он себе, у него впереди будет бессчетное число ночей, проведенных в полном одиночестве. Дрожащими от усталости руками Страд взял еще одну книгу заклинаний, тяжело опустился в кресло, начал листать.

Он переворачивал страницу, когда заметил, что два листа слиплись. Он нахмурился. Почему он раньше этого не заметил? Что еще за тайны на этом развороте, которых он пока не знает? Его охватило странное волнение, он теперь окончательно проснулся. Осторожно, боясь повредить старинный пергамент, он разъединил страницы и заулыбался, все отказываясь поверить собственным глазам.

Быстрым летящим почерком на пожелтевших от времени страницах рукой давно позабытого колдуна было выведено: „Заклинания для приворожения сердец“.

Он быстро прочитал заклинание. Ничего особенного, обычные магические фразы и ингредиенты. Шерсть летучей мыши – ну, это проще простого найти в этой проклятой дыре, рог единорога – если он не ошибается, этот драгоценный порошок где-то был у него. И тут случилось нечто любопытное.

На мгновение взор Страда затуманился. Он снова нетерпеливо потер уставшие глаза.

– Что такое? – пробормотал он, когда вновь посмотрел на слова заклинания и обнаружил, что список ингредиентов изменился.

Он видел, как буквы, извиваясь и поворачиваясь, сами обращались в новые слова. Встревоженный Страд отбросил книгу, она с громким хлопком упала на стол.

– Это очень старая книга. Ты должен обращаться с ней осторожнее, – раздался голос, от которого волосы у Страда зашевелились.

Он вскинул голову, быстро обернулся, оглядел комнату. В кабинете никого не было.

– Кто здесь? – требовательно спросил он.

– Ты должен знать, – вновь донесся голос – полный скрытой радости, казалось, он исходит со всех сторон. Он доходил до слуха Страда, как иссохший лист с шелестом опускается на могильную плиту. – Ты звал меня. Я услышал твою мольбу. Я пришел, чтобы дать тебе то сердце, которого ты добиваешься.

– Покажись, – потребовал Страд. Голос низко и сухо рассмеялся:

– Ты не вынесешь моего вида.

Страд вдруг поверил холодному шепоту, и какая-то часть его отчаянно рвалась убежать прочь из кабинета, от этого мертвого голоса, ядом проникавшего в его тело, оставить Та-

тьяну Сергею.

– Нет, – прошептал Страд. – Она будет моей.

– Начнем?

– Я-я еще не готов, – запинаясь, пробормотал граф, пыта-
ясь собраться с мыслями.

– Тебе не нужно готовиться. Заклинание оказалось здесь
только для того, чтобы..., вызвать у тебя интерес. Как ты,
несомненно, заметил, оно постоянно изменяется. Как рассу-
док любого смертного.

– Кто ты?

При этом вопросе голос стал громче, загремел, подобно
раскатам ветра в штормовую ночь. Он смеялся, летал в воз-
духе и наконец припечатал графа почти ощутимой тяжестью.

– Я – тот кошмар, что хоть раз мучил любое живое суще-
ство. Я – мрак мыслей об убийстве и предательстве, страхе и
насилии, боли и страданиях. Я – то слово, что убивает душу.
Я – тот нож, что убивает тело. Я – яд на дне бокала, петля на
шее вора, крик безумца и вопль пытки. Я – ложь и обман. Я
– смерть и нечто пострашнее смерти. Ты знаешь меня, граф
Страд фон Зарович. Мы с тобой старые, старые знакомые.
Ты и я.

Страд дрожал, но голос его остался ровным:

– Ты пришел..., за мной?

– Я пришел на твой зов, – замогильный голос вздохнул и
вновь стал еле слышен, как последний шепот умирающего. –
Ты хорошо помог мне стать сильнее. Ты получишь за это на-

граду. За муки из-за невесты брата, за потерянную юность. Я уберу соперника с твоего пути, и ты больше не будешь стариться... , если сделаешь, как я скажу.

Мгновение граф колебался. Это создание предлагало искушение, в которое он отказывался верить. Татьяну.

Страд кивнул:

– Что я должен сделать?

Глава 21

„О боги! Боги! Что за ужасы и чудеса были описаны здесь сегодня. Я пишу, а руки мои трясутся, но от скорби или радости, я не знаю. Я должен записать все, что произошло и произойдет, как можно подробнее, чтобы перечесть, когда рассудок мой успокоится, когда я смогу все это осознать...“

За час до свадебной церемонии, вскоре после наступления сумерек, Страд мягко постучал в дверь Сергея.

– Входи, – раздался голос брата.

Страд вошел, улыбаясь. Сергей выглядел шикарно. Яркая голубая форма офицера, украшенная эполетами и рядами медалей, была вычищена и отглажена прилично случаю. Черные сапоги начищены до блеска, а платиновый медальон священника, висевший у него на шее, ослепительно сверкал при каждом движении.

Сергей только что кончил начищать шпагу и теперь торопился пристегнуть ее к поясу. Посмотрел в зеркало на вошедшего. Когда он встретился взглядом со Страдом, его рот растянулся в широкой улыбке.

– Я не был уверен, что ты придешь сюда! – сказал Сергей, поворачиваясь и протягивая к Страду руки.

Граф замешкался, но потом обнял его.

– Я не знаю, злишься ли ты еще из-за того происшествия с Татьяной.

– Нет, братец. Я был уж слишком груб и жесток. Я пришел просить у тебя прощения.

В ярко-голубых глазах Сергея встали слезы.

– Есть в этой земле те, кто говорит, что в тебе нет ничего хорошего, – медленно проговорил он, – но я всегда знал, что у „страшного Страда“ на самом деле ангельская душа.

– Отойди, дай-ка я посмотрю на тебя, – быстро произнес граф, недовольный тем оборотом, который приняла беседа. Сергей послушался, отошел на шаг, улыбаясь. Страд одобритительно присвистнул, сочно, но не больно шлепнул брата по груди.

– Ты разобьешь много сердец сегодня, – сказал граф. – Боюсь, по деревне прокатится волна самоубийств. Все женщины будут оплакивать смерть первого жениха Баровии.

– Ну, я надеюсь, они тут же выпьют за самого счастливого мужа в мире!

Холодная низкая злоба стала проникать в вены Страда. Он уже почти решил отказаться от сделки, о которой договорился с таинственными темными силами. Это решение укрепила искренняя любовь Сергея к нему, его неподдельная радость при встрече. Однако теперь, когда Сергей светился от радости в ожидании брачной церемонии, темное чудовище ревности проснулось в мозгу графа.

Он протянул тонкую руку вперед и дотронулся пальцем до медальона Сергея. Амулет сверкал, кристалл в его центре ярко блеснул.

– Знаешь, тебе придется его снять. Сергей положил ладонь на медальон.

– Да, я знаю. Я не могу жениться и оставаться священником, так? Хотя я всегда думал, что это не совсем честно. Ты можешь выполнять свой долг и перед богами, и перед семьей. Одна любовь не затмит другую.

– Не кощунствуй!

– в притворном ужасе воскликнул Страд. – Тебе придется основать свою собственную религию, Сергей!

На это юноша рассмеялся, отпустил платиновый кулон.

– Может быть, я так и поступлю, если смогу сохранить это. Он успокаивал меня долгими темными ночами, должен тебе признаться.

Злоба и ревность переполняли теперь душу старшего брата. Да что вообще может знать этот младенец о долгих темных ночах? Какого черта этот юный наглец осмелился встать у него на пути? Сергею ни за что не приходилось сражаться за всю его жизнь! Нежась в роскоши, он думал только об удовольствиях и развлечениях, а не о жизни, не о землях. Женщины хлопотали, возились вокруг него, а этот идиот под благовидным предлогом всегда отказывал им. Он отличный и смелый молодой боец, но, будь он проклят, он должен стать священником. Что сделал он, чтобы завладеть Татьяной? И что он, Страд, сделал, что она отвергла?

– Ты мог бы обладать любой женщиной в мире, – неожиданно произнес Страд. – Почему – она?

Глаза Сергея округлились от удивления, потом наполнились сожалением.

– Ох, Страд, – прошептал он дрожащим от волнения голосом. – Ты разве не понимаешь?

В самой глубине души Страд понимал, что значат слова Сергея. Это был риторический вопрос без памяти влюбленного, уверенного в том, что весь мир видит его возлюбленную его же глазами.

Ревность и горечь Страда ухватились за эти слова. Ты не понимаешь? Простой вопрос окончательно вывел графа из себя. Будь он проклят. Сергей знал, что Страд любил Татьяну, но решил жениться на девушке сам, чтобы уязвить старшего брата! Как-то Страд сумел сдержать свой гнев, заметил, что Сергей, оказывается, продолжает что-то говорить.

– Я был бы абсолютно счастлив, если... Я хочу, чтобы и ты нашел кого-то, похожую на Татьяну.

– Я принес жениху подарок, – не обращая внимания на его слова, проговорил Страд, протягивая Сергею аккуратный сверток. – Это волшебная и очень старинная вещь. Сегодня она будет кстати.

Сергей, улыбаясь, развернул сверток. Внутри оказался кинжал с трехцветной – красной, черной и золотой – ручкой. Ножны были сделаны из непонятного, странного цвета материала, напоминающего кожу. Сергей смущенно поднял взгляд на Страда.

– Вижу, ты узнал его, – сказал Страд, – старинное ору-

жие убийц Баал Верзи. Ножны сшиты из человеческой кожи, обычно – первой жертвы оружия. Знаки на рукоятке – руны власти.

По лицу Сергея было видно, что он потрясен. Не говоря ни слова, граф взял оружие и сделал вид, что рассматривает кинжал. Ухмыляясь, он вытащил лезвие из ножен – оно ярко блеснуло в пламени свечей.

– Легенда гласит, что обнажать кинжал, если ты не хочешь дать ему крови, это плохая примета. Я не очень-то суеверен, но думаю, это не тот случай, когда можно дразнить судьбу. Ты не согласен?

Прежде чем Сергей ответил, Страд вонзил лезвие в сердце брата. Кровь брызнула на руки убийцы. С жестокой радостью он встретил последний недоумевающий взгляд Сергея. Совершенно ничего не понявший молодой человек умер беззвучно. Он рухнул прямо на руки Страда.

Торопясь, граф положил бездыханное тело на пол. В точности делая то, чего потребовало темное существо, Страд вытащил клинок. Он взглянул на блестящее окровавленное лезвие и глубоко вздохнул. Поднеся нож ко рту, он начисто вылизал его, подавляя растущую внутри дурноту. Он поморщился, потом взрезал форму и белую рубашку на груди мертвого брата, открыв маленькую рану, из которой все еще текла алая кровь.

„Выпей кровь – сначала с оружия, а потом из кубка“, – сказало ему существо. Страд опустился на колени перед еще

не остывшим телом любимого брата, прижал губы к ране и стал пить.

Он поперхнулся, закашлялся, и немного драгоценной жидкости вылилось из его рта. Разозленный собственной слабостью, он как многоопытный воин приказал своему телу продолжать ужасное занятие. Страд прижал губы к ране, втянул в себя кровь, имевшую медный привкус, почувствовал, как она стекает вниз по его глотке, и ощутил, что ему становится легче. Через мгновение он полюбил этот вкус.

Энергия наполнила его. Он вдруг по-новому почувствовал ткань одежды Сергея под своими необыкновенно чуткими пальцами. Он ощущал запах крови и пота на теле брата. Он услышал голоса гостей, хотя они были в дальнем крыле замка. Страд легко поднял тело Сергея одной рукой – просто потому, что мог это сделать. Вот это здорово!

Он громко расхохотался, швырнул труп обратно. Тело распласталось на полу, и тут вдруг Страд понял, что произошло.

Граф начал содрогаться, упал на колени перед телом брата, дотронулся до его бледного, но все еще милого лица. Он поднял труп обеими руками и вскричал громко и отчаянно:

– Будь ты проклят, Сергей, будь вечно проклят. Ты сам виноват! Ты не должен был жениться! Ты был самым младшим, ты должен был стать священником... Почему же ты не сделал того, для чего был рожден?

Могучие руки Страда взъерошили кудрявые волосы Сер-

гея, он прижимался лицом к бледному похолодевшему лбу брата.

В коридоре послышались торопливые шаги, дверь приоткрылась, и в ней показался Антон – лакей Сергея. Он остолбенел в ужасе, пораженный кровавой сценой. Он переводил похолодевший взгляд с Сергея на Страда, не понимая, что делает граф.

Страд вытащил нож Баал Верзи. Антон узнал кинжал, и глаза слуги, и без того круглые, чуть не выскочили из орбит.

– Сергей мертв, – глухо произнес граф. – Должно быть, это случилось только что. Скажи страже немедленно закрыть все выходы из замка. Мы должны найти убийцу моего брата.

Слуга кивнул, не в силах отвести глаз от окровавленного бездыханного тела Сергея. На глазах Антона появились слезы – как и все в замке, он любил молодого хозяина. Лакей побежал во двор.

Страд был поражен. Это оказалось так легко. Он раньше никогда не лгал – ему, главе армий и повелителю стран – просто не было в том нужды. Он сомневался, сможет ли он выкрутиться из истории с убийством брата – он смог, солгав лишь отчасти. Умение лгать с легкостью – еще одна сторона дара темных сил.

Вдруг он похолодел. Он ведь пил кровь Сергея. Не был ли его рот испачкан, когда в комнату вошел Антон? Страд резко поднялся на ноги, поспешил к зеркалу. Когда он посмотрел в стекло, он получил еще один удар.

Его отражение на глазах становилось прозрачным. Страд ударил себя в грудь, чтобы убедиться в прочности собственного тела. Трудно было подавить сильнейший испуг, но Страд всегда отличался силой воли. Он смог отогнать липкий страх, омыл лицо и руки. Вода в чаше стала красной.

Из церкви до него донесся пронзительный вопль отчаяния, а затем крики, рыдания и стоны. Дверь в комнату Сергея вновь распахнулась, и на пороге появились четыре стражника с обнаженными мечами.

– Ваша светлость, – произнес старший, – мы закрыли все выходы из замка, как вы приказали. Мы не представляем, кто мог совершить это, но никто не сможет скрыться, пока вы не найдете убийцу.

Страд кивнул, сохраняя спокойствие.

– Отлично. Соберите всех в церкви или в обеденном зале – как будет легче.

– Слушаемся, ваша светлость, – стражники повернулись кругом.

– Минуту.

Страд заплатил кровавую цену. Теперь настала пора получить обещанное. – Где Татьяна?

– За церковью, в саду. Она не хочет никого видеть, гонит всех.

– Меня не прогонит, – сказал Страд, чуть заметно улыбувшись. – Не сможет.

Он направился к церкви, не обращая внимания на слезы

и вопросы встревоженных гостей. Десятки свечей заливали церковь светом, отчего через высокие витражи окон разноцветные тени ложились на неподвижную, подобную ангелу юную девушку, в оцепенении сидящую на траве перед храмом.

Лицо невесты было белым от потрясения, темные глаза широко распахнуты. Казалось, Татьяна не заметила грязи и травы, садясь в ослепительном подвенечном платье прямо на землю. Она не взглянула на подошедшего Страда. Он осторожно сел позади нее.

– Ну, дорогая, – трепетно произнес он, обнимая ее обеими руками.

Мгновение она не шевелилась, а потом он почувствовал, как она расслабилась, опомнилась, вернулась к действительности и зарыдала. Ее стройное тело сотрясали рыдания, она крепко прижалась к нему. Страд крепче обнял ее, его обновленные чувства остро наслаждались ощущением гладкого белого шелка, запаха ее кожи и волос, тепла ее юного тела. Он бормотал слова утешения, старался успокоить ее.

Наконец ее рыдания стали слабее, она запинаясь проговорила:

– П-почему? Я н-не понимаю. Кто смог бы – кто смог сделать это? О, Страд! – она снова разразилась слезами, отчаянно вцепившись в него.

– Т-с-с. Я знаю, тебе сейчас трудно, милая, но скоро все будет хорошо. После большого горя приходит большая ра-

дость, и ты совсем скоро сможешь почувствовать себя счастливейшей из женщин.

Она замерла, потом отпрянула, уставилась на него недоумевающим взглядом.

– Старший брат, – прошептала она. – Он мертв! Как ты можешь говорить мне такое?

– Потому что ты свободна. Ты можешь теперь выйти замуж за меня. Он стоял на пути к нашему счастью, но теперь, моя любимая, это кончилось навсегда! Татьяна, любовь моя, я могу дать тебе...

– Нет! – в ужасе воскликнула она. – Нет!

Татьяна пыталась вырваться из рук убийцы ее жениха. Хватка Страда была неумолима.

Ее строптивость неожиданно разозлила его. Если она всего лишь перестанет вырываться, если только позволит объяснить, какие чудеса будут брошены к ее ногам – все для нее. Он зажал ее лицо ладонями и поцеловал. Ее губы были сладки, но внутри его возник и начал расти новый голод, он хотел от нее большего, чем просто поцелуй.

Боль пронзила его, объятия разжались. Он дотронулся пальцами до своего рта, и они стали красными. Сильно заболела нижняя губа, за которую она укусила его.

Татьяна мгновение смотрела на Страда в упор, не отрываясь. Ее глаза расширились новым ужасом, она вскочила, подхватила до колен длинную развевающуюся юбку и со всех ног бросилась прочь, как будто только так могла спасти свою

бессмертную душу.

И, пожалуй, она была права.

Страд издал гневный вопль, и этот крик эхом разнесся по замку. Он тоже вскочил и рванулся вслед за перепуганной девушкой – это был неестественно быстрый и бесшумный бег.

Татьяна мчалась вперед по саду, не разбирая дороги. Пот струился по ее лицу, заливал глаза. Шипы роз впивались в ее тело, рвали одежду, отчего ужас девушки становился еще сильнее, как будто и растения помогали Страду, подчинялись ему.

Но бежать ей было некуда.

Обезумев от страха, она не могла и не хотела этого понять. Она стремилась лишь скрыться прочь от Страда, прочь от одинокого старого воина, который непонятным образом превратился в чудовище и убил Сергея.

Татьяна слышала, как он бежит позади, выкрикивая ее имя, требуя остановиться. Она уже видела, сколь кошмарным существом с окровавленными клыками он стал, и больше не могла позволить ему дотронуться до себя. Когда низкая каменная стена оказалась на ее пути, Татьяна даже не замедлила бег. Страд схватил ее за подол платья, но девушка рванулась с такой силой, что ткань порвалась и подол остался у графа в руке.

Внизу клубились туманы – Татьяна перелетела через стену сада и, широко раскинув руки, как будто желая обнять

небо, как будто навстречу Сергею, бросилась вниз. Она летела вниз многие сотни футов – навстречу изломанным скалам с криком, в котором слышались не столько ужас и отчаяние, сколько потрясающая, искренняя радость от того, что она сумела ускользнуть от Страда.

Хищные руки графа заметались в воздухе, он чуть не потерял равновесие. Он видел ее белый силуэт, летящий в туман умирающим лебедем, и темнота внизу обняла ее, заботливо избавив его от вида разбивающегося о скалы тела.

Бессильно привалившись к стене, вампир изогнулся в конвульсиях и завопил. Его крик издевательским эхом вернулся к нему из туманных глубин, черневших глубоко внизу.

Мимо его правого уха просвистела стрела. Страд резко обернулся, разъяренно посмотрел в сторону замка. Теперь стало понятно, кто убил Сергея, и стражники выполняли приказ. Лучники заняли свои места на стене и пускали стрелы через бойницы.

Воздух внезапно наполнился злобой, десятки звенящих стрел вонзились в тело хозяина замка.

Но Страд не умирал.

Он удивленно посмотрел на стрелы, торчавшие из его груди и живота. Медленная улыбка разлилась на его лице и, наслаждаясь тем ужасом, которым были охвачены те, кто видел это, медленно и спокойно он вытащил стрелы из своего тела одну за другой. В одной руке он сжимал пучок извлеченных стрел, а другой – выдергивал их. Затем он направился

обратно в замок, поставив перед собой ужасную цель.

Страд фон Зарович лишился единственного, чего искренне желал в жизни, и ему заплатят за эту утрату все, кто находится в стенах замка Равенлофт, и, быть может, даже все те, кто осмелится вторгнуться в пределы Баровии.

Глава 22

Джандер почувствовал, как дрожит. Не было слов, чтобы выразить те ужас и скорбь, что охватили его. Какое падение. Убийство невинных. Он заставил себя продолжать чтение.

„Десятый месяц Луны, 400 год.

Она вернулась, вернулась ко мне! Мне дан еще один шанс! Моя возлюбленная Татьяна обрела новую жизнь в облике деревенской девушки Марины. Эта Марина выглядит в точности как Татьяна, но есть в ней что-то совершенно иное. Не могу объяснить – что. Но, по правде говоря, разве это что-то меняет? Я начну ухаживать за ней. Уж на этот раз она станет моей...

Двенадцатый месяц Луны, 400 год.

Никто не отвергнут в этом мире так, как я. Татьяна, моя любовь, снова мертва – на этот раз она погибла от руки своего же отца. Этот болван сказал, что лучше увидит ее мертвой, чем моей невестой. Я, конечно, прикончил его на месте. Убил всю семью, а потом вернулся в эти тюремные стены, чтобы утолить печаль. Милая Татьяна, неужели мне никогда не доведется обнять тебя и встретить твой любящий взгляд?

Четвертый месяц Луны, 475 год.

Татьяна вновь возвратилась. Я уверен, эта страшная земля испытывает меня, проверяет мою любовь. На этот раз она появилась под именем Ольги, но я знаю правду. У нее лицо

моей возлюбленной, хотя держит она себя совсем не так, как Татьяна. Как будто из совершенной раньше картины убрали какой-то фрагмент, как будто Ольга еще не заверченный шедевр. И, как раньше, мне все равно, я добьюсь ее любви...

Четвертый месяц Луны, 475 год.

Эта пытка невыносима! Почти получить ее и увидеть, как она ускользает от меня снова! Оля сгорела от лихорадки, как говорят. Говорят, ничего нельзя было сделать. Но никто не пришел ко мне, а я, ведь я, возможно, мог что-то сделать!“

Внезапный испуг пронзил Джандера. Четвертый месяц 475 года. Он очутился в Баровии примерно в это время. И имя Ольга показалось ему знакомым. Эльф напрягся, попытался вспомнить – да, Олей звали девушку, которая умерла от лихорадки в ту самую ночь, когда он пришел в Баровию, в ту самую ночь, когда Анна, тоже сгоревшая в лихорадке, умерла у Джандера на руках.

Может быть, они как-то связаны? Может, это одна и та же женщина? Анна была не в себе, не могла связать и двух слов. Анна – Татьяна.

„Господин, – называла она Джандера, – Сергей“. Татьяна так отчаянно стремилась прочь от зла Страда, что какая-то часть ее исчезла в ту ночь, когда она прыгнула в туман, скрылась в Уотердипе. Она была потрясенной, неполной душой, с обрывочной памятью, И все, кто видел ее, считали сумасшедшей.

Азарт охватил Джандера, он продолжил чтение и был

ошеломлен, когда встретил в дневнике собственное имя.

„В мои темные несчастные владения пришел чужестранец. Бессмертный, как и я, жаждущий жизни, как и я, но в отличие от меня не отказавшийся от этой мечты. Он мягок, как младенец, очень чувствительный, и его сознание не позволяет ему выпивать из жертв всю кровь без остатка. Как такое создание может быть бессмертным уже столько времени? И почему он столь мудр? Этот Джандер Санстар, эльф из далеких земель, хранит в своей голове такие знания!

Мне нужны его знания. Почему я не могу вытянуть из него все тайны?

Он думает, что он здесь гость. Он думает, что я – его друг. Он так легко обманывается, но мне так трудно достичь своей цели. Это самый мудрый болван, которого я видел. Я должен задержать его здесь и научиться всему...

Третий месяц Луны, 500 год.

Еще одно поколение выросло, дети стали большими. Пора снова искать Татьяну. Может быть, в этом и даже следующем году я найду ее, но я не могу терять ее. Я должен искать“.

Так вот где Страд пропадает целыми неделями. Он разыскивает не убийцу своих рабов, как думал раньше Джандер. Повелитель Баровии ищет свою любовь, Татьяну, Анну, чтобы продолжать свою бесконечную пытку.

Это нужно остановить. Джандера привело в Баровию стремление отомстить, и он сделает это. Он должен сделать это. Эльф задрожал, чувствуя, как красная пелена безумной

ярости заливает ему рассудок.

* * *

Саше снова было десять, и он снова входил в дом, где произошло убийство.

Красная жидкость лилась по ступеням, впитывалась в ковер, расстеленный на каменном полу. Ребенок, как будто влекомый против воли, карабкался по лестнице вверх. Ступени скрипели даже под весом его маленького тела.

Наверху лестницы его ждала мать. Ее длинные каштановые волосы были распущены и откинута за спину. Глаза ее смотрели на него с пониманием.

– Где же ты был? – раздался гулкий голос, разнесшийся безумным эхом. – Я так беспокоилась.

Длинные руки дотянулись до него, притянули его к груди, блеснули белоснежные зубы и желтые глаза закатились.

„Мама! Мама!“

Саша подскочил и чуть не свалился с кровати. Он чуть не задохнулся, жадно ловил ртом воздух, стараясь отдышаться, приходя в себя после кошмарного сна. Через окно струился холодный свет Луны.

Наконец гулкие удары сердца стали спокойнее, Саша откинулся на подушку. Уже много ночей он просыпался так, его мучили кошмары, они преследовали его, возвращались, как сами ночи Баровии. Частота этих страшных снов не

уменьшала его испуг. Милый Латандер, сколько же еще вампиров он должен убить, прежде чем эти сны прекратятся и он вновь обретет покой?

Он глубоко вздохнул, встал с кровати, босиком подошел к столу, налил в таз воды из кувшина. Священник ополоснул водой раскрасневшееся лицо, пытаясь успокоиться.

Вдруг послышался тихий стук в окно. Саша постоянно был настороже, его слух уже напрягся. Он услышал стук снова – мягкий, осторожный, но определенно настоящий, не приснившийся. За окном двигался чей-то силуэт. Саша тут же перевел взгляд с окна на залитый лунным светом пол. Тени на полу не оказалось. Саша знал, что это означает. Снаружи бродит вампир, очевидно, поджидает его.

Священник мрачно усмехнулся.

Этот странный бессмертный совершил ошибку. Сейчас его душа успокоится, и тогда на Сашином счету будет уже двадцать уничтоженных вампиров.

Уверенно и быстро Саша собрал свои инструменты – связку головок чеснока, которую повесил на шею, флакон со святой водой, на этот раз честно взятой с алтаря, и медальон с изображением Латандера. Он произнес короткую молитву, глубоко вздохнул несколько раз, готовясь к схватке.

Стук послышался снова. На этот раз он был громче, как будто кошмарное существо начало терять терпение. Однако бессмертный не уходил. Саша медленно подкрался к окну, держась в стороне от лунного света. Потом с криком „Латан-

дер!“ он выпрыгнул, отдернул занавеску, отпер и распахнул окно одним молниеносным движением.

Его ладонь плотно сжимала розовый деревянный кружок, но когда он узнал вампира, то сразу опустил руку. Джандер попытался закрыться одной рукой, но удержался на стене церкви – его руки в перчатках и ноги в ботинках использовали малейшие опоры, которых не хватило бы простому смертному, чтобы забраться по стене.

– Джандер! – зло прошипел Саша. – Что ты тут делаешь?

Вампир пронзил юношу взглядом, Саша вдруг увидел, что эльф весь покрыт пятнами малиновой жидкости. Подавив крик, молодой человек в смятении сделал шаг назад.

– Мне нужно поговорить с тобой, Саша. Мне..., нужна твоя помощь. Священник замотал головой:

– Почему ты решил, что я стану тебе помогать?

Он не мог отвести взгляда от кошмарной картины. Кровь на одежде Джандера тускло поблескивала в свете Луны, его красивое лицо почернело от засохшей крови.

Догадавшись, как он, должно быть, выглядит, Джандер поспешно проговорил:

– Это не человеческая кровь. Встретимся на кладбище через десять минут. Нас там вряд ли кто увидит. Принеси с собой воды.

Фигура Джандера задрожала, обратилась в туман, из которого возникла маленькая летучая мышь. Взмахнув крыльями, она исчезла в ночи.

Саша дрожал, ему очень хотелось лишь одного – вернуться в кровать, закутаться одеялом с головой. Почему он должен идти ночью на кладбище, чтобы встретиться с этим монстром?

Потому, что монстр спас его отца. Саша вздохнул, взял кувшин с водой. Осторожно, чтобы не разбудить Лейл, спящую в соседней комнате, спустился по лестнице. Одна ступенька громко скрипнула, и он замер, настороженно прислушиваясь. Из комнаты Маленькой Лисы не доносилось ни звука, и Саша пошел дальше.

Джандер ждал священника у могилы семьи Картовых. Осенний ветер кружил сухие листья у ног вампира. Луна выбралась из туч, и ее свет упал на стройную фигуру эльфа. И снова Саша ощущал ужас, смешанный с почтением. Вампир был красивым существом, его золотая кожа волшебным образом блестела в лунном свете. Как жаль, что он такое темное создание.

Саша протянул ему кувшин с водой. Не говоря ни слова, Джандер поставил сосуд на землю и опустился на колени. Сняв белые кожаные перчатки, омыл окровавленное лицо холодной водой. Саша протянул ему полотенце. Дрожащими руками Джандер вытерся, уткнулся лицом в ткань.

Саша стоял, не шевелясь и скрестив руки на груди.

– Что ты хотел мне сказать? – холодно произнес он. – Я поклялся, что не буду убивать тебя – и все. Я даже не обязан был приходить сюда.

Он почти пожалел об этих словах, когда Джандер поднял на него остановившийся взгляд.

– Что случилось?

– Во-первых, сними, пожалуйста этот чеснок, Саша, – произнес Джандер. – Он смертельно воняет. Обещаю, что не причиню тебе вреда.

Саша не двигался. Быстрее, чем священник успел сообразить, Джандер вскочил с колен, сорвал связку головок чеснока с его шеи и отбросил далеко в сторону. Руки священника взлетели к незащитному горлу, но Джандер не делал больше никаких движений.

– Не думал, что ты сможешь это сделать! – процедил Саша.

Джандер невесело усмехнулся:

– Я здесь могу делать много такого, чего вроде бы и не должен. Учти, Саша. В этой земле правила меняются.

Его улыбка пропала, сменившись печалью, которую священник запомнил еще с их последней встречи. Вампир сел на траву, на мгновение закрыл лицо ладонями. Когда он заговорил, голос его был полон боли.

– Я просил тебя поискать записи о женщине по имени Анна. Помнишь?

– Да. Сожалею, Джандер, я искал, но там...

– Нет, там и не должно было быть ничего. Если можешь поверить в это, я любил эту Анну. Она была больна, и я знал, что она умирает. Мысль о том, что мне придется существо-

вать без нее, была невыносима, и я попытался сделать ее таким же вампиром.

Он ждал реакции Саши, его серебряные глаза нетерпеливо сверкали. Как Джандер и ожидал, священник был возмущен:

– Это не любовь, это жестоко... Клянусь славой Повелителя Зари, ты – суший изверг!

Эльф продолжил, не обратив внимания на Сашины слова:

– У нее не было родных, никто не ухаживал за ней. Она нуждалась во мне. Знаешь, как прекрасно, когда в тебе нуждаются? Я любил ее. Я был готов вечно служить ей. Вот почему я дал ей шанс на такое бессмертие. Я думал, что со временем, с моей любовью она выздоровеет.

Вздохнув, Джандер грустно покачал головой:

– Она отказалась выпить мою кровь и тем самым выбрала смерть.

Он спокойно взглянул на Сашу, и в голосе его появился холод.

– Когда я пришел в Баровию, когда туманы принесли меня сюда, мысли мои были поглощены лишь мстью. Я хотел найти того, кто лишил Анну разума. Сегодня я узнал, кто это сделал.

Он помолчал.

– Меня иногда охватывает дикий гнев, но сегодня я был попросту разъярен. Кровь, что на мне, – кровь целого стада овец. Я всех их прикончил. Хорошо, что ваши люди после

заката сидят по домам, Саша, а то бы я обязательно убил любого несчастного, попадись он мне сегодня.

Джандер сунул ладонь в карман и вытащил горсть каких-то блестящих маленьких предметов. Он протянул их Саше.

– Отдай это владельцу овец. Скажи, что это дар богов, или придумай какую-нибудь другую ерунду. Ему будет легче поверить в это, чем принять правду.

Он мрачно усмехнулся.

Саша не знал, что и сказать. Джандер неожиданно поменял тему:

– Ты слышал что-нибудь о Малиновой смерти?

Саша замотал головой.

– Может быть, здесь это зовется как-то иначе. Это существо из газа, но в форме человека. Насыщается кровью, как вампир. Это страшно. Когда оно насыщается, то меняет цвет с молочно-белого на красный и становится твердым. Только тогда его можно убить, и то – только волшебным оружием.

Саша с отвращением поморщился. Джандер продолжал:

– Ходят слухи, что Малиновая смерть – это души вампиров. Что, когда одного из нас уничтожат, он становится малиновой смертью.

Он настойчиво смотрел на Сашу:

– Ты убил многих из нас. Видел ли ты когда-нибудь подобное существо?

– Никогда.

– Ты должен быть совершенно в этом уверен.

– Я уверен, Джандер, я, наверно, знаю больше о темных силах Баровии, чем они сами знают о себе.

– Не хвались, малыш, – улыбнулся Джандер. – Сегодня мы можем устроить испытание. Я уже сказал – я пришел к тебе за помощью.

Саша с недоверием посмотрел на него:

– Трудно в это поверить. Джандер ответил не сразу:

– Мне нужно рассчитаться со Страдом. Саша замер:

– Я не люблю хозяина этой земли, но я не подниму на него руку хотя бы потому, что ты говоришь, что я должен это сделать.

– Саша, одумайся! Когда ты в первый раз увидел меня? Я был почетным гостем графа на весенних торжествах. Ты знаешь, кто я. Кто он, по-твоему? Он – вампир!

Сашино лицо побелело как мел.

– Нет, – прошептал он. Джандер кивнул.

– Все прочие вампиры здесь подчиняются ему – кроме меня. Я единственный свободный от него вампир в Баровии, единственный, кто может победить Страда.

– Тогда сделай это, зачем тебе я?

– Он – могущественный волшебник, колдун. Я – нет. Единственное мое волшебство – мои превращения. И кроме того, – его мелодичный голос стал хриплым, – я бессмертен. Смертный и – особенно – священник может сделать то, чего не могу я.

Саша нервно облизал губы, лихорадочно обдумывая слова Джандера. Он вспомнил, как плохо ему было после последнего уничтоженного вампира.

– Джандер, у меня есть обязанности в поселке. Теперь, когда нет Мартина, я – единственный священник. Мы с Катей должны пожениться следующим летом. Я не могу так просто...

Серебряные глаза Джандера нервно блеснули:

– Не желаю ничего слышать о твоих обязанностях. Мне наплевать на твою невесту. Ты не думаешь, что однажды Страду захочется утолить жажду ее кровью? Кровью твоих детей, внуков? Какая ответственность перед лицом такой угрозы? Боги! Да кто, по-твоему, перебил всю твою семью четырнадцать лет тому назад?!

Саша открыл рот в беззвучном вопле, закрыл лицо ладонями. Джандер встал и принялся расхаживать из стороны в сторону, пытаясь остудить свою ярость.

– Ты должен понять, – продолжал вампир. – Он стал таким, какой есть, заключив договор с темными силами, скрепленный кровью его родного брата. Он обрек прекрасную, невинную девушку на самоубийство, алчно пытаясь завладеть ею. Он думает так, но я не верю, что она мертва. Не вся.

Не в силах справиться со своей яростью, он схватил Сашу за шиворот, швырнул молодого священника к своим ногам.

– Я верю, что часть ее сумела убежать через какую-то дверь в мой мир. Когда я нашел ее, когда я любил ее, она

была лишь частью души. Страд разрушил ее разум. Мы оба потеряли ее – бедное безвинное дитя.

Он прижал Сашу к земле, вцепился ему в плечи. Он чувствовал, как злоба закипает внутри, как появляется желание упасть на четыре лапы и убить. Джандер заставил себя отрицать это желание.

Когда он заговорил снова, голос его стал спокойнее:

– Вот что совершил повелитель этой земли. Но это не конец. Эта девушка – Анна, Татьяна или как ее зовут на самом деле – вновь появляется через несколько поколений. И, мучимый этой бесконечной пыткой, граф мстит вам, создавая вампира за вампиром.

Эльф снова умолк, перевел дыхание и продолжил:

– Я клянусь тебе, Саша Петрович. Я никогда не создавал вампиров. Я никогда не сделаю этого. Уничтожь Страда, и ты уничтожишь всех вампиров в Баровии. Ты откажешь мне в помощи, когда я хочу добиться такой цели?

– Скажи только одно. – Саша колебался, пытливо вглядываясь в глаза Джандера. – На что..., это было похоже?

Джандер пристально посмотрел на Сашу.

– Зачем, – устало произнес он наконец, – зачем тебе это знать? Ты – из света. Радуйся, что так мало знаешь о тайнах мрака!

– Я должен знать. Каково это – умереть и не умереть? Каково...

– ...жить, отнимая жизни, – голос и прекрасное лицо

Джандера стали жестче.

Столько разных чувств теснило ему грудь, столько слов он хотел выпалить – слов о страхе, гневе, одиночестве, тоске. Он долго молчал, наконец заговорил:

– Жажда крови не сравнится ни с чем, она совсем не похожа на голод. Человек блуждает по пустыне, язык его распух, присох к глотке, он ищет малейшую каплю влаги, чтобы утолить это вяжущее ощущение во рту, словно набитом ватой, – это не имеет ничего общего с моей жаждой. Узник заперт в камере, ему неделями не дают есть, он чувствует, как желудок пожирает его изнутри, он гоняется за крысами, залезающими в камеру, он жует солому из матраса, на котором лежит, он гложет собственную плоть – он не знает, что такое голод. И каждую ночь мы просыпаемся такими.

Он обвел рукой ряды могил:

– Мы вылезаем из наших гробов, нор, пещер, из тех мест, где прячемся, как мертвые, потому что мы мертвы, но все еще живы. Мы бросаемся из теней и засад на беспечную путицу и отнимаем более ценное, чем любая самая драгоценная вещь. Мы хватаем ее и совершаем акт, более интимный, чем акт любви. Мы забираем ее кровь и ею живем, Саша. Можешь ли ты хоть отдаленно представить весь ужас этого? И простят меня боги, но это восхитительно!

Джандер впервые рассказал о своих внутренних мучениях – Саша не шевелился, потрясенный горечью и ужасом, заключенным в словах вампира.

Джандер не смотрел больше на Сашу. Его взгляд был отстраненным, затуманенным, обращенным вглубь себя, куда не мог заглянуть священник.

– У молодожена, отправляющегося к возлюбленной в первый раз, лишь слабый намек на наш экстаз. Художник, закончивший шедевр, не может радоваться так, как радуемся мы. Кровь – есть жизнь, и нет ничего прекраснее этого ощущения, когда она вливается внутрь, как в пустой кувшин, и наконец заполняет его. Это ложный восторг, и мы знаем это – знаем – и все равно продолжаем это.

И когда все кончено, и проходят эти мгновения, я смотрю на обескровленное тело, которое сжимаю в руках, и проклиная себя. О, она еще жива. Я утешаю себя тем, что беру жизнь только тогда, когда должен или когда на это есть причина выше моего понимания. Но я совершил насилие над этой женщиной, и мне стыдно.

А она чувствует жаркие или холодные клыки, проникающие в ее тело, всевластные, она чувствует, как кровь кипит в ее венах, как будто ей вырывают сердце. Она беспомощна, абсолютно бессильна, слабее народившегося младенца. Но и здесь есть кошмарное равновесие. Мы тоже беспомощны. Мы нуждаемся в смертных. Мы можем чувствовать их запах, запах крови, как младенец чувствует теплый запах молока матери. Нас влечет к нему, как морские волны влечет к берегу. И мы не способны сопротивляться. Никто не проклят так страшно, как мы.

Эльф умолк, и Саша решил, что он закончил. Когда же Джандер заговорил вновь, голос его был мягким, спокойным и полным не яростного отчаяния, а искреннего сожаления:

– Когда я дышал, я не был страшным существом. Я был борцом за честь и справедливость. Лесные звери не пугались, почуяв меня. Люди были или братьями, или противниками, женщин я уважал и воздавал им почести. Не ошибусь, если скажу, что мир становился лучше при моем прикосновении.

Теперь я страдаю так, как ты и представить не можешь. Лошади не дают мне сесть в седло. Лесные звери в ужасе разбегаются при моем приближении. Я лишен общества, одинок, моя компания – лишь такие несчастные, как Страд, которому нет до меня дела, а уж мне до него – и того меньше. Солнце, в честь которого называлась моя семья, несет мне смерть. В моем мире больше нет ничего прекрасного. Я живу во мраке и разрушении и несу их всему живому. Сама земля отторгла меня. Смотри, что делает мое прикосновение!

Снова разъярившись, эльф опустил ладонь на траву у могильной плиты. Саша услышал слабый шелест. Когда Джандер через несколько секунд поднял руку, священник увидел на земле мертвые пожелтевшие стебли.

– И Анна..., о Анна! – громко простонал эльф. – Страд уничтожил Татьяну и будет продолжать это. Но жизнь Анны забрал я. И если я заплачу за это предсмертными муками при конце света, этого будет недостаточно. На мне много грехов,

Саша. Я всегда признавал это. Но сколько же ран у меня в душе. Сын цыгана, ты pomoжешь мне? Поможешь отомстить за нее и спасти жизни и души всех тех, кого любишь?

Перед такой мольбой Джандера не устояло бы и самое каменное сердце, а Саша был добр. Он сражался со злом больше половины своей жизни, рыскал в ночных тенях, служивших убежищем повелителя бессмертных, вбивая колья в их сердца, отрезал им головы, чтобы они никогда больше не смогли подняться. Помощь Лейл облегчала эти муки, но ненамного.

Теперь Джандер хотел, чтобы он напал на самого могущественного вампира страны. Саша устал. Разве он мало сделал? Наступит ли для него покой? Неужели он никогда не сможет без оглядки обнимать свою любимую Катю ночью, и его не будут пугать воспоминания и ночные кошмары?

Нечто пострашнее воспоминаний и кошмаров таилось во мраке Равенлофта. Он не мог знать это и не попытаться что-нибудь сделать.

Саша закрыл глаза.

– Хорошо, – наконец сказал он. – С чего мы должны начать?

Глава 23

Лейл ожидала Сашу в его комнате, усевшись на кровать и подобрав ноги. Она приготовила горячий пунш, чтобы он смог согреться после кладбищенского холода, и, не говоря ни слова, протянула ему стакан. Он молча взял и выпил его.

– Наверно, ты видела, гм, эльфа, – наконец устало произнес Саша, откидываясь на подушки и прикрывая глаза рукой.

– Так, значит, вот как они выглядят. Я видела его. И еще видела, что он не отбрасывал тени и что лицо его было в крови.

Она старалась не выдавать волнения, но не могла оставаться спокойной.

– Во что ты впутался, Саша Петрович? Я была уверена, что мы должны убивать этих тварей, а не болтать с ними на кладбище!

Саша не хотел ничего рассказывать ей, но Маленькая Лиса и так уже слишком много знала. Будет еще хуже, если она решит „помогать“ без его ведома. Тогда все может стать гораздо, гораздо хуже и очень, очень быстро. Он глубоко вздохнул.

– Вампира зовут Джандер Санстар. Много лет назад он спас жизнь моему отцу. Он вроде друга нашей семьи. – Саша грустно улыбнулся:

– Он живет вместе с графом Страдом наверху, в замке.

– Вот это здорово, – наморщила носик Лейл. – Вампир и безумный колдун! Хорошие у тебя друзья, Саша!

– Лейл! – священник старался сдержаться, но, как всегда, рассмеялся ее непосредственности, и стал понемногу успокаиваться. „Именно вино мне и нужно“, – подумал он, отхлебнув еще раз из стакана. Лейл не проведешь, она как будто знает, что ему нужно, еще до того как он сам это поймет.

– Ну, не совсем так, – продолжил он. – Джандер настроен против Страда. И похоже, что повелитель Баровии – тоже вампир.

Он внимательно и с тревогой следил за выражением ее лица. Она выгнула бровь:

– Если они оба вампиры, почему же Джандер его ненавидит? – Тебя это вовсе не пугает?

– Еще чего! Мы с тобой выслеживаем этих богами проклятых тварей почти каждую ночь. С вампирами я могу справиться. Вот люди, – голос ее стал жестче, – гораздо менее предсказуемы. Вот они – настоящие чудовища, доложу я вам.

– Лейл, – медленно начал он, и она напряглась, ее изумрудные глаза встревожились. – Почему ты стала воровкой?

– Не хочу говорить об этом, – отрезала она, скрестила руки на груди, и ее губы сжались в тонкую жесткую линию. Раньше Саша не спрашивал об этом, но сейчас он должен был знать, можно ли ей довериться в самом опасном деле.

– Слушай, я уважаю твою личную жизнь, но я не возьму тебя в замок Равенлофт, если не буду знать, что творится у тебя в голове! – выпалил он.

Маленькая Лиса изучающе посмотрела на него.

– Ладно, – сказала она наконец с легким раздражением. – Я тебе расскажу. Я родилась в крестьянской семье. Мы жили на окраине деревни, когда мне было семь лет, стая волков решила пообедать моей семьей. Я была младшей из четверых детей, но у меня была своя собственная каморка на чердаке. До меня не добрались. Я до смерти перепугалась, просидела там четыре дня, но потом так проголодалась, что пришлось слезть вниз.

Никто в поселке не впустил меня в дом. Я несколько недель перебивалась объедками. Потом один старик сказал, что примет меня в свою семью. Семью. Его звали Лис, а семья его была из таких же, как и я, сирот, которых он учил воровать. Я была хорошей ученицей, – тут в голосе Лейл смешались ненависть и гордость. – Я была такой хорошей ученицей, что Лис стал звать меня Маленькой Лисой, такой хорошей, что он прогнал меня, сказав, что я уже все могу делать сама и должна жить сама. Мне было тринадцать лет, Саша. Всего тринадцать, и я уже была до смерти перепугана. Я стала такой, потому что всегда была настороже и никогда никому не верила. И сейчас не верю никому, – взгляд ее стал теплее, – кроме тебя. Так что теперь ты знай, что тоже можешь верить мне!

Саша позабыл, как иногда раздражала, выводила его из себя эта худенькая молодая женщина. Он позабыл, какой несносной она может быть. Он подался вперед и мягко обнял ее за плечи. Она сначала застыла в его руках, потом расслабилась и тоже обняла его. Они долго просидели так, обнявшись.

Джандер сказал, что придет снова через неделю, чтобы узнать, что они найдут. Саша и Лейл собирали любые сведения, которые хоть как-то могли помочь им одолеть повелителя Баровии. Саша по-прежнему отправлял службы, но мысли его были заняты совсем другим. Он часами молился в своей комнате: „Латандер, теперь нам нужна твоя помощь. Помоги, направь нас...“

Повелитель Зари молчал, так и не послав Саше какое-нибудь божественное озарение. Тогда священник и его помощница обратились к церковным книгам. Библиотека была собрана в маленькой тесной комнатушке, душной и без окон. Там пахло пылью и плесенью, а книги давно уже забыли прикосновения человеческих рук.

Теперь все книги были сняты с полок и лежали открытыми на грубом деревянном столе.

Лейл чихнула и продолжила обед, который приготовила им Катя, запивая каждый кусок глотком вина. Саша подпер голову рукой, перевернул страницу. В тихой комнате раздавалось лишь это шуршание. Лейл наморщила лоб и в первый раз в жизни пожалела, что не умеет читать. По крайней мере

тогда, от нее могла быть какая-то польза.

– Что-нибудь нашел? – с надеждой спросила она.

Саша, вздохнул, быстро перевернул оставшиеся страницы и аккуратно закрыл книгу.

– Нет. Ничего. Здесь по большей части просто записи – урожаи, рождения, смерти, свадьбы – все такое. Ничего полезного.

Саша откинулся на стуле, начал раскачиваться. Он заложил ладони за голову, закрыл глаза, стараясь отключиться. Вампиры – создания зла, но теперь мало кто в это верит. Они стали сказкой.

Как сражаться со сказками?

Лейл задумчиво обвела взглядом заваленный книгами стол. Саша перестал раскачиваться, со стуком опустил передние ножки стула на пол. Глаза его сияли.

– Павел Иванович, – возбужденно произнес он. – Кто?

– Старая история. Знаешь, Павел Иванович из Валлаки, наследник Солнца. Не помнишь?

– У меня не было матери, чтобы рассказывать сказки на ночь. Не помнишь?

– О Лейл, я не хотел, – он так сокрушенно посмотрел на Лейл, что она тут же простила священника.

– Расскажи об этом Павле.

– Ну, он был наследником Солнца и был рожден, чтобы сдерживать Мрак частицей Солнца, которую дал ему отец, – объяснил Саша. – Частица Солнца была похищена Мраком

и спрятана в самом темном уголке страны. Где такой может быть в Баровии?

Лейл ухмыльнулась:

– Думаю, ты не ждешь от меня ответа. Саша озабоченно нахмурился:

– Сейчас не до шуток, Лейл. Самая темная часть Баровии – замок Равенлофт, так?

– Думаю, да.

– На своем пути Павел Иванович встретил многих стражей Мрака. Первым и самым страшным был Носферату – вампир.

Сашу все больше и больше охватывало возбуждение.

– Не понимаешь? Все обретает смысл. Легенда дальше гласит, что, когда Павел вновь обрел частицу Солнца, проклятие было снято с этой земли. А Страд – точно проклятие Баровии.

– Саша, это всего лишь глупая сказка, – невозмутимо фыркнула Лейл.

– Конечно. Но в сказках часто скрыта правда. Может, в замке Равенлофт действительно что-то есть.

– Точно. Парочка вампиров. Саша начинал терять терпение. Он уставился на Лейл, не скрывая раздражения:

– Никто не просил тебя вмешиваться. Никто не просил тебя убивать вампиров. И вообще, никто тебя ни о чем не просил. Если ты думаешь, что все это глупости, то тогда можешь убираться отсюда и оставить меня одного.

Выражение ее лица не изменилось, но священник понял, какая буря чувств скрыта под этой равнодушной маской.

– Я – с тобой. Ты знаешь, что можешь рассчитывать на меня.

И Саша знал, что это действительно так. – Прости, – про-
бормотал он.

– Ладно, – Лейл сдвинула книги в сторону, чтобы сесть
прямо на стол. – Допустим, эта легенда – правда, и в зам-
ке Равенлофт спрятана частица Солнца, которая поможет
нам справиться со Страдом. Но что такое в точности – часть
Солнца?

Саша опустил голову:

– Не знаю.

– Паршиво.

– Лейл, я стараюсь.

– Я тоже.

Он не ответил, склонился над толстой книгой, лежавшей
у него на коленях.

Он вздохнул про себя. Он надеялся, что поиски Джанде-
ра будут более плодотворными, или же им придется сокру-
шить главного вампира без помощи волшебства. А об этом
страшно и думать.

Священнику не к кому было обратиться в деревне. После
смерти Мартина Саша стал самым образованным в поселке
человеком.

Он думал послать Лейл в Валлаки, быть может, там кто-

нибудь что-то сможет рассказать. Это было бы лучше всего, но он не хотел предпринимать ничего такого, что могло потребовать времени или привлечь к ним внимание.

Если бы в деревне был кто-то понимающий в волшебстве, или... Он заулыбался. А может, не в деревне, а за деревней...

– Цыгане, – произнес он.

Следующий день был базарным, когда вистани появляются на рынке. Потребовались некоторые усилия, но за пятнадцать золотых монет и обещание „помочь, если что“ человек с бегающими глазками по имени Джакомо продал Саше и Лейл несколько флаконов с волшебным настоем, при помощи которого они могли без вреда пройти сквозь ядовитый туман, окружавший поселок. Он также согласился провезти их через смертоносный дым в своем фургоне.

Осень кончилась, и голые деревья уныло смотрели в серое небо, готовое вот-вот разразиться снегопадом. Лейл и Саша крепче прижались друг к другу, чтобы согреться. Вскоре впереди показалась страшная стена дыма, извивающаяся, словно живое существо.

– Пейте, – сказал Джакомо, вытащил зубами пробку из своего флакона и отхлебнул жидкость. Его пассажиры проделали то же самое, хотя и морщились от горечи настоя.

Через несколько секунд они уже были в самом центре густого облака. Она пахла затхлостью, но, благодаря настою, они будут целы. Казалось, облако сдавливает их со всех сторон, таким густым, почти твердым было оно. Лейл и Саша с

трудом могли разглядеть друг друга, а возницу-вистани они вообще не видели. Джакомо погонял своих пони впереди, и вдруг туман стал реже и наконец остался позади. Оба юных путника облегченно вздохнули.

Они направлялись в табор вистани. Лейл заметила маленьких серо-белых птичек на голых ветках деревьев и показала на них Саше.

– Виста-чири, – ответил он. – Они следуют за цыганами. Мать говорила, что эти птицы – души умерших вистани.

Несмотря на происхождение, Саша никогда не стремился попасть в цыганский табор и не пытался разыскать отца. Очень возможно, что сегодня ему придется встретиться с Петей – но дело важнее всего.

Порыв холодного ветра донес до них запах дыма костров.

* * *

Марушка смотрела в стеклянный шар, ее глаза видели то, что скрыто от других, губы беззвучно шевелились. Наконец она недовольно вздохнула, набросила на шар бархатное покрывало. Поморгала, стараясь избавиться от слез, затуманивших ей последнюю увиденную в шаре картину. Встала и вышла наружу.

Прошедшие двадцать четыре года сделали свое дело, оставив свои отметины на вещи вистани. Она обрела полное зрение в двадцать два года, через два года после того, как

золотой эльф-вампир спас ее брата.

Она направилась к костру погреть озябшие руки, и в это время ее племянник Михаил с разбегу налетел на нее, сбил с ног, так что она повалилась на усыпанную сухими листьями пожухлую траву.

– Прости меня, Рушка, – извинился он, помогая ей подняться. Марушка посмотрела на мальчика, самого младшего сына Пети, и вспомнила все ушедшие годы. Михаилу было всего лишь семь лет, но уже стало очевидно, что он унаследовал беспокойный нрав отца.

Сам Петя с женой Лианой сидели внутри своего вардо. Марушка не могла ругать их за это. Кто захочет вылезать из тепла на утренний холод?

Вещунья так и не вышла замуж. Как ей и было назначено при рождении, сестра Пети стала главой племени. Когда четыре года назад Ева умерла, Марушка уже была полностью готова занять место бабки.

Она протянула озябшие руки к огню. Скрип колес фургона заставил ее поднять взгляд. Она вздрогнула, но ее смуглое лицо осталось невозмутимым. В фургоне сидел молодой человек – копия ее брата. Она уже видела его сегодня утром – своим Зрением. На молодом человеке не было тех розово-золотых одежд священника, в которых она увидела его. Он постарался одеться как можно проще, стараясь, без сомнения, не привлекать к себе внимания – типичная для деревенских хлопковая рубаха, куртка из овчины, темные шер-

стяные штаны. Он с товарищем – худеньким юношей – вылезли из фургона Джакомо. Вещунья уже знала, зачем они приехали, и когда Джакомо указал им на нее, она встретила сына Пети загадочной улыбкой.

– В тебе – наша кровь, – заявила она, когда Саша подошел достаточно близко, чтобы расслышать ее слова. Он заморгал, смущенно кашлянул.

– Это почти так. Но я странник – из далекой земли.

– Ты – Саша Петрович, сын вистани. Сын Пети и дочери бургомистра. Сейчас ты служишь богу, который не заботится о моем народе. Почему ты ищешь моей помощи?

Он опешил. Он сказал Лейл, что ничего не получится.

– Может, молодая госпожа выпьет чашку чая? – предложила Марушка. После паузы она сказала:

– Пойдемте в мой вардо.

Она зашагала к фургону.

– Думаю, у вас есть, чем заплатить? – спросила она по пути, но это было скорее утверждение, чем вопрос.

Вместо ответа Саша сунул руку в карман и извлек пригоршню золотых монет, блеснувших в холодном свете. Лейл вздрогнула.

– Убери, – зашипела она. – Или обратно мы отправимся с перерезанной глоткой!

Она вдруг поняла, какво слышать это цыганской вещунье, и подняла на нее перепуганный взгляд.

– Малышка, ты знаешь жизнь лучше, чем твой спутник.

Священник, слушайся ее. Ну, пошли, вы оба.

За прошедшие годы вардо Марушки стал гораздо богаче благодаря все растущему влиянию ее как в племени, так и вне его. Свежая краска и дорогой лак покрывали резной узор снаружи, упряжь ее пони была увита лентами и увенчана колокольчиками, так что при каждом переезде табор был похож на свадебную процессию.

Внутри скрывались тени и тайны. Принадлежности хорошей жизни – резные сундуки с яркими одеждами, разноцветное постельное белье и бесчисленные расшитые золотом подушки соседствовали с загадочными предметами, помогавшими ее Зрению и усиливавшими его. Книги расположились на столах и длинных полках. С потолка свисали аккуратные пучки трав, наполняя повозку смесью странных ароматов. Ее карты, завернутые в кусок белого шелка, такого старого, что он казался почти прозрачным, лежали в специальной коробке вместе с бронзовой горелкой, шариком черной глины для гадания по стеклу и огромным кристаллом горного хрусталя, через грани которого манило взгляд сердце камня.

Толстая белая свеча на угловатой подставке возвышалась надо всем, ее пламя сверкало, как одинокий бледный глаз. Черная птица в большой клетке продолжала дремать, не обращая внимания на вошедших.

Когда Марушка зажгла лампы, свисавшие с центральной балки фургона, Саша огляделся вокруг. Здесь была сила, и в священнике оказалось достаточно отцовской крови, чтобы

понять, что эта сила не зависит никак от запахов трав или блеска неверных отсветов огня на таинственных предметах. Он надеялся, что поступает правильно.

Марушка прибрала раскиданные вещи, ее юбки тихо шуршали, а браслеты, во множестве нанизанные на смуглые руки, мелодично позвякивали. Она махнула рукой, Лейл и Саша уселись на подушки, разложенные по полу. При скрипе двери они подскочили, но это оказался всего лишь Михаил, принесший им чай. Марушка затаила дыхание. Для нее схожесть сводных братьев была очевидна, но не один из них не подал и виду, что заметил это сходство. Она вздохнула.

– Теперь, – сказала она, передав им по чашке горячего ароматного чая, – скажите мне, что вы хотите узнать.

Саша посмотрел на нее серьезными темными глазами. Пар из чашки медленно поднимался перед его лицом, как будто закрывая его пеленой тумана.

– Я хочу узнать судьбу. Разве не все хотят этого?

Марушка похолодела, закрыла глаза. Итак, видение становится правдой. Так быстро, слишком быстро...

– Выпейте чай, – резко приказала она, – и отдайте мне чашки.

Они покорно сделали это. Она поставила чашки на свободный участок пола перед собой, прикрыла глаза и глубоко задышала. Потом медленно подняла чашку Лейл и заглянула в нее.

– Ты держишь в себе страх, – пробормотала она. Лейл

фыркнула, но Марушка не обратила на нее внимания. – Очень многого ты вовсе не боишься. Но тебя страшат две вещи: Серые Певцы ночи и потеря того, кем ты дорожишь. Твой путь ведет во Мрак, и в самом близком будущем тебе придется встретиться с обоими этими страхами лицом к лицу.

Лейл внешне осталась невозмутимой, ее лицо тщательно сохраняло безразличие, однако сердце у нее защемило. Серые Певцы ночи – волки, которых она действительно ненавидела и боялась. Она дорожила лишь одним человеком – Сашей. Теперь эта цыганка говорит, что она потеряет его. Воровка заморгала, надеясь, что молодой священник не заметит этого. Ей нечего было беспокоиться, взгляд Саши был прикован к лицу Марушки.

– А тебя, цыганская кровь, – тихо продолжила вещунья, – тебя сжигает дело, которому ты посвятил себя. Тебя ожидает большая утрата. Не ясно, какая – утрата любви, веры или чего-то еще – предмета или человека. Камни, – ее голос стал еле слышен. – У того, кто любит, каменное сердце. Камень скажет то, что тебе нужно узнать.

– Мы... – у Лейл подступил комок к горлу. – Мы умрем?
Цыганка закатила глаза, медленно и широко растянула рот в улыбке.

– Ну конечно, малышка, – уголки ее губ опустились.

– Все должны умереть. Почти все умирают.

Наступило неловкое молчание, оба молодых путника си-

дели, погруженные в свои невеселые мысли. Наконец Саша процедил:

– Сколько мы тебе должны? Марушка хотела было сказать обычную свою плату, но вдруг передумала:

– Не нужно денег. Я хорошо знаю твоего отца и на этот раз дарю тебе гадание.

Саша хотел отказаться, но подумал получше и не стал настаивать.

– Благодарим, мадам Марушка.

Вещунья встала и приоткрыла дверь, высунулась наружу и крикнула что-то на языке вистани.

– Вам пора уходить, детки. Никто вас не обидит. И я дарю вам еще безопасную дорогу через дым.

Саша и Лейл поднялись.

– До свидания, мадам, – простился Саша, низко поклонившись. Лейл быстро кивнула и поспешила за священником. Марушка посмотрела им вслед, потом закрыла дверь, тяжело опустилась на подушки. Пика каркнул, она устало улыбнулась, посмотрев на черную птицу.

Она гордилась, что, по меньшей мере, смогла показать им правду, если...

Мгновение она всем сердцем желала, чтобы ей никогда не было дано Зрение. Тогда ей не пришлось бы делать такой выбор, перед которым она оказалась.

Марушка несла перед своим племенем ответственность, далеко выходящую за рамки семейных обязанностей. Она

была по-родственному связана со всеми вистани. Их защита всегда должна быть превыше ее счастья и даже жизни чужаков. Она не должна делать ничего такого, что может угрожать племени. Ева усложнила положение, связав вистани со Страдом и его темными делами, но Марушка знала, что глупо бросать вызов повелителю Баровии. Она не могла, не должна была так поступать даже ради жизни брата или его сына..., ее племянника, даже ради того единственного, в кого она смогла ненадолго влюбиться – чуждое создание с золотой кожей и прекрасным лицом. Он был из другого народа и, что еще хуже, вел совсем иное существование. Она снова прокляла тот случай, что свел их. Она обещала ему, что придет успех и удача, придут с солнцем и ребенком.

Она горько улыбнулась. Как вампир может добиться успеха с помощью солнца? Как бессмертное существо может произвести ребенка?

Марушка печально закивала седеющей головой.

– Эх, Джандер, – мягко произнесла она, – если ты вообще меня помнишь, когда наступит беда, прости меня. Прости за то, что и я приложила к этому руку.

Глава 24

Джандер понятия не имел, когда может вернуться Страд – через пять минут или через пять месяцев. Дорога была каждая минута – он понимал, что не сможет спрятать свой гнев, когда вновь увидит графа.

И ему по-прежнему нужно было не выдавать своих намерений. Рабы Страда – эти омерзительные создания – конечно же, не были столь умны, как Джандер или их мрачный создатель. Но у них были глаза, они все видели. Когда эльф был рядом с другим бессмертным, нельзя было выдать внутреннего смятения ни словом, ни взглядом, ни поступком. Скелетов и зомби можно было вовсе не бояться – они были абсолютно безмозглы.

Смышленная маленькая Трина – совсем другое. Он мог поклясться – она чувствовала что-то неладное, когда пришла на вторую ночь после его встречи с Сашей. Чтобы поскорее избавиться от нее, он сделал вид, что полностью поглощен своей фреской.

– Надеюсь восстановить первоначальный блеск этого прекрасного медальона, – пояснил он ей. – Да, вот этого, в форме солнца. Здорово, правда? Думаю, нужна серебряная смесь и, ну, еще немного белого...

Получилось. Трина бросила на него негодующий взгляд и поспешила вниз по лестнице. Он слышал стук ее шагов по

ступенькам, потом по каменным плитам вниз. Подбежав к окну, он увидел, как она идет через двор.

Джандер поспешно отложил кисти и краски, возвратился в кабинет. Он даже не мог точно сказать, что ищет: подсказку, заклинание, что угодно – лишь бы это помогло ему уничтожить язву Баровии, графа Страда фон Заровича.

Две вещи не давали покоя эльфу. Первая – глава из истории армии древней Баровии. Он нашел этот отрывок, снова перечитал:

„Первосвященник Баровии, молодой человек по имени Кир, молился вместе с народом. Ему было позволено применить таинственный Святой Символ Равенкайнда, чтобы сокрушить короля гоблинов. В то самое время, как граф Страд сражался на поле битвы и вел свои войска к победе, в большой тайне был применен Святой Символ. Потом Первосвященник Кир надежно спрятал Святой Символ в тайник. Никто не знает, как выглядит Святой Символ и где он спрятан. До сего времени ни одному другому священнику не удалось найти или использовать его. Но не вызывает сомнения, что сила его волшебства помогла нашему благородному графу Страду одержать блестящую победу“.

– Святой Символ Равенкайнда, – вслух проговорил Джандер. – Что-то, обладающее огромной доброй силой, но никто не знает, на что эта штука похожа, – грустно усмехнулся он.

И еще он никак не мог позабыть старую сказку о молодом герое по имени Павел Иванович, который разыскивал части-

цу Солнца. Джандер вспомнил тот фрагмент, что услышал от Саши в ту самую ночь, когда Страд убил семью священника. Тяжело было вспоминать тот день, но эльф дословно вспомнил предание. Этот Павел сумел одержать верх над Носферату. Может, в этой сказке есть и доля правды.

Прошла неделя, а Джандер все продолжал копаться в бесчисленных книгах Страда. В назначенную ночь он обходил замок, не в силах дожидаться сумерек. Сразу после заката он обернулся волком. Первый снег пушистыми хлопьями засыпал днем землю, и теперь весь лес был укрыт толстым белым одеялом. Ночь стояла ясная, светила почти уже полная луна.

Джандер быстро мчался к деревне. Его нюх уловил жаркий запах свежего убийства, и этот запах напомнил ему, что он тоже должен насытиться до исхода ночи. К резкому запаху волка и медному привкусу оленьей крови примешивался неповторимый запах Трины, и Джандер направился к ней.

Он обнаружил ее на поляне, довольно далеко от края леса, так что никто из деревни не мог ее увидеть. Джандер решил, что она поступила умно, потому что сейчас она была полу-волком и когтистыми лапами раздирала тушу оленя на куски, заливая искрящийся снег кровью. Запах убийства пропитывал холодный воздух. Рядом жадно пожирали добычу еще несколько волков.

Джандер обрел вид эльфа, чтобы поговорить с Триной.

– Ты не знаешь, когда вернется Страд? – спросил он, стараясь не выдать своего интереса и с деланной завистью глядя

на пожирающих теплое мясо волков.

Трина уставилась на него человеческими глазами, смотревшими с волчьей морды. Она замотала головой, длинным розовым языком облизнула пасть:

– Думаю, не скоро. В короткие путешествия он меня брал с собой.

Ее голос был понятен, но звучал на две октавы ниже, чем обычно, и хрипел. Она жадно впилась клыками в окровавленную тушу, вырвала большой кусок. Джандер отвернулся, услышав хруст ломаемых костей.

Вновь став волком, Джандер поспешил в деревню. Выбравшись из леса, он стал внимательнее – волк тенью летел по заснеженному полю.

У церкви он забился вглубь кустов, высаженных вокруг деревенского кладбища. Уверенный, что сейчас его никто не видит, он задрожал, обратился в эльфа, прошел к церкви.

Саша ждал его. Но священник был не один. Две фигуры сидели на грубой деревянной скамье у церковной стены. Оба человека встали при появлении эльфа.

– Я думал, нас будет двое, – подозрительно сказал Джандер.

– Так и должно было быть, но ей можно верить. Джандер Санстар, это Лейл, моя..., партнерша по ночным приключениям, – он смешался, потом добавил:

– Она знает о тебе.

Лейл в упор посмотрела на эльфа:

– Я не знала, что эльфы могут становиться вампирами. Ну конечно, я не знаю всего об эльфах. И о вампирах.

– Теперь знаешь и о тех, и о других, – язвительно ответил он и шутливо поклонился ей. – Скажи мне, Лейл, зачем ты сегодня здесь? Я знаю, что движет Сашей. Но тобой?

– Я не могу допустить, чтобы Саша один сражался со Страдом, понятно?

Губы Джандера растянулись в улыбке, ответ Маленькой Лисы, похоже, удовлетворил его, и эльф повернулся к священнику.

– Я не смог ничего особого найти в замке Равенлофт, хотя чувствую, где-то в графской библиотеке скрыты ответы, которые мы ищем. Думаю, нам теперь нужно заняться двумя вещами. Во-первых, знаешь ли ты хоть что-то о Святом Символе Равенкайнда?

Саша слабо замотал головой:

– Я мало что знаю о ранних религиях Баровии. В церкви об этом ничего нет.

– Это очень странно.

– И мне так кажется. Может быть, документы были намеренно уничтожены.

– Или где-то спрятаны. Ну ладно, хватит об этом.

– А что такое этот Святой Символ Равенкайнда? – спросила Лейл, мало что поняв в их разговоре. Эльф перевел серебряные глаза на Маленькую Лису.

– Очевидно, это очень могущественная святая реликвия.

Этот предмет был применен против гоблинов в то самое время, когда армия Страда освобождала Баровию. К сожалению, – мрачно сказал Джандер, – его содержали в тайне, и никто, кроме посвященных, не знал в точности, что это такое. Думаю, знание передавалось от священнику к священнику, и где-то эта цепочка прервалась. Я надеялся, что Саша знает об этом больше, но...

– А что еще? – спросил Саша.

– Ты подумаешь, что у меня не все в порядке с головой. Но вспомнилась такая старая сказка, чушь, конечно, про частицу Солнца и юного героя. Но, – он улыбнулся, – в сказках иногда сокрыто зерно истины. Вопрос в том, как найти его.

К его удивлению, Саша и Лейл обменялись улыбками.

– Мы с Лейл пришли к такому же выводу. В легенде есть, по крайней мере одна, подсказка. Может, ты поймешь это, мы слышали несколько загадочных изречений, которые чем-то могут быть полезны. „У того, кто крепко любит, каменное сердце“ – это говорит тебе о чем-то?

Джандер нахмурился:

– Нет, точно. Обычно человек с каменным сердцем вовсе не способен любить. Может быть, еще другие загадки? Когда-то я хорошо их разгадывал.

– Ладно, тогда: „Камень скажет, что тебе нужно знать“?

– Я говорила Саше, что, по-моему, это о резьбе по камню, – вмешалась Лейл. – Статуя или какая-то надпись на стене. Что-то такое. А как иначе камни могут заговорить?

Джандер задумчиво кивнул, но нахмурился, стал расхаживать вдоль стены. Лейл сделала логическое допущение, но что-то подсказывало ему, что этот вывод неверен. Ответы, по крайней мере некоторые из них, были здесь, прямо здесь, на поверхности сознания. Если бы он мог просто сосредоточиться... Он вдруг все понял.

– Есть заклинание, позволяющее камням говорить, – сказал он. – Знаешь такое? Саша покачал головой.

– Думаешь, это и вправду нужно?

– Посмотрим. Есть ли в Баровии какие-нибудь камни – стены, здания, которые могли быть свидетелями тех событий, что могут помочь нам?

– Замок Равенлофт, – ответила Лейл.

– Точно, – согласился Саша, – но это слишком опасно.

Он поднял взгляд на холодные серые камни, окутанные белой дымкой, отмечавшие места захоронений.

– Могильные плиты?

Джандер потрянул блестящей головой:

– Нет. Не думаю, чтобы на кладбище происходило такое, что может помочь нам. Мы знаем, где вампир.

– Рыночная площадь? – предположила Лейл. – Спорю, что по ее камням прошло множество людей.

– Слишком людно, даже ночью, – пробормотал Саша. – Мне кажется, мы не можем так рисковать! Церковь, к сожалению, деревянная.

Джандер вполуха слушал их разговор и вдруг перестал

расхаживать.

– Каменный круг! – воскликнул он. – Там точно освященная земля. Сколько там уже этот круг, Саша?

– Не знаю. Несколько веков, не меньше! – Он заулыбался:

– Джандер, так и есть. Так и должно быть!

– Встретимся опять завтра, чтобы у нас было время подготовиться? – предложил эльф.

– Можем ли мы терять время? Джандер пожал плечами:

– Понятия не имею. Страд может вернуться еще через месяц, а может, он уже вернулся в замок.

– Значит, нельзя терять ни минуты, – твердо произнес Саша. – Это благое дело. Латандер, конечно, благословит нас и даст мне то волшебство, что так нам нужно. Я пойду к алтарю и помолюсь. Вы оба можете зайти внутрь и..., ох!

Лицо Джандера переполнило скорбь. Саша выругал себя за неосмотрительность. Конечно же, вампир не может войти в святой дом.

– Лейл, а почему бы тебе не погреться внутри? – мягко сказал Джандер. – Нам, бессмертным, холод не так страшен, как вам.

Изумрудные глаза Лейл сузились, она задумчиво посмотрела на вампира:

– Нет, все нормально. Мы подождем здесь, Саша. Обещаю, если замерзну, зайду внутрь.

– Ладно. Не знаю, сколько это займет времени.

Саша перевел взгляд с эльфа на воровку и на мгновение

повеселел, несмотря на всю серьезность положения.

– Странная парочка, – пробормотал он, входя в церковь.

Какое-то время и эльф, и человек хранили молчание. Ветер трепал каштановые волосы Лейл. Прищурившись и скорчив гримасу, она плотнее запахнула плащ.

– Так теплее, – сказала она, чтобы прервать неловкую паузу.

– Наверно, – ответил Джандер. – Хотя, если бы я снова стал смертным, то с удовольствием остался бы голым на морозе. Она повернулась к нему:

– Тебе не нравится быть вампиром? Неожиданный испуг появился на его лице.

– Нет! – вскричал он с мукой. – Кто сказал тебе это?

– Не знаю. Я просто... Извини. Снова неловкое молчание.

– Почему ты решил уничтожить Страда? Джандер ответил не сразу. Подумав, он медленно протянул:

– Он обидел того, кого я любил.

– Он убил ее?

– Нет. Страд разбил ее сердце и лишил рассудка. Он убил ее жениха и обрек ее на безумие.

– О, Джандер, прости, – искренне сказала Лейл. – Понятно, что ты хочешь мести.

– Мести и конца несчастьям моей любимой, – он печально смотрел на Лейл серебряными глазами. – Понимаешь, она возвращается к жизни через каждые несколько поколений. Каждый раз, когда она рождается заново, граф охотится за

ней, старается, чтобы она его полюбила, – в серебряных глазах загорелась ярость. – Это нужно прекратить.

– Понимаю. Из-за любви ты совершаешь такие вещи, которых обычно не можешь делать.

Вампир улыбнулся, его зубы сверкнули, но на этот раз Лейл это не испугало.

– Вижу, ты все понимаешь. А Саша знает о твоих чувствах?

Маленькая Лиса протестующе замахала руками, но он не дал ей сказать ни слова.

– Все написано на твоем лице, когда ты смотришь на него.

Покраснев, она отвернулась:

– Нет, не думаю, он не догадывается. Он слишком занят Катей, чтобы обращать внимание на меня. Ты ведь не скажешь ему?

– Обещаю хранить твою тайну. В третий раз оба умолкли, но теперь это было товарищеское молчание.

– Саша идет, – сказал Джандер через минуту. Он и воровка поднялись.

Быстрым уверенным шагом священник направлялся к ним. Когда он подошел ближе, они увидели, что он радостно улыбается, а глаза его блестят.

– Во славу Латандера, – дрожащим от возбуждения голосом произнес он, – заговорят даже камни. Я взял, что нужно. Идем?

Камни молчаливо сгрудились на вершине горы. Ничто

здесь не изменилось с той ночи, когда Саша и Джандер оказались здесь пятнадцать лет назад – непотревоженные, ушедшие в землю камни не могло, казалось, изменить ничто. Сверху камни покрывали белые шапки снега. Ни птицы, ни иные существа не оставили следов на девственно-белом снегу.

Саша и Лейл прошли в центр круга и расстелили одеяло. Джандер не последовал за ними. Столь святое место может выпустить вампира, лишь если он сможет достаточно сосредоточиться и поставить защитный барьер. Джандер не хотел ослаблять свою мощь и остался снаружи.

Саша неподвижно стоял, проникаясь силой этого места, чувствуя, как она вливается в его тело. Он посмотрел на небо, а потом начал устраивать маленький алтарь перед самой большой глыбой.

Джандер наблюдал за его движениями снаружи, а Лейл переминалась с ноги на ногу от холода.

Усевшись, Саша жестом указал Лейл место рядом. Среди многих святых символов служитель Латандера выложил бутыл с серебристой жидкостью и небольшой комок глины. Саша осторожно размял глину, придав ей форму стоявшего перед ним огромного камня. Он начал что-то глухо мурлыкать, а потом медленно запел.

Волосы у Джандера зашевелились, когда заклинание начало действовать. Он узнал некоторые слова, которые пел Саша. „Сколько же долгих лет прошло, – грустно подумал он, –

с тех пор как я в последний раз слышал священника, распевającego святыя слова?“

Саша вылил серебристую жидкость на снег перед глиняной копией камня. Джандер узнал ртуть по быстрым движениям капелек жидкости. Голос молодого человека становился все громче и вдруг внезапно оборвался. Повисла напряженная тишина – все трое ждали, что будет. Им не пришлось ждать долго.

Огромный камень перед Сашей начал мерцать. Острый слух Джандера уловил низкое гудение. Звук подхватило множество других нечеловеческих голосов, и вот уже голоса слились, превратились в слаженное пение. Звук становился все громче, и Джандер увидел благоговение и страх на лицах своих товарищей.

„Слушайте песню камней, ибо недолга она.

В начале веков были лишь мы – камни. Глубоко в Земле мы хранили ее сокровища. Пришли люди и брали дары Земли, обращая их на благие дела. Камни и металлы – кости земли; их освободили и сделали красивыми и священными вещами.

В середине веков забыли, что мы охраняли богатства. Нас сдвинули и превратили в святыни, и мы стали хранить души людей.

Здесь совершались союзы, рожденья и смерти.

В поздние века забыли нашу святость. Мало кто приходил сюда во Времена Мрака. Но то, что было освящено однажды,

не может потерять свою святость, хотя этой землей правит страх.

В поздние века мы стали прибежищем для отвергнутых, не имевших укрытия, и одиноких, не имевших любви. Мы охраняли их жизни и тайны. Так мы и будем охранять их впредь, пока Время не сокрушит нас и ветер не обратит в пыль.

Спроси нас, о чем хочешь, и мы ответим тебе“.

Саша обвел языком пересохшие губы, почтительно заговорил:

– Великие камни, мы ищем две вещи: Святой Символ Равенкайнда и нечто, известное по легендам как „частица Солнца“. Что вы можете сказать нам об этом?

– Мы видели то, что ты ищешь. Перед началом поздних веков, в тумане Девяти Ночей Страх, здесь было освящено Великое Оружие. Святой человек делал его, но не сделал. На последнем издыхании принес он его сюда, и мы благословили.

Потеряна, утрачена теперь частица Солнца, которая и есть великий Святой Символ Защиты. Он покоится рядом с теми, кого ему назначено оберегать. Большого мы не можем сказать тебе.

Это песня камней, и она коротка.

Никогда нам больше не петь».

Пение становилось все тише, неразличимее, и наконец все стихло. Мерцание камня тоже прекратилось.

Джандер почувствовал странный покой, и даже молчание ночи казалось резким после волшебной песни. Сашино лицо было полно благоговения.

– Благодарю тебя, святой Латандер, – прошептал он.

Даже недоверчивая Лейл сидела в оцепенении, все еще не веря в чудо. Они почтительно молчали несколько секунд. Наконец Лейл выпалила:

– Так это одно и то же! – И тут же недоверчиво добавила:

– Но мы все равно не знаем, где это спрятано.

– Нет, знаем, – поправил Джандер, – Святой Символ был сделан для семьи Страда. Значит, он спрятан там, в замке, возле тех, кого должен оберегать.

Он перевел взгляд на Сашу.

– Пожалуй, – с улыбкой сказал он, – мы должны переименовать тебя в Павла. Ты готов войти в земли Мрака?

Саша улыбнулся ему в ответ, лицо его по-прежнему озяряло волшебство круга.

– Готов вместе с тобой, Носферату.

Глава 25

Саша распахнул окно Катиного домика навстречу яркому утру. Свежевыпавший снег укрыл белым одеялом улицы, укутал ухабы и лужи на дорогах. Редкие цепочки следов сапог и копыт говорили, что еще почти все спят. Священник вздохнул и закрыл ставни.

Он повернулся – Катя сонно моргала. Она улыбнулась, потянулась, сладко зевнула, все еще не проснувшись. Сашино сердце переполнилось любовью к ней почти до боли, он подошел и поцеловал ее в лоб.

– Почему бы тебе не прекратить этот рассветный ритуал? – пробормотала она. – И твоя одежда... Где твоя ряса?

Саша не мог оторвать от нее взгляда. Катя была так прекрасна, так хрупка и нежна.

– Мне нужно сделать сегодня кое-что крайне важное. Может быть, я вернусь не скоро. Если..., если я не вернусь в ближайшие два дня, то тогда прочти вот это.

Он положил заклеенный конверт на столик у ее кровати.

– Я люблю тебя, Катя. Я сделаю все, что смогу, лишь бы вернуться к тебе – обещаю.

Встревоженная этими словами, она тут же сбросила остатки сна, нахмурилась:

– Саша...

Прежде чем воля успела покинуть его, священник повер-

нулся и вышел, захлопнув за собой дверь.

– Саша!

Он не остановился на ее умоляющий крик. Ради спасения людей он не должен останавливаться.

Когда он вернулся в церковь, Лейл уже с нетерпением ждала его. Как обычно, на ней было мужское платье. Каштановые волосы она туго заколола, чтобы не мешали. Лошади их были уже оседланы и готовы к дороге. Она собрала все инструменты, надежно приторочила сумки к седлам.

– Ты вот только пришел, – мрачно проворчала она, – а солнце уже час как встало. Теряем время попусту.

– Тогда нечего ругаться, – отрезал Саша, легко запрыгивая в седло. – Поехали.

Он ударил коня по бокам, и тот с места рванул галопом. Бормоча ругательства, Лейл взобралась на свою лошадь и поспешила вдогонку.

Они проехали по Церковной улице, пересекли Рыночную площадь, где было уже больше признаков жизни, чем у церкви или домика Кати. Саша, погружившись в мрачные мысли, не сразу заметил, что Лейл отстала. Уже выезжая на окраину поселка, он вдруг обратил внимание, что позади никого не слышно, резко натянул повод.

Через десять минут вдали показалась Лейл.

– Куда ты девалась? – возмутился он. – Я думал, ты торопишься. Она фыркнула:

– Я просто взяла немного еды на тот случай, если мы про-

голодаемся.

– Надеюсь, мы там долго не пробудем.

– Если окажется иначе, ты скажешь мне спасибо.

– Ты беспокоишься о еде, как никто другой!

Лейл прищурила зеленые глаза.

– Потому что я достаточно голодала, потому что все время приходилось думать о еде, – отчеканила она.

Саша смутился, опустил взгляд. Он хлестнул лошадь, и они поскакали дальше в молчании, обе лошади перешли на спокойную рысь.

Саша повторял про себя заклинания. Латандер был щедр и вложил в голову священника много полезных магических фраз в ответ на долгие часы уединенных молитв. Помимо этих могущественных заклинаний они с Лейл имели при себе и другое оружие – святые символы, колья, молотки, святую воду и чеснок. Было у них и несколько неосвященных предметов из чистого серебра – Джандер предупредил, что в стенах замка Равенлофт вполне возможно столкнуться с оборотнем.

Они миновали мост, перекинутый через Ивлис, и Саша увидел впереди кольцо клубящегося дыма. Он осадил лошадь, выпил волшебный настой. Лейл сделала то же самое, и они поморщились от горечи напитка. Пожелав друг другу удачи, они медленно начали приближаться к страшному туману.

Сырой холод окутал их со всех сторон, лишил зрения и

слуха. Саша надеялся, что Маленькая Лиса следует за ним по пятам, но не мог это проверить. Через несколько сотен футов туман стал рассеиваться и наконец кончился. Лейл уже ждала его на другой стороне.

– Копуша, – съехидничала она, но в голосе ее была искренняя забота.

Он охотно улыбнулся в ответ.

Путь до замка Равенлофт оказался дольше, чем они рассчитывали – широкая дорога раздваивалась, и наезженная тропа уходила в горы. Они сомневались, стоит ли съезжать с главной дороги и поворачивать направо в горы, ведь опасность заблудиться была слишком велика. Лучше остаться на дороге и проехать немного дольше, чем потеряться в лесу. Чем выше в горы они забирались, тем с большей неохотой шли их лошади. Саша похлопал своего коня по серой холке, тот заржал, прянул ушами.

– Что это? – спросила Лейл, показывая налево.

Дорога впереди обрывалась. Хотя уже близился полдень, огромные ворота, преградившие путь, показались молодой женщине угрожающими. Огромные статуи по обеим сторонам ворот оказались обезглавленными, отчего ей вовсе стало не по себе.

– Врата Баровии, – таинственно произнес Саша. – Говорят, что Страд может закрывать и открывать их одним усилием мысли.

Лейл снова взглянула на ворота и не могла сдержать

дрожь. Саша тоже встревожился. Они приближались к цели, и он стегал своего коня все сильнее и чаще, чем было нужно. Лошадь пустилась в галоп.

Через несколько напряженных мгновений они увидели замок Равенлофт. Высокий черный силуэт на фоне ясного морозного неба, он показался Саше воплощением всего того зла, что наполняло Баровию. Здесь гнездились все людские страхи. Здесь засело чудовище, повинное в убийстве всей семьи священника. Здесь обосновался кошмарный повелитель страны. И он, Саша Петрович, входит сюда по своей воле.

Священник знал, что поступает правильно.

Когда они подъехали ближе, Саша увидел впереди две сторожевые башни и полуразрушенный подъемный мост, перекинутый через глубокое ущелье. Он не был уверен, что их лошади смогут преодолеть эту преграду. Он бросил поводья, задумался – кони охотно остановились. Доски моста прогнили, да и железо было старым и ржавым.

– Что будем делать? – спросила Лейл, остановившись позади него.

Она подняла взор на каменные сторожевые башни. Они были пусты, лишь каменные горгулий зло скалились сверху на пришельцев. Саша вздохнул, спрыгнул с коня и начал расседлывать его.

– Перебираться вместе с лошадьми опасно, – объяснил он. – Отпустим их здесь.

– Как отпустим?

Саша обернулся, посмотрел на нее.

– Если мы стреножим их, они будут легкой добычей для кого угодно. Если мы отпустим их, есть шанс, что они вернутся в деревню. И кроме того, – добавил он, снимая сумку с седла, – если мы сделаем, что задумали, то сможем безопасно вернуться пешком. Ну, а если не сделаем, то и лошади нам будут ни к чему.

Лейл ничего не ответила и начала отвязывать сумки от седла своей лошади.

Саша сложил все инструменты в один мешок, с сожалением оставив некоторые вещи на земле. Они окажутся бесполезны, если из-за их веса он разобьется насмерть. Он выпрямился, снова осмотрел подвесной мост, который выглядел очень ненадежно. Саша покачал головой, перекинул мешок через плечо.

– Пошли, – сказал он решительно.

– Я пойду первой, – предложила Лейл. – Я легче, и я очень ловкая. Может, помогу тебе перебраться.

Саша колебался. Ему это не нравилось, но Лейл все же была права.

– Ладно. Иди первой.

Маленькая Лиса ступила на первую доску. Та закрипела, но выдержала ее вес. Девушка крепко сжала железную цепь, перебралась на следующую доску, потом на следующую, ощупывая доски перед собой и повисая на руках, где это было нужно.

Она держалась как можно ближе к краям широких досок, как будто они были крепче. Она тщательно осматривала каждую новую доску, прежде чем перенести на нее вес тела.

– Иди там, где я наступала, – крикнула она.

«Слава Повелителю Зари, – подумал Саша, – но это слишком опасно». Он крепко сжал мешок одной рукой, другой ухватился за ржавую цепь. Саша решительно опустил ногу на первую доску. Первый шаг оказался удачным, он произнес короткую благодарственную молитву и двигался так дальше, благодаря бога за каждый шаг.

Когда священник поднял взгляд, Лейл уже преодолела три четверти пути, но, посмотрев на нее, Саша не смог сосредоточиться. Наморщив лоб, он осмотрел следующую доску. Куда вставала Лейл – на этот край или на тот? Он осторожно опустил ногу, и доска тут же сломалась под его весом. Сашина правая нога провалилась в дыру. Он отчаянно вцепился в раскачивающуюся цепь. Мешок полетел вниз на острые скалы, торчавшие в тысяче футов ниже. Он не понял, что закричал, но вдруг он почувствовал боль в горле, а Лейл была уже тут как тут. Он испуганно уставился на нее, вцепился пальцами в ее веснушчатые руки.

– Все будет в порядке. Расслабься, – спокойно и ободряюще проговорила воровка. – Встань на балку там, под тобой. Она крепкая, – сказала она уже требовательно.

Священник покорно разжал пальцы и подчинился. Воровка молча помогла ему вылезти из дыры. И только тогда он

понял, что уронил мешок.

– Лучше потерять мешок, чем священника, – сказала Лейл. – Твои силы гораздо важнее любого Святого Символа. Пошли.

Саша неуверенно преодолел остаток пути, но все же сумел перебраться через мост.

– Лейл, спасибо...

– Ладно, хватит, – сказала она, но его благодарный взгляд порадовал ее.

Они пошли дальше, миновали крытую галерею и вышли на мощеный камнем двор. Впереди виднелся вход в замок Равенлофт – двери, покрытые прекрасной резьбой.

– Смотри, какие двери, – пробормотала Лейл. – Никогда в жизни не видела такой роскоши.

– Да, они симпатичные, – согласился Саша, не сводя темных глаз с затейливого узора, – но помни, что за ними.

Он шагнул вперед и дотронулся до ручки.

Джандер сказал ему, что не сможет встретить их у дверей из-за солнечного света, но оставит дверь незапертой. Как и было обещано, дверь легко отворилась, и двое проскользнули внутрь. Саша прикрыл тяжелую дверь. После яркого утреннего солнца казалось, что внутри царит крошечная тьма.

– Рад, что вы добрались, – раздался мелодичный голос Джандера. Эльф появился перед ними. Глаза Саши уже привыкли к темноте, и он увидел, что они оказались в малень-

кой комнатке, которую тускло освещали факелы.

– Что-то случилось? Вы опоздали, – продолжил Джандер.

Саша грустно посмотрел на него:

– Думал, мы не придем? Эльф ничего не сказал, лишь изогнул золотую бровь. Плечи Саши поникли:

– Нужно было попрощаться с Катей.

– Я беспокоился за вас, и только, – заявил Джандер. – Повсюду шпионы Страда.

Лейл с интересом оглядывалась по сторонам и вдруг охнула. Ее любопытный взгляд привлекли четыре каменных дракона, нависшие над комнатой. Изваяния хищно уставились на нее поблескивающими глазами.

– Это лишь камень, – заверил ее Джандер, хотя сам всегда побаивался этих блестящих глаз из самоцветов.

– Что вы принесли? – спросил он.

– Мы несли много святых предметов, – ответил Саша, – но я свой мешок уронил, перебираясь через мост, так что у нас осталось лишь то, что несла Лейл.

Джандер улыбнулся.

– Я все утро вырезал колья, – радостно сообщил он. – А что с оружием? Саша покачал головой.

– Только молоток или топор – если мне придется драться. Но надеюсь, что не придется. А, Лейл?

Усмехаясь, воровка расшнуровывала свой ботинок. Джандер увидел маленький кинжал, спрятанный внутри.

– Все, что нужно мне для боя.

– Тогда у меня есть подарок для тебя, – сказал Джандер. Он протянул ей короткий, зловещего вида кинжал. Его лезвие сверкало даже в свете факелов, рукоятка показалась Лейл очень странной. Она с любопытством взяла оружие.

– Джандер, это кинжал Баал Верзи, – негодуяюще воскликнул Саша. – Почему ты хочешь дать ей такую ужасную вещь?

Эльф перевел серебряные глаза на священника.

– Потому, – холодно произнес он, – что лезвие сделано из чистого серебра. Я тоже вооружен..., на всякий случай, – заявил он, показывая короткую шпагу, пристегнутую к поясу.

– Она волшебная? – спросила Лейл.

– Нет, – коротко ответил эльф, – просто шпага. Волшебство я оставляю тебе, Саша. У меня к тебе один вопрос. Ты сможешь найти Страда, если он скрывается где-то в замке?

Лейл широко раскрыла глаза, челюсть у нее отвисла.

Эльф остановил поток вопросов, добавив:

– Я сказал – если. Я не думаю, что он здесь, но хорошо бы проверить это. Саша покачал головой.

– Я не уверен, – протянул он, – но могу попробовать.

Он уселся на пол, устраиваясь поудобнее, закрыл глаза.

Священник принялся бормотать еле слышный распев, потом умолк. Глаза его быстро бегали под закрытыми веками. Наконец он открыл глаза и встретил вопросительный взгляд Джандера.

– Я ничего не нашел. Однако не могу быть в этом уверен.

– Спасибо, что попробовал. Это нужно было сделать.

Джандер подошел к факелам, укрепленным на серых каменных стенах, вытащил два из подставок, а Саша разжег потайной масляный фонарь, который принесла Лейл.

– Нашей первой целью будут катакомбы, – сказал им вампир, вручая факел Лейл. – Мы должны прикончить рабов до заката. Пошли.

Он вышел из зала, Саша и Лейл последовали за ним.

Джандер шел быстро, и двум смертным приходилось поспешать, чтобы не отстать от него. Лейл была благодарна, что нет времени крутить головой по сторонам. То, что она успела заметить, несясь по тихим каменным коридорам, уже достаточно взволновало ее. Она повторяла про себя, что горгулий, свисавшие с потолка, всего лишь каменные изваяния, что прекрасные, но холодные статуи, мимо которых они прошли, на самом деле не могут провожать их взглядом.

Маленькая Лиса сроду не была трусихой, но ей никогда раньше не доводилось оказываться в таком положении. Украсть еду, ударить врага ножом в уличной драке, даже убить вампира – это одно. И совсем другое – оказаться в этой тьме, внутри каменной громады, среди теней, где мятущееся пламя факела казалось не только светом, а чем-то совсем иным, и воровка никак не могла отделаться от липкого, почти животного страха. Лейл не сводила глаз со спин Саши и эльфа, шагавших впереди, но ее слух чутко прислушивался к любому, самому слабому звуку.

Саша тоже был подавлен темнотой, царившей в замке. Он

привык к маленьким улочкам своей деревни. Церковь, хоть и полуразрушенная, все же не производила этого давящего ощущения, впечатления вечной ночи, которым было наполнено логово Страда.

Как ни странно, Саша, решительный и готовый ко всему, не мог не отметить, как не соответствует этому мраку и упадку вид Джандера – златокожего, в голубой тунике и красных шароварах. Вампир ярко выделялся на фоне этих серых камней, давивших на них со всех сторон. Эльф был как дома в лесах, даже в церкви, а не здесь, подумал Саша. Священнику неожиданно вспомнились горькие слова Джандера о жалкой судьбе вампира. Теперь он понял, как тяжела была эта ноша для эльфа. Джандер был создан для жизни в зеленых лесах и золотом свете солнца, а не для этой мертвой жизни.

Они приблизились к двойным дверям, покрытым столь же искусной резьбой, что и двери в замок.

– Это храм, – объяснил Джандер. – Должен предупредить, у Страда здесь полно слуг. Большинство из них – просто безмозглые твари, и им приказано не причинять вреда ни мне, ни тем, кто со мной. Не думаю, что придется встретить кого-нибудь опаснее скелета или зомби. По крайней мере, – заверил он, – не днем.

Он распахнул створки дверей.

Когда он дотронулся до дверей, то услышал, как и ожидал, мягкий шорох за спиной. Как и тысячу раз до этого, скелет, охранявший вход в храм, проверял входящих. Он на-

правился к вампиру и смертным, медленно шаркая по каменным плитам. Джандер уже почти дружески относился к этому стражу, по крайней мере, его мерзкий вид уже не вызывал страха. Скелет попытался преградить им вход, но настоящей угрозы он не представлял.

Затем, как и сказал Джандер, скелет сделал шаг в сторону, и яркий медальон, висевший у него на шее, закачался и ярко сверкнул при движении. Джандер проскользнул мимо, Лейл и Саша последовали за ним, но не удержались и пару раз оглянулись на чудище.

Саша сокрушенно покачал головой, оглядывая разгромленную церковь, разбитые скамьи на полу.

– Вот мы и пришли, – сказал Джандер, проходя через арку.

Перед ними оказалась винтовая лестница. Снизу тянуло сыростью и холодом. Пахло затхлостью, как будто воздух здесь стоял неподвижно сотни лет.

– По лестнице спустимся в подземелье. Лейл, погаси факелы. Нужно беречь их. Не знаю, как долго мы пробудем там.

Все трое молча начали спускаться в окутанное паутиной сердце замка. Чем глубже они спускались, тем холоднее становилось, так что смертные начали подрагивать от холода. Лейл прислушивалась к шагам, эхом отдававшимся в шахте.

– Эй, – вдруг зашептала она, и ее голос показался ужасно громким.

– Что? – прошипел Саша, остановившись на пару ступе-

нек ниже.

– Джандер, ты раньше ходил по этой лестнице?

Эльф замер, обернулся к ней:

– Нет, но я знаю, куда она ведет.

– Почему же ты решил, что это не может оказаться ловушкой?

Полная тишина. Джандер понятия не имел, мог ли Страд устроить какую-нибудь опасную ловушку на этой лестнице. Это было бы вполне в духе графа. Он мрачно усмехнулся.

– Не знаю, Лейл. Отличный вопрос. Может, пойдешь первой и распознаешь все ловушки сама?

– Ты думаешь, что... – Лейл фыркнула, поняв мрачную шутку Джандера. Саша к собственному удивлению тоже прыснул, отчего Маленькая Лиса расхохоталась. Эльф улыбнулся, глядя на нее, и Лейл вдруг с недоумением подумала, что ей начинает нравиться этот златокожий вампир.

– Если ты серьезно, – заявила она, – хочешь, чтобы я проверила...

– Нет, – сказал Джандер, – я останусь впереди. Любые ловушки для вас будут гораздо опаснее. – Он повернулся и зашагал дальше, мрачно добавив:

– Это лишь одно из преимуществ мертвецов.

Невозможно было высчитать, сколько времени прошло, прежде чем они добрались до конца лестницы, но факел Джандера уже почти полностью догорел. Перед тем как войти в подземелье, эльф взял у Лейл новый факел и зажег его

от гаснущего.

– Держитесь – зал смерти, – с ухмылкой сказал Джандер. Он положил руку Саше на плечо. – Это не для слабонервных.

Саша выдержал его взгляд – долгий спуск успокоил его нервы и вернул прежнюю решительность. Джандер понял, что происходит сейчас у священника в душе, – он сам переживал такое волнение много, много лет тому назад.

– Я не боюсь, – спокойно ответил священник. – Где спят вампиры? Джандер чуть не рассмеялся.

– Повсюду, – резко сказал он. – Любой гроб здесь может оказаться логовом Страдова раба.

Саша прикрыл глаза, вздохнул.

– Нас ведь трое, и еще день, – напомнил ему Джандер, и они подошли к первому склепу.

– Смотри, – с отвращением сказала Лейл, не отводя взгляда от темных сводов. Саша посмотрел туда же и тяжело сглотнул комок, подкативший к горлу.

Своды подземелья покрывали сотни, тысячи летучих мышей. И хотя священник знал, что они не причинят вреда, он почувствовал, как волна страха окатила его при виде шевелящихся, копошащихся тварей.

– Начнем, – сказал Джандер. Саша и Лейл вынули свои инструменты, вампир шагнул к первому склепу. Он легко поднял огромную каменную плиту и заглянул внутрь.

Скелет в истлевших лохмотьях, бывших когда-то роскошным платьем, спал вечным сном. Джандер почувствовал, как

напряглось все его тело, и шагнул к следующему склепу.

Несколько веков тому назад юный наивный эльф, которым был Джандер, не мог и вообразить, что когда-нибудь смерть станет для него привычной, обыденной. «Все меняется», – горько подумал он, сжимая изо всех сил извивающуюся вампиршу, удерживая ее, чтобы Саша смог вбить кол точно в ее сердце. Они уже совершили двадцать таких «убийств», двадцать прекрасных мертвых созданий с ярко-красными губами цвета крови, сочащейся из их сердец, уже лежало в темном подземелье. Джандер вспомнил Даггердейл. На мгновение он вновь ощутил себя смертным, его замутило от того, чем они с Сашей занимаются сейчас, как когда-то занимались вместе с Гидеоном.

Смерть все же не стала для него привычной, даже смерть вампира.

Они работали слаженно – эльф-вампир, худенькая девочка-воровка и священник-полуцыган. Джандер с огромной силой сдвигал каменные плиты и удерживал вампиров, когда Саша втыкал заостренные колья им в сердце. Лейл оставалась неприятная, но менее опасная задача – отрезать тварям головы и набивать рты чесноком, в это время Джандер и Саша переходили к следующей могиле.

– У меня руки теперь будут вонять до самой смерти, – пробормотала Лейл, впихивая еще одну головку чеснока в раскрытый рот вампирши, которую она только что обезглавила. Поглощенная своим ужасным занятием, она почти смог-

ла забыть о том, где они находятся. Но по-прежнему часто вздрагивала и оглядывалась вокруг.

– Что-то ты дергаешься, – сказала она себе. – Это плохо для твоей профессии. Быстро успокойся.

Она закончила и подошла к товарищам. Они уже добрались до последнего гроба, и когда Лейл приблизилась к ним, жуткое создание дернулось и умерло. Лицо вампириши стало мертвенно-бледным, но приняло умиротворенное выражение. Саша и Джандер отошли в сторону, Лейл отделила голову от тела несколькими сильными ударами, потом сделала остальное.

Джандер посмотрел на Сашу. Одежда священника намочила от пота, он тяжело дышал. Красная капля попала ему на щеку и теперь казалась красной слезой. Джандер машинально протянул руку, чтобы стереть кровь.

Саша отпрыгнул, потом смущенно посмотрел на него:
– Извини. Я испугался от неожиданности.

Эльф кивнул, как бы поверив в это, но в глубине души с тоской понял правду. Саша все еще не до конца верит ему. Он не мог винить юношу за это, но все равно это было грустно. Мрачные силуэты гробниц отбрасывали тени в неверном свечении факелов, и казалось, они движутся.

Любой сошел бы с ума, побыв в этом кошмарном месте так долго.

– Мы хорошо поработали здесь, – сказал Джандер. – Мы уничтожили большинство врагов. А теперь нужно найти

гроб Страда и освятить его, чтобы он не смог там спрятаться.

Саша устало кивнул, поводит пальцами, разминая ладони, затекшие от молотка и кола. Если бы было можно, Джандер предложил бы священнику передохнуть. Но время сейчас было их врагом – даже более опасным, чем сам хозяин замка Равенлофт.

Джандер не знал точно, где гроб Страда, но мог догадываться. Он, Лейл и Саша обследовали каждую из дюжины гробниц в центре подземелья. По бокам склепа виднелись ниши, где, без сомнения, в давние времена были захоронены члены семьи Страда.

Они вошли в первый склеп, там покоились родители Страда – Баров и Равеновия. Ступеньки вели в маленькую тихую комнату. Два саркофага выглядели плотно закрытыми и неповрежденными. Джандер прошел дальше, не желая мешать вечному сну благородных господ.

Они умерли до того, как Страд заключил сделку с темными силами, потому Баров и Равеновия, скорее всего, упокоились в мире.

Вторая усыпальница была сделана для Стурма и Гизеллы фон Зарович. Стурм был вторым братом Страда, вспомнил Джандер. Но внутри склепа не было ничего, даже гробов. Везучий Стурм, похоже, прожил свою простую жизнь вдали от замка Равенлофт и его дьявольского хозяина.

Третий склеп тоже оказался пуст, хотя здесь оставались следы приготовления к захоронению. На открытом пустом

саркофаге было написано «Сергей фон Зарович». Джандер печально покачал головой. Страд даже не удосужился захоронить тело брата. Несомненно, несчастный молодой человек был оставлен гнить на том самом месте, где Страд совершил свое страшное злодеяние. Взглянув на второй саркофаг, эльф в муке закрыл глаза.

Если бы все текло своим чередом, на этом гробе должно было значиться «Татьяна Федоровна фон Зарович».

Анне не придется покоиться здесь. Ее тело обратилось в пепел, сгорело в приюте для умалишенных и развеялось по ветру. А Татьяна обречена вновь и вновь возвращаться в Баровию... Осторожное прикосновение вывело эльфа из задумчивости, вернуло в настоящее. Саша заботливо смотрел на него.

– Здесь ничего нет для нас, – хрипло произнес Джандер. Последний склеп должен был быть предназначен самому Страду. Так же, как и в склепе Барова и Равеновии, ступени вели в длинную комнату. От входа трое увидели гроб графа. Ничто, казалось, не препятствует им войти.

– Нужно быть осторожными, – тихо сказал эльф Саше. – Слишком просто все кажется.

Медленно и осторожно Джандер начал спускаться в склеп Страда фон Заровича.

Глава 26

Раздалось пронзительное жужжание, и стрелы из луков, закрепленных на стенах, вонзились в тело Джандера. В одно мгновение Лейл выхватила свой кинжал, затравленно озираясь, прижалась к стене, а Саша схватился за свой святой символ.

– Джандер! – крикнул священник. Десяток стрел торчал из тела эльфа. Джандер, не поморщившись, начал выдергивать их одну за другой. Кровь не выступала из ран, казалось, эльф не обращает особого внимания на зияющие в его теле отверстия.

– Все в порядке, – успокоил он священника. – Я говорил, что иногда мертвым быть очень удобно.

Лейл замотала головой, недоверчиво улыбаясь. Вытащив все стрелы, он снова направился вниз по ступенькам. Ничего больше не случилось. Сойдя наконец с последней ступени на пол склепа, он огляделся вокруг. Его инфразрение выхватило несколько теплых красных фигур в углах комнаты. Прежде чем он успел остановить Сашу и Лейл, в тусклом свете факелов появились волки.

Тут оказалось около десятка огромных зверей, и они приближались ужасающе медленно. Шерсть стояла дыбом на их загривках, уши прижаты. Из всех углов нарастало глухое рычание, Саша и Лейл теперь уже видели сверкающие острые

клыки и полные ярости, горящие красные огоньки глаз хищников.

Резкий запах волчьего меха наполнил склеп.

– О боги, – прошептала Лейл, холодея от ужаса. – Серые Певцы ночи. – Она прижалась к Саше.

Джандер выругался про себя. Звери теперь были созданиями Страда, но нужно попытаться остановить их, прежде чем дело дойдет до его шпаги. Он послал мысленный приказ: «Спокойно, старые друзья. Мы не опасны. Вы не хотите нападать на нас...»

Волки были готовы вот-вот кинуться на пришельцев. Джандер потянулся к шпаге. «Нет. Уходите. Приказы вашего хозяина к нам не относятся!»

Один из волков остановился. Уши волчицы встали торчком. Она немного задрала морду. Эльф не двигался, застыл в напряжении, надеясь все же, что его воля окажется сильнее власти Страда над волками. Второй волк смутился, сел на пол, поскуливая. «Уходите. Вы хорошо сторожили. Теперь пора уходить...»

Третий зверь успокоился, потом четвертый. Один за одним огромные звери остановились, сели на пол. Вдруг первая волчица бросилась вверх по ступенькам, остальные поспешили за ней, и в мгновение ока вся стая покинула склеп.

Вампир облегченно прикрыл глаза. Саша и Лейл смотрели на него, ничего не понимая.

– Вот так я когда-то спас жизнь твоему отцу, – сказал эльф

молодому человеку, и Саша вспомнил, как рассказывала ему об этом мать.

– Это очень здорово, – продолжил Джандер. – Я-то думал, что волки теперь подчиняются только Страду. Я смог прогнать их, значит, граф уж не такой всесильный, каким выставлял себя передо мной.

Лейл перевела дух, расслабила плечи.

Когда они приблизились к закрытому гробу, Джандер был уверен, что возникнет какая-то другая опасность, но ничего не произошло. Саша стал выкладывать на камень необходимые предметы – свой святой символ, сосуд со святой водой, пучки особо священным трав.

– Думаешь, он здесь? – прошептала Лейл.

Джандер покачал головой:

– Нет.

Он осторожно открыл гроб, заглянул внутрь. Он оказался не прав.

Страд лежал на атласной обивке, темные глаза его были закрыты, восковое лицо бледно, руки скрещены на груди. Хозяин Равенлофта выглядел совершенно мертвым.

– Благодарение Повелителю Зари, что еще день, – пробормотал священник.

Джандер кивнул, развел руки Страда по бокам, чтобы Саша мог приставить заостренный кол к груди вампира над сердцем. Священник приложил острие своего орудия, произнес короткую молитву и занес молоток.

«Вот и все, мерзавец», – с неожиданной яростью подумал Джандер.

Белые руки взмыли вверх и сжали горло Саши. Граф со звериным рычанием вскочил в гробу. Священник уронил свои инструменты, принялся отдирать пальцы, сдавливавшие его шею. Он пытался вывернуться, отпрянул назад и упал на пол, а граф свалился на него сверху. Джандер налетел на графа с громким воплем и нанес Страду жестокий удар. Хватка графа ослабла, и священник успел вырваться. Он откатился в сторону, кашляя и жадно хватая воздух.

Джандер бросился на Страда, изо всех сил нанося удары поврежденному противнику. В глазах Страда сверкал красный огонь, его острые зубы клацали в дюйме от лица Джандера. Эльфу не пришлось ничего говорить Маленькой Лисе. Она тут же оказалась рядом и вбила кол в черное сердце Страда со всей силой, на которую была способна. Кол вошел в тело, и Страд забился в конвульсиях. Лейл снова ударила молотком, и кол пронзил тело насквозь. Кровь фонтаном брызнула на тонкий шелк рубашки Страда. Граф сильно дернулся и затих.

Джандер безвольно опустился на тело врага, переводя дух. Слишком все быстро произошло. Он все же ожидал, что хитрый хозяин Равенлофта окажет более яростное сопротивление. К своему удивлению, Джандер вовсе не чувствовал удовлетворения.

Кто– то осторожно тронул его за плечо.

– Джандер, – тихо произнесла Лейл. – Лучше посмотри на это.

Эльф устало поднял голову. Лейл, снова содрогаясь всем телом, указывала на тело графа. Джандер приподнялся и посмотрел на тело, на котором лежал. На каменном полу распласталась вампирша, и из ее груди торчал кол.

– Будь ты проклят, Страд, – прошептал вампир, прикрывая глаза. – Я должен был догадаться.

– Двойник? – кашлянул Саша, растирая поцарапанную шею. Джандер обреченно кивнул.

Саша молча принялся подготавливать все необходимое для освящения гроба.

Брызгая на атласную обивку гроба святым маслом, священник бормотал молитвы. Потом он окропил гроб святой водой, поднял взгляд на Джандера.

– Дело сделано, – произнес он. – Что теперь? Эльф-вампир стряхнул оцепенение:

– Начнем искать частицу Солнца.

* * *

Следующие несколько часов оказались самыми напряженными и горькими в их жизни. Джандер поначалу думал, что Саша сумеет найти Святой Символ при помощи волшебства, но эти попытки успеха не принесли.

Единственным выходом было обыскать весь замок.

– Весь? – недоверчиво прошептала Лейл. Джандер кивнул, и они принялись за поиски.

Они покинули проклятое подземелье и направились в еще более ужасные лабиринты.

– Некоторые из прежних узников оставляли свои драгоценности в камерах, – сказал товарищам Джандер. – Нужно посмотреть и там.

Эльф припомнил, как впервые зашел в темницу, как тяжело ему было слышать эти жалостные вопли и стоны. Теперь в узилище было более-менее спокойно. Рабы Страда были голодны и в нетерпении уничтожили почти все запасы. Эльф отпер камеры огромным ключом, висевшем на стене перед входом в эту страшную кладовую, к они с Лейл быстро, но очень внимательно осмотрели каждую клетушку. Саша в ужасе наблюдал за ними.

– И это тебя вовсе не трогает? – с неприязнью спросил священник.

– Трогает, – сдерживая раздражение ответил Джандер. – Особенно последняя камера.

Саша тут же подошел к дальней камере и заглянул внутрь. На ворохе полугнилой соломы, скорчившись, спал маленький мальчик.

– Не буди его, – прошептал Джандер Саше на ухо. – Боги свидетели, ему нужно отдохнуть от этого кошмара.

– Почему ты не выпустил его? – зло прошипел Саша.

– Потому что не я распоряжаюсь здесь, а Страд. Я делаю,

что могу, когда могу. Этого мало. Я, бывало, выпускал пленников, а он приводил еще больше. – Вампир заворчал:

– Лишь когда мы уничтожим хозяина, мы сможем освободить его узников. Не раньше. Пошли.

– Но...

– Саша, – резко сказала Лейл. – Оставь его в покое. Давай делать то, зачем мы пришли, и тогда мы сможем спасти всех.

Саша в возмущении повернулся к воровке, готовый накричать на нее, но, посмотрев на нее, а потом на Джандера, не произнес ни слова. Лейл была права. Эльфу тоже причиняло муки все то, что его окружало, но у него был план, который мог позволить им добиться того, чего они хотели. Не было смысла разрушать этот план, даже мешать ему.

Кинув последний скорбный взгляд на спящего мальчика, Саша последовал за вампиром. Лейл шла последней, по-прежнему часто оглядываясь назад и вздрагивая от малейшего шороха. Гнилостное зловоние ударило в нос Саше, когда они вошли в камеру пыток. Его замутило и чуть не вытошнило, однако его бессмертный проводник уверенно шагнул мимо отвратительных устройств к балкону. Саша смотрел по сторонам, не в силах сдержать слезы при виде ранящих душу картин – медленно передвигающиеся зомби снова и снова воспроизводили собственную смерть, оскалившиеся скелеты наносили себе увечья.

Священник почувствовал, что кто-то легко подталкивает его в спину, обернулся и встретил понимающий взгляд Лейл.

– Не смотри, – мягко произнесла она. – Просто иди вперед.

Саша, не в силах сбросить оцепенение, покорно подчинился. Джандер остановился, посмотрел на балкон, нависший примерно в десяти футах над ними.

– Вы оба крепко обхватите мою шею. Они, ничего не понимая, подчинились и крепко обняли вампира.

– Держитесь.

Он пригнулся, а потом невероятным прыжком перелетел через парапет балкона.

Три товарища направлялись к храму, но по дороге осматривали все комнаты и ниши. Поиски ни к чему не привели. Когда они вернулись в церковь, проскочив мимо скелета-стражника, то вновь принялись дюйм за дюймом обследовать зал. Они действовали с удвоенной энергией, ведь уже близились сумерки, о чем напоминал совсем слабый свет за окнами.

– Конечно же, – с надеждой в голосе громко произнес Саша, – святая вещь должна быть в святом месте.

И снова поиски не принесли успеха. Теперь Саша и Лейл уже слишком утомились, и даже вампир начал чувствовать, как дрожат его руки. Молодой священник снова наполнил свою масляную лампу, опять зажег ее, затем улегся на скамью, потирая глаза. Лейл слезила в свой мешок и теперь жевала ломоть хлеба. Ее светящиеся изнутри глаза не переставая бегали по всему залу, как будто здесь она чувствовала

себя неуютно.

– Ну, что теперь будем делать? – с набитым ртом осведомилась она.

Джандер ничего не ответил, потухшим взором обвел товарищей. Он снова и снова ужаснулся сложившимся положением. Беспомощные пленники, большинство из которых – дети, по-прежнему томятся в подземных застенках. Анна не отомщена. Страд может появиться в любую минуту. Его отчаянная попытка покончить с графом-вампиром провалилась – им удалось уничтожить лишь горстку рабов и несколько гробов. Вопрос Лейл продолжал звенеть в его ушах: что мы теперь будем делать?

У него не было ответа.

Эльф услышал знакомое мягкое постукивание костей – приближался скелет, охранявший церковь. «Пора закрывать храм?» – ехидно подумал он. Устало и обреченно он повернулся к костлявому стражу.

И увидел такое, отчего тут же воспрянул духом, и все тело его вновь охватило напряжение.

Вампир смотрел на неповоротливый скелет уже тысячу раз. Он, пожалуй, мог припомнить до последней мелочи, как выглядит эта ходячая груда костей. Но Джандер никогда раньше по-настоящему не видел, что оказывалось прямо перед ним на протяжении десятков лет. Истлевшие лохмотья, оставшиеся от рясы, покрывали плечи стража, на ногах скелета по-прежнему болтались древние кожаные сапоги, ме-

шавшие этим костям передвигаться. А на шейных позвонках болтался медальон – уже сотни лет.

Массивный кулон из платины был сделан в форме солнца, а в центре его сверкал кристалл кварца. Медальон раскачивался при каждом движении скелета, глухо ударял по ребрам и отсвечивал в неверном пламени факелов.

Джандера вдруг словно озарило – он вспомнил переплеты книг в кабинете. Эльф тут же припомнил фреску и надпись, которую он старался восстановить: «Король гоблинов бежит перед силой Святого Символа Равенкайнда». Все начинало становиться на свои места – скупая запись Страда в дневнике о том, что Сергей стал священником...

«...духовенство позволило ему носить медальон священника, довольно симпатичную безделушку, к которой Сергей относился с большим – даже слишком большим – благоговением». Обезглавленная статуя в Зале Героев с каким-то медальоном, вырезанным на каменной шее, портрет трех братьев, у самого младшего из которых на груди висел этот самый медальон, крик Страда, когда он склонился над телом убитого брата: «Ты должен был стать священником!»

– У того, кто крепко любит, каменное сердце, – тихо произнес Джандер.

Правда засверкала перед ним, как летний полдень: кварц в медальоне – это частица Солнца, а скелет, стоявший сейчас перед Джандером – это то, что осталось от благородного, любящего Сергея.

– Джандер? – неуверенно окликнул его Саша.

Эльф кинулся вперед. С громким воплем он набросился на скелет, голыми руками как безумный хватал и отбрасывал в стороны иссохшие кости. Ребра посыпались на пол. Кости рук разлетелись по углам. Череп ударился о каменный пол и разлетелся на мелкие куски.

Своим яростным нападением на скелет Джандер освободил связанную душу. В каком-то смысле он и Сергей были подобны – вампир не мог не любить того, кто так сильно любил Татьяну, Анну. Ярость вдруг прошла, и эльф посмотрел на обломки костей, разбросанные по каменному полу церкви. Он знал, что теперь кто-нибудь, подойдя к статуе самого молодого из фон Заровичей в Зале Героев, не усомнится, что это просто каменное изваяние, и ничто другое.

Сергей наконец обрел покой, и он указал то, что искал Джандер, – способ, которым они оба могут отомстить Страду – существу, уничтожившему женщину, которую они оба любили.

– Вот, – выдохнул Джандер, указывая дрожащим золотым пальцем на медальон, лежащий на полу. – Вот он. Это частица Солнца.

Саша с трепетом протянул дрожащую руку и сомкнул пальцы вокруг кулона. Он удобно лег в ладонь, холодный металл тут же согрелся от человеческого прикосновения. Лейл посмотрела через Сашино плечо – священник старался разобрать руны, выгравированные на платине. Он узнал неко-

торые из них: Правда, Прощение, Справедливость, Свет... Святой Символ Равенкайнда действительно заключает в себе частицу солнца. Этот медальон был самым красивым предметом, какой только видел Саша в жизни.

Священник поднял на вампира сияющий благоговейный взгляд, и в глазах его стояли слезы. Он знал, как эльф любил красоту, и вдруг захотел поделиться радостью, которую Святой Символ придавал измученной душе.

– Джандер, потрогай. Ты должен дотронуться.

Джандер тоже был заморожен видом этого прекрасного предмета. Как во сне, он машинально протянул затянутую в перчатку руку, чтобы погладить кулон, но тут же отдернул ее, почерневшую и обуглившуюся, и прижал к груди. Стон вырвался из его груди.

– О Джандер, прости меня, прости! Я лишь хотел, чтобы и ты дотронулся до него, – Сашино лицо было исполнено глубокого раскаяния.

– Ладно, – успокоил его Джандер. – Очевидно, что он никогда не предназначался для таких, как я.

Он хотел улыбнуться, но от боли смог выдавить лишь жалкое подобие улыбки.

– Теперь ты понял, почему я хотел придти с тобой, Саша. Видишь, я только дотронулся, а представь, что будет, когда ты направишь его силу против Страда.

– Каменное сердце, – выдохнул Саша, не сводя глаз с медальона. – Точно, как сказала Марушка.

Джандер вскинул голову:

– Марушка?

Саша кивнул, слишком увлеченный красотой амулета, чтобы обратить внимание на резкий тон эльфа. Лейл, однако, прищурилась, внимательно посмотрела на вампира.

– Мы с Лейл были у вистани, и она предсказала нам судьбу, – пояснил Саша. – Это она дала нам подсказку.

– Когда вы были у нее?

Теперь и Саша посмотрел в серебряные глаза эльфа, обеспокоенный тем страхом, что увидел в них.

– Пару недель после того, как ты просил у меня помощи в войне со Страдом. А что такое? Я знаю, цыгане чаще всего – мошенники, но эта цыганка...

Джандер вскочил на ноги, оглянулся вокруг.

– Пошли, – торопливо сказал он. – Нужно выбираться отсюда.

Лейл не требовалось дальнейших приглашений, она тоже вскочила, готовая идти немедленно. Она была права. Что-то здесь не так.

– Что все-таки случилось?

– Саша, ты – болван, – закричал Джандер. – Цыгане – шпионы Страда! Если ты ходил к Марушке и она тебе все это сказала, значит, она знает, что мы здесь. И значит...

– ...Страд знает, что мы здесь, – закончила за него Лейл с дрожью в голосе.

Даже в мятущемся свете факелов Джандер увидел, как

кровь отхлынула от лица Саши.

Факел и масляная лампа вдруг погасли. Откуда-то налетел порыв холодного ветра и пронесся по церкви, чуть не сбив с ног троих соратников. Хотя Джандер ничего не мог увидеть своим инфразрением, кроме Саши и Лейл, он ощутил чье-то зловещее присутствие в этом когда-то святом месте. Из всех углов загрохотал низкий довольный смех, переплетающийся со свистом бушующего урагана. Тут же послышались звуки, от которых волосы встали дыбом – вой множества волков, вышедших на охоту.

– Слишком поздно, – раздался бархатный голос Страда.

Глава 27

Волки стремительно и бесшумно, как и много лет тому назад в деревню, устремлялись, стекались в церковь замка Равенлофт со всех сторон – из проходов, комнат, ниш и из двери, ведущей в сад. Несколько зверей даже влетело, разбивая стекла окон храма, и разноцветные осколки летели во все стороны. Джандер отдал волкам мысленный приказ остановиться.

Его команда осталась незамеченной. Эльф даже не смог почувствовать рассудок волков.

– Ты уже показывал этот фокус, – раздался голос Страда, звенящий самодовольством. – Сейчас не выйдет.

Первым оправился Саша. Он начал распевать псалом, и его громкий чистый голос звенел от ужаса, святой водой очертил круг, оказавшись вместе с Лейл в его центре. Волки продолжали надвигаться на них, но резко останавливались на кромке священного круга и рычали в бессильной злобе.

Джандер наконец обнаружил Страда. Тот сидел в одном из тронов на балконе, в пятидесяти футах выше них – темная тень с бледным пятном вместо лица. Джандер не сводил с него глаз – граф встал, подошел к краю балкона.

Больше всего в тот момент Джандер хотел взлететь наверх и растерзать врага голыми руками и зубами. Но он знал, что если только пошевелится, граф тут же уничтожит его. Вот

что происходит с учителем, который пережил свои знания. И Джандер собрал все терпение, накопленное за пять веков бытия после смерти, и застыл на месте. Он ждал того момента, когда будет уверен, что внимание Страда обращено только на него. Когда эльф уловил взгляд второго вампира, он улыбнулся – медленно – и обратился в легкий туман, который тут же растворился в темноте.

Хотя у него теперь не было органов осязания, Джандер был способен «слышать» и «видеть», что произошло потом. Разъяренный граф вскочил на парапет балкона и, сверкая красными горящими глазами, проревел:

– Джандер! Так легко ты от меня не уйдешь!

Внезапно эта вспышка гнева оборвалась, он обратил свое внимание на Сашу и Лейл, надежно защищенных священным кругом. По краю окружности, проведенной святой водой, метались разъяренные волки, рыча и завывая в бессилии.

– Саша Петрович, служитель Латандера, – почти примирительно произнес граф. – Ты действительно храбрый священник, раз пришел в логово вампира. Но у тебя ничего не вышло! Ты и твоя подружка-воровка умрете без всякой пользы. Джандер бросил вас. Вы видели, как он поступает при малейшей опасности.

Саша не хотел этому верить, но выглядело все именно так. Священник одной рукой сжимал Святой Символ Равенкайн-да, а второй прижимал к себе дрожащую от ужаса Лейл.

– Так это или нет, – торжественно и громко ответил он, – ты – мой враг, граф Страд. Я отомщу за гибель моей семьи!

Он поднял руку с медальоном, но вампир исчез.

Ничего не понимая, Саша опешил. Через мгновение Страд неожиданно возник на самом краю круга, защищающего Сашу. На лице его была торжествующая улыбка, а в холодных когтистых руках он сжимал перепуганную молодую женщину. Потрясенный Саша хрипло вскрикнул. Добрые глаза девушки расширились от ужаса и были полны слез.

– Катя?! – прошептал священник в ужасе.

Туман, колыхавшийся в нескольких ярдах от них, услышал это с ужасом. Катя?

Сашиной невестой в действительности была Трина – оборотень Страда!

Джандер хотел материализоваться и предупредить Сашу, не дать ему сделать то, к чему он уже был готов. Вампир подавил этот импульс. В этой игре победит терпение и ничто иное. О боги, но как же тяжело просто стоять и смотреть, как Страд играет с друзьями эльфа, как будто ведет партию в «Ястребов и Кроликов».

Саша замер, оцепенел, лицо его исказила невыразимая боль. Только что он стоял выпрямившись, уверенный в своей правоте и всемогуществе своего божества. Сейчас же он поник, еще не вступив в схватку.

– Не трогай ее, – пробормотал он. – Делай со мной, что хочешь, но оставь ее.

– Все в твоих руках, Саша Петрович. Брось амулет, – отчеканил Страд, – и она будет жить. Сделай шаг ко мне, и она тут же умрет.

Повелитель вампиров немедленно откинул темные волосы Катрины с ее белой шейки, обнажил клыки и стал приближать их к бьющейся вене..., ближе..., ближе...

– Саша, нет, он убьет нас всех, – начала Лейл. Страд остановился, смерил ее красными от ярости глазами.

– Заткнись, воровка, – прикрикнул он. Лейл прикусила губу и вдруг почувствовала полное безразличие. Она не могла отвести взгляда от зрачков вампира, они держали ее, она ощущала, как ее воля медленно ускользает, покидает ее, вытягивается этими багровыми угольками.

– Ладно, – упавшим голосом произнес Саша. – Пожалей ее, оставь. Она никому не причинила зла.

Джандер горько усмехнулся этим словам. Терпение, вновь сказал он себе.

Святой Символ Равенкайнда выпал из разжатых пальцев Саши на каменный пол.

– Отлично, Саша, я очень рад, что смог убедить тебя. А теперь, будь добр, выбрось его мне из круга, – произнес Страд. Священник, обезумевший от горя, не пошевелился, и вампир больно вывернул руку Катрины. Играя свою роль, а может, Страд действительно причинил ей боль, она закричала. Саша тут же пнул блистающий предмет, и он, царапая камни пола, вылетел из круга.

– Большое спасибо. За все. Честно. Видишь ли, я позволил вам найти эту безделицу потому, что хотел найти ее сам. Если она у меня, значит, я в безопасности, так?

«Зрение» Джандера начало ослабевать. Раньше ему никогда не доводилось пребывать в форме тумана так долго. Обычно он использовал это состояние лишь несколько мгновений – чтобы скрыться или проскользнуть под дверь. Эльф не представлял, сколько еще он сможет ждать. Легкий туман медленно подполз ближе к освященному кругу.

– Я знал о знаменитом Святом Символе Равенкайнда, – продолжал Страд, – но не знал, что представляет собой эта проклятая штука. Первосвященник Кир умер, не успев поведать тайну Сергею. Признаюсь, я и понятия не имел, что кулон на груди моего дорогого брата и есть благословенный освященный Святой Символ. Я переоценивал священников. Я думал, они лучше будут оберегать эту штуку. Но, благодаря вам, друзья мои, – он издевательски поклонился Лейл и Саше, – теперь та висюлька в моих руках. Подними ее, моя дорогая, – приказал граф Катрине.

Как будто выскользнув из маски, Катрина преобразилась на глазах. С хриплым смехом, эхом раскатившимся по залу, она обвила руками шею Страда и поцеловала его бледную щеку.

– Ох, ну и умен же ты!

Как ребенок, срывающий цветок, она подскочила к отброшенному священником медальону и жадно схватила его. Са-

ша ошеломленно смотрел на нее, не в состоянии понять, в чем он ошибается.

– Катя, нет!

Она расплылась в улыбке:

– Ну, теперь держись, милый! Но как же легко, как просто тебя одурачить!

Саша оправился от потрясения, и теперь в нем закипела безрассудная кровь вистани. Черные брови сошлись на переносице, темные цыганские глаза метали молнии. С рычанием он извлек из кармана розовый деревянный диск – святой символ Латандера.

– Глупый поп! – взревел Страд. – Ты смеешь угрожать мне в моем собственном доме?! Ты – ничто – хочешь уничтожить землю?!

Внезапно у ног Саши и Лейл раздалось шипение. Тонкие струйки пара поднимались там, где Саша провел круг святой водой. Кружок, который сжимал Саша, вспыхнул, и священник вскрикнул от боли. Семь волков возбужденно зарычали.

– Нет, сидеть и сторожить, – приказал им Страд, – смотреть за священником – он сейчас увидит, что случится с его подружкой.

Вампир повернулся к Катрине:

– Возьмешь его, когда будешь готова.

По–прежнему сжимая медальон, Катрина посмотрела на Сашу. Ее красивое лицо дико ослабло.

– Ну, Саша, любовь моя. Поцелуй меня. Ты не хочешь по-

целовать меня? – Катрина откинула голову и завывала, из ее горла вырвался нечеловеческий вопль. Кожа ее стала сжиматься, и на ней выступила и стала удлиняться густая жесткая шерсть.

– Катя! – Саша не мог поверить в то, что происходит перед его глазами.

Глаза Катрины не изменились, но нос и рот вытянулись в подобие волчьей морды. Серые волосы выступили на ее лице.

Лейл не двигалась. Она в оцепенении продолжала смотреть на вампира.

– Иди, дорогая, – бархатным голосом позвал ее Страд. – Иди ко мне.

Маленькая Лиса медленно двинулась к Страду.

– Ты ведь повинна в смерти моих рабов, значит, будет справедливо, если ты станешь первой моей новой рабыней, так?

– Нет! – закричал Саша, отвлекшись на мгновение от Катрины, уже облизывавшей клыки в нескольких футах от него. – Отпусти ее!

При этом вопле Катрина замерла, повернула волчью морду к Страду.

– Что? – прорычала она негодуяюще. – Ты хочешь ее сделать вампиром?

– Да, я так хочу, – сухо ответил Страд, проводя тонким пальцем по лицу Лейл. – Не думаю, что Джандер Санстар

действительно ушел. Этот болван слишком благороден, чтобы просто сбежать. Ему будет больно узнать, что я сделал с этим ребенком. И священнику будет больно на это смотреть. Ну, я думаю, у меня будет теперь интересный компаньон.

– Ты не сделаешь этого! – пролаял оборотень. Она прыжком развернулась к Страду. Ее руки были по-прежнему человеческими и теперь держали Святой Символ Равенкайнды как оружие.

В глазах Страда промелькнуло удивление, но он не шелохнулся. Пока.

Катрина крепко сжала Святой Символ.

– Ты сам во всем виноват, – прорычала она. – Ты отыскивал все новых и новых женщин, чтобы отдалиться от меня. Ты не понимал, как можно было убить так много твоих рабов. Я поодиночке отводила их к Саше, обернувшись волчицей, а он приканчивал их – для меня. А теперь я слышу, ты говоришь ему, что собираешься сделать вампиршей ее и все начать сначала? Нет! Я не желаю слышать об этом!

– Катрина, дорогая, – воскликнул Страд, отвернувшись от Лейл, – уж не думаешь ли ты на самом деле, что это жалкое создание сможет занять твоё место в моем сердце! Она лишь забавное существо, ну, и еще способ отомстить, вот и все. Если тебя это так огорчает, я просто убью ее.

– Убей, – потребовал оборотень, и слезы жестокой ревности выступили на человеческих глазах и потекли по мохнатым щекам. Она немного опустила руки, слегка расслабила паль-

цы, сжимающие Святой Символ.

– Нет! – закричал Саша.

«Сейчас», – подумал Джандер.

Без предупреждения буро-золотой волк вылетел из стаи и схватил медальон зубами. Быстрее, чем когда-либо раньше, вампир превратился в туман, а потом – в эльфа, сжимая святой Символ Равенкайнда. Медальон обжигал руку, как и раньше, злой, нестерпимой болью. Запах обуглившейся плоти пополз по церкви, но Джандер не обращал на это внимания. В мгновение ока случилось многое.

Катрина, полная злобы, закончила превращение и огромным серым волком бросилась на Лейл. Она прыгнула на воровку, сбив ее с ног. Маленькая Лиса, однако, ухитрилась выхватить кинжал, который дал ей Джандер. Защищая горло левой рукой, она пырнула волчицу серебряным ножом Баал Верзи. Лезвие глубоко вонзилось в плечо Катрины.

Оборотень взвыл от боли, стал корчиться, извиваться. Ее зубы впились в руку Лейл. Кинжал воровки упал на пол, девушка глухо вскрикнула. Маленькая Лиса никогда еще не испытывала такой боли. Она боролась с оборотнем, который, казалось, нападал со всех сторон. Когти царапали ей лицо. Мех не давал дышать, забивал нос и рот. Острые зубы снова вонзились в ее тело. Маленькая Лиса вот-вот должна была умереть, и она знала это.

Она не пожелала сдаться и последние капли тающих сил бросила на схватку с ужасным существом. Зубами и ногтя-

ми, как разъяренный зверь, она сражалась не за свою жизнь, а за жизнь Саши.

Острые челюсти жестоко полоснули ее по животу, Лейл обмякла, чувствуя, как ручьем хлынула ее кровь. Горячее зловоние обожгло ее шею. Ее взгляд померк.

Саша упорно сражался с другими волками. Он схватил масляную лампу и с молитвой на устах бросил ее в зверей. Масляная лужа взорвалась с громким хлопком. Свет разлился вокруг него, отгоняя мрак прочь в углы зала. Два волка попали в бушующее пламя и взвыли от боли, когда загорелась их шерсть. Двое других испугались и, поджав хвосты, бросились прочь. Два оставшихся волка кинулись на Сашу. Священник защищался, изо всех сил размахивая молотком, которым недавно вгонял колья в сердца вампиров. Удачным ударом он проломил череп одному зверю, и тот замертво рухнул на пол. Последний волк решил, что с него хватит, отбежал в сторону, и Саша остался один.

Как ангел-хранитель, молодой священник бросился на выручку Лейл. Слабеющим сознанием Лейл зафиксировала, как он что-то выкрикивает и прикладывает какой-то сверкающий предмет к лопаткам Кати.

Оборотень взвыл, издал протяжный предсмертный вопль. Существо отлетело прочь, левая лопатка оборотня дымилась, обожженная чистым серебром одного из святых символов Саши. Лейл еще оставалась в сознании и увидела милое лицо священника, заботливо склонившееся над ней, – тут ее

голова безвольно откинулась на его руку.

Джандер тем временем наконец-то встретился лицом к лицу со своим врагом. Несмотря на боль, он был полон жаркого, жестокого наслаждения. Эльф поднял святой символ Равенкайнда, готовый повернуть его на лицо Страда.

– Ты болван! Ты не можешь применить это против меня!

– Не могу? Я последовал за Латандером, Страд! Латандером – Повелителем Зари! А это, – он встряхнул медальон, – это – частица Солнца!

Что– то похожее на ужас промелькнуло в лице Страда. Злобные нотки пропали, и голос графа стал вкрадчивым.

– Что ты пытаешься сделать, друг мой? – сладким как мед тоном поинтересовался вампир. – Это ведь уничтожит и тебя. Взгляни на свою руку!

Голос был почти участлив и мягок, но Джандер не попался на эту уловку. Он еле сдерживал пылающую в груди ненависть.

– Ты не знаешь всей истории, – бросил он в ответ. – Прежде чем мы погибнем, я хочу рассказать тебе об Анне.

– Да, да, я помню – эта бедная, обезумевшая девочка, ради мучителя которой ты пришел сюда, – Страд осекся. – Ты думаешь, это я повинен в ее участи?

– Я знаю, что это был ты. Ее имя было не Анна. После того как ты лишил ее рассудка, она лишь это могла выговорить. Лишь часть ее настоящего имени, точно так же, как и она сама была лишь частью самой себя – Татьяны.

Бледное лицо графа исказила мука.

– Нет, – с болью прошептал он. – Ты лжешь, эльф. Она упала в туманы...

– О да, она пролетела сквозь туманы, – продолжал Джандер, медленно приближаясь ко второму вампиру. Боль в его руке становилось все труднее выдерживать. – По крайней мере, часть ее. Но не вся она. Какая-то ее часть так хотела быть свободной, что смогла это совершить. Часть ее каким-то образом перенеслась в мой мир, а ее рассудок разрушился от тех ужасов, что ей удалось увидеть. От ужасов, которыми ты мучил ее!

– Нет! Я любил ее! Я лишь хотел...

– Ты уничтожил ее, негодяй. Когда я нашел ее, это была лишь оболочка. И все же через эту оболочку просвечивало достаточно души, чтобы я полюбил ее.

Слезы опасно затуманили ему взор, ему пришлось несколько раз нетерпеливо моргнуть.

– Я был бы только рад, если бы она любила Сергея. Он сделал ее счастливой, сделал ее целой. Ты получил ее – и разрушил, уничтожил! Будь ты проклят за это! – Его голос становился все громче, гремел по всему залу.

– Джандер..., ты умрешь за это! – Страд был глубоко потрясен.

Эльф делом ответил на этот возглас. Эльф мысленно послал молитву Латандеру, Богу Утра, врагу вампиров. «Только одно, – подумал он. – Пошли мне потом все беды и напа-

сти, что бы меня ни ожидало, но позволь совершить последнее доброе дело».

Теперь рука Джандера превратилась в почерневшую обуглившуюся кость, но он по-прежнему крепко сжимал Святой Символ Равенкайнды, поднял его и направил на Страда.

Эльф— вампир ощутил, как растут, наполняют его силы. Мощь сотрясала его тело, почти разрывая сердце, устремляясь безудержным потоком по его рукам, собираясь в центре волшебного медальона.

Сноп света вырвался из кристалла, боль от этого взрыва исторгла вопль из глотки Джандера. Луч блистающего золотого света ударил в грудь Страда.

Вампир закричал в страшной агонии. Он выгнулся назад, его лицо исказила ужасная боль, тело корчилось. Джандер не отводил от него взгляда, полного жаркой, дикой радости. Никогда прежде он не получал удовольствия от чужих страданий, но теперь низменное удовлетворение заставило его даже позабыть о нестерпимой боли, которой была охвачена его рука.

Элегантный костюм Страда задымился и вспыхнул там, куда ударял священный луч. Сияние продвигалось все глубже, прожигая белую плоть. Граф стонал и корчился от боли. Он потерял равновесие и повалился навзничь на скамью.

Это движение лишь на мгновение прервало поток света. Джандер быстро приблизился, вновь направил искрящееся сияние Святого Символа на врага. Но этого мгновения хва-

тило вампиру. Прежде чем свет вновь упал на него, граф успел выпалить заклинание и, к ужасу Джандера, наградив эльфа страшной улыбкой, полной боли и победы, Страд исчез.

– Нет! – завопил Джандер.

Он был так близок к победе. Ноги его подкосились, и он рухнул на пол.

Глава 28

Джандер с трудом открыл глаза. Он все еще лежал в храме, полностью обессиленный. Вампир попробовал поднять-ся, но смог лишь едва пошевелить рукой.

Кто– то был рядом.

– С возвращением! – тихо произнес Саша. – Я думал, мы уже потеряли тебя.

Эльф не ответил. Он отдал все Латандеру, чтобы получить в руки Святой Символ, и Латандер позволил ему. Джандер знал, что умирает.

Горькая преждевременная смерть. Он был разгневан – его обманули. Если ты ищешь справедливости, она придет от солнца.

– Лживая гадалка! – выругался он.

Он поставил на карту все, а Страд все же ускользнул – раненый, но не уничтоженный окончательно.

Он опустил лицо на камни. Зал уже был полностью погружен во тьму. Близился рассвет – но еще была ночь. Джандер почувствовал, как его сила уходит в темное сердце камней Равенлофта.

– Что...

Он не сумел закончить фразу, но Саша по его глазам понял, что он хотел спросить.

– Страд исчез. Думаю, в последний миг он успел произ-

нести заклинание. Лейл – ну, у нее тяжелые раны, но я сам обработал самые серьезные повреждения. Ты пробыл без сознания почти всю ночь. Я очертил защитный круг для нас троих и сторожил, – он слегка улыбнулся. – Хорошо, что Лейл взяла еду. Я жевал что-то всю ночь и чувствую себя гораздо лучше.

– Ты провел здесь всю ночь?

– Да. Я не знаю, как выйти отсюда, и боялся идти один, до тех пор пока Лейл сама хоть немного не сможет передвигаться. Мы были бы слишком уязвимыми.

Джандер попытался собраться с мыслями. Силы очень медленно начинали возвращаться к нему, и он уже мог говорить.

– Думаю, днем вы будете в достаточной безопасности. Страд ранен, если даже не мертв.

Эльф попытался не выдать своего отчаяния, но не сумел.

– Лейл... Она искусана. Когда сможете идти, сходи в кабинет Страда. Бери все, что тебе интересно, но там есть одна особенная книга, которую ты должен прочесть. Там сказано, как можно излечить Лейл.

– Излечить? Джандер, с ней все будет отлично.

– Нет, не будет. Ее искусал оборотень. Она станет меняться в следующее полнолуние.

Саша похолодел. Ужасная болезнь была очень заразна, вот ею уже поражена Маленькая Лиса. Саша вдруг почувствовал, что ему трудно дышать. Что он будет делать, если Лейл

– милая, смелая, упрямая Лейл – погибнет? Собственное отношение к девушке просто удивило его – и согрело.

– Я пойду за книгой прямо сейчас, – решительно сказал он, поднимаясь на ноги.

Джандер устало вздохнул, здоровой рукой удержал священника:

– Саша, не уходи. Подожди. Я могу не дождаться.

Снова упав на колени перед поверженным товарищем, священник сбивчиво заговорил:

– Нет, Джандер, с тобой тоже все будет хорошо. Если ты прошел через все это ночью, я думаю, это хороший знак. Мы..., ну..., найдем тебе поддержку.

Он вскочил на ноги, отчаянно желая помочь. Приглядевшись, он увидел, что Джандер лежит прямо напротив разбитого окна. Стекло в раме разнес на куски влетевший в храм волк. День уже близился, небо становилось бледно-серым.

Священник подхватил Джандера на руки и попытался оттащить его в безопасную темноту. Вампир тут же пронзительно закричал от боли.

– Джандер, прости, я не хотел сделать больно, я хотел перетаскать тебя подальше от солнечного света.

Джандер замотал головой. Мысли его сбивались, но из них рождался какой-то странный покой.

– Подожди.

Неужели он действительно потерял Анну? Ослабевший, лишенный настойчивого желания отомстить, эльф задумал-

ся о своих «снах». Они и ранили, и радовали, но он внезапно почувствовал в них что-то неладное. Он вспомнил все, что знал о Татьяне. Она отдала бедняку свои драгоценности. Она влюбилась, но не в опаленного войнами героя, а в доброго священника. Даже в Уотердипе, оказавшись лишь частичкой личности, она отдавала свою пищу другим несчастным и сама оставалась голодной. Могла ли такая светлая душа требовать от Джандера отмщения? Наказывать его, когда он сомневался в увиденном кошмарном сне?

Нет, эльф вдруг неожиданно ясно понял, что если бы душа Анны действительно являлась к нему во снах, она бы просила его простить Страду все прегрешения. В конце концов, она же простила Джандера за то, что он лишил ее жизни. Анна первой бы простила любого.

Откуда же тогда брались сны? Они были слишком реальны, чтобы быть созданными силой его собственного воображения. Эльф почувствовал, как слабеет его рассудок, и усилием воли вновь вернул контроль над мыслями. Он улыбнулся про себя.

Наконец-то он понял всю ужасную правду, темную, тщательно выстроенную красоту всего замысла, красоту сети, сплетенную пауком. Сама земля или темные силы, наложившие на нее проклятие, пытались поймать его в ловушку. Его старались поймать с той самой ужасной ночи, когда он разгромил и уничтожил приют безумцев в Уотердипе. Баровия придавала ему силы, подпитывая тот огонь отмщения, что

пылал в нем. Она намеренно приносила ему новые муки, пытаясь вытравить свет души, наполняя его ненавистью и злобой.

Земля никогда не позволит Джандеру уничтожить Страда. Земля доставила его сюда лишь как партнера для любимого сына Мрака, и не более того. Страд многому научился у Джандера за прошедшие годы, и земля радовалась, умножая собственные силы отчаянием эльфа. Это было отличное решение. Им управляли все это время, позволяя одержать небольшую победу здесь, совершить искренний добрый поступок там.

Темные силы не хотели уничтожения Джандера. Напротив, они будут помогать ему жить, гореть от мщением, страдать от боли утраты. Они сокрушат и Сашу, либо уничтожив его, либо заставив слишком полюбить убийства вампиров. И бедную измученную душу Татьяны Джандер ничем не мог успокоить. Она будет возвращаться век за веком для развлечения темных сил земли.

Нет, темные силы хотели сохранить обоих главных вампиров. Даже сейчас эльф чувствовал, как новые силы вливаются в его тело и где-то в глубине какая-то его часть страшится безжалостных лучей солнца. Сашина забота играла на руку темным силам. Джандер теперь понял это и решился – он не позволит одержать над собой эту победу Мраку, он не сокрушен.

«От солнца и детей», – обещала ему Марушка. Да, она

вовсе не была лживой гадалкой.

– Нет, – тихо, но уверенно сказал он ребенку, зачатоу в ту самую ночь, когда он вошел в Баровию.

– Дай мне увидеть свет.

– Нет, ты не можешь! Ты умрешь...

– Саша, что ты говоришь! – рассмеялся Джандер, подняв взгляд на встревоженного священника. – Я уже мертв. Я никогда не смогу уничтожить Страда. Мы прокляты и обречены быть врагами долгие века, мне суждено мучиться и стареть, стремясь к победе, которую я не могу одержать. – Ты просто сдаешься? Джандер покачал головой.

– Нет. Я выбираю эту смерть по собственной воле и без принуждения.

Он посмотрел на небо, где все сильнее разгоралась заря.

– Скорее. Слушай меня. Когда меня не станет, продолжай наше дело. Ради спасения собственной души, ради спасения всех тех, кого любишь, не опускай рук. Уничтожь Страда, если сможешь. Ты дашь ему покой и спасешь бесчисленное множество других людей от ужасной судьбы. Не уничтожай его из-за кровной мести.

– Но...

– Берегись самой земли. Она хочет разрушить, растлить тебя, используя твои малейшие оплошности. Будь уверен в себе, друг мой. А теперь, – произнес он, – когда с этим покончено и пришел день, спустись в темницу и выпусти несчастных. А потом тебе с Лейл нужно уходить и прятаться.

Саша замотал головой:

– В деревне есть люди, которым нужен Повелитель Зари.

– Он по-прежнему останется там, так же, как был раньше.

Люди найдут собственный путь к свету бога. Вы с Лейл представляете угрозу для Страда. Он попытается уничтожить вас обоих, как только оправится. Не знаю, когда это случится, но он неизбежно восстановит свои силы и придет за вами. И это более чем вероятно, – он прикрыл глаза.

На мгновение они замерли – голова Джандера покоилась на коленях Саши. Не понимая, что он делает, священник ласково гладил золотые волосы. «Это нечестно», – думал он. Джандер не просил этого. В глубине сердца эльф был таким же, если еще не более светлым существом, как Саша и Лейл. Он не заслуживает такой участи, он не должен стореть без остатка на солнечном свету.

– Нет! – яростно воскликнул Саша. – Ты не умрешь! Джандер, нет.

Священник не понимал, почему стало так плохо видно и почему по его лицу стекает что-то теплое и влажное. Джандер повернул голову, дотронулся пальцами до соленых капель, упавших ему на лоб.

– Знаешь, как давно никто не плакал обо мне? – мягко сказал он, сам переполняемый чувствами.

Эта земля была жестокой и беспощадной, но она многое дала ему. Это был путь к смерти. Но не с колом в сердце, не через падение во мрак и не через огонь. Снова сесть на

солнышке, почувствовать его лучи, теплые и ласковые – хотя бы мгновение перед тем, как начнется боль – это хорошая смерть. Он припомнил слова Лирии: «Лучше умереть от руки друга». Теперь он понял. Не могло быть друзей лучше этого храброго порывистого цыганского мальчика и самого славного солнца.

– Не плачь о моей кончине. Я мечтал об этом несколько веков. Но останься здесь, со мной, пока я... Останешься, Саша?

– Я не брошу тебя, – с трудом произнес священник.

Джандер улыбнулся и успокоился:

– Помоги мне сесть, – попросил он.

Саша усадил его. Слабыми пальцами эльф полез за пояс, достал свою флейту. С большим трудом он поднял ее к губам, вдохнул и начал играть.

Ему уже было все равно, что может или не может сделать с ним солнце и его свет. Он лишь знал – что бы солнце не несло ему, это будет лучше того жалкого существования, которое он влачил пять долгих столетий. Наконец-то наступит конец мраку – бессмертному, живущему чужими жизнями. Чем бы он ни стал – пеплом, обугленной плотью или чем-то совершенно непредсказуемым и, может быть, даже чудесным, – он уже не будет принадлежать тьме. Его музыка лилась радостным потоком – небо светлело. Эльф чувствовал, как корчится в муках земля. Он – воплощение зла – обратил Святой Символ против такого же вампира. Быть может, По-

вельитель Зари найдет способ перенести свою красоту на эту кошмарную землю. Быть может, рассвет даст Джандеру новую, настоящую жизнь взамен окончившегося бессмертия.

Его песня была такой же светлой, как само утро – Джандер во все глаза смотрел на светлеющую даль и ждал чуда. Солнце вышло из-за горизонта и упало на него как благословение. Он закрыл глаза и жадно вбирал свет.

Эпилог

Далеко от замка Равенлофт, глубоко в горах, бурая волчица проскользнула в затерянную среди камней пещеру. Зверь пробрался через каменный лабиринт подземелья, подошел к гробу, спрятанному здесь коварным вампиром для особой цели. Плечо оборотня было сломано ударом кинжала, а на задней лапе навсегда останется отметина от ожога серебром.

Она понюхала ящик. Ее хвост слабо вильнул, потом замер. Хозяин не проснется сегодня. Она улеглась на крышку сундука из черного дерева, зевнула, покрутилась и, свернувшись клубком, заснула.

Конечно же, он простит ее, когда проснется. А когда он оживет вновь и голод будет сжигать его, он увидит, что у него есть свежая жертва, готовая утолить его жажду.

Через мгновение оборотень засопел.

Раненый вампир спал. Страд был ранен. И ранен опасно. Солнце почти убило его. Его пугала, сводила с ума невыносимая боль – ему для отдыха понадобится много недель, а может, и месяцев, а может, и лет. Но что значит время для вампира?

Джандер почти уничтожил его, но Страд знал больше, чем рассказал ему старший вампир. У него появились новый опыт, новая мудрость – и теперь он знал своего самого опасного врага.

Он снова встретит Сашу Петровича, и когда это случится, мальчишка будет бессилён.

А его Татьяна? Ее душа получила короткий отдых, но девушка так же неотделима от Равенлофта, как и сам Страд. Как он обречен вечно любить ее, так и она обречена появляться снова и снова, под разными именами, но с тем же прекрасным лицом и разбитой душой, чтобы он полюбил ее.

Он увидит ее вновь. И однажды она полюбит его. Страд фон Зарович уверен, что это случится, и у него было время, чтобы обрести терпение и силу, чтобы почти все в Баровии произошло так, как он того пожелает.

В конце концов, эта земля подчиняется ему.

Вампир отдыхал и видел сны, а над Равенлофтом поднималась заря.